

В. В. КАПНИСТ

Советская
печать

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

В. В. КАПНИСТ

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Вступительная статья

Г. В. Ермаковой-Битнер

Подготовка текста и примечания

Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина

Творчество видного поэта и драматурга В. В. Капниста (1758—1823) питалось идеями борьбы с деспотизмом и крепостничеством, чутко откликалось на запросы национальной культурной жизни. В настоящее издание включена знаменитая комедия «Ябеда» (1798), с непревзойденной смелостью разоблачившая продажность чиновничье-бюрократического аппарата самодержавной России. Наряду с гражданской поэзией Капниста в сборнике представлена его анакреонтическая лирика и так называемые элегические и горацянские оды — стихотворения, подкупающие искренностью авторского голоса, богатством смысловых и эмоциональных оттенков, мелодичностью стиха.

© Издательство «Советский писатель». 1973

В. В. КАПНИСТ

«В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую», — писал В. И. Ленин.¹ Литература XVIII века и развивалась в борьбе двух идеологий, отразивших интересы помещичьего класса, правящей верхушки государства и угнетенной массы народа, демократических низов страны.

Главной, самой острой проблемой общественной жизни в ту эпоху было положение закабаленного крестьянства. Несмотря на жестокость подавления Пугачевского восстания крестьянские волнения продолжались в течение всего екатерининского царствования. По воцарении Павла I они вспыхнули вновь, охватив ряд губерний. Современники называли их — «малой пугачевщиной».

Скупые строки документов в делах Тайной экспедиции за 1796—1797 годы говорят о широте повстанческого движения, которое не могли остановить ни плети, ни нагайки, ни пули.²

Именно на почве антифеодальной борьбы народа за свободу и возникла передовая просветительская мысль, имевшая в литературе второй половины XVIII века таких своих замечательных представи-

---

¹ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

² Явный страх сквозит, например, в донесении орловского губернатора Квашинина-Самарина, когда он рапортует, что «одного полка», посланного «в рассуждении бунта крестьян, недостаточно». — «Журналы входящих и исходящих бумаг по Тайной экспедиции», ч. I. Центральный государственный архив древних актов, ф. Государственного архива (в дальнейшем сокращенно: ЦГАДА).

гелей, как Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, молодой И. А. Крылов и др. В ряду этих писателей имя Капниста занимает почетное место.

Существовало немало различий и оттенков во взглядах русских просветителей, но всех их объединяла вражда к крепостническому рабству, беззаконию, насилию над человеком. Просветители искренне верили в то, что наболевшие социальные проблемы и противоречия могут быть разрешены мирным путем — на основе разума, в результате пропаганды гуманистической морали и философии, принципы которых рано или поздно должны были быть приняты правительством. Только Радищев, чья деятельность открыла новую эпоху в истории освободительной мысли, сумел возвыситься до идеи народной революции. Не надежды и иллюзии составляли силу просветительской идеологии в России, а то общее, что роднит ее с бунтарским духом Радищева, — прежде всего смелая критика помещичьего произвола и иных злоупотреблений властью, защита прав угнетенного человека. Представляется бесспорным, что критическое отношение к действительности питало творчество Капниста, и горе народное — горе закрепощенного крестьянства — побуждало его к созданию лучших своих вольнолюбивых произведений.

Капнист начал свою литературную деятельность в конце 1770-х годов, когда традиции классицизма оказывали еще сильное воздействие на литературное развитие, а закончил в 1823 году, за полтора года до издания первой главы «Евгения Онегина». Все это время, то есть около полувека его жизни, было заполнено вдохновенным творческим трудом.

Привлекательная особенность Капниста-поэта — неувыдаемая молодость духа, особенно поразительная для того времени, когда в русской поэзии совершались великие перемены, когда почти каждое десятилетие выводило ее на новые рубежи творчества. И хотя на исходе XVIII века Капнист не воспринимался как дерзкий новатор, но его писательский облик не выглядел старомодным даже в начале 1820-х годов.

Многое соединяет Капниста с эпохой Карамзина, Жуковского, Батюшкова и молодого Пушкина, когда нашей поэзии стали доступны сокровеннейшие изгибы внутреннего мира человека. Теплое, гуманное чувство, согревающее стихи Капниста, свидетельствует о том, что в его произведениях русская поэзия обретала свою «душу», становилась зеркалом сердечной жизни личности, — заслуга, в свое время отмеченная Белинским и Гоголем.

Характернейшей чертой творчества Капниста было и то, что он всегда оставался поэтом-гражданином в самом точном смысле

этого слова. При этом он сумел затронуть такие вопросы общественного устройства, которые не потеряли своей злободневности и в последующие десятилетия русской жизни.

Лучшее и самое важное в идейном отношении произведение Капниста — стихотворная комедия «Ябеда» — открывает новую главу в истории отечественной драматургии и театра. «Неумолимая «Ябеда», — писал поэт и драматург А. И. Писарев, современник Пушкина, — покрыла вечным позором криводушие и лихоимство преступных служителей Фемиды, и гений Капниста появился во всем блеске... Казалось... восстал из могилы сам Аристофан».¹

«Это произведение, — говорил позднее Белинский, — было благородным порывом негодования против одной из возмутительнейших сторон современной ему действительности».²

Все творчество поэта, во всех его ответвлениях, являет собой замечательный пример служения родине поэтическим словом. Сам Капнист мог с полным правом сказать в автоэпитафии:

Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служба трудился.

1

Василий Васильевич Капнист родился 23 февраля (12 февраля) 1758³ года в селе Обуховка, Миргородского повета (уезда), Полтавской губернии. Дед поэта Петр Христофорович Капнист (Капнисси), уроженец греческого острова Занта, боролся против турецкого ига и вынужден был в 1711 году покинуть Грецию. Его новой родиной стала Украина.

¹ А. Писарев, Похвальное слово В. В. Капнисту. — «Атеней», 1828, № 5, с. 70—71.

² В. Г. Белинский, Русская литература в 1841 году. — Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 528.

³ Как установил Д. С. Бабкин, сам Капнист отмечал день своего рождения 12 февраля. Год рождения поэта определен по письму поэта к жене от 14 февраля 1788 г., где Капнист извещает о том, что ему исполнилось 30 лет (см.: Д. С. Бабкин, К биографии В. В. Капниста. — «Известия Академии наук». Отделение литературы и языка, 1957, т. 16, вып. 6 (ноябрь — декабрь), с. 542—544). Случалось, что писатели не знали точной даты своего рождения или что от них скрывали ее. Возможность такого случая с Капнистом не исключена. Тем не менее дата «12 февраля 1758» представляется наиболее достоверной. Другие указываемые даты («1756» и «1757») аргументированы недостаточно.

Отец поэта Василий Петрович Капнист, отважный воин, сотник Слободского полка, затем полковник Миргородского полка и бригадир, отличился в ряде сражений, участвовал в 1737 году во взятии Очакова. Во время его осады он «предводительствуя казаками не более 7000 человек, препятствовал соединенной сорокатысячной турецко-татарской армии окружить русскую, стоявшую лагерем под крепостью». ¹ За свои воинские доблести В. П. Капнист был назначен командиром слободских полков, награжден несколькими селами в Миргородском повете; одним из них было имение Обуховка на реке Псел. Это был незаурядный и культурный человек, стремившийся дать надлежащее образование своим детям, которых было пятеро, причем трое последних были от второй жены — Софьи Андреевны Дуниной-Борковской. В. П. Капнисту не пришлось увидеть своего последнего, шестого сына — будущего поэта. ² Когда ребенок появился на свет, отец, мобилизованный на войну с Пруссией, был далеко от семьи. А 19 августа 1757 года В. П. Капнист пал смертью храбрых в битве при деревне Гросс-Егерсдорф.

С. А. Дунина-Борковская серьезно относилась к воспитанию детей, и ее сын Василий получил неплохое по тем временам образование, освоив еще дома французский и немецкий языки.

Когда мальчик подрос, его как сына заслуженного военачальника удалось устроить в школу при лейб-гвардии Измайловском полку, находившуюся в Петербурге. В январе 1771 года юный Капнист был зачислен туда с чином капрала. Спустя полгода его произвели в подпрапорщики, а через пятнадцать месяцев — в сержанты. ³

Здесь, в военной школе, завязалась большая, подлинно романтическая дружба Капниста с Николаем Александровичем Львовым, который на несколько лет был старше его. Когда в январе 1773 года, уже по окончании полковой школы, Капнист был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, он познакомился там с Г. Р. Державиным, ставшим впоследствии также его другом. Но в то время Дер-

---

¹ Николай Гербель, Изюмский Слободской казачий полк, СПб., 1852, с. 82.

² Согласно дошедшему до наших дней семейному преданию, переданному праправнучкой поэта М. Р. Капнист, его матерью была крымская турчанка Сальма, покончившая с собой после гибели горячо ею любимого В. П. Капниста. Перед смертью Сальма будто бы передала своего ребенка от В. П. Капниста Дуниной-Борковской, которая приняла и усыновила его (см.: Д. Д. Благой, Василий Капнист. — В. В. Капнист, Соч., М., 1959, с. 4).

³ Формулярный список В. В. Капниста. — Центральный государственный исторический архив СССР (в дальнейшем: ЦГИА), ф. Департамента народного просвещения.

жавин еще только начинал свой путь в поэзии и сам нуждался в наставнике. Видимо, в середине 1770-х годов установились короткие отношения Капниста с даровитым поэтом-баснописцем И. И. Хемницером. Но, конечно, первостепенное значение в его литературном и общекультурном развитии имела дружба с Николаем Львовым, который и стал его первым и подлинным вдохновителем.

Львов был душой литературного кружка, возникшего в 1770-е годы и просуществовавшего до 1800 года. Главными его участниками были Державин, Капнист, И. И. Хемницер. Входили в кружок поэты и литераторы: М. Н. Муравьев, А. С. Хвостов, А. В. Храповицкий, О. П. Козодавлев, П. Л. Вельяминов, позже А. М. Бакунин. К нему примыкали художник Д. Г. Левицкий, архитектор Д. Кваренги, видные композиторы той эпохи, боровшиеся за национальные формы русской музыки, — В. А. Пашкевич, М. Матинский, Е. И. Фомин.¹ Близок к кружку был композитор Д. С. Бортнянский.

Львов был признанным авторитетом, к словам которого прислушивались все, включая и Державина, который вспоминал о нем: «Люди, словесностью, разными художествами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание и часто приговор его превращали себе в закон».² Один из образованнейших людей своего времени, удивительно разносторонне одаренный: поэт, музыкант, архитектор, гравер, живописец, историк, критик, археолог, геолог, краевед, — кем только не был Львов! Интересы и взгляды Львова проливают свет на идейную атмосферу кружка — этого очага русской возрожденческой мысли, с которым долгие годы был связан Капнист.

Львов был автором многих стихотворных произведений, характеризующих его как даровитого, оригинального и целеустремленного поэта, глубоко осознавшего, что магистральный путь русской поэзии — это путь народности и национальной самобытности.³ Он был из числа тех людей, кто преодолел сословные предрассудки своей среды и кто значительно усилил демократические тенденции русского просвещения. Помимо стихов, богатый материал, демонстрирующий

---

¹ Он был автором музыки к опере Львова «Ямщики на подставе», посвященной теме несправедливой сдачи ямщика в рекруты. По-видимому, Фомин сочинил и музыку к опере Капниста «Клорида и Милон» (см.: Т. Ливанова, Музыкальная культура XVIII века, т. 2, М., 1953, с. 159—163).

² «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные», ч. I, СПб., 1834, с. 60.

³ Образцы поэтического творчества Львова представлены в недавно вышедшем издании «Поэты XVIII века», т. 2, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1972, с. 195—257.

народолюбие Львова, находится в его путевых тетрадах, до сих пор остававшихся вне поля зрения литературоведов.

Некоторые страницы этих тетрадей — подлинный гимн русскому крестьянину-«оратаю» и земле, которая «благотворит и щедро награждает трудящегося». ¹ Мечтая о гармонически прекрасном человеке, в «твердом теле» которого обитает «благородство духа», ² Львов обращался мыслью к крестьянину, считая именно его — простого человека — опорой отечества. Он не может примириться с тем, чтобы прекрасный облик русского человека, который «устоял противу бурь и монголов незыблемо, не изменил ни образа своего, ни поведения», ³ искажался бы ныне невежеством, косностью, бедностью, порабощением.

Тетради Львова отражают его серьезный интерес к передовым писателям и мыслителям эпохи Просвещения — Монтескье, Вольтеру, а особенно его горячую увлеченность «благодетелем человечества» — Жан-Жаком Руссо. Примечательно переведенное Львовым одно место из «Персидских писем» Монтескье (в «путевых тетрадах» мы находим целый ряд переводов Львова из этого сочинения), где говорится о варварах, вторгнувшихся в пределы Римской империи: «...народы сии были не совсем варварские, потому что они были вольные; но они тогда ими стали, как стали подвержены самовластию и потеряли сию приятную свободу, столько сходную с разумом, с человечеством и с природою». ⁴ Столь же показателен и львовский перевод стихотворения Грессе о былых, лучших временах, когда

И царствовал лишь мир один,
Приятность равенства вкушали,
Тогда еще совсем не знали,
Что раб есть и что господин... ⁵

Об отношении Львова к самодержавию Екатерины II известно немного. Он не шел на серьезный конфликт с властью, но вряд ли можно усомниться в оппозиционном характере его воззрений. Вот,

---

¹ «Путевая тетрадь» № 2. — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. А. Н. Майкова. Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: ПД. Архивное название «Путевые тетради» неточно, ибо записи в них относятся не только к 1777 г., когда Львов и Хемницер путешествовали по Западной Европе вместе с М. Ф. Соймоновым.

² «Путевая тетрадь» № 2 — ПД.

³ «Путевая тетрадь» № 3 — ПД.

⁴ «Путевая тетрадь» № 1 — ПД.

⁵ «Путевая тетрадь» № 1 — ПД.

например, любопытная запись, посвященная какой-то греческой императрице, «обагренной кровию сынов своих», которая «колеблема на престоле суеверием и бунтами... прославлена своими дарованиями и обесчещена слабостями, представляет соборище великих доброт и преступлений еще величайших...».¹ Читая подобные строки, трудно отрешиться от мысли, что это наброски к «портрету»... российской императрицы. Зная, какое значение в просветительской литературе имели политические аллюзии, вряд ли стоит гадать о прототипе «греки»: ведь именно царствование Екатерины было ознаменовано неслыханными «бунтами» (т. е. восстанием Пугачева), а о «дарованиях» и «слабостях» царицы было известно многим.

Оппозиционность гнету абсолютистской государственности проявлялась и в сочинениях других членов львовского кружка. Некоторые басни Хемницера скрытым образом метили в Екатерину II и придворную клику («Добрый царь», «Львово путешествие», «Лев-сват»). На бездушие вельмож напал в своих гневно-саркастических стихах Державин, утверждению человеческого достоинства посвящен ряд стихотворений М. Н. Муравьева. Дух непокорства определял и творческое лицо Капниста с первых же его шагов на литературном поприще.

В июле 1775 года Капнист расстается с военной службой, к которой, как видно, не чувствовал склонности, и с еще большим рвением отдается литературному творчеству. Его первым появившимся в печати стихотворением была написанная на французском языке в 1774 году и опубликованная в 1775-м ода по случаю победы над Турцией и заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

Произведением же, принесшим молодому поэту шумную известность, стала «Сатира первая». Она была опубликована в 1780 году — в период, когда политически острая и злободневная сатира была фактически запрещена, причем инициатором запрета была сама Екатерина II. Однако и после закрытия «Трутня», «Живописца» и, наконец, «Кошелька» (1774) — журналов, издававшихся Н. И. Новиковым, сатира все же продолжала существовать и была далеко не безобидной.² Произведение Капниста было одним из ярких тому подтверждений.

Общий смысл его сводился к тому, что жизнь современного дворянского общества основана на лжи, обмане и лицемерии. Рисуя

---

¹ «Путевая тетрадь» № 1 — ПД.

² См. об этом: Г. В. Ермакова-Битнер, Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. — Сб. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959, с. 8—15.

картины алогической действительности, в которой все происходит «наоборот», вопреки здравому смыслу, чести и правде, Капнист создает художественный образ «маскарада», где все люди, «закрывшись масками, не свой нам кажут вид». ¹

Капнист нападает на типичные в екатерининское царствование злодеяния, рассказывая, к примеру, о том, как отъявленный проходимец и вор становится богатым помещиком и унижает честных, но бессильных помешать его преступлениям людей. Когда поэт повествует о том, как он тщетно искал правды у судей Бестолкова и Драча, который «так истцов драл, как алчный волк овец» и который «правдой покривить умел и по закону», он бичевал реально существующее в России социальное зло.

Автор сатиры смог заговорить о подобных преступлениях довольно откровенно лишь благодаря тому, что отнес их к недавнему прошлому. Царствование Екатерины II будто бы положило им конец. Это был, конечно, тактический ход, ибо главная мысль стихотворения как раз и заключалась в том, что порочность нравов, укоренившаяся в дворянском обществе, неистребима. Эту мысль Капнист опять-таки проводит не прямо, а в форме критики «глупости», перед которой бессильна императрица:

Монархиня легко могла пограть Луну,
Монархов примирить, искоренить войну,
И легче б силою вселенну покорила,
Чем из числа людей глупцов искоренила.

Высказывалось мнение о том, будто поэт в своей сатире объяснял «порочность людей разных общественных групп» «господством человеческой «глупости» вообще, слабостями человеческой природы». ² Однако речь у Капниста идет о людях примерно одной группы, о тех, кто пользуется всеми благами жизни. Кроме того, он имел в виду не просто глупость, но и нравственную низость. Как известно, просветительский культ разума отнюдь не сводился к апологии «чистого»

---

¹ Это близко к образу жизни-театра в фонвизинском «Послании к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»:

Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут. . .

² См.: Л. Е. Боброва, К вопросу о месте И. И. Хемницера в Львовско-державинском литературном кружке. — «Сборник научных статей Барнаульского педагогического института», вып. 3, 1958, с. 346.

интеллекта. Это был культ благородного, возвышенного ума, устремленного к благим целям. И наоборот, с понятием глупости ассоциировалось невежество, корыстолюбие, порочность. Вместе с тем обличение глупости, столь популярное в просветительской литературе и идущее еще от известной сатиры Буало, служило удобным предлогом для критики социальных язв общества. Поэты-сатирики Д. П. Горчаков, С. Н. Марин, И. М. Долгоруков позднее также будут пользоваться этим приемом, прикрывая свои инвективы обличением «дурачества» и «глупости».

Проблема истинных путей развития русской сатиры в XVIII веке — развиваться ли ей по пути благонамеренной, «улыбательной» или беспощадно-разоблачительной, — впервые вставшая в споре Новикова с Екатериной II о характере сатиры,¹ была тесно связана с вопросом о сатире «на лицо» и абстрактно-моралистическим осуждением «порока» вообще. Борьба Новикова за право писателя указывать на конкретных виновников злодеяний была борьбой за свободное общественное мнение и встретила гневное сопротивление императрицы.

Опасность социально-политического звучания сатиры «на лица» определялась тем, против кого она была направлена. С предельной ясностью об опасности сатиры «на лица» для правящей верхушки было сказано в официозной статье «Влияние сатиры на нравы общества». Сатира превращается в преступление, писал автор, когда «приводит лично в презрение членов или самых *начальников общества*, описывая качества их столь явственно, что всякий может указывать на них пальцами». Тогда сатирик «преступает государственные законы, нарушает общественное спокойствие и безопасность».²

Стихотворение Капниста непосредственно не задевало никого из «начальников общества», но самый принцип сатиры «на лица» заявлен был в нем довольно решительно, вплоть до того, что фамилии нескольких людей были названы поэтом с незначительными изменениями, как например продажный поэт Рубан, переименованный в Рубова. В результате выступление Капниста вызвало бурю негодования в некоторых кругах и породило журнальную полемику.³

---

¹ Об этой полемике см.: П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, с. 252; Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, М.—Л., 1951, с. 128—141.

² «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, № 24, с. 373 (курсив мой. — Г. Е.). Подробнее о сатире «на лица» и различном отношении к ней см. в сб. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959, с. 27—35 и др.

³ См. примеч. 1.

Три года поэт нигде не печатался, что дало повод думать о кознях недоброжелателей, возмущенных его произведением. «Неужели, — спрашивал Капниста О. П. Козодавлев о причинах его молчания, — толпа не любимых музами стихотворцев и прочие, кои противу вас за сатиру вашу восстали, вам в том препятствуют?»¹

При повторной публикации сатиры в «Собеседнике любителей русского слова» (1783) — журнале, где участвовала императрица, Капнист изъясил прозрачно зашифрованные фамилии писателей-современников, занимавшие ровно две строки. Вместо них появились две другие:

Толпа несмысленных и мерзких рифмотворцев,
Слагателей вранья и сущих умоборцев.

По справедливому замечанию Добролюбова, эти два стиха могли «служить и хорошим комментарием к выставленным прежде именам»,² которые, конечно, были у всех на памяти. Так ответил поэт на гневные тирады неизвестного критика, упрекавшего его в покушении на авторитет «заслуженных» писателей. Несмотря на содержащиеся в сатире комплименты Екатерине, она вряд ли могла понравиться ей. Ведь высмеивая «ослиный собор» поставщиков торжественных од, которые прославляли совершенства монархини, поэт в какой-то мере дискредитировал и самый «жанр» одического восхваления, поощрявшийся Екатериной. Дерзостью было и то, что Капнист зло высмеял присяжного панегириста царицы — ее «карманного стихотворца» В. П. Петрова. Строки, посвященные ему как в первой, так и во второй публикации стихотворения, красноречиво свидетельствовали о том, что автор их не намерен был отказываться от сатиры «на лицо».

«Сатира первая» действительно стала и «последней» для Капниста, как он озаглавил ее во второй публикации, но сатирическая струя не иссякала в его поэзии. Связь с сатирическим направлением, о котором Н. Г. Чернышевский сказал, что оно всегда составляло «самую живую... сторону нашей литературы»,³ у Капниста не ослабла, а укрепилась. Усилились в его творчестве и те тенденции, которые выразили стремление русской поэзии к естественности,

---

¹ О. П. Козодавлев, Письмо к Васильеву Васильевичу Капнисту. — «Собеседник любителей русского слова», 1783, № 1, с. 74.

² Н. А. Добролюбов, «Собеседник любителей русского слова», примеч. 27. — Собр. соч. в девяти томах, т. 1, М.—Л., 1961, с. 269.

³ Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 17.

к сближению с действительностью. Обилие бытовых подробностей, живые разговорные интонации в «монологе» Щечилова, афористичность авторской речи, четкость портретных зарисовок — все эти черты, присущие «Сатире первой и последней», уже предвещали будущего творца «Ябеды». До конца своих дней Капнист остался верен тому, что провозгласил на заре своей литературной деятельности:

Я, правдою внушен, пишу ее уставы.

2

В конце 1780 года Капнист вместе с Хемницером уехал из Петербурга в свое село Обуховку. В столицу он вернулся зимой 1781 года, где женился на Александре Алексеевне Дьяковой. С сентября 1782 года он занимал должность контролера в Главном почтовом правлении, но в мае 1783 года оставил службу и снова поселился в Обуховке, где прожил до 1787 года. За это время он не раз появлялся в Петербурге, как по своим литературным делам, так и по делам украинского дворянства. Еще в 1782 году поэт был избран предводителем дворянства Миргородского уезда, а в январе 1785 года — Киевской губернии. Высказывалось правдоподобное предположение, что нежелание постоянно жить в Петербурге и состоять на казенной службе было своего рода оппозицией политическому климату скатерининского царствования.

Замечательным памятником этой оппозиционности явилась знаменитая ода «На рабство» — злободневный и страстный отклик Капниста на изданный Екатериной II 3 мая 1783 года указ, согласно которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств объявлялись крепостными людьми тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон.

О трагизме положения этих вольных ранее людей, которые «одним ударом» были обращены в рабов, позднее поведал сын поэта Алексей Капнист.¹ Он рассказывал, что на Украине периодически производились переписи «регистровых» (т. е. реестровых) казаков и каждый время от времени мог просить о внесении его в число казаков, чем «открывался путь к заслугам и к отличию в народе». Потому-то, когда была объявлена общая перепись, люди не подозре-

---

¹ Алексей Капнист, Записка естественного и гражданского быта русского народа (гл. «О введении крепостного состояния в Малороссии»). — ПД, ф. «Русской старины».

вали о грозящем несчастье и прибегали с просьбами к помещикам, составлявшим ревизии, и вписывались в них «вольные обыватели, старцы, выписные из ряду регистровых казаков, вдовы с семействами, сироты, даже пришельцы из-за Днепра, Буга, Прута и Дуная... пришедшие для вольных работ и промыслов». ¹ (Некоторые местные жители, попавшие в эту страшную ловушку, становились даже рабами своих же родственников.)

Подобно своему другу Львову, Капнист близко к сердцу принимал горькую участь закабаленного крестьянства. Как и большинство од Капниста, «Ода на рабство» — это лирический монолог, идущий от авторского лица. Достоин внимания, что поэт говорит не только от своего лица, но и от имени всех, кто

Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И злые смерти жизнь влекут.

Ощущение своего глубокого соучастия, сопереживания с угнетенными людьми передается в оде через образ цепей, сковавших народ и надетых также на руки самого поэта. Этот метафорический образ, проходящий сквозь все стихотворение, связывает народную беду со скорбью самого поэта:

Приемля лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою,
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной;
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою.

Лира, покрытая пылью, — этим образом Капнист, надо полагать, хотел напомнить читателям о своем вынужденном молчании из-за нападков на «Сатиру первую». Таким вступлением он мотивировал и необходимость прервать свое молчание ради того, чтоб снова высказать горькую правду — на этот раз по чрезвычайно важному поводу. С большой смелостью поэт обличает сильных мира сего

---

¹ Алексей Капнист, Записка естественного и гражданского быта русского народа.

в свершаемых ими преступлениях, адресуя свои обвинения, конечно, прежде всего Екатерине II:

А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Последовательная антикрепостническая направленность «Оды на рабство» позволяет причислить ее к выдающимся памятникам русской освободительной мысли конца XVIII века.

Среди современных писателей Капнист был единственным, кто, подобно Радищеву, осмелился осудить в своей оде самый институт крепостничества. Без всяких оговорок поэт называет закабаление свободных крестьян Украины рабством, не находя ему никакого оправдания. Вместе с тем обобщенный смысл произведения позволял отнести слова «порабощение отчизны» не только к Украине, но и ко всей России.

Понятно, что поэт был далек от того, чтоб призывать к неповиновению или помышлять о народном мщении. Как типичный просветитель XVIII столетия, Капнист верил в то, что только верховная власть в состоянии решить крестьянский вопрос, и никто больше. Видимо, он не терял надежды, что голос его будет услышан императрицей и, быть может, найдет отклик в ее сердце. Говоря словами Добролюбова, ему свойственна была немалая доза «той благородной доверчивости и наивности, с которою тогдашние сатирики смотрели на свое дело». ¹

Однако обстановка была такова, что Капнист не решился представить оду Екатерине, а тем более печатать ее. О несвоевременности и опасности ее оглашения дружески предупреждал Капниста в 1786 году Державин. В противном случае поэта наверняка ожидали бы неприятности, причем куда более чувствительные, нежели те, которые возбудила «Сатира». При дворе «Ода на рабство», конечно, была бы квалифицирована как неслыханная дерзость. Ведь автор ее позволял оспаривать «высочайшее постановление», да еще

---

¹ Н. А. Добролюбов, Русская сатира екатерининского времени. — Собр. соч. в девяти томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 379.

при этом открыто поучать императрицу! То был беспримерный случай и в истории одического жанра, где элемент неодобрения и критики мог проявляться в едва уловимой и тщательно замаскированной похвалами форме.

15 февраля 1786 года Екатерина издала указ, согласно которому в прошениях, подаваемых на «высочайшее имя», надлежало подписываться не словом «раб», а «верноподданный». Ответом на указ была «Ода на истребление звания раба» Капниста.

По мнению Д. Д. Благого, Капнист написал это стихотворение с намерением «подчеркнуто продемонстрировать свою политическую лояльность»¹ ввиду опасения неблагоприятных толков о его предыдущей оде. Действительно, внешне «Ода на истребление звания раба» выглядит как сплошной панегирик императрице. Г. П. Макогоненко даже утверждает, что Капнист в этом произведении, «как истинный «верноподданный», грубо льстит императрице».² Однако вопрос с этой одой далеко не так прост.

Новый указ Екатерины был, разумеется, чистейшей игрой в либерализм. Это было ясно и Капнисту. Однако вопреки очевидному смыслу указа, он в своей оде лишь делает вид, что принимает его всерьез, истолковывая постановление как реформу, упраздняющую рабство. В этом проявилась не столько наивность Капниста, как считал Добролюбов, сколько расчет — сознательное обращение к испытанной форме пропаганды просветительских идей, присущей жанру торжественной оды, каким его создал Ломоносов. Под видом прославления монарха и его милостей превозносился желанный правительственный курс: программа развития наук в стране, благость просвещения и т. д. Подобно своим предшественникам — Ломоносову в первую очередь, — Капнист также выдает желаемое за сущее, собственные благородные идеалы — за убеждения царицы, как бы призывая ее на деле оправдать приписанные ей заслуги. Это был испытанный способ деликатного наставления царствующих особ, к которому многократно прибегали поэты XVIII века. По некоторым данным, императрица вполне разгадала умысел автора. Она будто бы велела передать Капнисту: «Вы-де хотите (уничтожения рабства)... на деле... Довольно и слова!»³

---

¹ Д. Д. Благой, Василий Капнист. — В. В. Капнист, Соч., М., 1959, с. 9.

² Г. П. Макогоненко, Пути литературы XVIII века. — «Русская литература XVIII века», Л., 1970, с. 38.

³ Запись В. Н. Каразина. Цит. по статье Д. С. Бабкина «В. В. Капнист». — В кн.: В. В. Капнист, Собр. соч. в двух томах, т. I, М.—Л., 1960, с. 27.

Поэт прожил в Обуховке до самой смерти Екатерины II. Там у него был «небольшой домик, выстроенный на берегу реки и окруженный высоким лесом, где царствовали вечный шум мельниц и вечная прохлада; здесь по большей части он писал все, что внушало ему вдохновение», — рассказывает дочь поэта. Именно к этому домику приходили целыми толпами крестьяне «за каким-нибудь советом или с жалобой на несправедливости и притеснения исправников и заседателей». Капнист, как пишет его дочь, всегда принимал «живое участие» в их делах «и тотчас же относился к начальству, требуя справедливости, за что все в деревне не называли его иначе как отцом своим». ¹

Та же мемуаристка приводит факты, говорящие о ненависти Капниста к крепостному праву и о стремлении писателя бороться с наиболее жестокими его проявлениями. «Я помню, в какое негодование, в какой ужас он пришел раз, — пишет дочь Капниста, — когда увидел, катаясь зимою по деревне, в сильный холод и мороз почти нагих людей, привязанных к колодам на дворе за то, что они не платят податей. Он немедленно приказал отпустить их. Он так был встревожен этим зрелищем, что, приехав домой, чуть было не заболел и впоследствии своим ходатайством лишил исправника места». ² Друг Николая Львова, единомышленник в отношении к крестьянству, не мог поступать иначе.

Судьба сталкивала Капниста с многочисленными проявлениями социального зла. И он боролся с ним всеми доступными ему средствами — и в жизни, и в поэзии. Горячий гражданский темперамент, всегдашняя вражда к несправедливости побуждали поэта к широкому осмыслению фактов современной русской действительности. Свое наивысшее выражение эта тенденция его творчества нашла в комедии «Ябеда».

3

Непосредственным поводом к написанию «Ябеды» (пьеса была закончена, по-видимому, в 1794 году) послужил запутанный судебный процесс, начатый еще матерью Капниста с полковницей Тарнов-

¹ С. В. Капнист-Скалон, Воспоминания. — Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», М., 1931, с. 311. Изображение этого одноэтажного деревянного домика с крытой соломой крышей сохранилось на фаянсовой тарелке из сервиза, принадлежавшего, очевидно, сыну поэта Алексею Капнисту. См. об этом в той же книге на с. 427—428; рисунок с изображением тарелки (Ф. Эрнст. «Обуховка») между с. 304—305.

² Там же, с. 311.

ской по поводу присвоенного ей в конце 60-х годов имения Капнистов в Саратовской губернии. Процесс был продолжен самим поэтом с 1786 года и велся много лет, в течение которых писатель получил печальную возможность близко познакомиться с хищнической практикой русского судопроизводства. Но, конечно, Капнист пользовался при написании «Ябеды» не только личными наблюдениями. Дав в комедии обобщенное изображение произвола русской бюрократии, он продолжил дело своих предшественников — А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, И. И. Хемницера и других, во всеуслышанье заговоривших о грабительских нравах российского чиновничества.¹ Личный опыт и подсказанная русской действительностью тема дали возможность драматургу создать, не нарушая правил классицистической поэтики, произведение, отмеченное печатью национального своеобразия и жизненной правдой.

Председателю Гражданской палаты Капнист в своей пьесе присвоил типичную для классицизма фамилию-этикетку. Тем не менее Кривосудов раскрывается перед зрителями во многих «измерениях» — он циничен, нагл, жесток, жаден; ему свойственна и осторожность, и он не глуп. Художественно убедителен, полнокровен и образ его жены Феклы. Это грубая, властная женщина, заставляющая мужа плясать под свою дудку, настоящая хищница, наделенная и чертами крепостницы, которая бьет по щекам служанку и вместе с тем умеет с такими людьми, как Праволов, соблюдать правила хорошего тона. А Прямиков — этот, с первого взгляда, «голубой» герой, ходячая добродетель. И в нем есть черты настоящего характера. Присмотримся хотя бы к тому, с каким темпераментом, горячностью, решительностью наступает Прямиков на Праволова, требуя, чтобы он и не думал о женитьбе на Софье, иначе:

То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу
Решу тем, что тебя как черта окарнашу
И по миру пушу без носа, без ушей.
Порука сабля в том, поверь, пожалуй, ей;
Она не шутит ведь. — Ну! помни ж. . .

(действие 3, явл. 6)

Живость характеров, образы людей, наделенные порою просто реалистическими чертами, — не только это выгодно отличало комедию Капниста от многих пьес классицистической драматургии.

¹ См.: П. Н. Берков, Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. «Лихоимец», комедия В. И. Бибилова. — Сб. «XVIII век», М.—Л., 1935, с. 370—376. О других пьесах см.: А. М а ц а й, «Ябеда» В. В. Капниста, Киев, 1958, с. 59—69.

Традиционная фабула классицистической комедии — любовь, преодолевающая препятствия, — отодвинулась у Капниста на задний план, уступая место широко развернутой картине сутяжничества, грабительства. Все обстоятельства дела, мошеннические проделки судейских, подкупы, подчистки в делах, так называемое «заседание» суда — еще не протрезвевших со вчерашнего вечера чиновников, заранее предрешивших дело, — все это происходит на сцене, а не за кулисами.

Как справедливо заметил Д. Д. Благой, Капнист сумел даже классицистическое требование трех единств применить «для придания пьесе большей сатирической остроты. Особенно удачно использовал Капнист требование единства места». ¹ В самом деле, то, что в доме председателя Гражданской палаты происходят пьяные оргии, картежная игра и судебные «тайнства», усиливает обличительное звучание сатирической пьесы Капниста.

Смелость и оригинальность «Ябеды» заключались прежде всего в изображении злоупотреблений судебного аппарата как типических явлений российской действительности. И эта типичность производила страшное впечатление.

Уже в «Сатире первой» Капнистом был намечен принцип изображения алогизма действительности, чудовищной фантазмагории жизни, где все совершается «наоборот», вопреки логике, истине, правде, здравому смыслу. В «Ябед» черное предстает как белое, преступления оправдываются, а истина, которую защищает Прямиков, благодаря судейским ухищрениям его врагов выглядит как ложь. Алогичность, противоестественность происходящего становится и художественным приемом изображения действительности. Главный враг Прямикова «ябедник» Праволов превосходно владеет ремеслом «неправду мрачную так чистить, как стекло», и умеет повернуть дело таким образом, что оно, по словам Доброва, «как солнце ясно будь, то будет аки мрак». Праволову помогают в этом все подкупленные им судейские.

Надо сказать, что дикая несообразность происходящего — бессмыслица лишь с точки зрения положительных героев комедии и, конечно, самого автора. Для отрицательных же персонажей ход событий имеет свою железную логику.

Кто является страдающим лицом в комедии? Не только честный воин Прямиков, у которого грабитель и чуть ли не убийца Праволов отнимает имение, но и многие другие честные, живущие в бедности

---

¹ Д. Д. Благой, Василий Капнист. — В. В. Капнист, Соч., М., 1959, с. 21.

люди, о чем говорят, согласно традициям классицистической поэтики, уже их фамилии — Простин, корнет Скудов, Бедняковы. Против Бедняковых возбуждено дело полковницей Чужхватовой, а исход его заранее предрешен тем, что она приходится внучатной сестрой самому наместнику.

С точки зрения Кривосудова, абсолютно правильно то, что дела честных людей либо тех, кому не по средствам дать крупную взятку, лежат без движения или же решаются не в их пользу. Всегда «виноваты Бедняковы», как говорит Добров.

От классицистических образцов комедии подобного типа (мольеровских «Мизантропа», «Тартюфа» или княжнинского «Хвастуна») пьеса Капниста существенно отличается еще и тем, что в ней нет центрального героя, главного отрицательного персонажа. Он заменен коллективным образом «ябеды», рисуящим продажность государственного аппарата самодержавной России. Не менее важное значение имеет и то, что «ябеда» как мрачная, черная сила фактически противостоит всем обездоленным, а стало быть, и крестьянам. Последние явно подразумеваются Капнистом. Они-то, конечно, в первую очередь и ходят «под окнами» у Кривосудовых. Их-то и имеет в виду служанка Анна. Эта обладательница здравого народного смысла, с сарказмом говоря о «прелестях» будущей жизни Софьи с грабителем Праволовым, если та выйдет за него замуж, иронизирует по поводу того, как потечет Софье в руки богатство и

Какое для души раздолье и приятство!
Вдов видеть, стариков и нищенских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот.

Капнист дает понять, что действие его комедии происходит именно в стране, где властвует произвол не только «ябедников» — судейских, но и крепостников, пользующихся для своих выгод «ябедой».

Вот, например, суть одного из дел, о котором докладывает Добров:

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

К р и в о с у д о в

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не вносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Эти строки могут быть прокомментированы фактами самой жизни. При закрепощении украинцев в 1783 году крепостными становились и родственники помещика, на земле которого они жили: «вносились в перепись... дяди к племянникам, зятя к родным жены». ¹

Резким обличением крепостников является и образ того же Праволова — помещика, да к тому же и крупного.

В любопытном архивном документе «Письмо неизвестного», обращенном к Екатерине II, выразительно говорится о нужде крестьян как результате лихоимства судейских чиновников. «Неизвестный» резко критикует изданное царицей «Учреждение для управления губерний» (1775), следствием которого было увеличение присутственных мест, что привело лишь к усилению «мздоимства». «... Многие без стыда и совести обирают поселян, — пишет автор о судейских чиновниках, — ... бедные мечутся, не знают, где просить, исправник грозит, а не задаря всех судов, ничего не получишь, нельзя всего описать злоупотребления». И автор письма просит Екатерину II «уменьшить присутственные места и убавить судей», чтобы меньше было «волков во одеждах овчих...». ² Точнее и выразительнее трудно сказать!

Уродливый, порочный мир раскрывается Капнистом в его комедии, герои которой неуклонно следуют правилу, изложенному в песенке прокурора Хватайко: «Бери, большой тут нет науки...» И Капнист показывает, что хищничество — целая система, что судебный произвол не случаен, а неизбежен, так как опирается на практику всей верховной власти. Уже в первом действии Добров намекает Прямикову на то, что и у наместника он не найдет защиты, ибо и тот пользуется теми же методами, что и многочисленные Кривосудовы. Характерны и жалобы Феклы на совершаемую по отношению к ним несправедливость (в финале пьесы). Она мотивирует это так: «В одном лишь разве здесь суде засели воры?»

Взятки и подачки Хлестакову в гоголевском «Ревизоре» кажутся сущим пустяком по сравнению с тем поистине фантастическим по размаху подкудом, который осуществляет в комедии Капниста Праволов. И существенным для реальной основы «Ябеды» является то, что это было присуще именно екатерининскому царствованию, когда

---

¹ Алексей Капнист, Записка естественного и гражданского быта русского народа (гл. «О введении крепостного состояния в Малороссии»). — ПД, ф. «Русской старины».

² «Письмо неизвестного к императрице Екатерине II о мерах к водворению правосудия в России» (1794). — ЦГАДА, ф. Государственного архива.

благодаря системе фаворитизма и грабительству отдельные лица становились владельцами несметных богатств.

Но весь ужас происходящего беззакония определяется не просто низменными человеческими качествами таких бесчестных людей, как Кривосудов или Хватайко, а тем, что все они совершают зло под прикрытием законности. Например, усердие секретаря Кохтина всецело направлено на юридическое оправдание... беззаконности. И на помощь ему приходит запутанность русского законодательства, наличие огромного количества указов, многие из которых противоречили друг другу, но тем не менее существовали рядом и могли быть применены, так как лишь немногие посвященные знали, что последующий закон отменил предыдущий.

Когда Кривосудов, понимая, что претензии Праволова незаконны и «дело плоховато» (эти слова, как рефрен, проходят через всю пьесу), трусит, его жена Фекла успокаивает его: «Законов столько... Указов миллион». И действительно, Кривосудов при содействии Кохтина и членов палаты «законами лишь беззаконье удит».

Сам образ судейского стола в пьесе Капниста становится зловещим символом неправосудия. Добров и Анна — положительные персонажи, хотя и беспомощные в борьбе со злом, — с предельной ясностью выражают авторскую мысль о засилье лихоимства. Увидав разбросанные по комнате винные бутылки, они ставят их под стол, закрывая его красным сукном — судейским «скромным» покрывалом. Добров комментирует:

Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Ведь множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов!

Выше всего Капнист как передовой сын своего века, как просветитель ставил закон. Но в сущности всем ходом своей пьесы он опровергает прозвучавшую в ней фразу: «законы святы, но исполнители лихие супостаты», показывая, что и неупорядоченность русских законов, помимо продажности всего судейского аппарата, открывает широкие возможности для мошеннических операций. Порочна сама система законодательства.

Внешне благополучный финал пьесы, как и полагалось в классицистической комедии, вроде бы доказывает, что вера Прямикова в «святость» закона вполне оправдана. Сенат отдает под суд всю Гражданскую палату. Тем не менее преступники надеются выйти сухими из воды и даже Добров говорит:

Впрямь, моет, говорят ведь, руку-де рука.
А с Уголовною Гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет запанибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.

Постановщик «Ябеды» в Красноярском театре им. Ленинского комсомола Ю. Мочалов ввел в пьесу гротесковый прием: Прямиков размахивает на сцене игрушечной саблей. Возможность такой трактовки этого образа Капнистом не предусматривалась. Прямиков для него — типичный положительный герой классицизма, в поведении которого не могло быть ничего смешного. И все же упомянутый прием в этом безусловно удачном спектакле¹ не кажется неоправданным. Положительный герой, вооруженный лишь верой в святость закона, истину, конечно, не в силах победить наглых вершителей «правосудия». Об этом и говорит довольно пессимистический финал комедии — он создает ощущение безнаказанности, неискоренимости зла, которое клеймит автор. И вообще в «Ябед», пожалуй, больше ужасного и страшного, чем комического. Сцена попойки чиновников в третьем действии выходит за рамки внешнефарсовой буффонады, превращаясь в гротескно-символическое изображение разгула грабителей и мерзавцев, правивших Россией в XVIII веке.

4

При Екатерине II постановка и публикация комедии Капниста натолкнулись на непреодолимые препятствия. Восшествие на престол Павла I подало Капнисту некоторые надежды. Павел I дал свободу Костюшко, выпустил из крепости Новикова, вернул из ссылки Радищева. Журналы Тайной канцелярии заполнены сообщениями о требованиях императора освободить, вернуть из ссылки, разыскать многих сосланных при Екатерине II солдат, крестьян, студентов, чиновников. Конечно, подобные распоряжения нового царя диктовались отнюдь не любовью к справедливости и уважением прав человека, а скорее всего ненавистью к матери — Екатерине II — и всему тому, что делалось при ней. Думается все же, что посвящение Капнистом «Ябеды» Павлу I было вызвано не только соображениями литературной тактики. Следует учитывать то, что император уже в первый год своего царствования издал ряд манифестов и указов,

---

¹ Об этом спектакле см.: Е в г. А б., Как воинам — успех иль поражение. — «Ленинградская правда», 1970, 20 сентября.

направленных против «ябеды» и «лихоимства». Общеизвестен также изданный именно Павлом I в 1797 году указ, запрещающий помещикам использовать крестьян на барщине более трех дней в неделю и в праздники. Особенное же впечатление на Капниста должен был произвести указ Павла I, отменявший продажу украинских крестьян без земли.

До опубликования «Ябеды» Капнист читал ее в доме у Державина, затем у Львова. По свидетельству современника, посвящение «Ябеды» Павлу I, написанное по совету Львова, сразу же пресекло разговоры по поводу «неслыханной дерзости, с какою выведена в комедии безнравственность губернских чиновников и обнаружены их злоупотребления. . .»¹

Комедия вышла из печати в 1798 году, а 22 августа того же года состоялась ее премьера на сцене петербургского Каменного (Большого) театра в юбилей известного комедийного актера А. М. Крутицкого, великолепно сыгравшего Кривосудова. «Ябеда» с большим успехом еще была исполнена 26 августа, 16 и 20 сентября 1798 года, но в дальнейшем последовало «высочайшее» запрещение спектаклей. Затем у Крутицкого, которому Капнист, восхищенный его игрой, уступил право на издание комедии, были отобраны печатные экземпляры «Ябеды».

Возникла даже версия о том, будто автор «Ябеды» был арестован и сослан в Сибирь, но вскоре, не доехав туда, возвращен, после того как император, вместе с наследником — Александром, посмотрел комедию в Эрмитажном театре.² Однако возможность этого события до сих пор ничем не подтверждена. Какие-то его следы могли сохраниться в «журналах» Тайной экспедиции, где фиксировались все дела, сколько-нибудь причастные к политике. Записи в них велись с большой скрупулезностью. Такой важный факт, как ссылка с последующим возвращением, должен был быть зарегистрирован в бумагах Тайной экспедиции. Но просмотр дел за 1797 и 1798 годы не выявил ни единой записи, в которой бы шла речь

¹ С. П. Ж и х а р е в, Записки современника, М.—Л., 1955, с. 303—304.

² Впервые об этом говорилось в статье Станислава Моравского «От Мереча до Ковно. V. Нечуйки», помещенной в журнале «Виленский портфель» («TeKa Wileńska», 1858, № 5, с. 84—85). П. Н. Берков, основываясь на записи в «Камер-фурьерском церемониальном журнале» от 27 октября 1798 года, где сказано, что в этот день Павел I смотрел оперу «Дидона», отвергает эту версию (П. Н. Берков, Василий Васильевич Капнист, Л.—М., 1950, с. 40—41). А. Мацай подвергает сомнению точку зрения П. Н. Беркова, считая, что Павел I мог смотреть «Ябеду» не 27-го, а 23 октября (А. Мацай, «Ябеда» В. В. Капниста, Киев, 1958, с. 167—170).

о возврате сосланного человека, как нет и никаких упоминаний о случае, похожем на «ссылку» Капниста.

Версия эта все же не могла возникнуть без всяких оснований. Д. Д. Благой справедливо обратил внимание на строчку из горацанской оды Капниста «Другу сердца», где поэт выражает уверенность в том, что верный «друг сердца» — может быть, жена — следует за ним всюду, куда бы ни занесло его «свирепство рока», даже в «ссылочной Сибири холод». ¹

Не исключена возможность, что существовала лишь угроза ссылки Капниста, которая была быстро предотвращена. Павел I не мог плохо относиться к Капнисту хотя бы потому, что он не принадлежал к числу приближенных Екатерины II. Более того, поэт пользовался доверием и милостью царя. При Павле он был назначен директором всех императорских театров Петербурга. Ему вменялось в обязанность «рассматривание» пьес и «переправление оных, как человеку, совершенно сию часть знающему». ²

Возглавив театральную дирекцию (с 1799 до 14 августа 1801 года), Капнист улучшил состав актерской труппы — вызвал из Москвы талантливых артистов Шушерина, Пономарева, Сахарова. Чтобы привлечь внимание зрителей к русскому театру, он старался обогатить его репертуар. Сам поэт написал изящный «пастушеский пролог» — одноактную оперу «Клорида и Милон» (1800). Это был его третий опыт на поприще драматурга. Переделка комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (под названием «Сганарев, или Мнимая неверность»), осуществленная еще в конце 1780-х годов, успеха не имела.

Забегая несколько вперед, следует сказать, что и в дальнейшем драматургия заняла в творчестве Капниста видное место. В 1809 году он закончил работу над трагедией «Гиневра», почерпнув сюжет для нее из IV—VI песен «Неистового Роланда» Л. Ариосто. К сожалению, текст ее до нас не дошел. А в 1811 году Капнист пишет трагедию «Антигона».

Убийство Павла сильно потрясло поэта. ³ Он постарался как можно скорее выйти в отставку и уехать из столицы в свою Обуховку. В январе следующего, 1802 года он был выбран генеральным

---

¹ См.: Д. Д. Благой, Василий Капнист. — В. В. Капнист. Соч., М., 1959, с. 19—20.

² Архив дирекции императорских театров, в. 1 (1746—1801), отд. III, СПб., 1892, с. 7.

³ Об отношении Капниста к Павлу I см.: С. В. Капнист-Скалон, Воспоминания. — Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», М., 1931, с. 305.

судьей Полтавской губернии. Большое значение вскоре приобрела деятельность Капниста (с июля 1802 года) на посту директора народных училищ Полтавской губернии.

Первый итог своему лирическому творчеству Капнист подвел в 1796 году, когда он выпустил сборник своих стихотворений. Второй и последний раз поэт вынес свои стихи на суд публики в 1806 году.

В основу обоих изданий был положен жанровый принцип построения, подсказанный теорией и практикой классицизма. Несмотря на то, жанровые рамки, которые сам Капнист установил в своей лирике, далеко не соответствовали канонам классицистической поэтики.

Например, некоторые торжественные оды отзывались литературной полемикой, сатирическим обличением, элегической скорбью («Ода на рабство», «Ответ Рафаэла»). Так называемые элегические и анакреонтические оды зачастую представляли собой настоящие элегии либо просто стихотворения на личные темы. Вообще термин «ода» у Капниста обозначает не что иное как стихотворение, но стихотворение с более или менее возвышенной лирической тональностью, предметом которого могут служить и какие-то акты государственной важности, и размышления на темы общечеловеческой морали, и, наконец, переживания и чувства отдельного человека, но, как правило, эстетически приподнятые. Иерархия тем еще сохраняет большое значение в глазах поэта, но в их художественном воплощении у него намечается некое единство, некая общность, идущая, несомненно, от личности Капниста, его индивидуального отношения к действительности. В стихах поэта еще трудно вычленить образ лирического героя, который бы объединял весь мир его творчества, но предпосылки этого художественного явления, окончательно сложившегося много позднее — в эпоху Пушкина, — были налицо.

Для Капниста характерно прежде всего изображение личности чувствующей и размышляющей по поводу событий собственной жизни или действительности в целом. В основу его «од» положены в ряде случаев конкретные факты, но они вместе с тем являются для поэта преимущественно поводом для описания чувств, навеянных ими. В этом отношении показательна правка, которой подверг поэт некоторые свои «оды» 1780—1890-х годов. В них есть биографические реалии и мотивы. В «Оде на смерть сына» Капнист говорит о своей борьбе с общественной неправдой и гонениях, которые он претерпел. В «оде» «На смерть Пленеры» он касается служебной деятельности Державина, описывает его скорбь у постели умирающей жены, его обмороч в минуту ее кончины. Вспоминает Капнист и дом, в кото-

ром умерла Пленира, называя его чертогом, «испещренным хитрою ее рукой» (т. е. украшенном вышитыми ею драпировками). В издании 1806 года строфы, отразившие ряд конкретных биографических и бытовых подробностей, были вычеркнуты.

Капнист пошел по пути, во многом отличном от державинского. Он не строит индивидуально неповторимый автобиографический образ самого поэта, а создает в своих «одах» обобщенный образ печального человека, с философским мужеством переносящего удары судьбы, человека, преследуемого «роком». Особое качество этим «одам» придает сложное переплетение личных переживаний с гражданскими мотивами. Чувство скорби, нередко окрашивающее стихи Капниста, объясняется не только горестями личной жизни, но питается и острым недовольством поэта окружающей его действительностью, протестом против зла, царствующего в «пышных палатах», против «злой развращенного» мира («Ода на дружество»).

Смысл своего поэтического творчества, как и своей жизни, Капнист видит в «соучастьи» с другими людьми:

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу.

(«Различность дарований»)

О том же говорится и в «оде» «К несчастному»:

О ты, кто б ни был ты, несчастный!
В страданиях сподвижник мой. . .

Образ «несчастливого» отнюдь не абстрактен. Это не только обездоленный, страдающий человек, но и бедняк, который знает в жизни лишь «убожество, печаль, труды». И его образ четко противопоставлен «счастливцу», утопающему в роскоши и почестях. Существенно и то, что Капнист наделил своего героя в известной мере чертами борца. Во всяком случае, он хочет видеть его таким, призывая «несчастливого» к мужеству. Несмотря на религиозную окраску стихотворения, на утешительную мысль о загробном воздаянии, Капнист, в явном противоречии с этой религиозно-примирительной мыслью, призывает своего героя к борьбе, к дерзанию именно на тернистом жизненном пути:

Дерзай же! — с бедствами сражайся,
Противу горестей мужайся. . .

«Соучастье» — слово очень емкое в контексте поэзии Капниста и в общем-то совершенно необходимое в ней. Это и боль за страждущего человека, и умение разделить его беду и радость, это и заступничество за него, наконец это и собственная душевная открытость, вера в отзывчивость людей вообще. Вспомним еще раз об «Оде на рабство», о цепях неволи, которые Капнист ощущает как свои собственные. В «Оде на смерть сына» поэт выходит за пределы личной трагедии, обращаясь к другим людям, таким же, как он, несчастным родителям. Верой в доброту человека, в силу общности людей, в необходимость взаимовыручки проникнуто это стихотворение. Капнист обращается в нем и к «родителям счастливым» и не только ждет от них сочувствия, нравственной поддержки, но и радуется их счастливой доле, от всей широты своего сердца желает им: «И да возмогут ваши чада До гроба вам весельем быть».

Стихи поэта не только описывают чувства гуманного человека, но — что было новостью в поэзии конца XVIII века — передают читателю определенную эмоциональную атмосферу. Культ чувства, принесенный в литературу сентиментализмом, в немалой степени был свойствен Капнисту. Впрочем, следует сразу же оговориться: это был сентиментализм приблизительно того же склада, что и сентиментализм Радищева, с трудами которого Капнист был несомненно знаком. В «Путешествии из Петербурга в Москву» «чувствительность» рассматривается как неперемнное качество положительных героев, вроде Крестьянкина, который, по словам автора, «душу имел чувствительную и сердце человеколюбивое». Знаменательно, что «школу» «чувствительности» прошли некоторые декабристы. Известно, например, что большое воздействие оказало «Чувствительное путешествие» Стерна на декабриста Матвея Муравьева-Апостола, кстати говоря, большого друга Капниста. «Из всех писателей, которых я читал в своей жизни, больше всего благодарности я питаю, бесспорно, к Стерну, — признавался Муравьев-Апостол. — Я себя чувствовал более склонным к добру каждый раз, что оставлял его. . . Он понял значение чувства, и это было в век, когда чувства поднимали на смех». ¹

Сентиментализм при своем возникновении был большим шагом вперед и в развитии поэтического искусства. Немаловажное значение имела реформа Н. М. Карамзина и для Капниста, но главным образом в сфере языка и словоупотребления, в разработке «среднего» слога «легкой поэзии». Линия развития Капниста только соприкаса-

---

¹ М. Муравьев-Апостол, Воспоминания и письма, П., 1922, с. 15.

лась, но отнюдь не совпадала с общим руслом карамзинистской поэзии, представляемой как самим Карамзиным, так и его сподвижником И. И. Дмитриевым.¹ В особенности чуждой осталась Капнисту лирика салонного типа, холодная по сути своей. Не принял он и пессимистические тенденции поэзии Карамзина.

Анакреонтические стихотворения Капниста вроде «Чижика» лишь по названию кажутся близкими стихотворениям Дмитриева, ибо не трогательному умилению при виде «пичужки» отдается Капнист. Истинное содержание «Чижика» — судьба человека, не обласканного сильными мира сего, который с гордостью, хотя и с оттенком грусти, противопоставляет свою независимость и скромный образ жизни преуспеянию вельмож. Сентиментализм поэта может быть определен как сентиментализм демократического толка, ибо сочувствие поэта обращено не просто к человеку, но скорее всего к человеку бедному, нуждающемуся в помощи.

Вот одно из подтверждений сказанному — «Приближение грозы». Истинные герои стихотворения — крестьяне. Не условные «пейзане», или пастухи, а русские крестьяне. Стихотворение является ярким свидетельством симпатии Капниста к самому низшему сословию России и большого уважения к их труду. Когда он говорит о «дорогих земли дарах», то нельзя не вспомнить строк из дневников его друга Львова об «оратае», чья «трудолюбивая рука» извлекает из полей обширных «непотаенное сокровище».

«Приближение грозы» состоит всего лишь из трех строф. Это лирический монолог от лица человека, глубоко обеспокоенного за крестьян, которых может застичь в поле гроза. В начале стихотворения поэт подчеркивает значительность происходящего, «приподнимая» все над уровнем обыденности, что делал и Гнедич в своих «Рыбаках», пользовавшийся, впрочем, иными художественными средствами. В остальных двух строфах все настолько конкретно и точно в деталях, что в воображении читателя возникает зримая картина жатвы.

Слияние лирического «я» с «героями» стихотворения особенно впечатляюще раскрывается в кульминации этой картины, в концовке стихотворения, где Капнист произносит необыкновенные по своей простоте, теплу и искренности слова, рожденные вдохновением на-

---

¹ Иной точки зрения придерживается Н. В. Фридман: «Большое влияние оказывает на Батюшкова и Капнист, — пишет он, — гоцианские и анакреонтические оды которого влились в общий поток карамзинистской поэзии» (Н. В. Ф р и д м а н, Поэзия К. Н. Батюшкова, М., 1971, с. 79).

стоящего поэта, каким он был, несмотря на присущее ему убеждение в скромности своего поэтического дара:

Детушек тогда придется
Уносить в село бегом.

Вот, оказывается, почему особенно тревожился повествователь — он беспокоился за судьбу крестьянских детей! Удивительное слово «детушек» предвещает Некрасова. В «Приближении грозы» — этой живой картинке из жизни народа, — думается, намечен тот путь, по которому должно было бы развиваться творчество Капниста и в дальнейшем, не будь оно оборвано его смертью.

5

Когда в 1803 году безвременно скончался друг и учитель Капниста Николай Львов, чье здоровье было подорвано постоянной борьбой против косности, равнодушия и невежества российской чиновной аристократии, умер на самом взлете своей творческой деятельности и вместе с ним погибли его несвершенные замыслы, Василий Капнист посвятил ему полное проникновенного лиризма стихотворение «На смерть друга моего».

Поэт передал ощущение масштабности личности Львова, неисчерпанности его возможностей и трагичности неожиданной смерти превосходным образом ветвистого лавра, внезапно сраженного бурей — чуждой и мрачной силой:

Ах! почто ж ты, друг мой, в жертву жизни краткой
Роком осужденный,
Пал, как лавр ветвистый средь долины гладкой,
Громом пораженный!

Эта картина смерти дерева, не подточенного возрастом, погибающего в расцвете сил, внезапно и одиноко — «средь долины гладкой», содержит большой обобщающий смысл, как бы символизируя одиночество и обреченность прекрасного человека в мрачных условиях царской России.

Капнист выражает здесь и ощущение собственного одиночества «средь людства» после смерти самого близкого ему друга — «с кем делилось сердце». В стихотворении возникают два параллельных образа, передающих глубокое одиночество двух друзей: «долина гладкая» — Львова и «глухая пустыня» — Капниста.

Стихотворение, посвященное памяти Львова, по колориту близко к народной поэзии. Как будто бы взяты из народной песни горестное восклицание «Ах! почто любезна друга, рок постылый, ты меня лишаешь» и такие выражения, как «осиротела грудь», «дубрава дальная», и образы эха, повторяющего печальный возглас поэта, и травки, которая «даже не пошевелится» над могилой, — все это очень близко к народной поэзии, которую так любил Львов.

А образ лавра? Не является ли он простой данью традиции? В данном случае — нет. И здесь Капнист преследовал определенную цель, внося в стихотворение тонкий поэтический штрих. Львов был не только пропагандистом народной поэзии, но и глубоко эрудированным знатоком античности, а лавр у древних греков служил символом славы и мощи. Кроме того, лавр считался деревом, посвященным Аполлону — покровителю поэзии и искусства.

Новатор по натуре, разведчик новых путей художественного слова, Львов предпринимал разнообразные, подчас неожиданные эксперименты в области поэтического искусства.¹ Но, пожалуй, главным предметом его увлечения была древнегреческая и русская «простонародная» поэзия.

Львов был одним из первых людей в XVIII веке, кто оценил непреходящее значение устного народного творчества. По его проекту и при его содействии было подготовлено к печати «Собрание народных русских песен», изданное в 1790 году Иваном Прачем. Стремясь максимально сблизить поэзию «простонародную» с книжной, Львов предпринимает ряд выдающихся для своего времени художественных экспериментов. Он использует ритмику русской народной песни в переложении «Песни Гаральда Смелого», пишет «богатырскую повесть» «Добрыня», искусно имитируя в ней ритмический склад былевого эпоса. Львов заразил своим увлечением и Капниста, который впоследствии признавался, что именно ему он обязан «первым знакомством с русским стихосложением. Пользуясь советами его, — писал Капнист, — перевел я небольшую поэму Оссняпову «Картона», поместя в оной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребительными ныне размерами сочиненные стихи».²

Поэт начал эту работу, очевидно, еще в начале 1790-х годов, а завершил к 1801 году. К опытам использования «коренного народ-

---

¹ О широте творческого диапазона Львова, между прочим, говорят его опыты «научной» поэзии (см. об этом: А. Ю. Вейс, Новые материалы для изучения биографии и творчества Н. А. Львова. — «XVIII век». Сб. 3, М.—Л., 1958, с. 519—526).

² В. В. Капнист, Письмо второе к С. С. Уварову о экзаменах. — Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 210.

ного стихосложения» относятся и его переложения отрывка русской сказки и отрывка из «Илиады».

Капнист намечал очень широкую сферу применения народного «стопосложения» в современной ему поэзии. Когда С. С. Уваров печатно заявил о том, что проблема создания русского гекзаметра успешно решена Н. И. Гнедичем, уже осуществившим перевод первых песен «Илиады», Капнист дерзнул оспорить это мнение, доказывая, что ритм гекзаметра Гнедича искусственный. Он исходил из того, что «Илиада» может прозвучать на русском языке лишь в свободных формах народно-песенного или былинного стиха с его подвижной метрикой. «Сама природа, кажется, — утверждал Капнист, — руководствует к употреблению в повествовательной поэме разномерных стихов, ибо возможно ли равным и одинаким стопосложением изобразить прилично и брачный пир с хороводной песнью и пляской, и погребальные обряды с упылыми жалобами вдовницы, и в грозную бурю крушение корабля, и тишину весенней ночи?»¹

Сама мысль о связи ритмического строя стиха с содержанием была необычайно плодотворной, хотя в данном конкретном случае Капнист недоучитывал то, что и стих с устойчивой метрической схемой в руках настоящего мастера способен выразить интонационно-ритмическое разнообразие.

Обостренный интерес к памятникам народной словесности побудил поэта заняться во второй половине 1800-х годов переводом «Слова о полку Игореве», который был в основном завершен им в 1810—1813 годах.²

Борьба за создание подлинно национальной поэзии, которую вели Капнист, Львов, Державин, протекала и в совсем ином направлении, на первый взгляд весьма далеко от русской жизни, — на материале античной поэзии.

Переводы произведений античных авторов и так называемые «подражания» всегда занимали значительное место в поэзии XVIII века. И это понятно: для того чтобы она могла стать подлинно национальным видом творчества, необходимо было усвоить достижения самой совершенной в истории литературы поэзии, нужно было пройти через «всемирную мастерскую» этого искусства (Белинский), какой и являлась античная поэзия, в особенности древнегреческая.

---

¹ В. В. Капнист, Письмо второе к С. С. Уварову о экзаметрах. — Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 214—215.

² Впервые перевод был опубликован Д. С. Бабкиным в сб. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950.

Авторитет античной литературы был исключительно велик в эпоху классицизма. Однако использовалось это наследие выборочно. На первый план выдвигалось ограниченное количество «образцовых» сочинений и притом «образцовых» авторов, каковыми считались Гомер, Вергилий, Пиндар, Гораций, Овидий и некоторые другие. К тому же интерпретировались их произведения в соответствии с канонами классицистической школы — догматично, узко. Новое отношение к античному наследию пришло позднее — в России — в конце XVIII века, и провозвестником его был не кто иной, как Львов. Как и Капнист, в 1790-е годы начинает создавать свои «Анакреонтические песни» Державин. В 1794 году выходит Анакреон в переводе Львова, послуживший источником для подражаний друзьям-поэтам.

В программном предисловии к своему труду русский переводчик противопоставляет «простую красоту истины» в стихах древнегреческого лирика фальшивым «блесткам» французских поэтов-классицистов — «пухлостям какого-нибудь Томаса или пряного Дората». Для Львова Анакреон — отнюдь не автор эпикурейских песен, который «всю жизнь свою любил, пил вино и пел». ¹ Это лирик, которому доступны разнообразные человеческие переживания, богатая палитра чувств, и создавал он стихи лишь руководствуясь «действительным убеждением сердца». ² Доказывая этот тезис, Львов предлагает русскому читателю *полного* Анакреона, переведенного им размером подлинника.

Сходное понимание анакреонтической лирики воплощено и в так называемых «анакреонтических одах» Капниста, которые он объединяет и публикует в сборнике 1796 года. Они не были ни переводами, ни прямыми подражаниями древнегреческим оригиналам. Подобно Львову Капнист не отождествлял анакреонтику с вакхическими мотивами «наслаждения жизнью». Он видел в ней поэзию, изображающую простые, безыскусственные переживания личности жизнелюбивой, но вместе с тем сдержанной и стыдливой в проявлениях своих чувств. Для капнистовской анакреонтики характерны и стихотворения скорбной тональности — «Старик, ожидающий весны», где его автор — мастер концовок, итогово-афористичных, зачастую неожиданных, — в последней строфе смягчает трагизм темы светлым гуманистическим мотивом, и такое грустное стихотворение, как «На смерть Юлии».

Страшной, жестокой действительности, где все держится на об-

---

¹ «Стихотворение Анакреона Тийского», перевел **** * (Николай Львов). СПб., 1794, с. VII—VIII.

² Там же, с. VI.

мане, лжи, бесчестии, где владычествуют бездушные люди, Капнист противопоставляет в своих «анакреонтических одах» простые, чистые и светлые чувства, которые он стремится защитить и отстоять. Поэтому он говорит в своих стихах о преданной любви («Разлука»), о доброте человеческой («Графу Александру Сергеевичу Строганову») и внимании к другим людям («Старик, ожидающий весны»), о неутешной скорби («На смерть Юлии»).¹ В «анакреонтических одах» в полной мере проявилось дарование Капниста-лирика. Они во многом определили его творческий облик и имели большой читательский успех.

Именно по отношению к анакреонтике всего уместнее замечание А. Ф. Мерзлякова, высказанное им по другому поводу, — замечание о том, что достоинство стихов Капниста составляют «чистота языка, скромность и... бережливость в украшениях блестящих, соединенная с чувством глубоким...»²

Привлекательной особенностью «анакреонтических од» Капниста является их мелодический строй. Державин в статье «Рассуждение о лирической поэзии» привел строфу из «анакреонтической оды» Капниста «Неверность» как образец «сладкогласия»:

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?

Своей анакреонтикой Капнист способствовал дальнейшему расцвету жанра небольшого лирического стихотворения, близкого к песне, получившего большое развитие в конце века в творчестве И. И. Дмитриева и Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

Так называемые «горацианские оды» представляют вторую, не менее важную отрасль поэтического творчества Капниста, связанную с многолетней традицией русского горацианства (начиная с Тредиаковского).³ В сборнике 1806 года «анакреонтические оды» были

---

¹ Это стихотворение один из современников назвал истинно народным, имея в виду его широкую популярность (см.: Н. Горчаков, Воспоминание о Капнисте. — «Москвитянин», 1846, № 7, с. 31).

² А. Мерзляков, Об оде Капниста «К несчастному». — «Труды общества любителей российской словесности», 1819, ч. 15, с. 17—18.

³ См. об этом: П. Н. Берков, Ранние русские переводчики Горация. — «Известия Академии наук СССР». Отделение общественных наук, 1935, № 10, с. 1039—1056.

сгруппированы вместе с гораццианскими в одном разделе. Тем самым поэт подчеркивал их внутреннее родство. Однако в отличие от первых, «гораццианские оды» создавались как подражания совершенно определенным художественным текстам. По собственному позднейшему признанию, Капнист старался сохранить в них «мысли и картины Горация, всем временам и народам свойственные», а те, которые относились только к римским обычаям, он сознательно заменял «приличными нашему времени соотношениями». ¹ Обращаясь со своим первоисточником очень свободно, Капнист подчас берет из него лишь сплетение мотивов и мыслей, общую лирическую ситуацию и на этой основе создает изящное и чисто русское стихотворение, как например «Другу моему», с его русской природой — русским снегом, липами и березами, с конкретными приметами русского быта — гуляньями, домашними маскарадами, игрою в фанты, которой, кстати говоря, увлекались в семье Капниста, и светлой, чистой, молодой, быть может тоже еще пока лишь игрой в любовь, когда

...смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенек теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

Уже в ранних подражаниях Горацию, осуществленных Капнистом в 1790-е годы, встречаются бесспорные удачи, как например «Время». Не случайно его запомнит Пушкин, и в «Пире во время чумы» появится реминисценция из этой «гораццианской оды». ²

Гораций был близок Капнисту не только как виртуозный лирик, отзывавшийся на все призывы жизни, но и как обличитель общественных пороков. Особенно внимательно к гражданским мотивам лирики Горация Капнист отнесется в 1810-е годы, но эта тенденция наметилась у него и ранее. Показательно в этом отношении такое стихотворение, как «Богатому соседу», основой которого послужила ода XVIII из книги II, которой подражал и Державин («Ко второму соседу»).

У Державина образы, как всегда, ярко-живописные, броские. С гневом и презрением поэт обрушивается на своего «второго соседа» — «управителя» Г. А. Потемкина Гарновского, сочетая риторическое восклицание «Кто весть, что рок готовит нам?» с ядовитым

¹ Из предисловия к «гораццианским одам», см. с. 142 наст. изд.

² Это отметил Г. А. Гуковский. См.: «Русская литература XVIII века», Л., 1937, с. 711.

предсказанием, что, быть может, строящиеся «чертоги» соседа в недалеком будущем превратят в «стойлы конски».

Иначе решает свою задачу Капнист. Он не подразумевает конкретное лицо, он стремится к созданию обобщенного образа богача. Присутствует в оде и лирический герой — не скупец, не «алчный», а честный человек, который с чувством собственного достоинства говорит о себе, что хотя он и не знатен, но «знатным. . . известным». Капнист не столько клеймит, сколько укоряет соседа в том, что тот, не думая о бренности человеческого существования, воздвигает пышные палаты.

Как обычно у Капниста, главный эмоциональный или смысловой заряд сосредоточивается в одной лишь строфе, порою даже в одной строке, и чаще всего этот заряд поэт приберегает к концу стихотворения. Так и здесь. Внешне спокойно повествуя о том, как богач постепенно изгоняет «соседов», Капнист наконец произносит свои самые главные, самые нужные слова, как всегда поражающие безыскусственной простотой:

Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,
Уносят бедность за спиною,
А у груди нагих детей.
Богач! на что ж ты грабишь нища? . .

В этой картине все предельно лаконично, все просто и вместе с тем наглядно. Воображению читателя представится, быть может, нищенская котомка русского крестьянина. Но стихотворение рисует все же обобщенный образ бедности. Поэтому понадобилось немного слов для того, чтобы передать и сердечность этих несчастных людей, которые прижимают к своей груди «нагих детей» — свое единственное богатство. И как будто неожиданный скорбный упрек: «Богач! На что ж ты грабишь нища?» — достойно завершает всю картину.

Проблема точного перевода не случайно встала перед русской поэзией в то время, когда она уже вступила на путь подлинно национального развития. Точный перевод — это такая близость к оригиналу, которая предполагала не только сохранение всех основных деталей иноязычного подлинника, но и воссоздание его «духа». Решение этой проблемы было немислимо без развитого ощущения писателем национальных и исторических границ — иными словами, такой степени объективности художественного мышления, которая давала бы возможность схватывать специфичность и национальной жизни, и исторического бытия других народов.

О том, что эволюция Капниста-поэта шла в ногу с временем, свидетельствует и его «горацианство». Примерно с 1804 года¹ главной заботой Капниста в его обращениях к Горацию становится близость к латинскому оригиналу. Задача осложнялась тем, что поэт не знал латинского языка. Он прибегал к помощи друзей, составлявших для него прозаические, буквальные переводы, сопоставлял французские и немецкие издания Горация, вникал в исторические источники, мифологию античного мира и т. д.

Как явление искусства точные переводы Капниста — при всей их историко-литературной актуальности — в большинстве случаев уступали его подражаниям. Необходимость быть точным подчас сковывала дарование поэта. В результате в его переводах иногда появлялись смысловые темноты, затрудненные обороты речи. Однако из долгого общения с Горацием, длившегося около четверти века, Капнист многое почерпнул для себя как оригинальный поэт. Это была отличная школа художественного мастерства, ясного и зоркого наблюдения жизни в ее широком полнокровном течении, в ее разнообразии и многоцветности. Переводы од Горация явились важным этапом творческого пути Капниста в его движении к историзму, без чего немислимо реалистическое изображение действительности.

Через Горация поэт пришел к своим поздним шедеврам — «Обуховке» и «В память береста», где он создал автобиографический образ «друга муз» и деревенского старожилы, влюбленного в родную природу.

Как бы ни менялся Капнист в своем отношении к слову, он не изменялся в своих нравственных убеждениях и сохранял верность многим основным для него темам — прежде всего теме гражданского мужества. Это в полной мере относится и к переводам из Горация. Личность русского переводчика сказалась прежде всего в отборе произведений с обличительным пафосом — таких, как «Ничтожество богатств», «Против златолюбия» и т. п.

Тема первого органически сливалась с сатирико-обличительной струей оригинального творчества Капниста. Особенно любопытна в этом плане строфа, где автор «Ябеды» устами Горация говорит о безнаказанности и бессилии законов:

К чему и жалобы и стоны,
Злодейство казни коль не зрит?
К чему бессильные законы. . .

---

¹ В этом году было отправлено письмо к киевскому протоиерею И. В. Леванде, из которого следует, что Капнист нуждался в знатке латинского языка, способном беспристрастно оценить точность его переводов из Горация (см.: Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 446).

Или же ода «На разврат правов». Капнист точен в своем переводе и вместе с тем эта «горацианская ода» неотделима от традиций русской сатиры, всегда бичевавшей развращенность дворянского «светского» общества (произведения Д. П. Горчакова, С. Н. Маршала, И. М. Долгорукова, М. В. Милонова). Видимо, для того чтобы оттенить злободневность этой «оды», Капнист, говоря о развращенности жены, которая «из-под венца лишь — ищет уже младших волокн...», пользуется типично разговорной лексикой. Когда Капнист вслед за Горацием обличает потомство, унаследовавшее и приумножившее развращенность своих отцов:

Сынов развратных наших предки
Родили, — мы отцов своих
Уже в разврате превосходим... —

и особенно когда он, вместе с Горацием, вспоминает с печалью об ушедшем в прошлое мужественном племени, чьими усилиями были побеждены Пирр и Ганнибал, то нельзя не вспомнить стихов Лермонтова. Автор «Думы» вряд ли знал перевод Капниста, но сама русская действительность продиктовала ему горькие строки его стихотворения, почти совпавшие со стихами Капниста.

6

Творчество Капниста входит в единый исторический период, начавшийся 1789 годом, когда, как писал В. И. Ленин, наступила «... эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений».¹

Декабризм — широкое идеологическое явление — не возник внезапно, как и декабристская литература не родилась лишь с образованием Союза спасения. Организация первого тайного общества предшествовала громадная, кипучая идейная работа, и многие завоевания передовой мысли, в первую очередь просветительской, стали боевым оружием декабристов.

Творческое наследие Капниста с достаточным основанием может рассматриваться как промежуточное звено между просветительской идеологией конца XVIII столетия и декабризмом.

В течение 1810 — начала 1820-х годов поэт создает ряд произведений, которые органически вливаются в общий поток вольнолюбивой преддекабристской поэзии. Очень показательны в этом отношении

---

¹ В. И. Ленин, Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

«Видение плачущего над Москвою россиянина» (1812) с его беспощадным осуждением бездушия царей и вельмож, образами карающего бога и исторических героев (патриарха Гермогена, Пожарского, Петра I). Это большое интересное стихотворение определенно предвещает гражданскую лирику Ф. Н. Глинки и агитационный метод рылеевских дум — «возбуждать доблести сограждан подвигами предков».

В замечательной «Оде на пинтическую лесь» (1815) Капнист воплотил по существу декабристское понимание роли поэта как духовного пастыря народа, смелого глашатая истины и прав человека. Здесь же, как бы перекликаясь с ранней «Одой на рабство», гордо бросая вызов самодержцам, Капнист провозглашает от имени «царя-пророка»: «Цари надменны, трепещите...» И эта строка заставляет вспомнить другой известный стих — из пушкинской оды «Вольность»: «Тираны мира, трепещите!»

Тесно соприкоснулась лирика Капниста с декабристской поэзией в 1821 году, когда в Греции вспыхнуло восстание против турецкого ига. Весть эта была с энтузиазмом встречена в передовых кругах русского общества, прежде всего декабристами, помышлявшими об оказании военной помощи греческим патриотам. Именно этим побуждением руководствовался Капнист, когда писал свое волнующее «Воззвание на помощь Греции», ставшее одним из лучших поэтических откликов на это событие (наряду со стихами Пушкина, Рылеева, Кюхельбекера, Веневитинова).

По политическим причинам ни одно из названных произведений не было обнародовано при жизни поэта. Видимо, по тем же причинам не попала в печать и трагедия «Антигона», хотя известно, что Капнист намеревался опубликовать ее и даже написал к ней предисловие.

По своей основной направленности это тираноборческая трагедия. В предисловии к первой редакции пьесы — она была закончена в 1811 году — Капнист подчеркивал, что в своем новом произведении он выступает всего лишь как подражатель В. А. Озерова, автора трагедии «Эдип в Афинах» (1806). Капнист считал Озерова лучшим драматическим писателем своего времени и преклонялся перед его дарованием. Вместе с тем влияние Озерова на трагедию Капниста не столь уж велико. По справедливому заключению современного исследователя, «у Озерова... мечтательность расслабила доблесть, и героическая, идейная сторона оказалась... неглавной сутью его трагедий». ¹

¹ И. Н. Медведева, Владислав Озеров. — В. А. Озеров. Трагедии. Стихотворения, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, с. 71.

Антигона Капниста мало походит на кроткую дочь озеровского Эдипа. Это женщина мужественная, бесстрашная, непреклонно идущая к своей цели. Именно героическая сторона и явилась главной в трагедии Капниста.

Сюжет «Антигоны» в значительной мере определяет проблема власти царя. Овладевший престолом, Креон уже в начале трагедии утверждает не только право монарха на жестокость, но и необходимость быть жестоким, говоря, что «к злодеям путь претят лишь казни строги». Сын его Эмон, в противоположность отцу, считает, что царь должен быть для народа справедливым судьей, а не тираном. В период, когда писалась «Антигона», Александр I давно уже отошел от либерализма первых лет своего правления, и слова Элфепора (во втором действии) о страхе, под властью которого все пахотятся, или Антигоны — «все стонут в злой неволе» — могли быть написаны под впечатлением более жесткого правительственного курса.

В «Антигоне» звучит важная для Капниста, идущая еще от «Ябеды», мысль о том, что неправосудие осуществляется под прикрытием закона. «Священный на нее я меч острою закона», — говорит Креон об Антигоне, собираясь погубить ее. За этими словами стоит не только коварство Креона, но и горькое размышление автора о так называемой «святости» закона, под «защитой» которого в самодержавном государстве свершаются злодеяния. Капнист доказывает своей трагедией, что закон, когда им пользуется царь-деспот, становится страшным оружием, обращаемым против народа и невинной, страдающей личности.

В характере главной героини Капнистом был заложен художественный материал, достаточный для того, чтоб Е. С. Семенова — исполнительница этой роли — могла иметь успех. При всем том пьеса была поставлена всего лишь один раз. Возможно, что некоторые места трагедии, в том числе ее финал — восстание народа, сокрушившее власть Креона, — не пришлись по вкусу чиновной аристократической публике. Однако несомненно другое: «Антигона» могла исчезнуть из театрального репертуара и по той причине, что она не стала значительным событием в истории русской драматургии.

Прав В. А. Бочкарев, когда говорит, что обращение Капниста к классицизму в конце его творческого пути связано «с сохранением в «Антигоне» героического начала». ¹ Но надо признать, что это был классицизм, в котором не ощущалось движения вперед. Характеры

---

¹ В. А. Бочкарев, Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815). — «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», вып. 25, Куйбышев, 1959, с. 336.

в «Антигоне» оказались вытянутыми в одну струнку. Так, например, Креон кроме жажды власти полностью лишен всех человеческих чувств и привязанностей. Обедненным выглядел и образ Антигоны — геронни, озабоченной лишь исполнением своего долга и ничем больше.

С первой редакцией «Антигоны» в подробном пересказе Капниста познакомился Озеров. Его развернутый отзыв в письме к поэту до нас не дошел. Но из ответного письма Капниста явствует, что критические замечания Озерова были основательны. Он, в частности, считал неубедительной развязку трагедии. Капнист на том этапе работы не соглашался с ним: «Я рассудил за благо убить Креона для того, дабы в трагедии моей не одна невинность страдала, но и порок наказан был»,¹ — писал он.

Постановка пьесы, видимо, открыла глаза Капнисту на многие художественные просчеты его пьесы, которые он либо не замечал прежде, либо не придавал им большого значения. Спустя некоторое время он взялся за переделку «Антигоны». Переработка пошла прежде всего по линии психологического усложнения образов главных действующих лиц, к чему призывал поэт и Озеров. Капнист раскрывает теперь силу чувства Антигоны к Эмону, он показывает Креона не только властолюбцем, но и любящим отцом. В связи с этим потребовалось изменить финал. Политически острую, но явно искусственную концовку (внезапное восстание народа) Капнист заменяет другой. Теперь он карает порок иным способом: уже не смерть является возмездием тирану, а потеря сына и душевные терзания. В результате «Антигона» неузнаваемо изменилась во второй редакции. Это было фактически новое произведение. Однако оно не дошло ни до театрального зрителя, ни до читателя. Дело в том, что по своему гражданскому звучанию вторая редакция, пожалуй, даже превосходила первую. Мысль о том, что путь к трону — это путь к преступлению, с большой силой была заявлена в монологе Антигоны:

О трон! о блещущий, но тягостный венец!
Чтоб вами обладать, коль много забывают!
Степеньми мертвых тел достичь стремятся вас.

Более того, вторая редакция давала материал и для политических «применений». По вполне понятным причинам подозрение мог навлечь тот эпизод трагедии, где речь шла о предполагаемом заговоре против царя и возможном отцеубийстве. К этому преступлению скло-

---

¹ В. В. Капнист, Письмо к В. А. Озерову от марта 1812 г. — Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 474.

нял Эмона аргивский посол. «Как! мне родителю изменником явиться!» — восклицает Эмон. Охваченный негодованием, он затем говорит:

Вот день убийств хотеди чем свершить!
К падению отца чтоб сына побудить,
Ласкали скиптра мне неправым полученьем.
Коль средство трона есть достигнуть преступленьем,
Для добродетельных трон низость есть сердец.
Злодей всегда злодей, хотя на нем венец.

Коснувшись темы заговора, Капнист вольно или невольно напоминал о недавнем прошлом — убийстве Павла I. Его сын Александр знал о заговоре против отца, а следовательно, был пособником убийц. Поэтому данный эпизод мог быть истолкован как «урок» царю, который Капнист преподает устами Эмона императору российскому, шагнувшему на престол через кровь отца.

Последние годы жизни поэта прошли в Обуховке. Как и прежде, он честно и ревностно трудился на пользу общества. В 1812 году местное дворянство выбрало его кандидатом губернского маршала, а в 1817 году — маршалом Полтавской губернии, обязанности которого Капнист исполнял до 1822 года.

Дружба связывала поэта с соседом по имени опальным вельможей Д. П. Троцннским, которого современники называли «покровителем бедных». ¹ Приязненные отношения были у Капниста и с князем Н. Г. Репниным, генерал-губернатором Малороссии. Брат декабриста С. Г. Волконского, он был человеком либеральных взглядов. ²

Видные деятели Южного тайного общества П. И. Пестель и С. И. Муравьев-Апостол были гостями Капниста в его Обуховке, где часто собиралась передовая дворянская молодежь и разгорались диспуты о будущих путях развития России. Участниками их, надо полагать, были и старшие сыновья Капниста Алексей и Семен, оба состоявшие членами раннедекабристского тайного общества — Союза благоденствия.

Капнист скончался от воспаления легких 28 октября 1823 года. Похоронили его в Обуховке, на берегу реки Псел. Гроб был сделан из его любимого дерева, которое он воспел в стихотворении «В память береста».

¹ «Русская старина», 1882, № 6, с. 653.

² Когда крестьяне помещика Гриневича убили управляющего, Репнин фактически оправдал их, считая, что они были доведены до убийства «жестокостью и изнурением» (см.: П. Ф. Павловский, Полтава в начале XIX века, вып. 2, Киев, 1902, с. 9).

При последних минутах жизни Капниста присутствовал вождем восстания Черниговского полка Сергей Муравьев-Апостол. После смерти отца Семен Капнист подарил С. И. Муравьеву-Апостолу книжку его «Лирических сочинений», сделав на ней характерную запись: «Любезному Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, проводившему в могилу отца моего, 1-го ноября 1823 года. Семен Капнист». ¹ О духовной и идейной близости ушедшего из жизни поэта и его молодых друзей — первых дворянских революционеров — говорил в своих стихах Семен Капнист. В 1828 году было напечатано его стихотворение «Сын на могиле отца» (с подзаголовком: «Друзьям отца моего»), в котором бывший член Союза благоденствия давал клятву идти путем отца:

Как ты — друзьям моим
Быть другом неизменным,
Как ты — любить родимый край
И благу общества век жертвовать собою. ²

Ответ на вопрос — почему стихи, написанные Семеном Капнистом сразу после смерти отца, были опубликованы им лишь в 1828 году, — кроется в подзаголовке: «Друзьям отца моего». Именно после подавления декабрьского восстания клятва сына Капниста в верности друзьям, его обещание «благу общества век жертвовать собою» приобретали особый смысл. В рукописи стихотворения слова «Друзьям отца моего» вынесены в заглавие, а тексту предшествует обращение:

Любезный брат! И ты его любил,
И ты достоинства души его ценил,
И слезы проливал со мною
В тот час, как прах его сокрыт сырой землею.
Ах, верь! когда б теперь он жил,
Он горести твои от сердца бы делил,
И вместе плакал бы и с нами и с тобою.

Под этим обращением стоит дата: «15 февраля 1829 года», а в низу листа лаконичное пояснение: «О смерти братьев моих Сергея Ивановича, Ипполита Ивановича. 1828 сентября 2-го, Москва». ³

---

¹ В. Н. Орлов, Из литературных отношений С. И. Муравьева-Апостола. — «Литературное наследство», № 60, кн. 1, М., 1960, с. 531.

² «Труды общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», 1828, ч. 7, с. 178.

³ ЦГАДА, ф. Капнист-Львовых.

Итак, стихи на смерть одного из благороднейших людей своего времени — Василия Капниста — его сын посвящал и памяти застрелившегося 3 января 1826 года Ипполита Муравьева-Апостола и задохнувшегося в петле 13 июля того же года Сергея — друзей поэта Василия Капниста, которые, как и он, были преданы родине и общественному благу. Вряд ли приходится сомневаться в том, что «любезным братом», адресатом этого стихотворного обращения, был томившийся в неволе Матвей Муравьев-Апостол. Семен Капнист имел основание говорить, что если бы продлился век его отца, Василий Капнист не изменил бы тем, кто томился «во глубине сибирских руд», понял бы их «скорбный труд» сердцем настоящего человека и был бы верен памяти погибших.

* * *

Творчество Капниста созвучно советским читателям своим вольнолюбием и гуманистической устремленностью. Глубокое по мысли и содержанию, разнообразное — с диапазоном от сатиры и комедии до оды и трагедии, от «легкого», изящного стихотворения до эпиграммы, — оно сыграло важную роль в развитии русской поэтической культуры. Стихи Капниста повлияли на Батюшкова; учитывал художественные достижения Капниста и Пушкин.

«Ябеда» Капниста стоит на пути от комедий Фонвизина к драматургии Грибоедова и Гоголя. Его творчество развивалось в едином русле со всей прогрессивной литературой XVIII века, настойчиво искавшей путей сближения литературы с действительностью. Демократические и реалистические тенденции творчества Капниста объясняют, почему он не оказался чужим и архаичным в XIX веке, и был принят им как «свой».

В 1818 году в «Сыне отечества» на одной и той же странице были напечатаны «Различность дарований» Капниста и «К мечтателю» Пушкина. Несмотря на случайность этого факта, «соседство» двух поэтов воспринималось читателем как совершенно правомерное и естественное. Отстаивая право на раскрытие в своих «простых напевах» близких сердцу чувств, Капнист в сущности защищал то же, что и Пушкин, требовавший искренности и правды в изображении человеческих переживаний.

Вслед за Державным, который первым оценил талант юного Пушкина и, «в гроб сходя, благословил», ему как бы протягивал свою руку и друг великого поэта — Василий Капнист.

Г. Ермакова-Битнер

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

1. САТИРА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ¹

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться:
С бездельством, с глупостью людской мне

не ужиться.

Везде продерзостный беспутство кажет вид;
Бесчестие в чести, из моды вышел стыд,
Почти с кем ни сойдуся, с кем речь ни начинаю —
Или невежество, или порок встречаю.

Куда ни кинь, так клин: тот честен, так глупец;
Другой умен, так плут, ханжа, обманщик, льстец;
И, словом, в свете сем так редки Аристиды,

10 Как гладкие стихи в творце «Тилемахиды».

В приказе некогда расправы я искал,
В котором Бестолков судьейю заседал.
Бесспорно, Бестолков был честен, благороден,
Ни правых обвинить, ни взятки брать не сроден,
Был добрый человек и мне служить хотел,
Но сделать мне добра, к несчастью, не умел.
Жена его умна и мне б помочь умела,
Но я был не по ней, могла, да не хотела.

---

¹ Она напечатана была в «Вестнике», в июне месяце под заглавием «Сатира первая». Но как сочинитель приметил, что злословие относилось к лицам изображаемым в ней пороки вообще, то перестал писать сатиры и напечатал сию в «Собеседнике любителей русского слова» под нынешним заглавием. Смотри «Соб. люб. рос. слова», часть V.

Что ж делать? искони таков уже сей свет:
Не глупость, так порок в нем первенство берет:
Надутов в знать вошел — так всех пренебрегает,
Завистов чином мал — так знатных презирает,
И хочет, предприяв ничьих заслуг не чтить,
Иль всем равнять себя, иль всех с собой сравнить.
Казну обворовав, обворовав соседов
И воров на суде избличенный Вредов,
По милости людей, которых обокрал,
Избавился столба и ссылки миновал;
Теперь боярам брат, деревни покупает
30 И тех каретою своею в грязь толкает,
Которых по миру таскаться он пустил.
А я, чтоб я таких уродов не журил?
Чтоб, видя глупости одних, других пороки,
Я стал молчать? нет, нет; скорей, отсроча сроки,
Не станет ростовщик на росты росты драть,
Скорей подьячие не станут взятки брать,
Скорей по-людски жить и мыслить Чуднов станет,
Чем правдой мой язык их уличать устанет.

Послушай каждого: уверит и Ролет,
40 Что совести своей внаем не отдает
И правосудием он торговать не смеет,
Вредить, обманывать, лукавить не умеет;
Хоть доброй славой нищ, да честностью богат,
И, словом, верь ему, он наших дней Сократ.
Но сколько тягостно быть честным, каждый знает:
Долг добродетели нас часто принуждает,
Корысть свою забыв, пожертвовать другим
Покоем, временем, именем своим,
Что часто нам самим напасть иль вред наводит;
50 Так верных в том иной расчетов не находит,
Но чтоб другим своих пороков не казать,
За добродетель их умеет выдавать.
И все на свете сем, как в вольном маскараде,
Не в обычайном им, не в свойственном наряде,
Закрывшись масками, подложный кажут вид,
Пока еще не весь в них истребился стыд.

«Ах, здравствуй, душенька! ну! как ты поживаешь?
Я так тебя люблю; а ты нас покидаешь!

Да что-то грустен ты? скажи, любезный друг!
60 Скажи мне, что могу я для твоих услуг?
Я всем готов... Постой, твой кошелек в кончине,
Я еду выиграть, так если в половине
Ты хочешь быть со мной, то я тебе божусь,
Что сотнею-другой с тобою поделюсь».
Так вот Щечиллов мне усердно предлагает
Обворовать меня, он дружески желает
Затем меня игрой продать другим плутам,
Чтоб с ними разделить мой вексель пополам.

Учености надев личину дерзновенно,
70 Самхвалов хочет всех насильно, неотменно
Уверить о своем и знаньи и цене;
Он, качества свои хваля наедине,
Упорно в том себя нередко уверяет,
Что он и то, о чем в свой век не слышал, знает,
Но, пухлым слогом вздор стараясь заглушить,
Принудил дураков себя премудрым чтить.

Пиитом Чуднов быть взяв на себя обузу,
Неволею свою летать заставил музу,
Свой мелкомысленный славенско-русский бред
80 За образец ума и вкуса выдает;
Но он бы с Мевием со временем сравнялся,
За пышной мыслию когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверх парить,
В стихах своих луну зубами ухватить.

Ну что ж? пускай его никто не понимает, —
Читатель ничего иль мало в том теряет;
Его несносный бред, прельщающий глупца,
Не столько пагубен, как сладка речь льстеца.

Злохват бежит ко мне, прижав к груди, целует
90 И благодетелем и другом именует;
Клянется, что он всем пожертвовать мне рад,
И клятвами острит коварной злобы яд;
Он рвется, мучится, отчаяньем мятется,
Пока конца моей напасти не дождется.

Драч совесть выдает свою за образец,
А Драч так истцов драл, как алчный волк овец;
Он был моим судьей и другом быть мне клялся,
Я взятки дать ему, не зная его, боялся;
Соперник мой его и знал и сам был плут,
700 Разграбив весь мой дом, позвал меня на суд.
Напрасно брал себе закон я в оборону:
Драч правдой покривить умел и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меня ж разграбили, меня ж и обвинили
И вору заплатить бесчестье осудили.

Я не окончил бы, когда б хотел я счесть
Пути, которыми людей проводит лезть.
Сей трусит предо мной, а за глаза поносит;
110 Тот друга моего затем лишь имя носит,
Чтоб как при случае меня обворовать;
Другой затем, что я могу ему достать
Тот чин, которого добиться он желает,
Иной министр меня лишь для того ласкает,
Что в нем дела мои и разум почтены;
Другой не для того, но для моей жены,
Тот от меня занять, тот поживиться хочет,
И всяк на счет чужой лишь про себя хлопочет.
Теперь не так уж глуп, как в старину, был свет:
120 Предубеждения и нравы древних лет
Из моды вывелись, равно как их наряды;
Друг другу услужить, помочь друг другу рады,
Бывало, праотцы теперешних отцов
(С свечою поискать теперь таких глупцов).
Во все сердца уже проникло просвещение;
В том славу полагать, в чем было поношение,
Бесчестье и порок согнать с лица земли,
Быть правыми во всем два средства мы нашли:
Одно — людской молвы себя превыше ставить;
130 Другое — всяко зло в хороши толки плавить.

Тот всеми по делам бездельником почтен,
Напрасно говорит — я светом осужден,

Молву людскую я и толки презираю,
Довольно, что я сам себя честным считаю.

От общепринятых тот правил отступив
И философии свой разум посвятив,
Отечеством своим вселенну всю считает,
А порознь каждого щечит и обирает.

Хотя уже теперь рачительной рукой
140 Восстановя в своем владении покой,
Екатерина путь к нестройствам заградила,
Злодеям суд творя, злу жало притупила,
Дает нам способы друг другу помогать
И цену каждого достоинств отличать.
Со всем тем, сколь она о благе ни печется,
Злодейство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попать Луну,
Монархов примирить, искоренить войну,
И легче б силою вселенну покорила,
150 Чем из числа людей глупцов искоренила.
Она науками России жизнь дает,
И, воспитанием распространяя свет,
Под сению своей художества покоит,
Искусству, разуму покровы, храмы строит
И мрак невежества и хищность, корень зла,
Из всех подвластных ей пределов прогнала,
Счастливит нас, хранит, покоит, просвещает,
Но глупости ничто, никак не истребляет:
Науки возросли, художества цветут,
160 Родятся авторы, а глупость тут как тут.

Как в ниве, многими удобренной трудами,
Проникнув, плевелы промежду колосами,
Неспелый повредя, глушат созрелый плод,
Так вольный в свет себе глупцы позволя

ВХОД,

Не быв посеяны, растут и созревают,
Дают худой пример и знанья затмевают.
Иные, чтоб себя пред светом отличить,
Усердием своим стремятся помрачить
Дела монархини, воспев их недостойно,
170 Нелепым голосом и низко и нестройно.

Я, сам моложе быв, их смелостью польщен
И дерзким сделаться примером поощрен,
Желая поместить себя в их вздорном лице,
Стихами слабыми и на чужом языке ¹
Екатериныны пел славные дела, ²
Тогда как их уже давно перевела
Не на один, на все земных племен языки
Молва, гласящая царей дела велики.
Итак, без воли муз я славить то желал,
180 О чем весь свет греметь насилу успевал.

О! если бы тогда какой наставник строгий
Внушил мне, сколько дух и разум мой убогий
Ко прославлению великих дел ея,
Что всеу глас крепить усердьем тщился я,
Что мне ее дела и имя в свете славить
Так кстати, как бы горсть воды в Неву
прибавить, —
О, сколько б я его теперь благодарил:
Он из числа глупцов меня бы испустил.

Но если б вздумало правление уставом
180 Глупцов принудить быть всегда в рассудке
здравом,
То, верно б, я и весь ослиный их собор
Совсем сошли с ума, ему наперекор.

Закон — преграда злым, спокойство утверждает,
От сильного руки бессильных защищает;
Злодейство может он карать, искоренить,
Но глупостей людских не в силах истребить.
Так что ж! не должно ли изыскивать стараться,
Чем с глупостью глупцов принудить бы расстаться?

---

¹⁻² Под сими словами сочинитель разумеет преглупую свою французскую оду, на случай мира между Россиею и Оттоманскою Портою сочиненную. Она была сперва особенно напечатана 1775 года, потом в 1780 году в августе месяце «Санктпетербургского вестника», а писана сочинителем на 17 году его возраста, чего, однако ж, он ни себе, ни глупому своему произведению в извинение не ставит.

Пинтов научить без смысла не греметь
260 И веру теплую к рассудку возыметь?

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Мевия мириться с Аполлоном?
Не ставить наподряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод?

Толпа несмысленных и мерзких рифмоторцев,¹
Слагателей вранья и сущих умоборцев,²
Со всем семейством их, не убоясь судов,
Напутав кое-как и прозы и стихов,
В свет могут их пустить без пошлин,
без оклада,
210 Уму, читателям и музам на досаду.

Злодеям казнь грозит и строгости суда,
Презрение и стыд — бездельникам узда,
А делать глупости всяк может без препоны.

Когда ж духовные и светские законы
Не могут правами власть глупости унять,
Так что ж осталось? — ей зеркало казать,
В которое взглянув, себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,
Чтоб в лицах с глупостью порок изображать
И корень их и власть во нравах истреблять,
Колючей шуткой ум и сердце исправляя.
Итак, когда глупцы, стихи сии читая,
Похожими себя в иных местах найдут,
Да не винят меня за беспристрастный суд:
Я, правдою внушен, пишу ее уставы.
Глупцы, бездельники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно восстать,
Что я пороки их старался исправлять;
Я им добра желал; а если и восстанут
230 И, рассердясь, меня ругать за правду станут,

---

¹⁻² В «Первой сатире» вместо сих стихов напечатаны были иные.

То, презря с твердостью неправедный их гнев
И снисхождением их буйство одолев,
За наглую их брань не стану я сердиться:
Я не с людьми хочу — с пороками браниться.

1779—1780, (1783)

2. ОДА НА РАБСТВО¹

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою,
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной;
Отчизны моя любезной
10 Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь, —
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъямлют
20 Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь

---

¹ Сия ода сочинена в 1783 году; она полагается здесь как по порядку летоисчислительному, так и потому, что служила поводом к сочинению следующей оды — «На истребление звания раба».

На холм, древами осененный,
В густую рощу уклонюсь,
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являет вид:
Ручей там с ревом гору роет,
Унывно ветр меж сосен воет,
30 Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
40 Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово презратило
50 Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
60 И ваших чад могли губить?

Возрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезных свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
70 И злея смерти жизнь влекут;

Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают,
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их,
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
80 Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев молодых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
90 К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя,
А ты его обременяешь:

Ты цепь на руки налагаешь,
100 Благословящие тебя!

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающееся к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей,
Улыбке и слезам не внимлет,
В свирепстве от сосцев отъемлет
Невинный, бедственный свой плод,
В страданьи с ним не сострадает
И прежде сиротства ввергает
110 Его в злосчастные сирот.

Но ты, которя щедроты
Подвластные боготворят,
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопеступника щадят, —
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых, —
Так что же? — благ не скрыла ль новых
120 Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мяется трепетна земля, —
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
130 Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоя лучами,

Как бурным вихрем, разобьешь,
И, к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
140 На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моя драгой.
Тогда — о лестно упованье! —
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
150 И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоя держава
160 Твое я имя воспою.

1783

3. ОДА

НА ИСТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ ЗВАНИЯ РАБА
ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ,
В 15 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай,
В порфиру светлу облекися,
Веселья миром умастися.
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радость вселенну:

стр. 30. д. 15.
се въ ентотъ

Стор. 31. д. 16.
Дифрама

Стр. 32. Д. 2.-4
Делита
цѣлота по шрѣнелъ

Стр. 40. д. 5.
ишѣтѣ ишѣтѣ сѣ

Стр. 42. Д. 2.-5.6.7.8.9.10
се отъ въдуторелма, шорѣлѣтѣ
кромѣ свѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ
облава шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ.
ишѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ;
а шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ!
ишѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ!

шорѣлѣтѣ | макѣ маит, шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ, шорѣлѣтѣ
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ,
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ;
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ;
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ,
и шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ. - шорѣлѣтѣ.

шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ, шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ,
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ,
шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ шорѣлѣтѣ

Тебе свободу драгоценну,
10 Екатерина днесь дарит.

О дар божественных длани!
Дар истинных богоцарей,
Достойных вечной сердца дани,
Достойных мира алтарей!
Российские сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы с ними той к стопам падем,
Чья нас десница восставляет,
Оковы с наших рук снимает
20 И с вый невольничий ярем.

С времен, в забвении лежащих,
Наш род был славен на земли.
Везде с молвой побед гремящих
Российски лавры возросли.
Не там лишь, где восшедша Феба,
Текущего по своду неба
И в понт сходяща, виден свет,
Но там, где бог сей не сияет,
Завесы звездной не вскрывает,
30 Где вечно мрачна ночь живет.

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла.
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков,
Но раболепными руками
Упадших пред ее ногами
40 Царей брала под свой покров.

Теперь, о радость несказанна!
О день, светляе дня побед!
Царица, небом ниспосланна,
Неволи тяжки узы рвет;
Россия! ты свободна ныне!
Ликуй, — вовек в Екатерине

Ты благодать бога зреть должна:
Она тебе вновь жизнь дарует
И счастье с вольностью связует
60 На все грядущи времена.

Обилие рекой польется
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.
Девиц и юнош хороводы
Выводят уж вослед свободы
Забавы в рощи за собой;
И старость, игом лет согбенна,
Пред гробом зрится восхищенна,
60 С свободой встретья век златой.

Развязанными днесь крылами
Орел российский воспарит
Над гордыми его врагами,
С высот их выи поразит;
Обвившись пламенем перуна,
В Эвксине из руки Нептуна
Трезубый жезл исторгнет он;
В дальнейшие врагов пределы
Пошлет молниеносны стрелы
70 И раздробит сарматский трон.

Лети, пернатых царь! взносься,
Главой касайся небесам,
Над кровом вечности спустился,
Внеси в ее священный храм
Священный лик Екатерины.
Бессмертных дел ее картины
Там изваянны на стенах;
Да узрят веки отдаленны,
Колико времена блаженны
80 Текут в подвластных ей странах.

А ты, которая свободу,
Как животворный свет, даришь!
Знай, что российскому народу
Ты вечну цепь принять велишь:

Мы прежде власти покорялись,
В плену днесь кротости остались
И стали пленнее стократ, —
Твои щедроты бесконечны,
Сии сердец оковы вечны
50 И дух свободы покорят.

В потомстве благодарны россы,
Наследники времен златых,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих.
В них кроткий образ изваянный,
Рукою правды увенчанный,
Святиться будет в род и род;
И время, кое всё сражает,
Бессмертну косу изломает
100 Об памятник твоих щедрот.

21 апреля 1786

4. ОТВЕТ РАФАЭЛА ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Прекрасное изображение Фелицы, сочинение Гавриила Романовича Державина, дало мне повод к написанию ответа Рафаэла, в котором весь пятый куплет заимствован из следующих трех прекрасных строф его:

Престол се на скандинавских,
Камчатских и златых горах,
От стран таймурских до кубанских
Поставь на сорок двух столбах.
Как зеркал восемь бы, стояли
Ее великие моря.
С полнеба звезды освещали,
Вокруг — багряная заря.

Строфа 8

На сребролуно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молнии и поставь вверх дном.

Орел царевнин бы ногою
Вверху рога Луны сгибал;
Тогда ж бы на земле другою
У Льва голодный зев сжимал.

Строфа 47

Представь, чтоб глас сей светодарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха и отца
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Строфа 26

Рафаэл Санкцио Урбинской,
За Стикс отшедший на покой,
Мурзе Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знает,
Здоровья, счастья желает
И просит сей принять ответ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмий крылатый
10 Ему на сей доставил свет.

Мурза! Сто тридцать повелений,
Предписанных тобою мне,
Признаться, удивили тени,
Живущи в здешней стороне:
Казалось им то очень странно,
Что так слегка и столь пространный
Ты вздумал мне урок задать,
Над коего и сотой долей,
Поверь, со всею доброй волей
20 Пришло бы в пень Апеллу стать.

Ты, видно, думал, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;

Что как воображенью слово,
Так краской мастерство готово
Высоку мысль глазам казать;
И как ума паренья скоры,
Так кисти смелые узоры
30 И чувствам образ могут дать.

Но нет, Мурза! не так не трудно,
Как то себе мечтаешь ты,
Всех прелестей собранье чудно
Искусно слить в одни черты,
Чтоб душу ангела небесна
Представила краса телесна.
Мы солнце видим каждый день,
Однако вся искусства сила
Изобразить сего светила
40 Одну подобья может тень.

Не так легко «над полвселенной
На сорок токмо двух столбах
Престол поставить вознесенный,
В осьми смотрящийся морях;
Так ноги распростерть Орлины,
Чтоб сжал одною зев он Львиный,
Другой рога Луны сгибал;
И написать, как гром горящий,
В деснице кроткой, злым грозящий,
50 Гремел из уст, но не сражал».

А ты хотел, чтобы все дива,
Которы нам ты возвестил,
Чтоб опись славных дел архива
В одну картину я вместил!
Хоть знал я тщетное желанье,
Но всё употребил старанье
Тебе сколь можно угодить;
И так пусяся наудачу,
Чтобы решить твою задачу,
60 Я предприял ее дробить.

Сперва, созвав в совет согласный
Весь живописный наш синклит,

Фелицы твоя прекрасной
Решился я представить вид;
А чтоб исполнить чудно дело,
Юноны сановитой тело
Минервиной главой свершил;
И, прелестьми трех граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
70 Кипридин пояс обложил.

И восхищался... как, пред мною
Представши, бей каких-то орд,
Под шапкой, бритой головою
И длинными усами горд,
Спросил: кого изображаю?
«Фелицу». — «Как, ее? — я чаю,
Что бредишь ты, — брось кисти прочь,
И труд, мой друг, оставь напрасный:
Ее ли образ то прекрасный?
80 Он сходен с ним, как с полднем ночь».

Сказал и с гневом удалился.
Приветством удивлен таким,
Я речь завести поторопился
О чудной сей Фелице с ним;
Догнав его: «О бей почтенный! —
Сказал. — Оставим несравненный
Фелицын вид; позволь спросить
Совета, как бы кисть счастлива
Могла сего осьмого дива
90 Хоть подвиги изобразить?»

«Хоть подвиги? Не трудно дело
Затеял ты в уме своем!
Хотя б вас сто над ним сидело
Весь век, вы стали бы ни с чем.
Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней Палестины;
А где взять красок и кистей?
Опомнися, тебе ль пристало
Явить нам ясное зеркало
100 Великих дел царевны сей?»

Над всеми царствами вселенной
Она возносится как кедр
Над тростью гибкой, униженной,
Чуть выросшей из влажных недр.
Державный скипетр простирает:
На царства там граждан венчает,
В подданство царствы здесь берет:
Тут в брань текущи зря державы,
Претит потоки лить кровавы,
110 И суд и мир им подает.

Се гром и треск ее перуна,
Страшилища владык земли,
С полнощи грянув, дом Нептуна
В Средземном понте потрясли.
Там гидр она в волнах сжигала,
Луну надменну затмевала
Крылами своего Орла;
И, царств не возмута покою,
В предел свой сильною рукою
120 Пространно море вовлекла.

Но слова ли возможет сила
Явить в величии своем,
Как мрак полнощи просветила
Она премудрости лучом?
Как с подданных сняла оковы,
В них души поселила новы
И как, где труд свой не свершен
За прагом гроба оставляла,
Она там счастье засекала
130 Для жатвы будущих племен.

Но что! по всей вселенной ныне
Гремят дела ее одной,
И на пространной сей холстине
Насилу кистию златой
Писать их слава успеваает,
То как рука твоя дерзает
Подъять толь непомерный труд?
Оставь, мой друг, не суетися;

Кому дивится свет — дивися,
140 А кисть и краски спрячь под спуд».

Премудрого сего совета,
Мурза! отнюдь не презрю я.
Итак, Фелицына портрета,
Ниже картины дел ея
Тебе доставить не намерен.
Когда ж ты в способах уверен
Те чуда живо написать,
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
150 Что живо так умел сказать.

1789

5. ОДА

НА ОТЪЕЗД В ИТАЛИЮ
ГРАФА СУВОРОВА-РЫШНИКСКОГО,
1799-го ГОДА

Неизмеримую вселенну
Обтекши, колесо времен
Взвело веками поглощенну
Чреду ужасных перемен:
Сыны Титеи вновь родились,
Против небес вооружились.
Тифон и буйный Енкелад,
Вращая исступленны взоры,
На горы возметают горы
10 И срынуть трон богов грозят.

Неистовы сии Титаны
Среди Европы восстают;
Как раскаленные волканы,
Пылая, ось земли трясут,
Кипящу лаву извергают,
Под пеплом грады погребают.
И кто горящего жерла
Потушит пагубны пожары?
Молва гласит, как грома яры:
20 «Крыло полношного Орла».

Лети ж, орел! как вихрь с снегами!
Россиян бранный дух, лети!
Орла вечернего с птенцами,
Европу страждущу спасти.
Пари — и в молненном полете
Яви того, кто в полном свете
Блестящую Луну затмил,
Низверг твердыни сопостатов
И наглой вольности сарматов
30 Рога строптивы сокрушил.

Вносишь — и грозные Титаны
Твоим перуном да падут.
Восстанови закон погранный,
Реки цареубийцам суд,
Креста не дай дробить на части
И буйств против законной власти
Неистову прерви борьбу.
Всевышний небо преклоняет,
Весы тебе и меч вручает:
40 Царей и царств реши судьбу.

Февраль 1799

6. ОДА

•ПАМЯТЬ НОЯБРЯ 6-го ДНЯ
1796-го ГОДА•

Се день плачевный возвратился;
Пролей вновь токи слез, о россы!
В сей день внезапно сокрушился
Величественный твой колосс,
Вознесший скипетр твой, державу,
Наследную от предков славу
Поверх чела всех царств земных.
Полвека он, как фар, сияя,
Стоял, всю полночь озаряя,
10 Но пал, — погас в единый миг.

Стекайтесь, россы! и воззрите
На тлен снявшего венца.

Печали мраком осените
Унылы, скорбные сердца;
И падши на ступень гробницы,
Омойте слез ручьем зеницы.
Теперь сих слез, похвал сих дар
Уж не почтется данью лести:
Признательность к бездушной персти
20 Явит лишь душ усердный жар.

Вспомним днесь Екатерины
Бессмертны, доблестны дела.
Их слава вечности пучины
Как молний рассечет стрела.
Любви, трудов ее предметы
Усердьем пламенным согреты,
Возможем ли мы их забыть?
Потомство поздно не забудет,
Но успевать чуть мыслью будет
30 Вслед громких подвигов парить.

Там наглы, кровожадны орды,
Что нас в позорный плен вели,
России древним рабством горды,
Исчезли уж с лица земли.
Срацин лежит попраи двукраты.
Кичливы, буйные сарматы
Престол свой раздробленный зрят.
Горами, морем отделенный,
Пал перс, в степях своих сраженный;
40 В волнах срацин и готф горят.

С времен Елены, где российский
И челн не плавал, там наш флаг
Покрыл весь бурный понт Эвксинский,
Агарянам нанося страх.
Здесь Тавр, Кавказ пред ней склонился,
Там Днестр у ног ее извился.
Но что? найдется ли предел
И брег морей толь отдаленных,
Где лавров, где б олив зеленых
50 Не насадил ее Орел?

Страны, на кои мощны длани
И Петр лишь в мыслях налагал,
Теперь уже несут ей дани;
Свершилось всё, что он внушал.
Но если часто меч Паллады
Сверкал, враждебны руша грады,
И дух, трофеями прельщен,
Победам коль не клал границы,
Россия! дух твоей царицы
60 Твоей был славой воскрылен.

Но днесь прогнав печальны мысли,
Забыв омытый лавр в крови,
Коль можешь, благиости исчисли,
Плоды ее к тебе любви.
С юнейших лет твоей державы
Она закон, и дух, и нравы
Стремилась в сердце вкоренить,
Страны природной отчуждилась
И в дочь России превратилась,
70 Чтоб нежной матерью ей быть.

Прияла скиптр — зовет науки,
Средь тьмы распространила свет
И, к сиротам простерши руки,
Их жизнь покоит, бережет.
Враждебны потрясая троны,
Дарует кротки нам законы:
С собой в судилище сидеть
Священно право уделает
И имя рабства истребляет,
60 Душами славясь лишь владеть.

При ней мы собственность познали,
Предмет стяжаний, мзды печать,
И крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вещать.
Тут ею казнь смягчилась строга,
Легчит она там гнет налога,
Щедроты на народ лия.
Не данники, мы дети были,

И самовластный жезл забыли
90 Под кротким посохом ея.

Но ах! Где мать и царица?
О скорбь, несносная сердцам!
Увы! уже мертва десница,
Блаженство зиждившая нам.
Уж в пепел сердце перетлело,
Что к нам любовьию горело.
Злый рок драгую нить пресек,
С которой наше счастье длилось!
100 За мрачны тучи закатилось
Российско солнце уж навек.

Прийди ж, о росс! на гроб сей хладный,
Призвавши тень ее, пролей
С мольбою слезы безотрады,
И поклянемся там пред ней:
Коль благости ее забудем
И памяти святить не будем,
Да меч наш, устремленный в бой,
Как трость, в деснице сокрушится,
Как бич, ординец возвратится,
110 Лежавший под ее пятой.

А ты, облекшийся в сиянье,
Ликуй теперь, небесный дух!
Не акн северно блистанье,
Как царь лучей, вселенной круг
Согрев, ты к западу склонился
И в звездном храме водворился.
Ликуй там до конца времен!
Хоть червь снедать твой гроб захочет,
Бессмертна лавра не проточит:
120 Живешь в сердцах ты россиян.

Между 1801 и 1806

7. НАГРАДА ПРАВЕДНОГО

Псалом 1

Блажен, в совет кто нечестивых
Нейдет, на грешных путь не стал
И на седалище кичливых
Губителей не восседал.

Но всею волей покорится
Закону бога своего,
И днем и ночью поучится
В заветах праведных его.

Как древо будет насажденно,
Что при истоках вод растет,
Плодом вовремя отягченно,
И лист его не отпадет.

Во всем, что ни творит, успеет.
Не тако грешные, не так:
Но яко прах, что ветер возвеет
С лица земли в пустых степях.

На суд не встанут нечестивы,
Ни грешны к праведным в совет;
Господь бо весть пути правдивы,
А злых в пути погибель ждет.

1790-е годы

8. ТЩЕТА КРАМОЛЫ ПРОТИВУ ПОМАЗАННИКА БОЖИЯ

Псалом 2

Почто смущаются языки,
Текут вслед буйства своего?
Земные восстают владыки
На бога и Христа его.

Рекли: «Заветы их отрывем,
Железны узы разорвем
И, презря власть их, с выи скинем
Несносный, тяжкий их ярем».

Но их безумству посмеется
Живый на небесах, — речет. . .
И сонм их страхом потрясется,
Господня ярость их сметет.

Я царь, Сиона обладатель,
Творца я волю возвестил.
«Ты сын мой, — рек ко мне создатель, —
Мой сын! я днесь тебя родил.

Проси: тебе я в поднебесной
Языки дам всех стран земных.
Твой скиптр их упасет железный
И, как скудель, сотрет он их».

И ныне, о цари! внимлите,
И миру судии всему!
Творцу со трепетом служите,
Со страхом радуйтесь ему.

Приимите глас святых заветов,
Да гнев его не воскипит
И вас, средь пагубных советов,
В путях коварных потребит.

Но он блистает уж громами
Во гневе с трона своего.
Блаженны правые сердцами
В надежде твердой на него!

1790-е годы

9. ПРИЗЫВАНИЕ ПОМОЩИ

Псалом 6

Не обличи меня ты яростью твоею,
О боже! гневом не карай,
Но кротко пощади, — я в немощах слабею:
Помилуй, призри, исцеляй.
Уже вся сила сокрушилась
В груди, стесненной скорбью злой,
И вся душа моя смутилась:
А ты что медлишь? боже мой!

Встань и душу днесь не дай на жертву злобе;
Избавь для славы твоея,
Зане кто о тебе вспомнит в аде, в гробе?
От вздохов утрудился я,
На всяку ночь постель омыю,
Слезами ложе омочу;
Перед врагом склоняя выю,
В напастях скорбну жизнь влачу.

Бегите от меня, все мыслящие злобно!
Господь моим стенаньям внял.
Услышал он мое моление прискорбно
И теплую мольбу приял.
Да возмятутся, постыдятся
Все мне желающие злых,
Да вскоре тощи возвратятся,
И студ везде да встретит их.

(1805)

10. ВОЗНОШЕНИЕ ДУШИ К БОГУ

Псалом 41

С каким в полдневный зной стремленьем
Летит елень на брег ручья,
С таким, о боже! нетерпеньем
Парит к тебе душа моя.

Душа моя стремится к богу,
К живому, к сильному творцу,
Но, жизни сей прошед дорогу,
Когда явлюсь его лицу?

О скорбна мысль! почто мгновенно
Нельзя, веселый множа сонм,
Со гласом песни восхищенной
Войти, ликуя, в божий дом?

Мне слезы были в снедь всю ночь и день
печали,

Моя беседа — томный вздох,
Когда враги мне повторяли:
«Скажи нам, ныне где твой бог?»

Почто, душа моя! уныла,
Почто меня ты возмутила?
На бога уповай: он вознесет твой рог,
Хвалы моей услышит пенье,
Зане единый взор его — мое спасенье;
Он мой защитник, он мой бог.

Хоть зрит мой дух, печали полный,
Что бездна бездну зол зовет,
Что всех на мне напастей волны
Прешли одна другой вослед,

Но если мне господь спасенье
Явит во дни, в ночи ему
Похвальное воскликну пенье
С мольбою к богу моему.

Творцу, что в бедствах щит мне твердый,
«Почто забыл меня? — скажу. —
Когда вознесся враг злосердый,
Почто я сетуя хожу?»

Мне в грудь был острый меч во дни моей печали,
Моя беседа — томный вздох,
Когда враги мне повторяли:
«Скажи нам, ныне где твой бог?»

Почто, душа моя! уныла,
Почто меня ты возмутила?
На бога уповай: он вознесет твой рог,
Хвалы моей услышит пенье,
Зане единый взор его — мое спасенье:
Он мой защитник, он мой бог.

(1805)

11. ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ И ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Псалом 138

Творец миров и человека!
Ты испытал меня, узнал;
И сокровенны издалика
Мои ты мысли угадал.

Все подвиги мои ты знаешь,
Пути мои все видишь ты,
И каждый шаг мой назираешь
Недремно с горней высоты.

В уме рожденное лишь слово
Известно сердцу одному,
Из уст лететь едва готово,
Дошло уж к слуху твоему.

Везде твоя мне зрится сила,
Куда ни обращаюсь я,
И верх главы моей покрыла
Стрегущая рука твоя.

Высокой столь и столь чудесной,
Творец! премудрости твоей
Постичь не может ум мой тесный,
Но, испуган, дивится ей.

Где скрыться от тебя, не знаю:
Взнесусь над звездны высоты —

На троне там тебя встречаю,
Спускаюсь во ад — и тамо ты.

Парю ли на крылах денницы
За крайний океана брег —
И тамо длань твоей десницы
Мой быстрый остановит бег.

Я рек: во тьме могу сокрыться,
Но взор твой освещает тень:
Пред ним не может мрак сгуститься
И воссияет ночь, как день.

Сколь чуден бог, меня создавший,
Сколь чуден ты в делах своих!
В них луч твоей блистает славы,
Душа моя гласит о них.

Когда еще я не зачался,
Меня уж ты образовал;
И ты, когда я оживлялся,
Из чрева матери приял.

Ты твари зрел не сотворенны,
Как будто б их давно создал,
И всей их жизни дни внесенны
Уж в книге вечности читал.

О, сколь твоя премудрость дивна!
Сколь множество ее плодов!
Как время, цепь их непрерывна,
Число — как тма морских песков.

И ты ль, творец! всезрящим оком
Злодейства грешников не зришь
И в гневе праведном, жестоком
Их смертью не поразишь?

Бегите ж, злые! уклонитесь,
Язык ваш остр, как жало змей:
Хулу гласить вы не страшитесь
На бога в буйности своей.

О боже мой! ты зришь и видел,
Как дерзостных врагов твоих
Я всей душой возненавидел
И за врагов считал моих.

Изведай, крою ль в сердце злобу?
О господи! и вождь мне будь.
Смотри, мой путь ведет ли к гробу?
И к вечности скажи мне путь.

(1806)

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЕ И ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ОДЫ

---

12. ОДА НА НАДЕЖДУ

Леса, влекущие к поксю!
Чертог любви и тихих дней!
Куда вы с прежней красотой
Сокрылись от моих очей?
Вас та же зелень украшает,
Но мне того уж не являет,
Чем дух бывал прельщаем мой;
Везде меня тягчат печали,
Везде, где прежде восхищали
10 Утехи, счастье и покой.

О рок! о судия жестокий!
Неумолимый царь времен!
Доколе буду слез потоки
Я лить, тобою осужден?
Доколе, в сердце скорби кроя,
Я буду прежнего покоя
Искать, в злосчастии стена?
Иль бед моих окончи время,
Или уж всех напастей бремя,
20 Собрав, повергни на меня.

В терпении мудра познаваем,
Несчастьем испытует он,
Но где сверх меры мы страдаем.
Там тщетен мудрости закон.
Рожденная надежда с нами,

Доколь хоть тихими стопами
К концу напастей нас ведет,
Еще рассудок помогает,
А в ком надежда исчезает,
30 Под ко́су смерти тот течет.

С юнейших лет жестокой власти
Уже я бремя ощущал
И начал чувствовать напасти,
Как скоро чувствовать я стал,
Но днесь они прешли пределы.
Сбери, о рок, острейши стрелы,
Стремись мне ими грудь пронзать;
Не убоюсь грозы напрасной:
Сразив меня рукою властной,
40 Ты слаб мой дух поколебать.

Ты слаб! ах, нет! сей мысли верить —
Есть ложной льстить себя мечтой.
Я мог душою лицемерить
Пред всеми, но не пред собой.
Я мог страстей таить волнение,
Скрывать на сердце огорчение
И скорбь в груди запечатлеть,
Но, душу скрыть от всех умея
И ею вне себя владея,
50 Внутри себя не мог владеть.

Страдал, — и скорби остро жало,
Таящееся в груди моей,
Тем глубже сердце уязвляло,
Чем больше крылось от очей.
Печаль, являюща отраду,
Подобна пагубному яду,
Который, в лестном виде сна,
Коварну смерть уготовляет.
Конец терпенья предваряет
60 Души притворна тишина.

Ручей, который с гор стремится,
Сверкает, пенится, ревет,

Сквозь дебри роется, мутится
И камни быстринной несет,
Не столько в ярости опасен,
Как ток, который тих, безгласен,
Подмывши брег, притворно спит:
Он бездну тишиной скрывает;
Тот рвенье чувств изображает,
70 А сей отчаяния вид.

Еще не свершены печали
И луч надежды не исчез,
Пока стенанья не престаи
И ток не осушился слез,
Но коль и сих отрад лишено,
Несчастьем сердце удручено
Таит в себе жестокость бед —
Се час ужасный наступает:
Унынье душу омрачает,
80 А вслед отчаянье течет.

Но, внемля истины уставам,
В печалях должно ль унывать,
И должно ль счастья отравам
Свое спокойствие вверять?
Надежды должно ль нам лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда преходит всё как прах?
Когда для нас и горесть люта,
И час, и каждая минута
90 К блаженству будущему шаг?

Почто ж, коль в свете всё переменю,
Почто печальми дух тягчить?
Быть может, что судьбой смягченной
Мне суждено и в счастье жить;
Быть может, что спешит уж время,
Когда напастей тяжко бремя
Она, отторгнув от меня,
Наместо их щедрот рукою
Устроит дни мои к покою,
100 В блаженство горесть пременя.

Надежда, смертных утешитель!
Ты будь моих подпорой сил.
В тебе единой вседержитель
Спокойство наше утвердил.
Твой глас несчастных уверяет,
Что рок те бедствия скончает,
Которых бремя их тягчит;
А в счастья ты в том порука,
Что никогда уж с ним разлука
110 К напастям нас не возвратит.

А вы, леса, где грусть я крою,
Простите мне, что я посмел
Теснящею меня тоскою
Встревожить тихий ваш предел.
Несчастье вы мое внимали, —
Когда же рок, прогнав печали,
В которых дух мятется мой,
Пошлет мне прежде благоденство,
Тогда приду к вам петь блаженство
120 И тем ваш усладить покой.

(1780)

13. ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА

Доколе рок свирепый станет
Меня бичом напастей гнать
И по частям когда престанет
Мое он сердце раздирать?
С любезным братом разлученье
И друга верного лишение
Едва оплакать я успел,
Се вновь жестокая судьбина
Велит мне смерть оплакать сына,
10 Что в гроб мою надежду свел.

Отцы и матери несчастны!
Моею тронуты тоской,
Придите, ваши души страстны
Да сострадают днесь со мной.

Слезами стих сей оросите
И горести моей простите,
Коль ваши раны обновит, —
Лишенный сил средь волн ревущих,
За ближних ухватясь плывущих,
20 Спасится гиблющий спешит.

А вы, родители счастливы!
Внемлите скорбну песнь сию.
Коль души в вас чадолюбивы,
Восчувствуйте печаль мою.
Взглянув на ваших чад любезных,
Не пожалейте токов слезных
Над плачущим отцом пролить.
Да бог вас не лишит отрады
И да возмогут ваши чады
30 До гроба вам весельем быть!

Мое веселие прервалось,
И сына моего уж нет.
О сердце, кое им прельщалось,
Претерпевай всю лютость бед!
А вы, утех лишены очи,
Покройтесь завесой ночи
Или в источник горьких слез
Неиссякаюш превратитесь!
Надеждою отрад не льститесь:
40 Луч радости моей исчез.

Исчез, и навсегда сокрылся
Во гробе сына моего.
Увы! навеки я лишился,
Вовек не узрю уж его.
О сын мой! ты, как нежна роза,
Свирепством раннего мороза
Сраженная, поблек, увял;
Как цвет, листов не распустивший,
Одну зарю лишь только живший,
50 Иссох и полдня не видал.

Уже ты на меня не взглянешь,
Улыбкой нежной осклабясь,

И рук умильно не протянешь,
В объятья матери просясь;
Не будешь, нас ко всем ревнуя,
Играя с нею и целуя,
Мое ты имя затверждать;
Не будешь, сидя между нами,
Твоими нежными руками
60 Ты наши выи сопрягать.

И мне, покрыту сединою,
Подпорою не будешь ты.
Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Один я понесу, стоная,
И, к долу седину склоняя,
Преткнусь без помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, бедами удрученный,
70 Под игом лет, болезней, зла!

Паду, как ветхая обитель,
На столб опершая чело,
На кой природы разрушитель
С косою время налегло
И сильной мышцею сломало.
Пал столб, и зданье затрещало;
Потряси дряхлую главой,
Обрушилося, развалилося,
С лицом земли уже сравнилось
80 И скоро порастет травой.

Безумен, кто себя на бранный
Надежды якорь обопрет!
Как жезл сей, сверху изошренный,
На нем возлегшу длань пробьет,
Так нам надежда изменяет.
О сын мой! над тобой рыдает
Отец твой, льстившийся лишь тем,
Что ты сомкнешь его зеницу,
Что хладную его гробницу
90 Омоешь теплых слез ручьем.

Но я твои закрыл днесь очи,
Я твой последний вздох приял;
Под кров сходяща вечной ночи
Потоком слезным омывал.
Я заступ движущей насилиу
Рукой изрыл тебе могилу
И хладный прах твой в ней покрыл
Землею, смешанной с слезами;
Усыпал я ее цветами
100 И дуб трилетний посадил.

Как древо то, так я, несчастный,
К гробнице приклонюсь твоей.
Заря, и дня светило ясно,
И звезды, спутницы ночей,
Меня найдут у сей могилы.
Там вопль мой горестный, унылый,
Мой сын! тебя ко мне зовет;
Но ты молчишь, о тень драгая!
Лишь эхо, стон мой повторяя,
110 Со мною томно вопиет.

Не узрю я тебя, доколе
Прядется паркой жизнь моя.
Увы! не возвращает боле
Нам гроб добычи своя
И гласу горести не внемлет.
О сын мой! смерть тебя отъемлет
От томных груди моей,
Не дав тебе познать утехи
И чрез забавы, игры, смехи
120 Вкусить приятства жизни сей.

Приятства! — нет, о сын любезный!
Я обольстить тебя хотел:
В судьбине смертных, скорбной, слезной,
Никто прямых приятств не зрел.
Всяк должен дань платить печали.
Где смертны счастья искали,
Там встретило их ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое,

В младенчестве земли златое,
130 С собою время унесло.

Так ты, мой сын! счастлив неложно,
Что жил времен один лишь миг,
Что, жизнью не томясь тревожной,
До тихой пристани достиг,
Поспешным пренесен зефиром.
Покойся днесь, покойся с миром,
Любезная, дражайша тень!
Завидую твоей я доле,
Жалея, что не в смертных воле
140 Последний ускори́ть наш день.

Но о твоей, мой сын, разлуке
Уже я боле не грущу,
Не предаюся горькой скуке
И на судьбину не ропщу.
С отрадой жду я тех мгновений,
Когда рок, цепь моих мучений
В источник благ переменя,
Из бедствий жизнь мою искупит,
Когда с тобою совокупит
150 На лоне вечности меня.

Теперь уж я твою гробницу
Не возмущу моей тоской,
И, сев на ней, мою зеницу
Потщусь не омочить слезой.
Но солнцу, ставшу над горами,
Я поспешу твой гроб цветами
Устлать и миром оросить.
Творцу, на месте сем священном,
Я буду в сердце восхищенном
160 Хвалений жертву приносить.

Тут часто ночь меня застанет, —
При свете бледных луны
Мой дух там воскрылаться станет
К пределам вечной тишины
И в мыслях созерцать вселенну,

Душой всесильной оживленну.
Там, может статься, тень твоя
Мне будет меж дерев мечтаться,
И там я буду научиться
170 О цели жизни моя.

(1787), (1806)

14. ОДА НА СЧАСТИЕ

Весна приятна возвратилась,
Блестящу рóсу пьют поля,
Зеленым бархатом покрылась
И тысячами цветов земля;
Оделись листием дубравы,
Кусты и благовонны травы
Нам испаряют аромат;
С гор зёркальны струи катятся,
И в рощах хоры птиц гнездятся,
10 Поющи новы дни отрад.

Взойду на холм — мой взор веселый
Везде довольство, негу зрит:
В долу спокойно бык дебелый
Близь стада тучного лежит.
Там бодрый конь, поднявши гриву,
И хвост, и выю горделиву,
Играет вокруг своих подруг.
Тут козы брань ведут, резвяся,
Там, паствой овцы насладеяся,
20 Блеяньем наполняют луг.

Везде — и в воздухе сем чистом,
По всей поверхности земли,
В полях, в лугах, в лесу тенистом —
Зефиры радость разнесли.
Весны влияния отрадна
И звери ощутя зложадны,
Питают нежный жар в крови,
Приятным чувством умягченный;

И всё, вновь в мире оживленно,
30 Дань платит счастьем и любви.

Всё дань любви и счастьем платит!
Лишь человек из тварей всех
Часы в заботах, в скуке тратит,
От общих уклонясь утех.
Несытых вечно полн желаний,
В кругу пустых надежд, мечтаний
Проводит он и ночь и день;
Простых, природных благ чуждаясь,
Суёт в дедале заблуждаясь,
40 Хватает счастья токмо тень.

Один посева оставляет
И плуг наследный от отцов,
В меч острый рало превращает
И в буйстве ищет лишь врагов.
Обманут гласом ложной славы,
Собратий ток лиет кровавый
И старцев и сирот разит;
И льстится, обагрив длани,
Что кровь пиюще поле брани
50 Ему лавр вечный возрастит!

Другой, стада продавши тучны
И дом рожденья своего,
Где с детством игры неразлучны
Всю жизнь лелеяли его,
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Изменным вверился зыбям;
Он плач родных сухим зрит оком,
И вот в волнении жестоком
60 Лишь злато льстит его очам.

Иной, лишь в пиршествах, забавах
Всё счастье света заключив
И неги в сладостных отравках
Здоровье, душу истощив,
В вихрь роскоши себя ввергает;
Он средства лишь изобретает

От самого себя бежать;
Летяще невозвратно время
Он силится, как тяжко бремя,
70 Тщетою праздною погублять.

Но на различных сих дорогах
Страстьми влекомый человек,
По кратковременных тревогах
Златый обресть мечтая век,
В отрадном, в истинном покое
Возможет ли сыскать прямое
Блаженство жизни своея?
Ах, нет! — чем к цели он скорее
Течет, тем от него быстрее
80 Цель удаляется сия.

С какими бедствами, трудами
Стяжаний ищет он драгих!
Скопляются они веками —
Единый миг уносит их.
Честей и знатности степени
Как легки исчезают тени;
Кто плевлы сеет — тот и жнет.
Прельщенна видами пустыми,
Душа не насладится ими:
90 Прямого счастья в них нет.

О счастье! всех страстей пружина,
Всех мыслей, чаяний, трудов,
Желаний всех о цель едина!
Прийди, поведай, где твой кров?
Скажи нам, где ты обитаешь?
На троне ли в венце сияешь
Иль поселилось в шалашах,
Или, оставя человека,
На крыльях золотого века
100 Взлетев, живешь на небесах?

Обремененный нищетою,
Презреньем общим посрамлен,
Раб ропщет: для чего судьбою
Рабом он в свет произведен?

Он, пышностью вельмож прельщаясь,
«Блажен, — гласит, — кто, наслаждаясь
Богатством, дней число своих
Числом забав, пиров счисляет!
Он век моих утех вмещает
110 В один своих веселий миг!»

«Я властью вознесен и славой, —
Речет монарх, — я смертных бог.
Я сильною моей державой
Врагов моих стер гордый рог,
В забавах, в неге утопаю,
Но счастья не обретаю
Ни среди побед, ни среди пиров.
Спокойство от меня уходит,
Спокойство в хижине находит
120 Последний раб моих рабов».

Когда ж своею в свете частью
Никто не удовлетворен,
Так неужель нам путь ко счастью
Стеною вечной прегражден?
На то ль от бога жизнь прияли,
Чтоб, жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый час?
Никак, — источник совершенства,
Он сотворил нас для блаженства,
130 Блаженство сотворил для нас.

Виновны мы, что, льстясь мечтами
И блеском призраков пустых,
Живущее блаженство с нами
Стяжать желаем чрез других;
Что, вечно токмо в чуждой доле,
То в хижине, то на престоле,
Обречь надеемся покой
И, ослепленные пристрастьем,
Весь век свой гонимся за счастьем,
140 Нося его всегда с собой.

Познай, о человек! сколь смежно
С тобою благ струя течет

И как сама десницей нежной
Своих питомцев к ней ведет
Премудра, щедрая природа,
Что совесть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлеб
Довлеют к твоему покою.
Будь с ними счастлив сам собою
150 И дар благослови судеб.

А если бог, чтоб безмятежну
Украстить жизнь венцом отрад,
Пошлет тебе супругу нежну,
Правдива друга, добрых чад,
О, счастлив, счастлив ты не лестно!
Для чувств любви сердце тесно
Ты в недра дружества пролей
И, чужд мирских сует, наветов,
Блаженством сих драгих предметов
160 Удвой твоих блаженство дней.

Удвой, но, ах! с приумноженьем
Сих счастья узлов драгих
Стократ мучительным язвленьем
Коварно жало скорбей злых
Грозит, о смертный! нам всечасно.
Какое сердце толь бесстрастно,
Толь твердо, жестко может быть,
Чтоб близких так души залогов
Болезнь, печаль и смерть без вздохов,
170 Без ропота могло сносить?

Увы! возможно ль капель слезных
Не уронить с унылых вежд,
Возрев на прах детей любезных,
На гроб приятнейших надежд?
Слезами не омыв зеницу,
Воссесть на хладную гробницу
Иль друга, иль драгой жены
И не терзаться над могилой,
Где жизни, уж навек постылой,
180 Все радости погребены?

Несчастный! в скорби сей сердечной
Приди, дай руку мне, пойдём;
Пред троном благ, любви предвечной
С повинованием падем,
И из-под праха глас умильный
Возвысим. да рукой всеильной
Стесненно сердце укрепит,
Печалей да смягчит грызенья,
Противу горестей стремленья
190 Да ниспошлет нам веры щит!

О вера! глас творца вселенной,
Святейший луч его лучей,
Отрада жизни угнетенной,
Душевна здравия елей!
Оставь небесную обитель:
Снижди, будь вождь нам, просветитель,
Наставь нас, что доколе мы
Вериг не сбросим тела страдна,
Не можем света, нам причадна,
200 От сродной нам отторгнуть тьмы;

Что жизни в дебри сей терновой
Мы странствовать во мгле должны,
Что там — за ней — день светит новый,
Что те лишь, кто преселены
В то обиталище святое,
Вкушают счастье прямое
И радость полной чашей пьют.
От смерти к вечности избранны,
Венцом нетленным увенчанны,
210 Небесной жизнью живут.

Но здесь одна лишь добродетель
Источник неисчерпных благ,
Отрад чистейших нам содетель.
В болезнях, в нищете, в бедах
Она печали услаждает
И равномерно сочетает
Себя с владыкой и с рабом.
Ни тать, ни враг, стихии злобны

Ее похитить не удобны:
220 В сердцах она свой зиждет дом.

Возрیم на мужа благотворна.
Что сладостней его отрад?
Улыбка нежна, непритворна
Им воскормленных чуждых чад,
Признательна слеза вдовицы,
Исторгнутых из рук убийцы
Благословение сирот
И вздох отраднй старца нища —
Какая сердцу сладка пища!
230 Какой утех бессмертнй плод!

Возмогут ли болезнь, гоненья,
Печаль и сонм напастей злых
Средь толь приятна восхищенья
Не притупить всех жал своих
И на стезях колючих, тесных
Лишить его утех небесных,
Восторга нежного сердец,
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна вера вечнй
240 Готовит радости венец?

О вера! уст твоих уроки
Ослабший дух мой подкрепят,
С тобой и горести жестоки
Меня теперь уж не сразят.
Убожество, болезнь и бедство,
Как человечества наследство,
С терпеньем буду принимать
И в тишине, средь мала круга
Любезных чад, жены и друга,
250 Блаженство временно вкушать.

А если б хоть на миг судьбину
Несчастливых мог я усладить,
Хоть вздох, хотя слезу едину
Скорбящего остановить,
Иль мокру осушить зеницу, —
О, сколь всещедрую десницу

Творца благословил бы я!
С какой отрадою сердечной
У прага жизни бесконечной
260 Предел бы жизни зрел сея!

Прийди ж, весна! как ты цветами
Пестришь поверхности полей,
Так дружества, любви венками
Я путь моих усыплю дней.
В тенистых рощах заблуждаясь,
Природы красотой пленяясь,
Невидимых небес красу
В ней, как в зеркале, зреть я стану
И льститься, что хоть здесь увяну,
270 Но плод бессмертный принесу.

(1792)

15. ОДА НА СМЕРТЬ ПЛЕНИРЫ

Где от горести унылой,
Где спастись от лютых бед?
Нет в живых Плениры милой!
Милый друг! тебя уж нет!
Где от скорби ни скрываюсь,
Всё в мечтах с тобой встречаюсь;
В смертну погруженный сень,
Зрю твой гроб, вопль слышу слезный.
Всё в глазах твой вид любезный
10 Носится, дражайша тень!

Тень дражайшая! смягчися:
Возвратись хотя на час,
Хоть на миг остановися
И подай в последний раз
Белизной блестящу снежной
Руку, что с улыбкой нежной
Простирала к другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь,
Дух мой в горесть погружаешь,
20 В мрак унылой пустоты.

Тщетно слез струя катится,
Не смягчает скорби злой.
В сердце кровь остановится,
Как лишь гроб представлю твой.
В душу мне он ужас сеет.
Всё в глазах моих мертвеет.
Каждый милый мне предмет
В виде кажется увялом.
Смерть надгробным покрывалом
80 От меня скрывает свет.

В рощу ль скроюся густую —
Осень уж ее мертвит,
На жену ль взгляну драгую —
Смертный одр пред ней стоит.
На детей воззрю ли милых —
Вижу в них сирот унылых.
Сам, скитаясь меж гробов,
Мрачной, кажется, стезею,
Тепью предводим твоею,
40 Опускаюсь в смертный ров.

Вслед за скорбной сей мечтою
Скорбная летит мечта:
Вижу духом пред собою
Те печальные места,
Где теперь супруг твой страстный,
Удручен судьбой злосчастной,
Медленны часы влачит,
Где, от всех уединенный,
Мрачной мыслью отягченный,
60 С горестью один сидит.

Там он зрит перед собою
Скорбный вид мгновений тех,
Как, взмахнувши смерть косою,
Вкруг твоей постели всех
Ближних и друзей стеснила,
Как, прощаясь, ты вперила
На него померкший зрак;
К небу взведши взор, вздохнула

И глаза навек сомкнула
60 На драгих тебе руках.

О! почто же всем любезный,
Всех любящий человек,
Ближним, обществу полезный,
Кончит быстротечный век?
А злодей, как ястреб гладный,
Только крови ближних жадный,
В нечестивый путь течет
Средь утех, увеселений,
Без забот и огорчений
70 Сладкий, долгий век живет?

Но что жизнь? В родах — мученье,
В детстве — раболепства гнет,
В юности — страстей волненье,
В мужестве — труды сует.
Старость — возвращает в детство,
Смерть — рождения наследство.
Вот что жизнь — се нива зол!
Сеет смерть и пожинает,
Землю в гроб преобразует,
80 Гроб — во мрачный свой престол.

Что ж скорбим, что в свет отселе
Спешно перешел наш друг?
Здесь в ее прекрасном теле
Обитал небесный дух,
Сердце верою дышало,
Каждо чуждой скорби жало
И ее пронзало грудь.
Дружество с любовью нежной
В дебри жизни сей мятежной
90 Ей прокладывали путь.

Верь, мой друг! и скорбь отрыни,
Верь, что слез твоих предмет
Из сей мрачн्या пустыни
В вечный преселилась свет,
Что теперь твоя супруга,

Верх земного темна круга,
На лиющих свет кругах,
В радость облачась, играет
И с отрадою взирает
100 На лежащий в гробе прах.

Верь, что миг тот нам плачевный,
Как померк в ней свет очес,
Очи ей открыл душевны
Зреть незримый свет небес;
В ров как гроб ее спускали,
На воздушных поднимали
Ангелы ее крылах;
Персть как с заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
110 На нее в златых лучах.

Верь и не скорби душою
О потере дорогой.
Радуйся: небес стезею
Уж она вошла в покой
В радужном венце победы.
Но от горняя беседы,
Как взойдет на холм луна,
В ризы скрывшись нетленны,
Прийдет в час уединенный
120 Утешать тебя она.

О, сниди, мой друг небесный!
Влей отраду в томну грудь.
К хижине моей безвестной
Ты легко заметишь путь:
Изваянный лик твой милый
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,
Снидешь друга зреть смущенна
130 И мелькнешь в душе моей.

Гроб, где прежде взор мой бранный
Лишь пустыню находил,

Днесь мне зрится населенный
Сонмами небесных сил.
В них мне будешь ты мечтаться
И пред всеми отличаться
Лунно-видной белизной,
Как сияла между нами
Нежных прелестей чертами
140 И душевной красотой.

Июль — август 1794

16. ОДА НА ВОСПОМИНАНИЕ ПЛЕНИРИНОЙ КОНЧИНЫ

Уже золотыми полосами
Лишь солнце из-за гор взошло,
Рассекло тучи и лучами
Багряны их бока зажгло.
Умытая росой природа
Ликует час его восхода
И им любитесь в струях,
Цветы ему благоухают,
И хоры птиц его встречают,
10 Парящего на небесах.

Благословлю тебя, священный
И купно безотрадный день!
Гони печали мрак сгущенный,
Как ночи разогнал ты тень.
Уж солнце года круг свершило
С часа, как горестью унылой
Томит меня Пленеры смерть.
Но ни летяще быстро время,
Ни злоключений новых бремя
20 Не могут лютой скорби стерть.

Вотще весна, прогнавши хлады,
Природе нову жизнь дает,
Для новых ей красот, отрады
Из недр земли цветы зовет,
Вотще, — и ей не внемлют гробы!

Вовек из недр земной утробы
Для новой жизни здесь твой прах
Не встанет, милая Пленира!
Твой дух на крыльях эфира
80 Парит во светлых облаках.

Ликуй же средь безмрачна круга,
В небесном сонме веселись,
Но иногда на верна друга
С приятным чувством оглянись.
Возри, как с ревностью сердечной
Твою любезну память вечно,
Твой образ он в душе хранит.
Возри, как день твоей разлуки —
Источник горький слез и муки —
40 С благоговеньем он святит.

Над милыми детей гробами,
Над сим убежищем святым,
Из незабудков с васильками
Сплетенным именем твоим
Простой тебе алтарь украшу.
Там горсть пшеницы, меда чашу
В дар памяти твоей драгой
Поставлю; фимиам возжжется
И теплых слез поток прольется
60 С усердной к небесам мольбой.

Прийми сей дар, о тень драгая!
Прийми, с превыспренных спустишь
И, в легком ветерке летая,
Горячей сей груди коснись:
Пролей в нее покой, отраду;
И верна дружества в награду,
Когда у алтаря сего
Склонюсь почить в уединеньи,
Приди хотя во сновиденьи
60 Утешить друга твоего.

1795

17. ОДА НА УНЫНИЕ

Дни отрадны! где сокрылись
Ваша светлость и красы?
Мраком горести затмились
Прежни ясные часы.
Всё в глазах моих постылый,
Томный принимает вид,
Скорбь в душе моей унылой
Чувство радости мертвит.

10 Как приятно расцветало
Утро юных, светлых дней!
В полдень облако застлало
Жизни горизонт моей.
Мрак вокруг меня сгустился,
Туча двинулась с грозой,
Вихрь столбом до облак взвился,
Гром раздался над главой.

Смертных жизнь! о сколь ужасен,
Зол прилив твой и отлив!
В счастья вздремлешь безопасен,
20 А проснешься несчастлив.
Так, средь нег, среди покою
Бездна мне открылась бед.
Горесть острою косою
Дней моих посекала цвет.

Луг весенний украшая,
На заре цветок расцвел;
Ароматами дыхая,
Лакомых манит он пчел.
Мотылек на нем садится,
30 С бабочкой резвясь драгой,
И прохожий веселится
Раннею его красой.

Но внезапно червь презренный
Подъедает корешок:

Вянет стебель и лист зеленый,
Клонит голову цветок,
Блекнет, сохнет и мертвеет.
Странник изумленный стал,
Удивляется, жалеет:
40 «Что толь рано он увял?»

Так и я в тоске томлюся,
Душу тяжка скорбь гнетет,
Но куда ни оглянуса, —
Сострадающего нет;
И любви сердце жадно
К чьей груди ни приложу,
Всюду токмо чувство хладно
Иль измену нахожу.

О, когда б я мог мгновенно
50 В дикий пренестись предел,
Где бы лес дремучий, темный
Век людских следов не зрел,
Где б не стлался дым жилищный,
Ловчих клик не слышен был,
Где б лишь зверь скитался хищный
И в пещерах с бурей выл.

Тамо на скале кремнистой,
Подмывая мол волной,
Сев под сосной мрачной, мшистой,
60 Я бы глас унылый мой,
Вопль, стенанье безотрадно
С стоном бури соединял
И бесчувственностью хладной
Никого не упрекал.

Но куда б ни тщился скрыться,
Скорбь везде пойдет вослед.
Где ж возможно защититься
От гнетенья лютых бед?
Где, как не в земной утробе?
70 Мир есть трудный, скорбный путь;
В тесном токмо, в мрачном гробе
Мы возможем отдохнуть.

Поспеши ж, о смерть отрадна!
Тронься горестью моей:
Пусть твоя десница хладна
Очи мне смежит скорей.
Ты, сыра земля! смягчися,
Попусти мне в вечность шаг.
Лоно мрака! расступися
80 И от скорби скрой мой прах.

(1796)

18. ОДА НА ТВЕРДОСТЬ ДУХА

Как в устье пристани глубокой,
Взнесшись к облакам, скала
Стоит — и бури рев жестокой,
Свѣрканье молний вкруг чела,
И волны презирает яры,
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ее хребет,
Но опаленну грудь громами
Она, уперши в понт, волнами
10 Тревожить пристань не дает, —

Так муж, судьбой определенный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы соплетенны
Как слабу разывает нить.
Душой неколебим в гоненьи,
О злобе, зависти, о мщеньи,
О самой смерти небрежет.
Грудь тверду злобе представляя
И жизнь всем бедствиям подвергая,
20 Хранит отечество от бед.

Бесплодно подлость, лесть, измены,
Сокрытны спутницы вельмож,
Как смертоносные сирены,
Сплетают ядовиту ложь,
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся,

И всеу рок его разит:
Как черви, тех ногой он давит,
Сим крепость мышц противу ставит,
30 Судьбе — терпенья твердый щит.

Кому отечество вручило
Весы суда, защиты меч
Или правления кормило,
Тот должен путь опасный течь,
О личной пользе не радея;
В враге лишь общества злодея
Он должен видеть своего.
В душе того, кто долгу жертва,
Как собственность, так личность мертва,
40 Народно благо — жизнь его.

Он щит судьбою утесненным,
Покров безгласных вдов, сирот,
Рукой неправды угнетенным
Подпора тверда и оплот.
Против врагов, идущих боем,
Отечеству с драгим покоем
Стяжанье, жизнь свою дарит.
Падет ли средь кровавой рати,
И мертв в сердцах своих собратий
50 Любовь к отечеству живит.

Такие в сонме россов были
Пожарский, Минин, Филарет.
Ярем сарматский сокрушили
Они под лаврами побед.
Но те, что за отчизну пали,
Не больше ль благо назидали? —
Хоть Курций¹ жертвой Риму был,

---

¹ Курций. В Риме на площади расселась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвечали, что она не закроется, пока не будет брошено в нее то, что всего драгоценнее в Риме. М. Курций, заключа, что прорицание означало тем римского гражданина, бросился в пропасть, которая, как предание удостоверяет, тот же час и закрылась.

По Регула¹ неколебима,
Пример его к спасенью Рима
60 На остры гвозди положил.

Теки ж — и коль поставлен роком
В столпы отечества, крепись.
Орел! в парении высоком
Спуститься долу берегись.
Продерзкий рог сломи строптивых
И знай, что на путях правливых
Коль муж великий и падет,
В потомстве с славою он встанет.
Венок лавровый не увянет,
70 Но ввек на гробе процветет.

Муж, доблестьми превознесенный,
Из пепла вновь себя родит,
Как золото, в горне искушенно,
Лучом сугубым возблестит,
И ни вражда, что мир тревожит,
Ни ржа времен затмить не может
Нетлеющих его доброт.
В сердцах он памятник воздвигнет,
Что храма вечности достигнет,
80 Священ потомству в род и род.

(1796)

---

¹ М. Атилий Регул — консул римский, в первую Пуническую войну взятый карфагенцами в плен, был от них послан в Рим для увещания соотечественников своих к размену пленных, с угрозением, что предан будет мучительнейшей смерти, ежели в таковом препоручении не успеет. По прибытии в Рим убедил он Сенат к отвержению предлагаемого размена; и, невзирая на просьбу его, на моление народа и слезы жены и детей, возвратился в Карфагену, где по повелению раздраженного Сената и народа мучен был долговременно в ящике, железными гвоздями набитом; а наконец распят на кресте и предан смерти.

19. ОДА НА ДРУЖЕСТВО

Любезному брату

В полнощи, в темноте ненастной,
В пустыне дикой и глухой,
Свратясь с пути, пришлец несчастный
Ступает трепетной ногой.
Гонимый и ведомый страхом,
Встречает он пред каждым шагом
Потоки, терн, стремнины, рвы,
Вокруг зверей вой слышит гладный.
Власы подъемлет ужас хладный,
10 Катится хладный пот с главы.

В толиком бедстве изнуренный,
Отверстый видя смерти зев,
Какой отрадой восхищенный,
Зрит некий свет он меж дерев!
Летит к нему чрез страх, чрез бездны
И льет в восторге токи слезны,
Что к милу Фаросу достиг.
Селенья знаки тут находит.
От томна сердца страх отводит
20 И бедства забывает вмиг.

Лучом огня, лучом надежды
Живит и чувства он и дух;
Дождем проникнуты одежды
Развесья на древах сушить,
Увядши ветви собирает,
Отраднo огнище питает;
И, в страх зверям, кладет кругом
Из хвороста костры зажженны;
При них возлегши, томны члены
30 Живительным покоит сном.

Такой отрадою сердечной,
Таким восторгом оживет,
Кто в жизни скорбной, скоротечной
Прямого друга обретет.

Сей верный друг, душой избранный,
В дедале жизни сей желанный
Покажет нам ко счастью путь,
Поддержит в горестях падающих,
Противу бед, на нас текущих,
40 Незыблему подставит грудь.

О дружество, союз священный!
Влиянно небом чувство нам!
И рок не страшен разъяренный
Тобою связанным сердцам.
Они, равно деля напасти,
Утехи, страх, надежду, страсти,
И мысль, и даже бытие,
В едину две души сливают,
Взаимным счастьем удвояют
60 И жизнь и счастье свое.

Но где, в каком краю забвенном,
О дружество! твой взор блестит?
В сем мире, злобой развращенном,
Лишь имя нам твое звучит;
И имя уж сие святое
В орудие коварства злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертных милой,
Оно корысти вид постылый
60 И лесть скрывать принуждено.

Куда, Оресты, вы сокрылись?
Пиладов где теперь найти?
И вас, друзья! ¹ что жизнь стремились
Друг другу в жертву принести,
Что злость мучителя пленили?
Бессильны страхи смерти были
Ваш узел дружества сотреть,
Вас дверь не разлучила б ада.
Вам счастье всё и вся отрада
70 Для друга жить и умереть.

---

¹ *И вас, друзья.* Пифий и Дамон великодушным друг за друга жертвованием смягчили свирепство Дионисия, тирана сиракузского.

Но неужель во всей вселенной
Хоть искры дружбы нет прямой?
Никак: от пышных удаленно
Палат, темницы сей златой,
Скитаясь во изгнании строгом,
В пастушьем шалаше убогом
Склонилось дружество почить;
Там верностью и простотою
Приятно, с сей драгой четою
80 В безмолвии осталось жить.

Сколь мил мне край уединенный,
Где в юности, о нежный друг!
Взаимным чувством привлеченный,
Пленился дружеством наш дух!
Где вешними сей жизни днями
Росло оно, мужало с нами,
Пока, до зрелости дошед,
Явилось искушенно роком
В преврате случаев жестоком,
90 Превыше счастья и бед.

Сколькрат ты смерти предавался,
Жизнь друга твоего храня!
Последних хлеба крох лишался,
Чтоб в нищете не зреть меня.
Презрев спокойствие, забавы,
Моих лишь алчешь выгод, славы,
Моей надежды ждешь плодов,
Моими горестями томишься,
На страх, на смерть со мной стремишься,
100 Вознесть меня иль пасть готов.

Что ж в том? — здоровье, дар бесценный,
И жизни утонченну нить,
На жертву дружбе принесенны,
Ты можешь токмо подкрепить
Под чуждым, кротким небосклоном.
Судьба, не сыта смертных стоном,
Спешит уединить меня:
Покорен будь ей, друг любезный,

Столь горькой, но тебе полезной
110 Разлуке не противлюсь я.

Оставь — но на кого в разлуке,
Мой друг! меня оставишь ты?
В несносной погруженный скуке,
Везде зря горести, беды,
Нигде, и во вселенной целой,
В глазах моих уж опустелой,
Отрад, спокойства не найду:
Драгою окружен семьею,
Как странник я осиротею
120 И, скорбью удручен, паду.

Кто бальзам мне подаст сердечный,
Стенящему наедине?
Кто в мрак сходящу ночи вечной
Закроет томны вежды мне?
Кто без тебя супруги страстной,
Тогда вдовы моей несчастной,
Отчаянных сирот моих
Отцом останется, опорой?
Кто помощи рукою скорой
130 Осушит слезны токи их?

А ты, мой друг! средь шумна круга
Не будешь ли уединен?
Где верного ты сыщешь друга?
Предел дней наших сокровен,
Но жизнь сколь ни кратка, ни бренна,
Приятность дружества священна
Ее умножит во сто раз.
Чувствительное сердце знает,
Что жизнь должайшу заменяет
140 Один веселый с другом час.

Итак, да не разлучит вечно
Черта нас жизни ни одна!
Пожнем плоды любви сердечной,
Пускай отеческа страна,
Котора нас на свет прияла,

Взлелеяла и воспитала,
Воспримет в недра нас свое.
Лежавшие в одной утробе,
Спряжем, в одном возлегши гробе,
150 И в смерти наше бытие.

Предел, где общий прах наш тленный
От смертных будет сокровен,
Чете, любовью воспаленной,
Навек останется священ.
А скрытый враг, друг лицемерный
Коснутся рукой неверной
Гробнице нашей не дерзнут:
Жестокой совести укору,
Призраков наших грозны взоры
160 Оттоль их с страхом отженут.

Но если, верностью плененны,
На гроб наш притекут друзья
Обеты подтвердить священные
Нелестной дружбы своея, —
Сей дружбы их взаимный пламень,
Проникши хладный гроба камень,
Мгновенно оживит наш прах;
И наши тени вознесутся,
Над их главами обоймутся
170 И возыграют в облаках.

(1795), (1806)

20. НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО

Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
В низ потока быстра, сквозь дубраву дальну,
В рощах повторите.

Ах! почто любезна друга, рок постылый!
Ты меня лишаешь?
С кем делилось сердце, хладной с тем могилой
Вечно разделяешь.

21. НЕВЕРНОСТЬ

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал.
Но взор молодой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самы нежны взоры —
Всё в ней притворно льстит;
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое,

Напомни мне драгую —
Я всё люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю,
А всё ее люблю.

(1781)

22. НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою ноши
Простерлась тишина.
Выходит из-за роши
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезный
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела.
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне всё была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной

Немее лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильный теснится дух:
Приди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

Между 1788 и 1792

23. ДРУЗЬЯМ МОИМ

Тринадцать лет уже прошло,
Как чувство дружбы вас связало.
Хоть быстро время и текло,
Но счастье при вас стояло,
И, легки крылушки прижав,
Любовь при вас же оставалась;
Цепями вас она сковав,
Сама к вам ими приковалась.

Останься ж тут навек, Любовь!
Ты где б и сколько б ни летала,
Толь милого приюту вновь
Себе нигде бы не сыскала.
А время! ты лети быстрее:
Хоть всё, унося, ты ничтожишь,
Но счастья моих друзей
С собою унести не можешь.

1793 (?)

24. КРАСАВИЦЕ

Зачем, как мотылек,
С цветочка на цветок
Анакрсон беспечно
Весь век свой пролетал?
«Такой, как ты, конечно,
Он розы не сыскал».

20 августа 1795

25. ЧИЖИК

Милый чижник желтобокой!
Кверху, друг мой! не взлетай.
Не клади гнезда высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит,
Как, твоей он крови жадный,
Когти на тебя острит.

Вырос илем над горою;
Но там зной ли дышит — жжет;
Буря ль налетит с грозой —
Ломит ветви, листья рвет.
А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя, катясь, чиста
В жарки дни ее понт.

Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскружен.
Я же низменной стезею
От мирских сует уйду.
Труд доля с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

(1796)

26. СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

Хвалят старое вино, —
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга, —
Правда, сердце он делит,
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне,
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине.
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой,
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино, —
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга, —
Правда, сердце он делит,
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

(1796)

27. МОТЫЛЕК

Кверху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею,
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мне судьбою вечно
Низкий положен предел.
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

Так и быть, — пусть на вершине
Гордые дубы стоят,
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.
Если ж рок и тут озлится,
Что осталось? — терпеть!
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

(1796)

28. РАЗЛУКА

Ясна ночь: небес светила
Ярко в синеве блестят,
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажет взглял.
Что ж, луна! зачем закрыла
Полкрасы ты своя?
«Ненавистна тень затмила
Солнце, кем сияю я».

Игр веселость оживила
Дев прекрасных коровод;
Сашенька одна уныла
Горьких слез потоки льет.
Сашенька! зачем же скукой
Ты томишь свой нежный дух?
«Скорбной удален разлукой,
Кем живу, мой милый друг».

Не навеки заграждает
Тень сиянью солнца путь,
И луна уж поспешает
Полным к нам лицом взглянуть.
Сашенька! не будь уныла,
Не томи твой нежный дух:
Ведь не смерть вас разлучила,
Возвратится милый друг.

(1796)

Приятно утро расцветает,
Заря златит лазурный свод,
Вздремал зефир и не лобзает
Поверхности хрустальной вод.
Спокойна роща в ней глядится,
Хор птичек слышен лишь в глуши, —
Везде в местах сих образ зрится
Спокойствия твоей души.

Оно доброт твоих награда,
Вкушай ее должайши дни.
Как в знойный день сладка прохлада
Проходим здесь в твоей тени.
Так жизни сей в дедалах тесных
Приятно да течет твой век!
Вот дань тебе от уст нелестных,
Любезный, добрый человек!

(1797)

30. ПОТЕРЯ ДНЯ

Солнце за горою село,
Лес зеленый потемнел.
С Лизой день не видясь целый,
В горести Милон сидел.
Стадо, вокруг его стесненно,
На густой траве легло;
Он, печалью отягченный,
Гнать его забыл в село.

Шорох каждого листочка
Радостно тревожил слух,
И дыханье ветерочка
В трепет приводило дух.
Но уж тень кругом сгустилась,
Ветр листка не шевельнет,
В мраке и надежда скрылась:
«Нет, уж Лиза не придет!»

«Солнце! ты зачем светило? —
Воздохнув, Милон сказал. —
Я не видел Лизы милой, —
Этот в жизни день пропал.
Рощица! моя отрада,
Как в тени гулял я с ней,
Без нее твоя прохлада
Хлад несет душе моей.

Рощица! пора проститься.
Стадо милое! пойдем;
Поспешай ты насладиться
От меня бегущим сном.
Окропился уж росой
Луг, где с Лизой я гулял,
А горячею слезою
Место, где напрасно ждал».

(1797)

31. БОГАТСТВО УБОГОГО

Кто счастья ищет в свете,
Тщеславие любя,
Тот век имей в предмете
Лишь одного себя;
Но я лишь рад покою,
Гордыне не служу,
В сей хижине с тобою
Я счастье нахожу.

Купцы в моря глубоки
За золотом пусть плывут,
Цари пусть крови токи
За шаг границы льют,
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всех царей.

Хоть хижина убога,
С тобой она мне храм,
Я в ней прошу от бога
Спокойства только нам.
Но века чтоб прибавить,
О том я не молюсь:
Тебя, мой друг, оставить
И пережить боюсь.

(1797)

32. ВЗДОХ

С Миленой поздною порою,
Под тенью скромного леска,
Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась,
Душа на языке была,
Но, полна страстью, грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.
Увы! почто ж уста немели
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуместь хотели,
Не всё ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе всё видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

(1799)

33. ПРИЮТ СЕРДЦА

Тяжко сердцу без приюту
В сиротстве печальном жить,
Не иметь с кем горесть люту,
С кем веселый час делить.

В одиночестве постылом,
В круге людства тяжко мне.
В сердце, сжатом и унылом,
Скорби лишь носить одне.

Помню время золотое,
Пролетевше как зефир,
С милою когда нас двое
Составляли весь наш мир.
Как молчанье было внятно!
Речь стремилась к сердцу льнуть!
Вместе было как приятно
Улыбнуться иль вздохнуть!

Но мечты, что дух пленяли!
Ах! на что мне помнить вас?
Рок послал мне век печали
За короткий счастья час.
Стану ж смертную минуту
Я с отрадой ожидать,
В хладном гробе лишь приюту
Сердцу страстному искать.

(1806)

34. РУЧЕЙ

(Из Панара)

Ручей, что по долине вьешься!
Во многом сходен я с тобой:
Ты всё одним склоненьем льешься,
Я склонностью влекусь одной.

В теченьи камушки встречая,
Журчлшь ты жалобно, чуть-чуть;
В любви преграды ощущая,
Насилу смею я вздохнуть.

Как ясный твой поток серебристый,
Стеклянна, зеркальна струя,

Так страстно Ниной сердце чисто,
Так искренна душа моя.

От гроз, от бурного ненастья
Ты кроешься в тени ветвей;
От гибельных превратов счастья
Я скрылся в хижине моей.

К долине милой постоянно
Стремясь, твоя струя течет;
Так пленно сердце беспрестанно
К моей любезной Нине льнет.

Когда она в тебе глядится,
Прелестный вид приемлешь ты;
В моем так сердце он хранится:
В нем врезаны ее черты.

Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучин не можешь ты скрывать;
На дне твоём всё видеть можно
И всё в душе моей читать.

Влеченью следуя природы,
Стремишь ты к устью свой покат,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозит лютый хлад.

Без Нины будет жизнь страданьем,
И не погаснет к ней любовь,
Пока с последним трепетаньем
В сем сердце не застынет кровь.

(1806)

35. КАМЕЛЕК

Вчера я в тереме Эльвиры
Один у камелька сидел
И на струнах ей милой лиры
Горациевы песни пел.

Давал совет он Левконое
О будущем не ворожить;
В веселости, в любви, в покое
Лишь настоящим часом жить.

Но между тем как я распелся
И позабыл летящий час,
Без дров, куда осмотрелся,
Тихохонько огонь погас.

Эльвира! скрыв на сердце рану,
Давно горю любовью я:
Когда один гореть я стану,
Погаснет скоро жизнь моя.

(1806)

36. НАПРАСНЫЕ СЛЕЗЫ

Когда на розу взглянешь,
Себя к ней примени;
Пчелу на ней застанешь,
О мне вспомяни:

Она не жалит розы,
Лишь сладкий мед сосет;
К чему ж твой стон и слезы? —
И я б сосал лишь мед.

(1806)

37. НЕВОЛЬНАЯ РАЗЛУКА

Что вы, милые цветки!
Так поблекли, приуныли,
Ваши томные листки
Вниз печально опустили?
Ах, что вижу, ручеек;
Кем ваш корень освежался,

Кинув вас, другой лужок
Напоять вдали помчался.

Лиза, друг мой! что же ты
Так печальна, приуныла,
Блеск прелестной красоты
Током слезным помрачила?
Неужель пастух драгой,
Кем твой дух воспламенялся,
Новою пленясь красой,
Навсегда с тобой расстался?

Но, цветки! на ручеек
Не ропщите вы напрасно:
Камень, с гор катясь, поток
Отвратил от вас прекрасный.
Посмотрите ж, как ревет,
Как он, пенясь, землю роет;
Скоро камень унесет,
И ваш берег вновь омоет.

Лиза! в горести стена
И терпя несносу муку,
Не ропщи ты на меня
За невольную разлуку:
Скоро, брошенный судьбой,
Тяжки цепи я разрушу,
Скоро обоймусь с тобой
И солью с душою душу.

(1806)

38. НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЕК

В прохладный летний вечер темный,
Озябши, легкий мотылек
В чертог Темирин освещенный
Летел на ясный огонек.
Там роза на окне стояла,
С зарею чуть лишь расцвела;

Румянцем, свежестью пленяла
И мотылька к себе звала.

Влекомый запахом приятным,
На розу мотылек взлетел;
Питаясь соком ароматным,
В забвеньи сладостном сидел.
Но вдруг, прельщенный ярким светом,
Помчался с розы мотылек;
Беспечным вкруг огня полетом
Порхал и крылушко прижег.

Еще есть время, мотылек!
Пока совсем ты не сгоришь,
Душистый ждет тебя цветочек,
Лети, — но ты в огонь летишь!
О сердце! равной с ним напасти
Чтоб и тебе не потерпеть,
Беги от милой, пылкой страсти,
Не то — придет и нам сгореть.

(1806)

39. ЗИМА

Лютая зима! доколе
Землю будешь ты томить,
Реки быстрые в неволе
Льдистым гнетом бременить?
Долго ль быть твоей нам жертвой
И сносить жестокий хлад?
Всё уныло, пусто, мертво,
Всё, куда ни кинем взгляд.

Ах! когда ж весна природу
Оживить опять придет,
Милую ручьям свободу,
Жизнь древам, цветам вдохнет?
Скоро ль в рощах безмятежных
Птичек поселяя вновь,
К ним на крыльях горлиц нежных
Принесет она любовь?

Подождем, — не всё стремится
Буря из полнощных недр,
Время колесом вертится:
Скоро дунет южный ветер;
Животворной теплотою
Льды распустит и снега
И роскошною рукою
Облечет в цветы луга.

Скоро ласточки на воле
Будут к облакам взлетать,
Скоро станем в чистом поле
Чистым воздухом дышать.
Подождем, — как после тени
Солнца луч ясней блестит,
После скорбных угнетений
Так нас радость оживит.

(1806)

40. СИЛУЭТ

Твой образ в сердце врезан ясно,
На что ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любви страстной
Ты дружбой заменить велишь?
Но лъзя ль велению покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огонь в крови.

Возьми ж обратно дар напрасный, —
Ах! нет: оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной
Еще быть счастливым заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты,
Что, как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

(1806)

41. ОСЕНЬ

В дубраве грозна буря воеет,
Крутится вихрем дождь и град.
С горы стремясь, долину роет
Ревущий, быстрый водопад.
Во мраке молния лишь блещет,
Не видно в туче светлых звезд.
Вдруг грянул гром: и бор трепещет,
Не сыщут робки звери мест.

Почто ж так осень свирепеет
И градом томну землю бьет?
Природа без того мертвеет:
Давно увял уж розы цвет,
Давно деревья обнаженны,
Склонивши ветвия, стоят
И птицы, гнезд своих лишены,
Без крова сносят лютый хлад.

Прийди ж, зима! и скорбь природы
В одно мгновение прерви:
Оцепени растенья, воды
И всю природу умертви.
Как лед, твоя десница хладна
От бурь ей сладкий отдых даст:
Увы! бесчувственность отрадна,
Где тяжка нас томит напасть.

Когда в печалях сердце ноет,
А рок еще его гнетет
И глубже ров несчастным роет
Несносных, неизбежных бед, —
Тогда спокойство нам доставить
Одна лишь может хладна смерть:
От чувства горести избавить
И скорби остро жало стерть.

(1806)

Русская словесность лишается весьма полезного способа к своему, сравне с прочими просвещенными европейскими народами, усовершенствованию по причине недостатка в хорошо переведенных древних образцовых писателях.¹

Желая по возможности содействовать к пользе отечественных муз и быв преисполнен уважения к первому римскому лирику, принял я смелость перевести, большею частию подражательно, несколько од его и поместил оныя в последнем издании моих сочинений. Они удостоились лестного благосклонных читателей одобрения. Успех сей побудил меня к продолжению подвига моего: итак, переложив в стихи, вообще с прежними, более четвертой части од Горация, изданных теперь совокупно, в угодность тем из моих читателей, которым первые сего рода опыты мои не неприятными показались, дабы преклонить их еще более к снисходительному суждению о сем труде моем, почитаю нужным сопроводить оный некоторыми объяснениями.

Всем упрямляющимся в словесности довольно известно, что нет ничего труднее верного или даже подражательного стихами перевода творений какого-либо древнего превосходного поэта. Искусство живописи хотя представляет более облегчительных средств, но мы часто видим, как нелегко и ему повторять красоты изящного подлинника, несмотря на то что имеет такой же холст, такие же кисти и краски и что к благоуспешному исполнению нужен только наблюдательный взгляд и навык в подражании разноцветным оттенкам. В ка-

---

¹ Заимствуя примеры от французских, немецких и английских поэтов, оставляем мы в пренебрежении источники, из которых сами почерпнули изящнейшие красоты свои.

кое затруднение приведен был бы самый лучший художник, если бы вместо полотна имел токмо хрящ или камку, вместо соболиной кисти — шелковую, вместо бакана — индиго и гумигута — кармин, лазорь и охру. Мог ли бы он точно представить вид, движение и чувство подлинника, хотя, впрочем, язык живописи есть всеобщий и всем равнопонятный язык.

Вот положение каждого переводчика. Но в какой бы еще большей неключимости очутился почитатель Рафаэла, если бы при вышеизъясненном недостатке орудий захотел оживить красками какой-либо картины его эстамп? Вот несчастное положение мое при переводе и подражании Горациевых од.

Не зная латинского языка, должен был я угадывать красоты знаменитого подлинника из чужеземных, большею частью весьма неверных переводов. С величайшим трудом, с неутомимой прилежностью руководствуясь наставлениями и советами знающих латинский язык приятелей моих, принужден был я переводить почти слово в слово оды Горация и потом перелагать оные в стихи. Чувствую, сколь несовершен труд мой, но сообщаю оный читателям моим в той надежде, что если не предуспел и представить творений отличного сего певца со всеми красотами их, силою, легкостью и живостью, то, может быть, возбуждением о нем соболезнования подвигну искуснейших пиитов к желанию удачнее познакомить любителей словесности нашей с любимым Августа и Мецената лириком. Я имею здесь в виду не токмо духом Горация обильно одаренных певцов Водопада и Волги, отдых от тягости государственного служения беседе с Аполлоном посвятивших, но также и могущих внимать тибурскому Алкею на природном языке его Мерзляковых, Жуковских и других любимцев муз, столь блистательно пиитическое наше поприще протекающих.

Не для наставления опытных писателей в искусстве стихотворных преложений, но некоторым образом для собственного оправдания моего признаю необходимым представить правила, которых придерживался я в переводе Горация. Из многих, впрочем, весьма искусных наставников избрал я моим знаменитого г-на Делиля, неподражаемого переводчика и сочязателя Вергилиева, столь превосходно благорассудительные наставления свои собственным примером оправдавшего. В предисловии переведенных им «Георгиков» говорит он: «Теперь остается мне объяснить правила перевода, которым последовал я, и вольности, которые позволял себе. Всегда замечал я, что чрезмерная в переводах верность бывает самую большую неверностью. По-латыни слово иное благородно, соответствующее оному

Французское — низко; если поработить себя излишней точности, то благородство слога заменится низкостью.

Иное латинское выражение сильно и кратко; для перевода оно будет много слов, — при наблюдении точности слог делается растянутым.

Иное выражение на латинском языке смело, на французском резко; итак, что было смело, становится жестко.

Слияние нескольких слов стройногласно в подлиннике; непосредственно соответствующие оным в переводе могут быть не столько приятны слуху; тогда грубыми звуками заменяется стройногласие.

В латинском подлиннике изображение было ново, на французском языке оно издавна употребительное; в таком случае вместо нового изображения представляется застарелое.

Землеописательная подробность, отношение ко нравам могли быть в вашем подлиннике приятны народу, для которого писал сочинитель, а не вашим читателям; и так вы покажетесь странными там, где подлинник был трогателен.

Какие же средства избирает искусный переводчик? Он исследывает свойства обоих языков; когда они сближаются, он наблюдает точность, когда разнятся — наполняет промежутки заменой, в которой сохраняет право языка своего удалиться сколько можно менее от духа сочинителя. Каждый писатель имеет, так сказать, собственную поступь и осанку: он более или менее пылок, быстр, замысловат, и для того слог Вергилия, всегда естественный, сжатый и простой, не должен затемняться блистательным, плодовитым и развлеченным слогом Овидия.

После сего должно рассмотреть род сочинения: нельзя переводить поучительную поэму как повествовательную: «Георгики», например, как «Энеиду».

Каждая часть сочинения имеет также особое свойство, зависящее от коренных мыслей и течения слога. Мысли бывают просты или блистательны, веселы или мрачны, забавны или величественны: переводчик не только не должен смешивать сих разных видов и красок, но по возможности обязан схватывать главнейшие их оттенки.

Течение слога зависит наипаче от длины или краткости членов речи. Переводчик не должен потоплять в протяжных периодах отрывистых и живостремящихся мыслей; равномерно не раздробит он полных и величественно текущих периодов. Более всего обязан он подражать стройногласию в стихотворном переводе, а особливо в переводе Вергилия, можно, кажется, иногда скорее пожертвовать силою и точностию, нежели стройногласием. Стихотворство оно

подобно музыкальному орудью; не довольно того, чтобы верны были звуки оного, потребно еще, чтоб они были сладкогласны. Когда Вергилий сказал: «Felix qui potuit rerum cognoscere causas, atque metus omnes et inexorabile fatum subiecit pedibus»,¹ то потребно не только выразить силу мысли сей, но заставить нас почувствовать величество стройногласия.

Еще с большим рачением должно стараться выражать подражательную созвучность. Признаюсь, что это меня в переводе более всего затрудняло. Язык наш для сего слишком беден... К изображению каждой такого рода красоты делал я всевозможные усилия; но как нельзя было предугадать везде, то в замену того старался я, сколько мог, сообщить подражательную созвучность многим стихам, в которых Вергилий не поместил оной. Ибо должно иногда превзойти свой подлинник именно для того, что мы слишком слабее оного. Наконец, переводчик должен наблюдать точность в сохранении каждому члену речи места, которое занимает он, всякий раз, когда существенно постепенный ход мыслей того требует. Он прилежно стараться будет о верном выражении каждой черты; редко скажет двумя стихами то, что сочинитель изобразил одним. Чем более черта растягивается, тем слабее становится. Так, острая жидкость, разведненная водой, увеличиваясь количеством, уменьшается в силе.

Всего более в таком поучительном творении, каково «Георгики», краткость необходима. Правило, кратко изображенное, легче впечатлевается в памяти, чем заглушенное кучею слов, его обременяющих. В сем-то, конечно, намерении Боало наполнил свое «Искусство стихотворства» краткими стихами, к затвержению способными.

Я старался по возможности быть также кратким, как мой подлинник. На две тысячи с лишком стихов в переводе моем не прибавилось более двухсот двадцати. И в этом не гнался я за пустою славою сравниться числом стихов с Вергилием, но искал средства представить ту стремительность подлинника, которая составляет главнейшие красоты его.

Самая важная обязанность переводчика, все оные в себе заключающая, состоит в том, чтобы дать почувствовать в каждой части сочинения действие, сочинителем произведенное. Он должен по возможности стараться представить буди не те самые красоты, по крайней мере толикое же число оных.

---

¹ «Блажен, кто мог познать все вещества причины, страхи все, кто и гнев судьбы неумолимой попрали пятой». — См. «Георгики», кн. II, стихи 89—91 (лат.).

Кто берется за перевод, тот принимает на себя долги, которые уплатить обязан хотя не тою самою монетою, но гакою же суммою. Ежели не может он изобразить картины, пусть заменит мыслию; если не в состоянии выразить слуху, пусть выразит уму; буди не так разителен, пусть пленит стройпогласием; ежели не столь краток, пусть богатством отличастся; когда видит, что ослабил подлинник в одном месте, пусть усилит его в другом, пусть возвратит ему впоследствии то, чего прежде лишил, и тем самым установит везде точную замену, удаляясь всегда, или возможно менее, от свойства сочинения и каждой части оногo. По сему-то несправедливо сличить каждый стих подлинника с соответственным стихом перевода, но по целости и по общему действию каждой части должно судить о его достоинстве.

Для такого перевода нужно, как часто говорено было, не токмо наполниться духом сочинения, забыть свои нравы, присвоив средные ему, оставить свою землю, чтоб переселиться в его отечество, но даже стараться искать красоты его в прямом их источнике — природе. Чтобы лучше подражать способам, какими изображал он предметы, должно стараться видеть оные; и таковой перевод есть почти сочинение». ¹

Ко всем сим, без сумнения, весьма основательным наставлениям г-на Делиля осмеливаюсь присовокупить несколько замечаний, почерпнутых мною из достоподражательного его примера. Мне показалось, что при переводе описаний или картин для оживления, усиления или объяснения оных можно позволить себе некоторое распространение, к чему, признательно сказать, иногда необходимость рифмы принуждает. Я заметил, что таковая благоразмеренная растяжка отнюдь не уродует красоты подлинника. Представляю пример из бессмертного Ломоносова.

В книге Иова читаем: «Рече господь Иову сквозь бурю и облаки. . . „Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу тя, ты же ми отвещай. Где был еси, егда основах землю, возвести ми еще веси разум: кто положи меры ея, аще веси, или кто наведый вервь на ню? На чем же столпы ея утверждены суть; кто же есть положивый камень краеугольный на ней? Егда сотворены быша звезды, восхвалиша мя гласом велиим вси ангелы мои. — Заградих же море враты, егда изливашеся из чрева матере своя исходящее? Положих ему облак одеяние, мглюю же пових е; и положил ему пределы, обложив за-

---

¹ См.: «Les Géorgiques», édition LXXIV in 12. Discours préliminaire, pp. 57—64 («Георгики», издание 74 г. в 12 (д. л.). Предисловие, сс. 57—64. — *Ред.*).

творы и врата“. Рек же ему: до сего дойдеши и не преидеши, но в тебе сокрушатся волны твоя. Или при тебе составих свет утренний; денница же весть чин; ятися крых земли, отрясти нечестивыя от нея. — См. глава 38».

Высоким духом стихотворства воспламененный переводчик, распростирая картины сии, говорит:

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек!
Внимай, как в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь гром блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет,
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою,
В обширности безмерных мест
Мое величество вещали,
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою

Открыл и разогнал туман,
Из суши сдвинул океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу свободный ветер направить,
Чтоб к пристани его доставить,
И тяготу земли потряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть? ¹

Таким витийственным распространением бессмертный переводчик не только не ослабил картин подлинника, но усилил, живее образовал оные и не заставил жалеть о несоблюденном краткоречии.

Подражая, соответственно слабым способностям моим, превосходному примеру сему, осмелился я в некоторых местах перевода моего од Горациевых употребить свободу распространения; он говорит: «Если строгая необходимость вонзит в гемя алмазный гвоздь, не избежешь ни от смятения души, ни главы не уклонишь от петли смертной» (см. кн. III, ода XXIV).

Я распространил последнюю картину следующим образом:

Коль рок необходимый, строгий
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги
И не возможешь ускользнуть
От крепкой петли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

*(см. ода «Против корыстолюбия»,
I строфа)*

Не желая скрывать посяганий моих и своевольств, решаюсь представить на суд просвещенных читателей еще несколько примеров распространений моих за грань, подлинником определенную: в конце XXIX оды, III книги Гораций сказал только: «Тогда меня, управляющего двувесельным челном, Авр и с близнецом Поллукс(ом) сохранно перенесут чрез волнующийся Эгей».

---

¹ См. «Сочинения» Ломоносова, т. 1, стр. 33.

Вот мой распространенный перевод:

Тогда, коль ветерок прислужен
За скромным вслед дохнет пловцом,
Покров лишь Поллукса мне нужен
С его любезным близнецом;
Тогда меня два брата звездны
И легкий двувесельный челн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

*(см. ода «Скромная беспечность»,
строфа последняя)*

В других местах дерзнул я даже прибавить собственные картины. Вместо: «Фортуна срывает здесь с шумом острую вершину и, где угодно, там ее кладет» (см. кн. I, ода XXIV) — я сказал:

Фортуна колесом вращает,
Ей свыше подчинен весь свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

*(см. ода «Судьба»,
строфа последняя)*

Наконец, краткое описание:

«Те места и счастливые холмы тебя и меня приглашают: там теплеющийся пепел друга-певца оросишь ты должною слезою» (см. кн. II, ода VI) — расплодил я подробностями:

Вот там-то, в рощице тенистой,
Зовущей нас под кров густой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Хрустальной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны соединим сердца;
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

*(см. ода «Другу сердца»,
строфа последняя)*

Может быть, подумают иные, что таковые распространения одобряются мною единственно для того, что в стихотворном переводе

моим некоторые оды Горация растянул я сам весьма неумеренно. Сие заключение было бы не совсем справедливо: кратко-выразительность латинского языка в отношении к русскому всем довольно известна; и на французском даже языке, более с ним сходственном, перевод «Георгиков» знаменитого Делиля весьма пространнее подлинника.

О излишней растянутости переводов моих, кажется, судить должно не по сравнению оных с числом слогов с латинскими стихами, но с прозаическим русским точным переводом.¹ Причем надлежит принять во уважение лежавшую на мне обязанность не краткостию токмо, но красотою свободного в течении слога сообщить переводу в стихах приятность, изящным Горация творениям приличную.

Итак, желая искренно, чтобы в стихотворном переводе умеренная и приличная растяжка описаний или картин не была признана большою погрешностию, приступаю к продолжению замечаний моих.

Почтенный г-н Делиль сказал, что распространение подлинника неприлично при выражении мыслей, какое-либо поучение заключающих. Уроки сами по себе сухие должны быть сокращаемы. Я весьма старался наблюдать правило сие и некоторые примеры отдаю на суд читателей.

Гораций говорит:

«Завтра хотя отец богов застелет свод неба мрачным облаком, хотя чистым солнцем озарит, но прошедшего несбывшимся не учинит, не разделает и не уничтожит того, что унес уже летящий час» (см. кн. III, ода XXIX).

Я осмелился сократить последнюю мысль:

Пусть завтра Дий иль тмой обложит,
Иль солнцем небо озарит,
Собывшгось — не уничтожит,
Прошедшего не возвратит.

(см. ода «Скромная беспечность»,
строфа 8)

Но признаюсь откровенно, что в некоторых случаях уклонялся я от сего благоразумного правила. Принося повинную, укажу и на

---

¹ К облегчению по сей статье заключения судьей моих обязанностью почитаю сказать, что в 16-ти переведенных мною стихами Горациевых одах в прозаическом, по возможности сокращенном переводе находится вообще не менее 5940, а в стихотворном 6190 слогов. Если можно желать, чтоб в оном вернее выражены были красоты подлинника, то по крайней мере нельзя, кажется, требовать большего сокращения в слоге.

место преступления. В XVI оде книги III Гораций сказал только: «Чем больше кто себе отказывает, тем больше от богов приемлет» (см. кн. III, ода XVI).

А я расплодил истину сию прибавочным нравоучением:

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут,
Но строгим быть даров их стражем
Безумцу лишь приличен труд.

*(см. ода «Способ к довольствию»,
строфа 8)*

К наставленно: «Что завтра случится, не беспокойся узнавать, и каждый день, судьбой дарованный, причисляй к прибытку» (см. кн. I, ода IX) — присовокупил я собственную мысль:

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

*(см. ода «Другу моему»,
4 строфа)*

Не оправдывая отнюдь погрешностей моих, осмеливаюсь сказать, что распространение умствования тогда только извинительно, когда переводчик приятностию или красотою мысли может заставить читателя не заметить растяжки поучений. Сими словами произнес я над самим собою весьма строгий приговор.

Что касается до подражаний, то я старался мысли и картины Горация, всем временам и народам свойственные, сохранить в точности; те же, которые относились особенно к римским или греческим эпохам, басням, обычаям и прочая, заменял я приличными нашему времени соотношениями. Например, вместо следующего окончания оды о суетности жизни: «Когда умрешь, о Торкват, и Миной произнесет над тобой торжественный приговор, ни знатная порода, ни витийство, ни благочестие тебя не возвратят: ибо из подземного мрака ни Дияна не освобождает целомудренного Ипполита, ни Тезей не может расторгнуть летийских оков им любимого Пиротоя» (см. кн. IV, ода VII) — мне показалось приличным, сообразуясь с нынешними нашими по сему предмету понятиями, сказать:

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.
Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, зная, земли утроба:
Повсюду вход — исхода нет.

*(см. ода «Суетность жизни»,
строфа 7 и 8)*

Равномерно прекрасное описание идолопоклоннических обетов, в сем воззвании Горация к Юлию Антонию содержащееся: «Тебя разрешат от обета десять волов и толикое же число телиц; а меня — нежный отдоенный теленок, в высокой пажити возрастающий; вогнутое чело его подобится светлости, тридневную луну означающей; вдоль одного видно белое, как снег, пятно; весь он рыж» (см. кн. IV, ода II), — заменил я следующими, к нашим обычаям и обрядам в подобных случаях относящимися картинами:

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством;
Чертог твой, яркими лучами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежный
С избытком в дар мне принесла.

*(см. ода «Ломоносов»,
последние строфы)*

Такими и подобными сим заменениями перенося Горация в наш век и круг, старался я заставить его изъясняться так, как предполагал, что мог бы он изъясняться, будучи современником и соотечественником нашим.

Чувствую, сколь неудачно исполнено дерзкое предприятие сие, но я уверен, что искуснейший меня и обильнее духом Горация напитавшийся пиит, придерживаясь правила моего, заставил бы нас живее чувствовать красоты сего несравненного певца, скорее познакомил бы нас с его мыслями, чувствами, добродушием и веселою беззаботливостью, усыпавшую цветами скромный путь жизни его; и, наконец, вернее способствовал бы к порождению между нами наследника сему любезному песнопевцу, а потому осмеливаюсь заключить, что такого рода пиитические подражания были бы полезнее для соотечественной словесности даже самых верных и лучших стихотворных переводов.

Остается мне сказать несколько слов о образе составления книги сей: подлинник поместил я при переводах и подражаниях моих для того, чтобы искусные в латинском языке имели легкий, для авторского самолюбия моего, конечно, невыгодный, но о беспристрастии моем к собственности явно свидетельствующий способ сравнения. Переводы же в прозе, по возможности точные, с примечаниями, большею частью у г-на Дасье заимствованными, присовокупил я для облегчения соображений тех из моих читателей, которые лишены преимущественного удовольствия разуместь подлинник и кои как с греческою и римскою митологиею, так и с историею их не совершенно познакомлены.

О прозаическом переводе моем предварительно сознаю, что знаатокам латинского языка и даже несведущим в оном покажется он неудовлетворительным и красоты подлинника не в точном, а иногда в уродливом виде представляющим. Приняв за правило переводить мысли и выражения Горациевы почти слово в слово, не мог я наблюдать везде приличной красотам их чистоты слога и заменять точность соответственными оной витийственными оборотами. Но смею чистосердечно удостоверить, что я не имел коварного умысла представить в прозе моей Горация безобразным для того, чтоб показался он приятнейшим в стихах моих; и долгом поставляю заблаговременно предостеречь беспристрастных читателей, что в прозаических чертах должны видеть они токмо холодный силуэт сего прекрасного пиита. За неимением на нашем языке хорошего перевода покорно прошу их сличить мой с прекрасными переводами г-на Баттё на французском, а г-на Менделсона на немецком языке. Тогда только будут они в состоянии судить с некоторою основательностию, где в стихах моих имел я счастье представить Горация не в безобразном виде и где, как в оных, так наипаче в прозе, снимал с него лишь неудачный и уродливый отлепок.

В заключение скажу, что, желая искренно, по свойственному всем сочинителям чувству, чтобы представляемый мною русский Гораций был благосклонно принят читателями, почту себя весьма счастливым, если, как я объяснил вначале, даст он повод или искуснейшим пинтам нашим, или вступающим в их поприще питомцам муз исполнить удачнее меня предпринятый мною подвиг.

Могу притом удостоверить откровенно, что это будет самая лестная награда за труд мой, не весьма много, впрочем, приятности мне обещающий, ибо мало сыщется он в читателях снисходительных одобрителей попытке моей пересадить на отечественную пошву тибурский лавр, но подвергнется неминуемо строжайшему латино-русских любословов истязанию, а что истинно для меня опаснее того, принужден будет пред просвещенными знатоками выдерживать убивственное сравнение с превосходным произведением бессмертного пинта, прославившего лирою своею знаменитый Августа век.

ПОДРАЖАНИЯ

42. ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Кч. I, ода XXVI

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пушу я в море,
«Счастливым путь!» — примолвя им.

Пусть галл Европой потрясает,
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет, —
Да мне до них и нужды нет.

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

О муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток!

Певцу Фелицы своей венок
Из лавров, из цветов душистых.

Я слаб ему хвалу греметь, —
Тебе, сестрам твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

Август 1797

43. ВЕСНА

Кн. I, ода IV

Уж юный май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад,
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят,
К загону стадо не теснится,
Не жметя к огоньку пастух
И инеем не серебрится
Покрывшийся травую луг.

При лунном в рощице сияньи
Сзывает *Ладо* юных дев.
В прозрачном льняном одеяньи,
Они, под плясовый напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.

Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому *Лелю*,
На место жертвенника, в честь
Из мягких роз постлать постелю,
А в жертву — горчицу принести.

Мой друг! тебя днесь рок ласкает,
Но бледно-тоща смерть ногой
Равно в золотую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет;
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

Там золото, знатность напыщенна
Не развлекут твоих очей.
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалить;
В объятых неги с милой *Дашей*
Сладчайший всех нектар вкушать.

Спешит ж — в кругу отрад, веселий
Крылатый миг останови:
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первая любви.
Лишь раз ее очарованье
Нас может в жизни усладить, —
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, лъзя ли возвратить?

(1799), (1806)

44. УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Кн. II, ода IX

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно в круге года
Тягчит верхи Рифейски лед,
В дубравах воеет непогода
И вихрь с деревьев листья рвет.

А томный вопль твой мила друга
Не престаёт из гроба звать!
Светило дня с Сафирна круга
Спешит ли в море бег скончать,
Вослед ли золотой денницы
Течёт оно на свод небес, —
Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стонал, ток слез проливши,
Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,
Кропилась хладная могила
Росою слез троянских дев.

Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем
С десницей росса неразлучны
Победы, новой славы гром:
Как быстрый Пад пред ним смирился
И алчна гидра вспять бежит,
Хребет Алпийский преклонился
И галл в ущельях гор дрожит.

1799

45. ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЕВОЙ ОДЕ

Кн. II, ода XVI

Otium divos rogat in patenti Prensus Aegeo...¹

Пловец морской спокойства просит
Во время бури у богов,
Когда корабль до облаков
Свирепую волной заносит.

---

¹ Просит покоя у богов застигнутый бурей в Эгейском море (лат.). — *Ред.*

Вздымая с ревом глубину,
Огромны мачты ветр ломает,
И мрак сгущенный затмевает
Блестящи звезды и луну.

Спокойства ищут мамелюки,
Что, презря страх, и зной, и труд,
Песчаным морем в брань текут,
Тягча водой верблюжьки выюки;
И росс, рожденный на снегах,
Кому на Тавр с Кавказа шаг,
Чей штык сквозь Алыны проникает,
И росс спокойствия желает.

Спокойствия, что нам дарить
Не могут камни драгоценны,
Которого нельзя купить
За груды злата накопленны;
И стражи скорбям не претят
Вкрадаться в грудь земного бога;
Заботы стаями летят
Гнездиться внутрь его чертога.

Убогая семья стократ
Счастливей жизнь свою проводит;
Печаль средь мирных их отрад
Изредка мимо лишь проходит,
Из блюд наследных за столом
Они простую снедь вкушают;
И скорби их не пробуждают,
Успокоенных легким сном.

Почто же в жизни сей мгновенной
Кружиться слепо за мечтой
И, в путь дерзая преткновенный,
Без нужды жертвовать собой?
Почто с трудом, с бедой и с стоном
Семьи чуждаться и друзей
И новых солнечных лучей
Искать под чуждым небосклоном?

Уйдет ли путник от себя,
Коль из отчизны удалится,

И средь военна корабля
С ним страсть порочная садится.
На бурном ли коне летит,
Забота вслед его спешит,
Быстрее еленей, в дол бежащих,
Быстрее ветров, пыль крутящих.

Когда ты в радости сей день,
О завтрашнем не суетися;
Коль грустен, разогнать потщися
Лучом надежды скорби тень.
Нет в мире блага совершенна:
Тот славен, — век короткий жил;
Другого, старостью согбенна,
Безвестным рок прожить судил.

В показанных тебе судьбою
Дождусь я, может быть, отрад.
Тучнятся шелковой травою
Там сто твоих рычащих стад;
Здесь кони ржут и пыль взвывают
В твоей упряжке золотой;
Парчою ты одет драгой,
И слуги в серебре блистают.

Меня ж хотя правдивый рок
Осыпать златом отказался,
Но искрою огня возжег,
Гораций коим оживлялся.
Поместьем малым я снабжен,
Но духом твердым одарен,
Что ложной славы не желает
И злобу черни презирает.

Первая половина 1800-х годов (?)

46. ВРЕМЯ

Кн. II, ода XIV

Неприметно утекают
Воскрыленные лета.
Старости не удаляют
Ум ни сердца правота;

И прогнать не могут мимо
Смерти, ввек неумолимой.

Хоть молебны кто всяк день
Петь о многолетстве станет,
Смерть, привязчива, как тень,
На минуту не отстанет.
Все — и раб, и царь с венцом —
Спустимся в подземный дом.

Тщетно кровью обогранных
Будем убегать полей,
Волн беречься разъяренных
И зараз осенних дней:
К предкам должно преселиться,
Праху с прахом соединиться.

Должно всё оставить здесь:
Дом, роскошную услугу,
Нежную с детьми супругу;
И, из саженных деревьев,
Ельник лишь один постылый
Нас проводит до могилы.

Все мы так, как тень, пройдем,
А наследник наш богатый,
Цельным капским тороватый,
Век нетронутым вином,
Закутя пиры и балы,
Через край нальет бокалы.

(1806)

47. БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Кн. II, ода XI

На что нам галльска исполина
Решить затеи наугад
Иль ков британца, с кем пучина
И чужды царства нас делят?
На что, покой тревожа сладкой,
В пустых заботах век кружить

И нитку льняну жизни краткой
С кострицей жесткою сучить?

Уж пылкость, молодость отстали,
Ушли давно от нас бегом,
И наши седины прогнали
Любовь игриву с сладким сном.
Недолго свежими цветами
Любезна красится весна;
Не вечно полными лучами
Блестит прменчива луна.

Почто ж на замыслы надмерны,
Которых веком не свершить,
В заботах тратить час неверный,
Готовый всех нас пережить?
Не лучше ль на полянке чистой,
Под тополью роскошной сей
Или под липою тенистой
Нам пить за здравие друзей?

Подайте ж вин, — из древня века
Всегда в чести было вино:
Твердят, что сердце человека
Невинно веселит оно.
Скорей шампанское несите,
Покуда пробок вверх не бьет,
И в ручейке прохолодите,
Что с шумом возле нас течет.

(1806)

48. ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

Кн. I, ода XXX

Царица Пафоса и Книда, о Венера!
Оставь любимый Кипр, приходи в смиренный храм,
Куда, возжегшая обильный фимиям,
Зовет тебя Глицера.

Да поспешит с тобой твой пламенный Эрот
И с распущенными хариты поясами,
Меркурий с нимфами, и Молодость с цветами,
Лишенна без тебя красот.

(1806)

49. ДРУГУ МОЕМУ

Кн. I, ода IX

Взгляни, как, снегом покровенны,
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В берегах, оцепенев, стоят.

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь.

Метели, бури и морозы
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни березы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать,
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

Во младости несуетливой
Без пляски, игр не трать часа,
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскарад
И те условленны свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят;

Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенок теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

(1806)

50. УМЕРЕННОСТЬ

Кн. II, ода X

Коль хочешь век прожить счастливо,
Не всё в открыто море мчись,
Не слишком к берегу трусливо
Меж камней с лодочкою жмись.

Кто счастья шумного тревоге
Средину скромну предпочтет,
Не в златоглавом тот чертоге,
Но и не в хижине живет.

На ель высоко вихрь стремится,
И башня, гордая челом,
С крутых высот скорей валится,
Вершины гор бьет чаще гром.

Надежду мудрый зрит в напасти,
На случай злый вооружен,
Но в лъстивом бережется счастья
Судьбы коварных перемен.

Не всё зима нас удручает:
Весна за нею вслед спешит.
Сегодня горесть убивает,
А завтра радость оживит.

Не каждый раз перун горящий
Грозит пожарами странам,
Но часто тучи, град носящи,
Прогнав, дарует ведро нам.

Будь тверд в злосчастные минуты,
Но счастью тож не доверяй
И ветром парусы надуты
Заблаговремя опускай.

(1806)

51. СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Кн. IV, ода VII

Растаял снег, земля открылась,
Позеленела мурава,
Струя кристальна с гор скатилась,
Оделись листьями древа.

Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега,
И дев веселы короводы
Уж топчут мягкие луга.

«Не льстись ничем ты вечным в свете», —
Твердит тебе то год, и час,
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

Весна морозы прогоняет,
Спешит за нею лето вслед,
С плодами осень поспешает
И зиму строгую ведет.

Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна,
А ты, в подземный дом изгнанный,
Ввек будешь прах и тень одна.

Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?

Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход — исхода нет.

(1806)

52. ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Кн. I, ода XXXI

Чего принт от неба просит,
Когда в путь новый год течет
Или когда во храм приносит
Он в день рожденья свой обет?
Не жатва льстит его богата,
Не мягка вólна тучных стад,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморных палат.

Пусть пьет нектар кокосов сочных
Тот, кто нашел золотое дно,
Пускай из кристалей восточных
Вкушает капское вино.
Наперсник счастья он любимый:
Проснувшись, руку лишь прострет —
Земля, моря неукротимы
И мир весь дань ему несет.

Но я, я сыт округом хлеба,
Доволен кружкой кислых щей
И больше не прошу от неба,
Как чтобы в бедности моей
Хранило мне здоровье цело,

Ум свежий и душевный мир,
И век пресекло б престарелый,
Бесчувственный ко звуку лир.

(1806)

53. ОДА «ЛОМОНОСОВ»

Кн. IV, ода II

Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам — но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низринется стремглав — и море
Безумца имя возвестит.

Как быстрый ток струи скопленны
10 Стремит с крутой вершины гор,
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор, —
Так, звучной лирой Ломоносов,
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов
И усладит потомство их.

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?
«Он, гласом грома прерывая,
20 Словами небо колебал.
С покрытыя пучины мглою
Хаосный, леностный туман
Разгнал всесильною рукою
И с суши сдвинул Океан».

Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон?
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!
«Сам бог ведет; и кто протіву?

30 Кто ход его остановит?
И океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?»

Любви ль предел изображает, —
Как кисть его оживлена!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!
«Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь:
Меж бисерными облаками
40 Сияет золото и лазурь.

Древа листьями помавают
И, нежну ощущая власть,
Друг друга ветвями обнимают,
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат».

За Марсом ли вослед дерзая,
50 Сражений представляет вид:
«С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи — равен путь:
Нося перун, полки орлины
Парят, где ветер лишь может дуть».

С такую дерзостью чудесной
Изведав неусталость крыл,
Верх облак, в синеве небесной,
60 Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет.

Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела
Царицы, что победой громкой
Моря и сушу потрясла.
Воспой богов сей дар бесценный,
70 Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят золотые дни.

Воспой тот день трикрат счастливый,
Когда на жертвенник побед
Зеленый лавр, обвит оливой,
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа
Участник общего добра,
Во время пышна к храму хода
80 С восторгом возглашу: ура!

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством.
Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

А я, помост усыпав храма
90 Возращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежный
С избытком в дар мне принесла.

(1806)

54. БОГАТОМУ СОСЕДУ

Кн. II, ода XVIII

Парчи и резьбы позлащенны
Не красят дома моего;
Столбы, в Карраре иссеченны,
Преддверий не хранят его.
Алмазами в нем чаш блестящих
Не притекает зреть народ;
И до зари толпа просящих
Меня в сенях моих не ждет.

Но честность, лиры дар небесный,
В удел сей жизни рок мне дал.
Не знатен — знатым я известный,
И нищ — богатым нужен стал.
От неба больше не желаю,
Рожден не алчным, не скупым,
Друзьям могущим не скучаю:
Доволен малым я своим.

Теснятся в вечность дни за днями,
Как в море за волной волна;
То светит полными лучами,
То умаляет круг луна;
А ты, как бледна стень слоняясь,
Гранит распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты к небу громоздишь.

Владея целым берегом моря,
Расширить поле чтоб свое,
С несытою пучиной споря,
Теснишь плотинами ее.
Столбы сдвигая порубежны,
Соседов гонишь ты твоих;
И каждый день, чрез нивы смежны
Шагнув, захватываешь их.

Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,

Уносят бедность за спиною,
А у груди нагих детей.
Богач! на что ж ты грабишь нища?
И подле груды золотой
Тебе вернее нет жилища,
Как под могилою сырой.

Земля всем смертным без разбора
Готова лоно растворить,
И ненасытной смерти взора
Не можно златом обольстить.
Богатых и счастливых племя
Сечет она, как летний цвет,
И снять придет с несчастных бремя,
Хоть ими призвана, хоть нет.

(1806)

55. КРАСОТА

Кн. IV, ода X

Еще до сей поры пленяешь,
Влечешь к себе всех взоры ты
И гордо сердце подкрепляешь
Цветущим блеском красоты.

Но скоро уж, когда с летами
Увянет нежная краса,
Спадет волнистыми шелками
Плеча покрывшая коса.

Когда черты, где свежи розы
Слились с лилейной белизной,
Свирепы ощуща морозы,
В морщинах блеск сокроют свой, —

Тогда, с немой упрёкой, грозно
В невинно зеркало взглянув,
Тогда-то, Хлоя, но уж поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнув:

«Зачем в приятной я судьбине,
Как пыне, мыслить не могла»,
Или: «Зачем не та я ныне,
Не та, что в младости была!»

(1806)

56. ВОРОЖБА

Кн. I, ода XI

Хлоя! не желай бесплодно,
Любопытствуя, открыть,
Долго ли богам угодно
Нашу жизнь еще продлить?

Ворожкой не занимайся
О предбудущей судьбе,
Принимать равно старайся
Всё, что суждено тебе.

Хоть еще на свете много
Лет нам рок прожить велел,
Хоть с зимою сею строгой
Жизни положен предел, —

Хлоя! жить спешу украдкой,
Смейся, пой, люби, играй
И, по мере жизни краткой,
Цель надежды приближай.

Миг, в который молвим слово,
Улетел уже от нас:
Не считай на утро ново,
А лови летящий час.

(1806)

57. НАБОЖНОСТЬ

Кн. III, ода XXIII

Если утром ежедневно,
Как от сна ты встаешь,
Руки к небесам смиренно
С теплою мольбой взнесешь;
Если в праздники ко храму
С светлой, как душа, свечой
Ты хоть горстку фимиаму
Скромной принесешь рукой, —

Жертвы сей довольно богу;
Не страшись ни в чем вреда:
Ветр заразный в осень строгу
Пощадит твои стада,
Нивы саранча не тронет,
Ульи питает мед,
Ветвы сад к земле преклонит, —
Каждый цвет в нем будет плод.

С дна морского похищенны
Бисеры, коралл, янтарь,
Пышною рукой взнесенны,
Украшают пусть алтарь;
Златом пусть он обольется,
Блеском звезд бразильских стран;
Пусть на нем всяк день возжжется
Смирна и драгий ливан,

Но в дому алтарь твой скромный
Утварью простой одет,
И зачем ты в храм огромный
Пышный понесешь обет:
Коль невинна, хоть убога,
Длань коснется алтаря,
Легче умоляет бога,
Чем драгий обет царя.

(1806)

58. СОВЕТ

Кн. II, ода III

В напастях, горести старайся
С великодушием терпеть,
А в счастья не забывайся.
Мой друг! ты должен умереть.

Умрешь, хотя печалься вечно,
Хоть в праздные, веселы дни
Вино ты придешь пить беспечно
В гостеприимной дров тени,

Сребриста тополь, ель высока
Где дружны ветви в свод плетут,
С журчаньем где струи потока,
Извившись, торопко текут.

Вели ж там вина, ароматы
И кратковечных роз принести,
Пока нам счастье, дни крылаты
И младость позволяют цвести.

Домы, сады распространены
Покинешь ты, оставя свет,
И клад, годами накопленный,
Наследник алчный твой возьмет.

Хотя богат, породы знатной,
Хоть раб и в хижине живешь,
Хоть царь, но смерти беспощадной
Равно ты жертвою падешь.

Назначен всем предел нам равный;
Всяк жребий вынут наугад,
И в вечну ссылку, поздно ль, рано,
Нам парки всем спешить велят.

(1806)

59. ДРУГУ СЕРДЦА

Кн. II, ода VI

Я знаю, друг мой, что за мною
На край бы света ты летел,
Со мной бестрепетной ногою
Гиркански дебри ты б прошел;
И ссылочной Сибири холод,
И средь песков ливийских зной,
Меж лютых кафров жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.

Но дай бог, чтоб на бреге Псола,
Где липы мне шалаш плетут,
В тени зеленого раздола
Был старости моей приют!
Дай бог, чтоб счастье там прильнуло
К груди, усталой от забот,
И томно сердце отдохнуло
От бурных жизни непогод!

Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Салдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы, пеленой обвиты,
Красу серебристых нежат рун,
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.

Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветер весенний веет,
Гнетет недолго зимний хлад,
В долинах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.

Вот там-то, в рощице тенистой,
Устланной мягкой муравой,

№ 9.

Судьба

Кн. I.

Уд XXXIV.

=H

пока врань буйного ученья
 а явно въ нравъ заблудилъ,
 бодалъ не гасно соль похвально
 и не усвояю блудилъ.

#

И теперь я принужденъ Карлаю
 назубъ мой солъ полугозитъ,
 и въ путь, даю забвѣнъ мною,
 не вѣрною блудилъ вступилъ.

#

Звѣсть на небесахъ програмныхъ
 обильши облака сгущаю,
 шашъ мурмиди что туго развратилъ
 великою блудилъ свои во блудилъ;
 теперь, приде блудилъ
~~и отъ янни вознесъ земли,~~
~~когда мила была на мурмиди,~~
~~и мурмиди~~
 съ мурмиди мурмиди мурмиди
 съ мурмиди мурмиди мурмиди.

#

Близ тока, из скалы кремнистой
Жемчужной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны соединим сердца.
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

(1806)

60. СУДЬБА

Кн. I, ода XXXIV

Parcus deorum cultor...¹

Пока вслед буйного ученья
Я слепо в мраке заблуждал,
Богам не часто долг почтенья
И не усердно воздавал.

Теперь я принужден кормою
Назад мой челн поворотить
И в путь, давно забытый мною,
Неволью со стыдом вступить.

Зевес, на небесах пространных
Обыкший облака сгущать,
Чтоб молнией из туч раздранных
Вселенной гнев свой возвещать,

Теперь, прияв перун в десницу
И в ясный вознесясь зенит,
Без туч, гремящу колесницу
С летящими коньми стрежит.

Земля трепещет, быстры реки,
И Стикс, клонящий к аду бег,
Атлантские хребты далеки
И страшного Тенара брег.

Бог может низменность смиренну
В высоку гору превратить;

---

¹ Богов поклонник скромный... (лат.). — *Ред.*

Унизя знатность напыщенну,
Что в тьме коснеет, осветить.

Фортуна колесом вращает
Ей свыше подчиненный свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

(1814)

ПЕРЕВОДЫ

61. «ПАМЯТНИК» ГОРАЦИЯ

Кн. III, ода XXX

Я памятник себе воздвигнул долговечный,
Превыше пирамид и крепче меди он.
Ни едкие дожди, ни бурный Аквилон,
Ни цепь несметных лет, ни время быстротечно
Не сокрушат его. Не весь умру я, нет:
Большая часть меня от строгих парк уйдет;
В потомстве возрасту я славой справедливой;
И в гордый Капитол с весталкой молчаливой
Доколе будет жрец торжественно всходить,
Не перестанет всем молва о мне твердить,
Что тамо, где Авфид стремится ревуши воды,
И в дебрях, где простым народом Давн владел,
Я первый, вознесясь от низкия породы,
В латинские стихи эольску меру ввел.
Гордись блистательным отличьем, Мельпомена!
Гордись: права тебе достоинство дало,
Из лавра дельфского, в честь Фебу посвященна,
Венок бессмертный свив, укрась мое чело.

(1806)

(Примечания)

Давн — сын Филумна и Данан, в вышеупомянутой стране царствовал. В оригинале сказано: «простым народом где безводный Давн

владел». Но как слово «безводный» противоречит некоторым образом предыдущему стиху, где упоминается быстрая река Авфид, то я осмелился сказать: «и в дебрях, где простым народом Давн владел». К сему повод дало мне то, что Давния, нынешняя Пульская провинция, весьма лесиста и что даже название Давния производится от греческого слова *Δαυνοσ*, значащего: густой, лесистый. В латинские стихи зольску меру ввел. Оную употребляли Сафо и Алкей, уроженцы города Митилены, населенного эолийцами.

62. БЕЗОПАСНОСТЬ

Кн. I, ода XXII

Integer vitae...¹

Кто злобы чужд, обманов низких,
Чист сердцем, правдою живет,
Тому ни в копьях мавритийских,
Ни в скифском луке нужды нет;

Колчан ему не нужен, полный
Смертельно ядовитых стрел,
Хотя б песчаные он волны
Ливийски протекать хотел,

Хотя б Кавказа не гостинный
Прийти отважился хребет
Иль дальняя страны пустыни,
Чудесный где Гидасп течет.

Вот так и я, бродя беспечно
В сабинской рощице меж гор
И занят думою сердечной,
За грань, в густой вошедши бор,

Когда там для Лалаги страстны
Любовные стихи слагал,
Вдруг волка, ловчий неопасный
И безоружен, я прогнал.

Не зрела Давния военна
Таких чудовищ средь лесов,

---

¹ Нетронутый жизнью... (лат.). — *Ред.*

Ни область, Юбу подчиненна,
Кормилица безводна львов.

Всели ж меня хоть в степь, где тощих
Зефир деревьев не живет,
Край света на горах полнощных,
Что Зевс туманами тягчит,

Под колесницу солнéчной
В необитаемой стране —
Лалаги будут милы вечно
И голос и улыбка мне.

(1814)

63. НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

Кн. II, ода XV

Jam pauca aratro...¹

Уж пышны зданья властелина
Землей ограбят скоро плуг;
Обширней тиниста Лукрина
Пруды изрыты видим вокруг.
Где вяз был — клен стал одинокий;
Кусты и цветники беспроки,
Что обонянье лишь манят,
Уж скоро вытеснят оливы,
Владельцев прежних верный клад;
И в сводах лавры горделивы
Их листьям солнце отразят.

Не так гласит скрижаль закона,
Что Ромул нам преподает,
Устав небритого Катона
И древних праотцев завет:
При них граждáне скудно жили,
Всё золото в общий клад копили.
Стыдяся земляных домов,

---

¹ Уж немного для плуга... (лат.). — *Ред.*

Никто на север, для прохлады,
С навесом не взводил столбов:
Богатством — украшали грады
И мрамором — лишь храм богов.

(1814)

64. О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

Кн. IV, ода VIII

Donarem pateras. . .¹

Охотно б чаши, бронзы редки
Я в дар принес моим друзьям;
Треноги, что ахеан предки
Дарили храбрым их вождям;
И если б был богат искусством,
Которым Скопас и Фарраз
С толь дивным, превосходным чувством
Отделявали напоказ,
Тот в камне, кистью сей живую,
То смертных вид, то лик богов,
Тебе б признательной рукою
Принес я лучший из даров.

Но сим искусством — сам ты знаешь,
О Цензорин! — я не богат,
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;
Притом ты мыслишь, что не нужно
Приумножать диковин сбор,
Чтоб ими только в час досужный
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь, — так стихами
Тебя мы можем подарить
И, сдревле чтимое веками,
Достоинство их объяснить.

Черты, на мраморе блестящи,
Из темных гробовых дверей

---

¹ Я подарил бы чаши. . . (лат.). — *Ред.*

Вновь к жизни, к славе возводящи
Героев, доблестных вождей;
Угрозы исступленны, яры
Бегуща Ганнибала вспять
И буйной Пунии пожары
Так громко не могли вещать
О том, кому им покоренна
Прозванье Африка дарит,
Как лира, Фебом оструненна,
Калабрских вещей пиерид.

Коль лиры замолчат золотые,
Лишится добродетель мзды:
Что был бы нам твой сын, Иллия.
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло?
Священного восторга полн,
Пиит исторг витийства силой
Эака из стигийских волн.
Пииты, их хвалы правдивы,
Их благосклонная молва
Для алтарей его счастливы
Определили острова.

От смерти муза избавляет
И небо доблестям дарит:
Ираклий с ней в Олимп вступает
И с Дием трапезу делит;
На вознесенны круги звездны
Кастор и Поллукс так взошли
И в бурю из морския бездны
Крушимы взносят корабли;
Так, грозным листвием венчаный,
И Вакх, приемля наш обет,
Предначинаниям желанный
Конец благоуспешно шлет.

(1814)

(Примечания)

Ахеан предки дарили храбрым их вождям. Во многих местах у древних видим, что чаши, треноги и лохани были весьма лестные для героев подарки. В XIX песне «Илиады» Ахиллес получает от

Агамемнона 20 лохань и 7 треногов; Плавт упоминает о чаше, подаренной Амфитриону.

Фарраз и Скопас — тот был искусный ваятель, а сей эфесский живописец, современник Кзейкса; жившие в начале V столетия прежде Р. X.

О Цензорин! Кай Марций Цензорин был консулом; он служил при Кайе Кесаре, внуке Августа; сопутствовал ему в Сирию, где и умер. Валлей Патеркул свидетельствует, что Рим весьма сожалел о его кончине.

Не желаешь толь драгоценных ты заплат. Г-н Дасье переводит слова «*pec tibi talium res est, aut animus deliciarum egens*»: *heusment pour moi, vous etes ass'ez bien garni de toutes ces curiosités, et vous n'en souhaitez pas davantage.* (К счастью мосму, вы довольно запасены редкостями сими и не желаете более). Он думает, что Гораций не хотел сказать о Цензорине, что он пренебрегает статуи и картины; но что более не жадничает доставать их, имея уже довольно. — Осмелюсь заметить, руководствуясь мнениями многих переводчиков, что сие заключение г-на Дасье кажется мне несправедливым. Во-первых, слова: *talium* — воздаяние, *res* — именно дали мне повод мыслить, что полустипшие «*pec tibi talium res est*» значит просто: «ни плата тебя не обогатит». Из чего предположить можно, что Цензорин подарил Горацию какую-нибудь картину или бронзу, чем сей равномерно отдарить его не был в состоянии. Во-вторых, слово *deliciarum* — игрушка, безделка, каковыми и сам г-н Дасье признает статуи и картины в сравнении с стихами, определяет, кажется, совсем противный мнению его смысл; и что словами: «*aut animus deliciarum egens*» Гораций не обвиняя говорит: «ум твой не имеет нужды в игрушках»; «*gaudes cognitibus*» — любишь стихи; а вслед за сим, предпочитая оные игрушкам, картинам и бронзам, объясняет, что вырезанные на памятниках похвальные надписи, изображения славных подвигов не приносят того бессмертия знаменитым мужам, каковое доставляют им музы, внушающая пинтов.

Прозванье Африка дарит. Г-н Дасье справедливо попрекает Горация, что он смешивает здесь неодновременные события и разные лица: бегство Ганнибала относится ко второй, а сожжение Карфагены — к третьей Пунической войне, в которых предводительствовали в оной великий Сципион, а в сей, пятьдесят лет спустя, Эмилиан Сципион, по усыновлению внук его. Но как оба Сципионы сии проименованы были Африканскими, то и выражения Горация могут как вообще, так и особенно к обоим относиться. Не бесполезным нахожу заметить, что стихотворческие здесь картины Гораций, без сомнения, списал не с надписей, как г-н Дасье заключает, но с изваяний на памятниках, воздвигнутых в честь обоих победителей.

Калабрских вещей пиерид. Гораций означает здесь пиита Энния, уроженца Рудии, небольшого города в Калабрии, в числе многих сочинений его написал он 18 книг летописей, содержащих повесть Рима, по 377-й год от основания оного. Гораций имеет в виду сии летописи, ибо в оных Энний воспел победы Сципиона, а найпаче победу, одержанную им над Ганнибалом в Африке.

Коль лиры замолчат златыя. Прошу извинения, что здесь предпочел я лиры свиткам Горация — *chartae*, которые делались по большей части из пергамена и служили древним вместо книг.

Твой сын, Иллия. Сожалею сердечно, что мера стиха не позволила мне сочетать Марса с Иллиею; она была мать Ромула, дочь Нумитора, потомка Энеева; брат его Амул не только отнял у него царство, но, дабы не имел он наследников, принудил дочь его Иллию быть жрицею Весты, а потом повелел утопить ее в реке Аннии; по иным же преданиям — в Тибре. Сию несчастную жертву властолюбия одни называют Иллиею, а другие Реею Сильвиею.

Эака из стигийских волн. Эак был сын Юпитера и Эгины, отец Пелея и Теламона, один из адских судей, заведовал европейские народы. Стиксом назывался один источник в Аркадии, вода иного была смертоносна, и для того пииты почитали ее адскою рекою. Не во гнев баснословам-грекам, река Стикс никогда не протекала в Аркадии, но на крае севера. Чтоб удостовериться в истине сей, стоит только со вниманием прочитать описание оной в Гезиоде — см. «Богорождение» от 713-го по 819 стих; а в переводе г-на Жина с 157 до 165 страницы.

Для алтарей его счастливы определили острова — богатые острова; *divites, insulae, Lactas sedes* — именем сим означались поля Элисейския, полагаемые иными в Андалузии, области испанской; поелику она не остров, то некоторые признавали райскими богатыми островами, лежащими в Атлантическом море, Канарские и другие соседственные им острова.

Ираклий с ней в Олимп вступает. Многочисленные подвиги его всем известны; они доставили ему исключительное преимущество участвовать в пиршестве богов, поелику и живого его не мог удержать Тартар — сия вечною ночью покрытая страна.

Кастор и Поллукс так взошли — они были дети Тиндара и Леды, братья Елены.

Конец благоуспешно шлет. Таковое мнение заставило одного греческого вития сказать о Бахусе, что он друг всякого времени и Фортуны. Я думаю, что женолюбивый весельчак Гораций имел другие причины сказать о боге вина, что он приводит мольбы к благому концу.

65. НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

Кн. III, ода I

Odi profanum vulgus, et arceo.¹

Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю.
А вы безмолвствуйте: парнасских жрец богинь,
Для юношей и дев стихи я воспеваю,
Еще неслыханны доньинь.

---

¹ Я ненавижу непосвященную чернь и обуздываю (лат.). — *Ред.*

Цари — подвластным страх; царей — Зевес
властитель,
Титеи дерзостных низвергший в прах детей,
Колеблющий весь мир и звездную обитель
Единым манием бровей.

Пусть тот садов себя пространством величает,
Сей знатен, в Марсов круг за почестями течет,
Того пусть слух доброт повсюду прославляет,
Сего — толпящийся причет, —

Равняет всех их смерть; вельможа напыщенный
Иль нищий — всем ее быть жертвой суждено:
И в урне роковой все имена вмещенны
Судьбой мешаются равно.

Злодей, зря меч нагий, над головой висящий,
Не может яств вкушать сицильских и вина;
Ни пенье птиц, ни лир приятно глас звенящий
Ему не возвращают сна.

В убогой хижине, приосененной миром,
Не презирает сон уютна уголка
И на берегу реки, колеблема зефиром,
Покрова темного леска.

Умеренного кто довольства лишь желает,
Того ни бурное морских волнение вод,
Ни запад лютого Арктура не смущает,
Ни звездного Козла восход,

Ни град, цвет гроздия иль плод его разящий,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни сад, то дождь ливный, то лютость зим винящий,
То землю иссушивший зной.

Уж рыбы зрят моря, оплотами стесненны:
Богач пред богачом там с челядью своей
И с зодчими в волнах спешат возвысить стены,
Наскуча твердою землей.

висящий на конском волосе обнаженный меч; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршеством и признавать счастливым тирана.

Яств сицильских. В Сицилии любили хорошо поесть и попить; снм они так отличались, что изобильный стол обыкновенно называли столом сиракузским.

Арктурa запад — северного созвездия близ Медведицы. Имя его происходит от греческих слов *arktos* — медведица и *ura* — хвост, ибо в небесном знаке том находится весьма ясная звезда возле хвоста Медведицы. Созвездие сие называлось также Арктофилаксом, *arktofilax*, — стражем Медведя. Но почему именовалось оно волопасом, *boote*, догадаться трудно, разве потому, что иногда созвездие Медведицы называли телегою, — и заключили, что он должен пасть волов, в нее запрягаемых. Древние полагали восхождение небесного знака сего в половине сентября, а захождение в начале следующего месяца.

Звездного Козла — созвездие козлят, находящееся по левую сторону Арктурa; восходит в конце сентября и предвещает бурную, ненастливую погоду.

Моря, оплотами стесненны. Богачи римские любили строить загородные дома на взморях, выступая оными сколько возможно далее в воду.

В трирему — так назывались галеры, три яруса весел имеющие.

Мраморы синадийски. Ломка мрамора сего производилась в Фригии, близ города Синады, почему называли его синадийским камнем. Он был цвету белого с красными разводами.

Персидский аромат. Сей аромат собирали большею частию на острове Патане, при устье реки Инда близ Персии, для сего-то Гораций называет аромат сей ахемейским — по имени Ахемедея, персидского царя, которого потомки даже до Дария, сына Гистаспова, назывались Ахемейидами.

Вина кампанийски. Гора Фалерн находится в Италии, близ кампанийского города Синопа. Оттуда получали самое лучшее вино.

Сабинский удел. Сабинцы были древнейший народ в Италии. Страна их была в соседстве Рима между Наром и Анио, примыкала к Апеннинским горам и к Омбрии, с полдня граничила с Латиею, к востоку с пределами Эков, а к западу с Этруриею. Гораций имел там небольшую дачу на берегах Тибура.

66. СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

Кн. III, ода XVI

Inclusam Donaen...¹

Когда, боясь невинной дщери,
Ахриз Данаю заточил
В темницу, где железны двери
Затвором медным укрепил,

¹ Когда заточенную Данаю... (лат.). — *Ред.*

Когда стрегущих денно-ночно
К вратам приставил чутких псов,
Казалось, что ее он прочно
От влюбчивых берег воров.

Но Дий с Венерою украдкой
Смеялся, тщетность зря тревог,
И что везде путь сыщет гладкой
Преображенный в золото бог.

Меж воев золото протекает,
Меж стражей, окруживших дом,
Сквозь тверды камни проникает
Быстрее, чем крылатый гром.

Весь славный род Амфиарея
Алчбой корысти истреблен.
Филипп, ключом золотым владея,
Отверз врата твердейших стен.

Дары под власть его попрали
Царей, стягующихся с ним;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоям вдавшихся морским.

С богатствами растет к ним жадность,
Заботы вновь они родят.
Копить их, возвышаться в знатность
Страшился я, о Меценат!

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут,
Но быть своих сокровищ стражем
Безумным лишь приличен труд.

Итак, богатых оставляю
И, наг, из табора сего
Ко стану тех перебегаю,
Что не желают ничего.

Именьем малым я владея,
Скупца богаче, что возмог
Собрать все жатвы Апулея:
При всем избытке он убог.

Лесок тенистый, ток прелестный
И нива, наградивша труд,
Царю Ливии неизвестный,
Мне жребий счастья дают.

Хотя с полей калабрских пчелы
Сотов мне не приносят в дар;
В сицильских вазах застарелый
Не крепнет Бахусов нектар,

Хотя на галльских паствах тучны
Стада мне волны не растят;
Однако с нищетой докучны
Меня и нужды не тягчат.

Когда б не стало мне стяжанья,
Ты б щедрою помог рукой,
Но, сократя мои желанья,
Доход я увеличил мой;

И малым боле богатею,
Чем если б, мер алчбе не знав,
С Мигдонией стяжал я всею
Пространство Крезовых держав.

Кто много требует строптиво,
Тот в многом недостаток зрит.
Блажен, рукою бережливой
Кому довольство бог дарит!

(1814)

67. НА РАЗВРАТ ПРАВОВ

Кн. III, ода VI

Delicta maiorum...¹

Квирит! за предков злодеянья,
Безвинный, ощутишь ты месть,
Пока священные храмы, зданья
Из пепела коснишь вознесь,
Пока кумиров обожженных
И пылью, дымом очерненных
Не восстановишь в прежню честь.

Бессмертных власть верховну чтущий,
Воздел всемирный ты венец:
Начало счастья им, грядущий
Лишь им приписывай конец.
Гесперию всех бед, злосчастий
Причиной буйство — вышней власти
Не покорившихся сердец.

Пророчески жрецов прещенья
Отвергшу, нашу рать в боях
Двукрат толпами ополченья
Менез, Пакор разбили в прах;
Двукрат добычею беструдной
Украся ожерелье скудно,
Смеется нам наш гордый враг.

Едва не пал сей град строптивый,
Междоусобный строя ков,
Когда и дак браннолюбивый,
И с нильских эфиоп брегов
Восстали против нас войною,
Сей страшен силою морскою,
Тот — лучших множеством стрелков.

Пороком век наш плодovitый
Вначале браки осквернил,
Домы и роды знамениты,

---

¹ Наслаждение предков... (лат.). — *Ред.*

В разврате сем источник был,
Который вскоре, как волнами,
Народ, отечество бедами
И злодеяньем наводнил.

К замужеству девицы близки
Охотятся перенимать
Похабны пляски ионийски
И, не стыдяся посвящать
Себя толь гнусному искусству,
К прелюбодейному распутству
Спешат уж с детства навывать.

Жена из-под венца лишь — ищет
Уже молодых волокит,
Пока муж пьет — в потемки рыщет
И там поспешно, сброся стыд,
Непозволённу, без зазора
И без дальнейшего разбора,
Утеху встречному дарит.

Иная, с ведома супруга,
Не покрасневшись, встает
Из пиршественна даже круга,
Когда или купец зовет,
Иль корабельный гость гесперский,
Что за ее распутства дерзки
Сокровища, как сор, дает.

Не от таких отцов военный
Род юношей проистекал,
Который кровью Карфагены
Моря пространны обагрят,
Кем Пирр, во бранях знаменитый,
Великий Антиох разбиты
И ужас Рима — Ганнибал.

Мужественно то было племя
Трудолюбивых поселян,
Считавших не за тяжко бремя
Пахать сохою сабелян,
Носить дрова к избе убогой

В час льготы от работ, коль строгой
Их матерью приказ был дан,

В час даже, как небес светило,
Простерши с гор отрадну тень,
Волов усталых отрешило
От гнувшего ярма весь день
И, чтоб трудам дать отдых малый,
Поспешно колесницу гнало
За крайний запада ступень.

Чего не изменяют едки
Лета в тлетворном бегстве их?
Сынов развратных наших предки
Родили, — мы отцов своих
Уже в разврате превосходим,
А в сыновьях — потомство родим
Развратнее и нас самих.

(1814)

68. СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

Эпод XIII

*Horrida tempestas. . .*¹

Ужасна буря мрак наводит
На светлый свод небес;
В дожде и снеге к нам нисходит
С угрюмых туч Завес.
Фракийский ветр моря вздымает
И грозно в дебрях завывает.

Мой друг! уловим быстрый час
Дня, вечно окрыленна,
Пока от старости у нас
Не затряслись колена.

---

¹ Ужасная буря. . . (лат.). — *Ред.*

Пока прилично — без причин
На лоб не наведем морщин.

Подай слитое при Торквате
Столетно мне вино.
О прочем замолчать нам кстати:
Быть может, суждено,
Чтоб Дий внезапной переменой
Послал нам жребий вожделенный.

Теперь на волоса взольем
Мастик Ахеменея
И песнь веселу воспоем
Под струны Силленея.
Приятный их и громкий звон
Пусть скорбь и думы гонит вон.

Премудрый так кентавр Пелида
Учил средь юных лет:
«Герой, которого Фетида
Бессмертна — смертным в свет,
И то на краткий век, родила,
Хоть в мрачном Стиксе закалила!

Тебя поля троянски ждут,
Где тощий Ксанф, холодный
И быстрый Симоис текут
В понт Геллы многоводный.
Там парки мерну нить прервут
И в дом тебе возврат препнут.

Оттоль тебя голубоока
Не принесет в отчизну мать.
Спеши ж там чашей гроздна сока
И песнью скорби услаждать.
Тоску, угрюмые печали
Всегда они лишь облегчали».

(1814)

69. ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

Кн. III, ода XXIV

Intactis opulentior...¹

Хотя б с ливийскими индейски
Богатства цельны ты скопил,
Моря Тирренски, Апулейски
Для зданий щебнем нагрузил,
Коль рок необходимый, строгой
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги
И не можешь ускользнуть
От крепкой пѣтли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простреть.

Блаженней геты и степные
За понтом скифы жизнь ведут,
Что на колесах подвижные
Их дома за собой везут;
Земля, без граней, им свободно
Приносит жатвы и плоды,
И ратаи там лишь погодно
Проводят тучные бразды;
Один, скончав свою работу,
Другому труд передает,
Взаимну доставляет льготу
Соседу своему сосед.

Там может средь семейна круга
Детей своих любяща мать,
Быв целомудренна супруга,
Безвинно пасынков ласкать.
Там муж не раб жене богатой,
Она не знает волокит,
Наследны доблести — не злато
Всяк драгоценным веном чтит.

---

¹ Богаче нетронутых богатств... (лат.). — *Ред.*

Там в браке верность неизменну
Хранит врожденный страх стыда:
Забывших клятву их священну
Преступниц нет иль смерть — их мзда.

О! кто положит с злодеям
Междоусобию конец?
Коль хочет статуй с надписаньем:
«Прямый отечества отец»,
Пусть буйство обуздать решится
И своевольство пресечет:
Потомством он благословится!
От нас, увы! пусть мзды не ждет:
Завистны души, унижаем
Живущу доблесть мы средь нас,
Но ищем, воскресить желаем,
Лишь только улетит из глаз.

К чему и жалобы и стоны,
Злодейство казни коль не зрит?
К чему бессильные законы,
Коль нравственность не подкрепит?
Когда ж ни зноем опаленна,
Ни дальна севера страна,
Что вечным снегом отягченна,
Борею в область отдана,
От алчности не отучает
Корыстолюбного купца,
Коль грозны волны побеждает
Отважна опытность пловца,

Коль бедности порок постыдный
Велит всё делать, всё сносить
И крутизною незавидный
Путь добродетели забыть, —
Пойдем и в Капитол священный,
Куда, усердием горя,
Зовет народ нас восхищенный. . .
Иль бросим в ближние моря
Драгие камни бесполезны,
Громады золотых монет, —

Да поглотят несыты бездны
Источник всех злодейств и бед!

Коль истинное сокрушенье
О злобе нашей ощутим,
Корыстолюбья истребленье
Началом будет нам благим,
И юношей, лишенных силы,
Навычка строгая к трудам.
Вельможич, ныне всадник хилый
И ловчий трус, — по целым дням
Готов искусною рукою
Или ахейский трох катать,
Иль запрещенною игрою
Свой жребий случаю вверять.

Меж тем родитель вероломный
Спешит, забыв и стыд и честь,
Поверившего в клад огромный
Товарища в торгу обчесть;
Гостеприимство, дружбу, братство
Готов он дешево продать,
Чтоб недостойному богатство
Сему наследнику собрать.
Что ж в том? — Неправое, конечно,
Стяжанье скоро возрастет,
Но всё к нему чего-то вечно
В глазах скупца недостает.

(1814)

70. НИИТ-ЛЕБЕДЬ

Кн. II, ода XX

*Non usitata, non tenui ferar. . .*¹

На крыльях дивных и могучих,
Певец двувидный, я помчусь
В эфир, верх облаков плывучих,

---

¹ Понесусь на небывалых и не слабых. . . (лат.). — *Ред.*

С земною перстью разлучусь;
Над завистью взнесенный злою,
Оставлю грады под пятою! . .
Нет, нет! хоть род мой не богат,
Но если ты твоим любезным
Зовешь меня, о Меценат! —
То не умру, — багром железным
Харон в ладью не повлечет,
За Стиксом не уберезет! . .
Уж голени мои покрылись
Шершавой, жесткой кожей вдруг,
Власы седые превратились
В волнистый, белоснежный пух,
Из перстов перья показались,
И крылья по плечам расстлались!
Надежней, чем Дедала сын,
Как лебедь, сладку песнь гласящий,
С зенитных я узрю вершин
Босфор, в крутых берегах стнящий,
Пески сыпучи гетулян
И степи гипербореан.
Моею песнью колх пленится,
И дак, что в близкий брани час
Притворно марзов не страшится,
Гелон, столь удален от нас,
Иберы, мудрыми сльвуши,
И галл, струи Родана пьющий! . .
Прочь Нении слезливый лик,
Унылы песни и цевницы,
Постыдный сетующих клик
Вкруг праздная моей гробницы!
Прочь вопли, погребальный стон
И лишняя почеть похорон! . .

(1814)

71. К МЕЛЬПОМЕНЕ

Кн. IV, ода III

Quem, tu, Melpomene...¹

О Мельпомена! кто приятный,
Рождаясь, взгляд твой привлечет,
Того истмийский подвиг знатный,
Как славного бойца, хвалою не вознесет;
Не мчат там кони, легче птицы,
Его победной колесницы;
Народам Капитол вождя не кажет в нем,
Смирившего царей надменных
И средь трофеев вознесенных
Венчанна Фебовым венцом.

Но шум тибурска водопада,
Поящего роскошный луг,
Тенистой рощицы прохлада
В пленительный восторг его приводят дух;
Но эолийскими стихами
Он будет славен меж певцами! . .
Уж гордый Рим меня достойным признает
Вступить в собор их знаменитый,
И меньше злобно-ядовитый
Меня зуб зависти грызет.

О ты, что плавно размеряешь
Звук лиры золотой моей,
Могуща, если пожелаешь,
И рыбам дать немым глас нежный лебедей, —
О муза! я тебе обязан,
Что всеми здесь перстом указан
Как первый римлянин, познавший лиры строй.
Что жив, что песнями пленяю,
Коль сим ласкать себя дерзаю,
Тебе обязан тем одной.

(1814)

---

¹ Кого ты, Мельпомена . . (лат.). — *Ред.*

72. К ЛИРЕ

Кн. I, ода XXXII

*Poscimus, si quid vacui. . .*¹

О лира, милая подруга!
Коль древ в тени, под час досуга,
Резвась, я песни пел с тобой,
Прожить достойны год, другой,
Внуши мне новый стих латинский!
Герой и гражданин лезвийский
Всех прежде на тебе бряцал.
Во стане ль ратном изощрял
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолевши волны,
Корабль свой в тиху пристань вел,
Он Вакха, муз, Венеру пел,
Дитя с палящими стрелами,
И Хлою с черными очами,
И черны Хлои волоса.
О, Фебовых рамен краса,
Трапезы Дия услажденье,
В трудах приятно облегченье,
О лира! коль зову с мольбой,
На голос откликайся мой! . .

(1814)

73. СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

Кн. III, ода XXIX

*Tyrrhena regna progenies. . .*²

Царей потомок тирренийских,
О Меценат! тебя давно
В доме моем в посудах хийских
Заповедное ждет вино.

---

¹ Нас позовут, если в досуг. . . (лат.). — *Ред.*

² Потомок царей тирренских. . . (лат.). — *Ред.*

Готовы уж венки, сплетенны
Из свежих, благовонных роз,
И выжат балан драгоценный
Для умощения волос.

Отвергши медленья причины,
10 Спеши, — не вечно должен ты
Эфульски озирать вершины
И их отлогие хребты;
Раздолы, где Тибур пролился,
Луга, змеей где вьется он,
И холмы, древле где вселился
Отцеубийца Телегон.

Оставь избыток, приносящий
Со скукой отвращенье нам,
И гордый терем твой, стремящий
20 Главу к высоким облакам.
Престань с него пленяться Римом,
Его богатством, красотой,
Клубящихся верх кровов дымом
И пышных зданий пестротой.

Вельможам часто перемена
Была приятна средь сует:
Под кровом шалаша смиренна
Нередко мог простой обед
И без ковров на балдахины,
30 Без багряницы при столах
Изгладить мрачные морщины
На их нахмуренных челах.

Кефей уж вновь лучи бросает,
Предтеча Пса свод неба жжет,
Лев лютый пламень изрыгает,
И солнце дни нам знойны шлет;
Пастух и жаром удрученны
Стада под тень к ручью спешат
В лесах Сильвана скрыться темных,
40 И на берегах зефиры спят.

А ты, печась о благе Рима,
Страшися серрских, скифских стрел

И парфа, буйностью водима,
Кем древле с славой Кир владел.
Но бог премудро ночи темной
Покров над будущим простер:
Смеется он, коль бед вседенно
Страшится смертный выше мер.

Устрой на благо час летящий;
50 Предбудущее, как река,
Котора то струи молчащи
Льет в море, не мутя песка,
То, наводнясь, брега срывает,
Древа с кореньем, камни гор,
Стада и дома поглощает,
Колелет шумом холм и бор.

Тот властен сам в себе, тот волен
И путь ко счастью проложил,
Кто настоящим лишь доволен,
60 Сказать мог: «Я сегодня жил».
Пусть Дий иль небо тьмой обложит,
Иль солнцем ярко озарит:
Собывшегося — не уничтожит,
Прошедшего — не возвратит.

Фортуна злобна самовластно
Играет нашею судьбой
И тешится всяк час ужасной
Злоприхотливою игрой.
Непостоянна, коловратна
70 В дарах и почестях своих,
Сегодня мне благоприятна,
А завтра уж манит других.

Пока со мной она — хвалами
Богиню не стыжусь я чтить;
Взмахнет ли легкими крылами —
Спешу дары ей возвратить
И, добродетели смиренной
Щитом прикрывшись, не ропщу
За честность истинно почтенной,
80 Без вена, — бедности ищу.

С жестоким бурный афр стремленьем
Когда готов мой парус рвать,
Я с робким не привык моленьем
Богам обеты посулять,
Коль яры ветры дуть престанут,
И, пища роскоши моей,
Богатства тирские не станут
Добычею скупых морей.

Тогда, коль ветерок прислужен
90 Дохнет вслед скромного пловца,
Покров лишь Поллукса мне нужен,
Любезной Леды близнеца;
Тогда меня сей спутник звездный
И легкий двувесельный челн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

(1814)

74. НА СМЕРТЬ ДРУГА

Кн. I, ода XXIV

Quis desiderio sit pudor, etc. *

Оплакивать, увы! главу, нам толь любезну,
Какий предлог иль стыд
Скорбящим воспретит?
О Мельпомена! песнь внуши мне томцу, слезну,
Ты, коей с лирой золотой
Богов отец державный
Дарит и голос плавный,
Унылу песнь воспой.

Итак, Квинтилия¹ уж сон одержит вечный!
Где нравов чистота,
Где верность, правота,
Нагая истина и друг чистосердечный,²
И Феб, восторгу своему

---

* Какой может быть стыд при такой потере и т. д. (лат.). — *Ред.*

Предавшийся на лире, —
Где сыщут в целом мире
Подобного ему?

Все добрые по нем льют горьки токи слезны,
Ты всех горчайший льешь;
Но тщетно к небу шлешь
Умильные мольбы, — уж друга, друг любезный!
Не оживишь ты своего:
В самых дарах их строги,
Тебе послали боги
На краткий срок его!

Хоть лиры сладостью сравнишься ты с Орфеем,
Который восхищал
Древа фраккийских скал,
Не возвратится кровь в тень, кою кадуцеем,
Для смертных страшным толь жезлом,
Через пустыни реки
Меркурий уж навеки
Загнал в подземный дом.
Никто из черного к нам не выходит стада,
Которое Плутон
Приемлет в свой загон;
И рок безжалостный замкнул исходы ада.
Несносна скорбь! Но чем смягчить?
Терпенье облегчает,
Чего не возмощает
Ничто переменить.

15 октября 1816
Обуховка

⟨Примечания⟩

¹ *Квинтилий Вар* был стихотворец, друг и родственник Вергилию.

² Я уверен, что благосклонные читатели извинят прибавку сего полустихия и двух следующих стихов, к которой, соответственно чувству Горация, побудило меня воспоминание о смерти друга моего — Державина.

75. К МЕЦЕНАТУ

Кн. I, ода I

Mecenas, atavis edite regibus...¹

О Меценат, царей потомок тирренийских,
Моя и слава и покров!
Иной в ристаньях олимпийских,
От колесницы пыль клубя до облаков,
Коль быстро колесом горящим
Мету опасну облетит,
Венчаный пальмою, к богам, земле судящим,
Уже себя взнесенным чтит.

Сего, коль рвение толпы непостоянной
На вышни почести взведет,
Того, коль с Ливии пространной
Все жатвы в житницу он собственну сберет,
Любящего сохой своею
Наследственны поля пахать,
За жребий Аттала не подстрекнешь ладью
Эгей свирепый рассекать.

Купец, со трепетом зря бурный афр полдневный
В борьбе с икарскою волной,
При ужасах пучины гневной
Спокойство хвалит сел, приют укромный свой;
Но вдруг, лишь буря утихает
И зыбь скалу престанет бить,
Он утлую ладью поспешно исправляет,
Бессилен нищету сносить.

С покалом старого мессийска гроздна сока
Тот, легши под древесну тень
Иль близ священного потока,
Проводит леностно от утра целый день;
Другие любят ратны станы,
Смешанный труб с пищальми звук
И Марса грозного потеху, подвиг бранный,
Для матерей источник мук.

---

¹ Меценат, потомок древних царей... (лат.). — *Ред.*

Под кровом светлых звезд ловец зимой ночует,
Хотя жена молодая ждет,
Коль серну верный пес почует
Иль дерзкий вепрь в лесу тенета разорвет.
Меня ж священный плющ равняет
С богами, вводит в их собор,
Меня в прохладе рощ от черни отделяет
Сатир и нимф прелестный хор.

Свирели коль своей игривой, сладкогласной
Эвтерпа мне не возбранит
И Полимния коль согласно
Лесвийску громкую мне лютню острунит,
Когда, о Меценат! тобою
Причтусь к лирическим певцам,
Над злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звездным небесам!

1818

76. К ПИРРЕ

Кн. I, ода V

Quis multa gracilis...¹

Какой прелестник ловкий, статный
В вертепе неги и прохлад,
Опрыскан влагой ароматной,
О Пирра! средь любви отрад
В восторге прижимает нежном
Тебя на мягком ложе роз
И для кого плетешь в небрежном
Убранстве злато льнистых кос?

Увы! коль крат любви обманы,
И лесть сирениных речей,
И клятвы, пред богами данны,
Оплачет несчастливец сей!
Коль кратню моря треволенья

---

¹ Какой несравненно стройный... (лат.). — *Ред.*

И вспененный его хребет
Неопытного в изумленье,
В тревогу, в горсть приведет!

Теперь, пленен тобой, беспечно
Он ослепляется мечтой,
Что будешь ты любезна вечно
И вечно искренна душой;
Теперь твой взор его прельщает,
Как вид кристальных тихих вод,
Но, ах! мечтатель сей не знает
Изменных моря непогод!

Несчастливы, что, тобой плененны,
Тебя узнали лишь слегка;
О, мне ж, вселенна в храм священный
Обетна на стене доска —
Свидетель, что, от злостраданья
Средь бурных избежав зыбей,
Одежды мокры в дар признанья
Я посвятил царю морей.

4 октября 1818, 1819

77. МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

Эпод XV

Ночь длилась, и луна златая
Сияла меж подруг своих,
Когда, о Лида! прижимая
Меня в объятиях твоих
Сильней, чем плющ вокруг дуба вьется,
Ты клятву повторяла мне,
Ту клятву, что богам смеется,
Живущим в звездной вышине.

Клялась ты: волк пока в долине
Ягненков будет устрашать
И Орион зыбей в пучине

Не перестанет воздвигать,
Пока зефир не позабудет
Лелеять Фебовых кудрей, —
Любовь твоя взаимно будет
Ответствовать любви моей.

Но бойся, мести чтоб достойной
Ты от меня не понесла:
Я не стерплю, чтоб ты спокойно
Все ночи с милым провела;
Другую полюблю сердечно,
Сказав изменнице «прости!»,
К тебе ж не возвращуся вечно,
Как ни жалея и ни грусти.

А ты, счастливец обольщенный,
Утратой ныне горд моей!
Хотя сады распространены,
Хоть тысячу ты стад имей,
Хотя б обширнее Босфора
К тебе златый Пактол протек,
Хоть будь мудрее Пифагора,
Что в мире жил двукратный век;

Хотя б прекрасного Нирея
Твоей ты превзошел красой,
Но тож, о ясных днях жалея,
Их мрачной заменишь тоской;
Изменой станешь ты терзаться
И легковерность клясть свою,
Тогда-то над тобой смеяться
Я буду в очередь мою.

7 декабря 1819
Обуховка

78. ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Эпод II

Блажен, градским не сжатый кругом,
Кто так, как древни предки, мзды,
Заботы чужд и чужд вражды,

Своим в полях наследных плугом
Взвсргает тучные бразды.

Кого в смятенье не приводит
Ни резкий в бой зовущий рог,
Ни грозный вид морских тревог;
Кто дверь судилища обходит
И гордый знатности порог.

То юны лозы виноградны
Он к тонким тополям крепит,
То острой пилкой коротит
Дички и, чуждых соков жадны,
К ним ветви нежные щепит;

То вдаль бродящих средь долины
Мычанье слышит тучных стад,
То сот, что пчелы внонь дарят,
Сбирает в чистые кувшины,
То мягку шерсть стрижет ягнят.

А если овощми покрыту
Главу уж осень вознесет,
С какой приятностью он рвет
Иль грушу, им самим привиту,
Или багряный гроздный плод!

Тебе, садов его хранитель,
Надежный их от татей щит,
Прияп, сын Вакха знаменит,
Тебе, Сильван, границ блюститель,
Он их признательно дарит.

Под дуб ли ляжет древний, мшистый
Или к густой траве прильнет,
В леску над ним хор птиц поет;
Журча, ручей катится чистый
И легкий сон к нему зовет.

Когда ж длань Дия-громомета
Льет дождь иль снег зимой валит,

Со псами в дебри он спешит
И вепря лютого в тенета,
Вдали расставлены, стремится;
Иль сети тонкие готовит
Прожорных накрывать дроздов,
Иль в силки робких русаков
И журавлей прелетных ловит,
Награду милых толь трудов.

Ах! кто б в трудах толь безмятежных
Отрав любви забыть не мог?
Но если, счастья в залог,
Детей лелеющую нежных
Пошлет ему супругу бог,

Супругу верную, делящу
Домашние заботы с ним,
Как скромную сабинку зрим
Иль апулейку работащу,
Осмугленну лучом златым!

К возврату мужа, утомленна
Надзором полевых работ,
Когда она вязанкой дров
Возжжет средь очага священна
Огонь, отнятый у богов;

Коль стада, утучненна паствой,
Запертого в загон, одна
Доеъем не утруждена,
С некупленной поставит яствой
Бутылку нового вина, —

Тогда ни устрицы лукрински,
Ни лещ, ни редкий рыбы род,
Что в час бурливых непогод
Зимою ветер ионийский
Приносит нам стремленьем вод;

Ни рябчик, ни фазан хваленый
Мне вкусны б не казались так,

Как в наших зреющий садах
Оливный плод, щавель зеленый
И тучным нужный проскурняк;

Или сосущий мать ягненок,
Пред вешним празднеством рожден,
На жертву терму посвящен;
Иль мягкий, жирненький козленок,
Из волчьей пасти исхищен.

Вкушая толь приятны ясты,
Когда уж тмится небосклон,
Как мило зреть со всех сторон
При возвращеньи с тучной паствы
Стада, теснящись в загон;

Зреть обращенный плуг влачащих
Стопою медленной волов
И родовых толпу рабов,
Владельца первый клад, стоящих
Вкруг светлых храмины богов!

Так Алфий-ростовщик — отныне
Уж сельский житель — говорит;
И отданну казну в кредит
Собравши месяца в середине,
С недели в рост отдать спешит.

1810-е годы

79. ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

Кн. II, ода VIII

Когда б хоть раз ты казнь, Барина,
За ложны клятвы понесла:
Хоть тень на зуб, на лоб морщина,
На ноготь крапинка б взошла;

Поверил бы, но лишь ужасной
Главу измене обречешь,
Милее кажешься — и страстный
Влюбленный рой сильнее ждешь.

И праху матери, и ясным
В нахмуренной ночи звездам,
И, холодной смерти непричастным,
Тебе полезно лгать богам.

Смеется мать любви; веселы
Смеются нимфы вокруг харит
И бог, что пламенные стрелы
Кровавым камнем острит.

Тебе повсюду юнош стая
И новые рабы растут,
И прежни, гнев их забывая,
Под кров изменницы бегут.

Тебя все матери боятся
И стары скряги за детей;
И жены юные страшатся,
Чтоб блеск твой не взманил мужей.

Вторая половина 1810-х годов

(Примечания)

Барина. Г-н Дасье, не признавая имени сего ни греческим, ни латинским, подтверждает мнение г-на Лефевра, что оно должно быть написано Э а р и н а. Осмелюсь противу сего предложить мою догадку: не была ли сия красавица отрасль какого-либо богатого славено-руса? И точное имя ее не было ли титульное б а р ы н я? В предпоследнем стихе оды сей, может быть не без намерения, Гораций назвал ее «domina» — однозначно с г о с п о ж е ю, б а р ы н е ю.

Тень на зуб. Древние верили, что за ложную клятву делался или типун на язык, или зубы чернели, или бородавка на носу вырастала.

И праху матери. Древние обыкновенно клялись прахом родителей, богами, небом и землею.

80. РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНИЕ

Кн. IV, ода XII

*Jam veris comites, quae mare
temperant. . .¹*

Уж спутники весны, зефиры, вылетают,
Фракийских усмиря волнение зыбей,
И их дыханьем воздушают
Ветрила кораблей.
Уж инеем не убеленны
Зеленые луга цветут,
И реки, снегом наводненны,
В крутых межгорьях не ревут.

Несчастлива ласточка, по Итисе скорбяща
И мщеньем яростным за наглость вечный стыд
Кекропа роду наносяща,
Свивать гнездо спешит.
Уж пастухи то звуком рога,
То песнью тешат вечерком
Любящего их стадо бога
И милый аркадийский холм.

Пришла пора попить; но, юными князьями
Вергилий взысканный! калесских сладких вин
Коль жаждешь, заплати духами:
Тебе их лот один
Вина бутылю обещает
В Сульпициевых погребах,
Вина, что рой надежд рождает
И рассеивает скорби мрак.

Коль хочешь пировать, приходи к нам с этой данью,
Как в доме богача, здесь даром не гостить.
Но не забудь, спеша к свиданью,
Заботы отложить.
Припомня Стикс, обдумав зрело,
Что на костре нам должно тлеть,
Мешай, мой друг! с бездельем дело:
Приятно в пору и дуреть.

*12 мая 1820
Обуховка*

¹ Уже спутники весны, которые успокаивают море., (лат.). —
Ред.

81. ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

Кн. II, ода XIII

Ille et nefasto te profuit die...¹

Тот в день несчастный и печальный
К работе вредной приступал,
Кто здесь тебя первоначально,
Проклято дерево! сажал:
Рукой злочестья, вероломства
Он вырастил тебя близ дома своего
На гибель позднего потомства,
К стыду села всего.

Родному тот отцу, конечно,
В свирепстве череп разможил
И в темну ночь бесчеловечно
Дом кровью гостя обагрил;
Тот с ядом колхов яд змеинный
Мешал, кто внес тебя в средину рощи сей,
Чтоб ты над головой невинной
Обрушилось моей.

Чего страшиться повсечасно,
Ввек смертный предузнать не мог:
Преплывшему Босфор опасный
Пунийцу уж не страшен рок.
Стрел парфа, в бегство обращенна,
Боится марз, того наш меч и цепь страшит, —
Но всех нас смерть непредузренна
Разила и разит.

Я сам чуть в царстве Прозерпины
Пред грозным не предстал судьей;
Чуть дальней не узрел долины
Предела праведных теней;
Эолки, жертвы дев кичливых,
Алкея, что, златой коснувшись струны,
Пел бедства плаваний бурливых,
И ссылки, и войны.

¹ Кто в несчастный день посадил тебя... (лат.). — *Ред.*

В священной тишине, в молчаньи
Внимают тени гласу их;
Но песнь о битвах, о изгнаньи
Мучителей, тиранов злых
Дружнее в круг толпу стесняет;
И дивно ль? — лиры их пленили Тартар весь:
Им внемля, уши опускает
Стоглавый черный пес.

С власами эвменид сплетенных
Не слышен свист зиявших змей.
От мук, навеки присужденных,
С Танталом хищный Промефей
В забвеньи отдыхают сладком;
И быстрый Орион, первейший из ловцов,
Не гонит рысей в поле гладком
Ни в дебре лютых львов.

25 мая 1820
Обуховка

82. БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

Кн. II, ода XVII

Cur me querelis examinastis...¹

Почто ты жалобой твоею,
Почто мою терзаешь грудь?
Чтоб ты скорей меня окончил жизни путь!
Несходно с волей то моею,
Несходно с волею богов,
О Меценат, моя подпора и покров!

Увы! коль строгая судьбина
Тебя, о полдуши моей!
Безвременно сразит, почто в разлуке сей
Не столь драгая половина
Здесь будет жертвой скорбей злых?
Нет, нет, один нас день в гроб сринет обоих.

¹ Зачем ты меня жестокими испытаниями... (лат.). — *Ред.*

Я клялся клятвой неизменной;
Дай руку, друг мой! поспешим:
Коль в невозвратный путь, в последний путь,
МОИМ

Предтечей быть тебе сужденно,
Не разлучась, пойдем, пойдем
И вместе гробовой порог перешагнем.

Ни зев Химеры вспламененный,
Ни, вновь родясь, сторукий Гиг
Не разлучат меня с тобою ни на миг:
Так правосудия священный,
Благотворительный завет,
Так милосердных парк определил совет.

Весы ль в день моего рожденья
Приосеняли небосклон,
Взирал ли на меня ужасный Скорпион,
Столь страшный в час его восхожденья;
Предвестник ли морских тревог,
Гесперской глубины владыка — Козерог, —

Но удивительно согласны
Созвездья наши меж собой.
Сам Юпитер сдержал уж над твоей головой
Удар Сатурна столь опасный
И крылья рока отягчил,
Когда трикратный плеск феатры оглушил.

Под падшим дровом пал я б мертвый,
Когда б меня, в тот грозный час,
Питомцев Гермеса хранитель, Фавн не спас.
Ты, тучныя заклавши жертвы,
Воздвигни храм бессмертным в честь,
А мне довлеет им ягненка лишь принесть.

1820
Обуховка

83. ПЕРЕМАНКА

Кн. I, ода XVII

Охотно Фаун оставляет
Для Лукретиллы свой Ликей,
И коз моих он охраняет
От зноя и дождливых дней.

Они, сквозь чашу пробираясь,
Там щиплют тмин и злак лугов,
Ни скрытых змей не опасаясь,
Ни нападения от волков.

Меж тем как стадо здесь пасется,
От гладких скал, в вечерний час,
В долине, в роще раздается
Пастушеской свирели глас.

О Тиндарида! боги любят
И набожность и песнь мою:
К тебе они здесь усугубят
Щедроту и любовь свою.

В знак милости, благоприяствия
Из рога изобилья тут
Они все сельские богатства,
Дары все на тебя прольют.

Ты здесь, в тени моей Темпеи,
От знойна Сирия уйдешь;
К Улиссу нежну страсть Цирцеи
И Пенелопы воспоешь.

С лесвийским соком виноградным
Покал тебя тут сладкий ждет;
И Вакх с Ареем кровожадным
Строптивых распрь не заведет.

Тут Кир из ревности, бесчинно
Не оскорбит твоей красы,
С одеждой не сорвет невинной
Венка, вплетенного в волосы.

1820

84. МОРЕПЛАВАНИЕ

Кн. I, ода III

Sic te diva, potens Cipri...¹

Да путь к тебе благословенный
Пошлет богиня красоты
И братья страстные Елены,
Светящи с звездной высоты!
Да царь Эол все ветры свяжет
И лишь попутному прикажет
Лелеять паруса твои!
Корабль! внуши мольбы мои:
К брегам афинским чрез пучину
С Вергилием безвредно рей
И вверенну тебе храни мне половину
  Души моей.

Тот тверду грудь, как брус дубовый,
И сердце медное имел,
Кто первый чрез моря суровы
На легком плыть челне посмел;
Кто бурна афра не страшился,
Когда с бореем он стремился
В борьбу, смесивши дождь и град;
Кто пасмурных презрел Гиад;
Кому и нот грозил напрасно,
Сей Адрии владыка злый,
Что вносит к облакам иль низит самовластно
  Ее валы.

Какой вид смерти, лютым роком
Представленной, того страшит,
Кто на морях холодным оком
Чудовища плывущи зрит;
Кто всхолмленны презрел пучины
И на Керавнские вершины
Бесстрашно взоры возводил?
Вотще всемогущий разделил
Страны безмерным океаном,

---

¹ Так тебя, богиня-ладычица Кипра... (лат.). — *Ред.*

85

Недавно вздумалось *Героду*
В две стрóфы сделать оду,
И только лишь о том
Герод наш суетится,
Чтобы своим ее наполнить всю умом;
Посетуйте о нем:
Бедняжка разорится.

(1780)

86. СКАЗАВШЕМУ ОБО МНЕ: «В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА»

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь,
Но ласки, *Стиховраль*, несносны мне твои;
За что меня в твое семейство ты вмещаешь?
Ну, пусть я и урод, да не твоей семьи.

Начало 1780-х

87

Напрасно *Стихобред* сказал,
Что братом уж давно осла я почитал.
Я, право, побожуся,
Что в жизнь осла и не видал,

А в правде сей пошлюся
На *Стихобреда* самого:
Пускай он скажет сам, где видел я его.

1781 или 1782

**88. НА ПЕРЕВОД МОЕЙ КОМЕДИИ МОЛИЕРОВОЙ
«СГАНАРЕВА, ИЛИ МНИМОГО РОГОНОСЦА»**

Никто не мог узнать из целого партера,
Кто в *Сганареве* смел так осрамить Мольера?
Но общий и согласный свист
Всем показал, что то Капнист.

(1796)

Капниста я прочел и сердцем сокрушился:
Зачем читать учился.

(1796)

90

Титовой прах лежит в могиле хладной сей.
Чувствительну красу, приятность с добротою
Посекла смерть косою,
Прервавши нежну нить ее цветущих дней.
Любовь! вздохни о ней.

(1796)

91

Отец мой здесь лежит, пришлец! остановися
И помолися,
Чтоб богом так любим он был,
Как ближних он любил!

(1796)

32. СТИХИ НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ» Г. КОСТРОВЫМ

Седьм знатных городов Европы и Асси
Стязались: кто из них Омира в свет родил?
Костров их спор решил:
Он днесь в стихах своих России
Отца стихов усыновил.

1797

II

93. НА НОВЫЙ 1797 ГОД

Как дождевая капля в море,
Так в вечность канул прошлый год,
Умчал и радости и горе,
Но, улетев, отверстый вход
Оставил в мир им за собою.
Почто ж могучею рукою
Не затворил он тех дверей,
Чрез кои горесть к нам втекает?
Никак: он вход им заграждает,
Оставя Павла у дверей.

1797

94. ОТ СТАРОСТЫ ПАРНАССКА ЦЕХА

Сей час
Я получил приказ,
И хоть всю прошлу ночь сомкнуть не мог я глаз
(Зане от зависти сну сделалась помеха),
Но если лиры бог
Поможет с высоты небесной,
То свадебный спеку пирог, —
Боюсь лишь, чтоб он не был пресный.
Иной, кто маслену провел с подругой ночь,
Легко поведат в-точь
Любовны, брачные потехи,
Но мне,

Которому случилися помехи
Их видеть и во сне,
Возможно ли успеть,
Чего лишаясь, то воспеть?

Начало 1799

95. КАРТОН,

ПОЭМА, ТВОРЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАЛЕДОНСКОГО ВАРДА
ОССИЯНА, СЫНА ЦАРЯ ФИНГАЛА

Весьма давно, вникая в коренное народное русское стихосложение, поражен был я красотой его и, сожалея, что отечественное богатство сие коснеет в презрении, сочинил «Изыскание о гипербореях»; в переводе поэмы Оссиановой «Картона», который должен был сопровождать оные, поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения.

Около 25-ти лет не издавал сочинений я сих в свет из лени, нерадивости, по причине коих остаются уже 10 лет под спудом 1200 экземпляров лирических моих сочинений. Может быть, иной догадливый читатель мой сочтет, что сие сделано мною из благоразумной осторожности, ибо чем позднее выйдут иные творения в свет, тем выгоднее для сочинителя и читателей. Как бы то ни было, я решился не прежде издать перевод поэмы «Картона», как после прочтения в «Беседе любителей русского слова» сперва «Письма» моего к Сергею Семеновичу Уварову о русско-латинском эксамetre, а потом «Краткого изыскания о гипербореях», в которых старался я доказать, что русский размер стихов имеет существенные преимущественные красоты пред стихосложением древних и новейших народов, и тем надеялся возбудить ревность искуснейших соотечественных пиитов к обогащению словесности нашей драгоценною собственностью.

Истинно почту себя счастливым, когда не тщетною обольщал себя надеждою и если труд мой удостоится одобрения просвещенных людей.

1816

События веков протекших!
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.
Журчание твоих, о Лора, чистых струй
Прошедша времени мне память возвращает.

Приятен слуху моему,
О Гермалат, твоей дубравы шум унылый.
Не видишь ли, Мальвина, ты
Скалы, вереском осененной?
10 Три ели от ее низвесились чела,
У ног излучиста долина зеленеет,
Там, нежну вознося главу,
Красуется цветок душистый.
Уединенно там растет седый волчец
И белыми на ветр летящими власами
Зеленый устилает луг.
Два камня, вросшие до половины в землю,
Подъемлют мшистые главы.
Пужливая оттоль в ночи уходит серна:
2: Она там призрак бледный зрит,
Священное сие всегда стрегущий место.
Два славны войны, Мальвина,
Лежат в ущельи сей скалы.
События веков протекших!
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.
Кто сей, грядущий к нам из дальных чуждых
стран

Среди своей несметной рати?
Морвенски знамена предшествуют ему,
30 В густых его кудрях играет легкий ветер,
Спокойный вид его войной не угрожает,
Он тих, как луч вечерний,
Сквозь тонки западны светящий облака
На злачную долину Коны.
Но кто как не Фингал, Комгалов храбрый сын,
Владыка, подвигами славный?
Он радостно холмы отечественны зрит
И тысяще велит воскликнуть голосам:

40 «Народы дальняя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены.
Сидящий на златом престоле
Владыка мира слышит весть
О гибели несметных воев:

В очах его пылает месть.
Ко сонму избранных героев
Стремя укорну, грозну речь,
Хватает он отцовский меч,
Лежащий на златом престоле.

50 Народы дальняя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены».

Так бардов сонм воспел, входя в чертоги Сельмы;
Несметно множество светильников драгих,
Отъятых у врага, средь сонма возжигают.

Готовится огромный пир,
И ночь в весельи протекает.

«Но где же Клесамор? — спросил Фингал
державный. —

Где Морны верный брат в день радости моей?

60 Уныл, уединен,

Он дни свои влачит в долине шумной Лоры.

Но се я зрю его: он с холма к нам нисходит,

Подобен быстрому коню,

Гордящемусь своей и силой и красой,

Когда по шуму легка ветра

Товарищей своих он слышит издалече

И бурно на скаку

Блестящу возметает гриву.

Да здравствует наш друг, могущий Клесамор!

70 Почто так долго ты отсутствовал из Сельмы?»

И так воскликнул Клесамор:

«Фингал со славой возвратился!

Такою славою Комгал

Венчался в юности на бранях,

Мы часто преходили с ним

Чрез быстрые струи Каруна

В страну иноплеменных чад;

Наш меч не возвращался с боя,

Не обагренный в их крови;

80 И мира царь не веселился.

Но почто воспоминаю

Времена сражений наших?

Уж глава моя дрожаща

Сединою осребрилась,
Дряхлая рука отвыкла
Напрягать мой лук упругий,
И уж легкое насилу
Я копье подъямлю ныне.
О, когда бы возвратилась
90 Радость, дух мой ожививша,
При любезном первом взгляде
На прекрасную Моину,
Белогруду, светлооку,
Нежну чужеземну дщерь!»

— «Повеждь нам, — рек Фингал могущий, —
Печали юности твоей.

Уныние, как темна туча,
Сокрывша солнца светлый вид,
Мрачит твою стесненну душу.

100 Все мысли смутны днесь твои
На берегах шумящей Лоры.
Повеждь нам скорби юных дней
И жизни твоея печали».

«В мирно время, — отвечает Клесамор ему, —
Ко балклутским плыл стенам я белокаменным,
Ветр попутный, раздувая паруса мои,
Внес корабль мой во спокойну пристань Клутскую.
Три дня тамо Рейтамир нас угощал в пирах;
Там царя сего я видел дочь прекрасную.

110 Медочерпна чаша пиршеств обходила вокруг,
И Моину черноброву мне вручил отец.
Грудь сей девы пене шумных волн подобилась;
Взоры пламенны ровнялись с блеском ясных звезд,
Мяжки кудри с чернотою перьев ворона.
Страстью мне она платила за любовь мою,
И в восторгах мое сердце наливалось.

Но внезапно к нам приходит иностранный вождь,
Восхищенный уж издавна ее прелестями.
Ежечасно речь строптиву обращал он к нам,
120 Часто вполы извлекая свой булатный меч.

«Где, — гласил он, — где Комгал днесь пресмыкается,
Сей могущий, храбрый витязь, вождь ночных бродяг?
Знать, стремится он к Балклуте с своим воинством,
Что так гордо подымает Клесамор чело».

— «Знай, о воин! — вопреки я отвечал ему, —
Что мой дух своим лишь жаром воспаляется;
Хоть от храбрых дружины удален теперь,
Но без страха и средь тьмы врагов беседую.
Велеречишь ты, заставши одного меня,
130 Но мой острый при бедре меч сотрясается:
Он стремится возблистать теперь в руке моей.
Замолчи же, о Комгале, мрачный Клуты сын!»
Воскипела буйна гордость, мы сразились,
Но он пал моей десницей. Брани громкий звук
Лишь раздался на вершинах тока клутского,
Копей тысячи блеснули супротив меня.
Я сражался, — сопостаты одолели нас.
Я пустился на шумящи волны клутские,
Над зыбями забелелись паруса мои,
140 И корабль мой рассекал уж море синее.
К берегу притекает скорбная Моина,
Взор ее прелестный слезы орошали,
Ветра раздували косы распущенны.
Вопль ее унылый издали я слышал.

В горести старался возвратиться к берегу,
Но восточны ветры, паруса раздравши,
Унесли корабль мой в бездну океана.
С той поры злосчастной я не видел боле
Ни потока клутска, ни драгой Моины.
150 Во стенах Балклуты жизнь она скончала.
Тень ее воздушно я, несчастный, видел,
Как она во мраке тишины полнощной
Вдоль шумящей Лоры близ меня неслася.
Вид ее печальный был луне подобен,
Сквозь несомы бурей облака смотрящей,
В ночь, когда нам небо сыплет снег пушистый
И земля безмолвна в мраке почивает».

«Пойте, барды! — рек Фингал. —
Пойте, в песнях возносите
160 Блеск Моининых красот,
Через пространство шумных вод
Легку тень ее зовите.

Пусть она на сих берегах
С сонмами красавиц нежных,
Живших среди героев прежних
В славных древности веках,
Пусть на светлых, безмятежных
Здесь почиет облаках.

Пойте, барды! возносите
170 Блеск Моининых красот,
Чрез пространство шумных вод
Легку тень ее зовите».

«Я видел сам огромные балкнутские башни,
Но пусты уж, оставлены их теремы были.
Пожрал огонь с оградой высокие кровы,
Народа глас не слышался, и стремленья Клуты
С стези своей свратилось твердых стен паденьем.
Седый волчек серебристу там главу возносит,
И мох густой колеблется дыханием ветра,
180 Из окон лишь пустыни выглядывают звери
Сквозь мрачный лист в развалинах разросшегося
терна.

Уж пусты днесь прекрасные чертоги Моины,
Вселилося безмолвие в дому ее предков.
Возвысим песнь уныния, воздохнув, оплачем
Страну иноплеменную, опустевшу ныне:
Единым лишь мгновением она пала прежде,
И нам, уже стареющим, скоро пасть приходит.
Почто ж, о сын крылатых дней, почто зиждешь
башни?

Сегодня ты любишься с теремов высоких,
190 А завтра вдруг налетевши пустынные ветры
В разваленных сенях твоих засвистят, завоют
Вокруг полуистлевшего щита славных предков.

Но бурный ветер пускай ревет,
Дней наших славы не убудет;
В полях сражений ввек пребудет
Десниц победоносных след,
А в песнях бардов слава наша.
Возвысьте громкой арфы глас,

Да вокруг обходит празднеств чаша,
206 И радость да живет средь нас.

Когда, о царь златых лучей!
И твой свет некогда увянет,
Коль некогда тебя не станет,
Гордящееся светило дней,
Коль временно твое блистанье,
Как жизни преходящей цвет,
То славы наша сиянье
Лучи твои переживет».

Так пел Фингал в своем восторге,
210 И бардов тысяща вокруг,
Склонившись на своих престолах,
Внимали голосу его.
Он сладок был, как звуки арфы,
Весенним ветром приносимы.
Любезны были, о Фингал!
И пение твое, и мысли.
Зачем я не возмог наследить
Приятств и сил твоей души?
Но ты в героях беспримерен,
220 Сравниться кто возмог с тобой?
Всю ночь пропели мы, и утро
В веселии застало нас.

Уж гор седых главы вносились верх туч,
Уже приятно открывалось
Лазурное лицо морей;
И се, поднявшись, белы волны

Вращаются вокруг скалы сей отдаленной.
Из моря медленно подымется туман,
Приемлет старца вид

230 И вдоль безмолвныя долины сей несется.
Не движутся огромны члены
Призрака страшного сего,

Но нека тень его несет поверх холмов.
Остановясь над кровом Сельмы,
Разлился он дождем кровавым.

Один Фингал лишь зрел ужасный призрак сей;
Тогда ж он предузнал своих героев смерть.

Безмолвен возвратясь он в свой чертог огромный,
Снимает со стены тяжелое копьё,
240 И уж звучит броня на раменах его.
Вокруг его встают все витязи Морвена,
Друг на друга они в безмолвии глядят
И на Фингала все свой обращают взор.
Они в чертах его зрят яростны угрозы
И гибель их врагов в движении копья.
Вдруг тысяча щитов покрыли перси их,
И тысяча мечей булатных, обнаженны,
Чертоги осветя, сверкают уж в руках.
Раздался в воздухе оружий бранных гром,
250 Недвижны ловчих псы ужасный вой подъемлют.
Безмолвно все вожди теснятся вкруг царя:
Всяк, взоры устремя на грозный взор Фингала,
Наносит на копьё нетрепетную длань.

«Морвенские сыны! — царь к сонму так вещает. —
Не время пиршеством нам прохлаждаться ныне.
Се туча брани к нам, как бурный вихрь, летит,
И с нею алчна смерть парит над сей странюю.
Я видел некую Фингала дружну тень,
Пришедшу возвестить наветы сопротивных:
260 На брег сей сильну рать шумящи шлют моря.
Из волн вознесшийся, я зрел неложный знак,
Морвенским берегам опасностью грозящий.
Да сильное копьё всяк воин вознесет,
Да препояшутся булатными мечами
И, предков шлемами приосенив главы,
Железною броней покроют рамена;
Се буря брани к нам летит, и вскоре, вскоре
Глас смерти лютыя услышим над главою».
Фингал перед челом неустрашимой рати
270 Течет как некий страшный вихрь,
Летающий пред грядой молниеносных туч,
Когда они, на мрачном небе
Простершись, пловцам предвозвещают бурю.
На злачный Коны холм восшедши, стала рать.
Морвена дщери зрят ее из низких долов,
Подобную густой дубраве.
Они предвидели молодых героев смерть,
Взирали с ужасом на море,

Белеющимися волнами
230 Тревожились они,
Приемля их за отдаленны
Ветрила чуждых кораблей,
И токи слезные лились по их ланитам.
Восшедшу солнцу над волнами,
Вдали узрели мы суда.
Как моря синего туман,
Приблизились они и браноносных воев
На берег извергают.
Меж ими виден был их вождь,
290 Подобно как елень в середине стада серн.
Насечен золотом щит его,
Бесстрашно шествовал он к Сельме,
За ним его могуща рать.
«Улин! — так рек Фингал. — Навстречу чужеземцу
Теки и предложи во мирных словесах,
Что страшны мы на ратном поле,
Что многочисленны врагов здесь наших тени,
Что чужды витязи, на пиршествах моих
Осыпаны честью, и в отдаленных царствах
300 Оружие моих великих кажут предков;
Иноплеменники, дивясь, благословят
Морвенских <всех> друзей, зане слух нашей славы
Наполнил целый мир, и даже в их чертогах
Мы потрясли владык земли».

Улин отшел. Фингал, склонившись на копье,
Броней покрыт, взирал на грозна супостата
И тако размышлял о нем:

«О, как ты сановит и красен,
О сын лазуревых морей!
310 Твой меч — как огненосный луч,
Копье твое — высока сосна,
Пренебрегающая бурю;
Твой щит — как полная луна,
Румяно юное лицо,
И мягки вьющиеся кудри.

Но может быть, герой падет,
И память с ним его увянет.

СОЧИНЕНІЯ
ВАСИЛІЯ КАПНИСТА.

ВО ГРАДѢ СВ ПЕТРА
Въ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегии 1796.

Издано въ Спб.

Млада вдова на волны взглянет
И токи теплых слез прольет.
320 Ей дети скажут: «Лодка мчится;
Конечно, к нам несут моря
Корабль балкнутского царя».
Она вздохнет и сокрушится
О юном витязе драгом,
Что спит в Морвене вечным сном».

Так Сельмы царь вещал, когда певец морвенский
Улин приблизился к могущему Картону.

Он перед ним поверг копьё
И мирну возглашает песнь:
330 «О чадо моря отдаленна!
Приди на пиршестве воссесть
Царя холмистого Морвена
Или спеши копьё вознести.
В весельи дружелюбна пира
Вкушаючи с ним чашу мира
Приемлют знамениту честь:
На славу в их домах хранятся
Оружия сих стран царей;
340 Народы дальны им дивятся
И чтят Фингаловых друзей,
Зане мы с предков славны были,
Все облаки, весь воздух сей
Теньми противных населили
И гордого царя земли
В его чертогах потрясли.
Взгляни ты на поля зелены,
Могилы камни зри на них,
Из недр возникшие земных,
Травой и мохом покровенны:
350 Всё гробы наших то врагов,
Чад моря и чужих берегов».

«Велеречивый мирный бард! — ему возразил
Картон. —
Иль мечтаешь ты разглагольствовать с слабым
воином?
Ты приметил ли на лице моем бледный страха знак?
Иль надеешься, вспоминая мне гибель ратников,
Смерти ужасом возмутить мою душу робкую?»

Но в сражениях многочисленных отличился я,
И в далекис царства слух о мне простирается.
Не грози ты мне и не здесь ищи робких слабых душ,
360 Чтоб совет им дать пред царем твоим покорится.
Я падение зрел балкнутских стен, так могу ль
воссесть

В мирном пиршестве сына лютого того война,
Чьей десницей услан пепелом дом отцов моих?
Я младенцем был и не знал, о чем девы плакали,
С удовольствием клубы дыма зрел, восстающие
Из твердынь моих; со веселием озираясь,
Зрел друзей моих, убегающих по вершинам гор.
Но младенчеству протекающе, как увидел я
Мох, густеющий на развалинах наших гордых
стен,

370 При восхождении утра слышался мой унылый
вздых,
И в тени ночной токи слез моих проливались.
Не сражуся ли, я вещал друзьям, с вражьим
племенем?

Так, о мирный бард, я сражуся с ним:

отомщу ему!
Пламень мужества днесь в душе моей возгорается».

Вокруг Картона рать стеснилась,

Все извлекают вдруг сверкающе мечи.

Как огнен столп, средь их стоит их

сильный вождь,

В очах его блестит слеза:

На память он привел падение Балклуты,

380 Но вдруг скопившееся в душе негодование

Воспламенило гнев его.

Он яростны кидает взоры

На холм, где наша сильна рать

Во всеоружии блистала;

И наклонившись вперед,

Казалось, угрожал Фингалу.

«Идти ли мне против героя? —

Так сильный размышлял Фингал. —

Препнуть ли мне шаги его,

390 Пока он славой не покрывлся?»

Но барды будущих веков

Рекут, возрев на гроб Картона:

«Фингал со тысящами героев,
Против Картона ополчась,
Едва возмог решить победу».
— «Никак, о бард времен грядущих,
Ты славы не затмишь моей!
С сим юным витязем сразятся
Отважны воины Морвена,
400 Я буду зреть сраженье их;
Когда Картон восторжествует,
Тогда, как быстрый Коны ток,
Фингал на битву устремится.
Кто хочет из моих героев
Идти во сретенье врагу?
Несметна рать его на бреге,
И страшно острое копье».

Стремится в бой Катул, могущий сын Лормара,
И триста воев соплеменных
410 Последуют его стопам.

Но длань его слаба в сражении с Картоном;
Он пал, рать в бег обращена —
Коннал возобновляет битву,

Но преломил копье, и, в узы заключен,
Картон преследует его бегущих воев.

«О Клесамор! — вещает царь. —
Где сильные руки копье?

Без гнева можешь ли во узах зреть Коннала,
На лорском берегу с тобой живуща друга?

420 Восстани во броне блестящей,
Сподвижник моего отца!
Да ошутит балклутский витязь
Морвенских мужество сынов».

Сотрясая грозно кудри, Клесамор в броне восстал
И, щитом своим покрывшись, гордо на врага идет.
Юный воин на скале сей, терном покровенной, став,
Созерцает величаву поступь витязя сего.

Он любитися весельем грозным старцева лица
И той силой, что сберег он под мастистой сединой.

430 «Устремить ли мне противу старца, — так он
размышлял, —

Необыкшее двукратно наносить удар копье
Или старость пощадити, мирны предложа слова?
Сановит и вид и поступь, стан его еще не дряхл.

Есть ли то супруг Моины, есть ли то родитель

мой? . .

Часто слышал я, что шумный брег он Лоры обитал».

Так он рек. И Клесамор уж сильное копьё стремится,

На щите своем недвижимом сей удар сдержал Картон.

«Умашенный сединами витязь! — он вещал ему. —

Иль ты сына не имеешь, кой бы твердым мог щитом

450 Своего отца покрывши, ратовать против меня?

Нежная твоя супруга света дневного не зрит

Иль рыдает над гробницей чад возлюбленных

своих.

Средь царей ли восседаешь? Много ль славы

будет мне,

Если ты моей рукою в ратном подвиге падешь?»

— «Будет слава знаменита, — отвечает Клесамор, —

Отличился я в сраженьях, но о имени моем

Ввек в бою я не поведал. Сдайся, дайся,

и тогда

Ты узнаешь, что на многих битвах след

прославлен мой».

— «Не сдавался никому я, — гордый возразил

Картон, —

450 Сам я также на множайших бранях поразил врагов,

И впреди еще, я чаю, больша слава ждет меня.

Юных лет моих и силы, старец! ты не презирай:

Верь, крепка моя десница, твердо и копьё мое.

Уклонися в поле брани к сонму ты друзей своих

И оставь сраженьё младшим витязям Морвенских

стран».

— «Ты презрел меня напрасно, — отвечает Клесамор,

Уроня слезу едину, — старость не трясет руки.

Я могу еще взносить острый славных предков меч.

Мне ль бежать в глазах Фингала, друга столь

любезна мне?

460 Нет, о воин! с поля брани в жизни я не утекал.

Возноси копьё дебело; стой и защищай себя! . .»

Оба витязя сразились, как две бури на волнах,

Спорящи о царстве моря. Юный воин воспрещал

Сильному копьёю разити старца, ратующа с ним:

Всё в враге своем Моины зреть супруга он мечтал.

Он копьё его ломает, острый исторгает меч

И, схватя, уже стремится узами отяготить,

Но тут, предков нож извлекиши, зря открытый
бок врага,
Клесамор внезапно раной смертною разит его.
470 Фингал, зря (падшего Картона),
Стремится, возгремев броней.
В присутствии его безмолвна стала рать.
Все взоры на царя вперились.
Звук шествия его подобен шуму был,
Предшествующу грозной буре:
Спустившийся ловец внимает и спешит
В ущелии скалы сокрыться.
Картон нетрепетным лицом Фингала ждет.
Из ребр его стремится кровь.
480 Он зрит идущего героя,
И лестная надежда славы
Бодрит великий дух его.
Но побледнели уж румяные ланиты,
Густые кудри распустились,
На голове трепещет шлем,
Телесные его изнемогают силы,
Но не теряла сил душа.
Фингал зрит кровь сего героя
И, занесенное останова копьё,
490 «Смирися, царь мечей! — вещает он ему. —
Я вижу кровь твою, ты силен был в сраженьи,
И славы блеск твоей не истребится ввек».
— «Не ты ль тот знаменитый царь, —
В ответ ему Картон вещает, —
Тот огонь, перун тот смертоносный,
Колеблющий владык земли?
Но как могу я усумниться?
Подобен (ведь) он току гор,
Стремящемусь в долину с ревом;
500 Подобен быстрому орлу,
Парящему над облаками.
Увы! почто же не возмог
С царем морвенским я сразиться?
Моя бы память песней бардов
В веках грядущих пронеслась.
Ловец сказал бы, зря мой гроб:
«Он ратовал против Фингала».

Но, ах! безвестен пал Картон,
Над слабым истощил он силу».
510 «Никак — ты не умрешь безвестен, —
Ответствовал ему Фингал, —
Несчетны барды стран моих:
Их песни в вечность раздадутся.
Сыны грядущих лет услышат
О славных подвигах твоих,
Когда вокруг горяща дуба
Всю ночь препроводят во пеньи
Деяний прежних славных дел.
Ловец, сидящий на лугу,
520 Свистание услыша ветра,
Подымет очи — и увидит
Скалу, где ратовал Картон.
Он, к сыну обратясь, укажет
Места, где витязи сражались:
„Там, аки быстрая река,
Сражался сильный царь Балклуты“».

Радость процвела на лице Картона.
Томные глаза он к Фингалу взводит
И вручает меч бранноносной длани:
530 Хочет, да висит в царском чертоге,
Да хранится ввек на берегах Морвена
Память храбрых дел витязя балклутска.
Брань перестает, барды мир воспели;
Рать стеснилась вся около Картона,
На копыя вожди в горести склонились
Воле и словам внять его последним:
«Я исчез, о царь Морвена!
Средь цветущих дней и славы.
Чуждая страны гробница
540 Восприемлет днесь остаток
Древня рода Рейтамира,
Горесть царствует в Балклуте;
Скорби осеняют Ратмо.
Воскреси ж мою ты память
На берегах шумящей Лоры,
Где мои витали предки,
Может быть супруг Моины
Там оплачет гроб Картона».

Речь сия пронзила сердце Клесамора:
550 Слова не промолвив, он упал на сына.
Мрачно и безмолвно войско вокруг стояло.
Ночь пришла; багрова вверх луна восшедши,
Лишь лучом кровавым поле освещала.
Рать не шевелилась, как густа дубрава,
Коей верх спокойный дремлет над Гормалом
В ночь, когда умолкнут ветры и долину
Темным покрывалом омрачает осень.
Три дни по Картоне мы струили слезы;
На четвертый вечер Клесамор скончался.
560 Оба почивают, милая Мальвина,
В злачной сей долине близ скалы кремнистой;
Бледно привиденье гроб их охраняет.
Там, когда луч солнца на скалу ударит,
Часто ловчий видит нежную Моину.
Там ее мы видим: но она, Мальвина,
Не подобна нашим девам красотою,
И ее одежды сохраняют странность.
Всё она уныла и уединенна.
Сам Фингал слезами гроб почтил Картона.
570 Повелел он бардам праздновать всегодно
В первы дни осенни день его кончины.
Барды не забыли повеленья царска
И хвалу Картона часто воспевали:

«Кто тако грозен восстает
Из океана разъяренна
И на утесист брег Морвена
Как буря осени течет?»

В его деснице смерть зияет,
Сверкает пламень из очей;
580 Как скимн, он берег протекает.
Картон то, сильный царь мечей.
Враги пред ним падут рядами;
Гоня их, быстрыми шагами
На ратном поле он летит
По трупам низложенных воев,
Как нека грозна тень героев.
Но там он на скале лежит,

Сей дуб, до облак вознесенный,
Стремленьем бури низложенный.
590 Когда восстанешь ты, Картон?
Когда сквозь мрак твоей гробницы
Проникнет светлый луч депницы
И крепкий твой разгонит сон?

Из океана разъяренна
Кто тако грозен восстает
И на утесист брег Морвена
Как буря осени течет?»

Так пели барды в день печали;
С их сладким пением я глас мой съединял,
600 Душевно сетовал о смерти я Картона:
В цвету он юности и сил своих погиб.
А ты днесь где, о Клесамор!
В пространстве воздуха витаешь?
Твой сын успел ли уж забыть
Руки твоей смертельную рану?
И на прозрачных облаках
Летает ли с тобою он?

Но солнечны лучи я ощутил, Мальвина!
Оставь меня; да опочию.
610 Во сновиденьи, может быть,
Предстанут мне сии герои.
Уже, мне кажется, я слышу некий глас.
Картонову гробницу солнце
Привыкло освещать;
Я теплотой его согреюсь.

«О ты, катящееся над нами,
Как круглый щит отцов моих!
Отколе вечными струями,
О солнце, блеск лучей твоих
620 Чрез праг востока истекает?
Где дремлешь ты во тьме ночной
И утро где воспламеняет
Светильник несгорающ твой?

Ты шествуешь в твоей прелестной
И величавой красоте;
Усеявшие свод небесный,
Сокрылись звезды в высоте.
Холодная луна бледнеет
И тонет в западных волнах;
630 Ты шествуешь одно, — кто смеет
С тобою течь на небесах?

Дубы вихрь бурный низвергает,
И гор слякается хребет;
Поднявшись, море упадает,
Луна теряет срочный свет.
Красот твоих не изменяешь,
Светильник дня! лишь ты един:
Ликуя, путь свой протекаешь,
Небес могущий исполни!

640 Когда полдневный свет мрачится
И тучи молния сечет,
Когда за громом гром катится
И тверду ось земля трясет,
Из грозных облак возникаешь
Ты, мир даруя небесам,
Дыханье ветров запрещаешь,
Смеешься буре и громам.

Но ах! вотще для Оссияна
Сияют днесь твои красы:
650 Входя из синя океана,
Златые стелешь ли власы
По светлым облакам летящим,
Коснешься ль западных зыбей,
Ложаясь в понт, лучом дрожащим, —
Не зрит он красоты твоей.

Но может быть, времен влечению
Как нас тебя подвергнув, рок
На небе быстрому течению
Лучей твоих назначил срок;
660 И может статься, в тучах бурных
Почивши сном в последний раз,

Забудешь путь небес лазурных
И утра не услышишь глас.
Ликуй же, пламенно светило!
Ликуй днесь в красоте твоей.
Дни старости текут уныло:
Луне они подобны сей,
Смотрящей сквозь раздранны тучи,
Когда над холмом мгла лежит
670 И странник, вшедши в лес дремучий,
От стужи на пути дрожит».

1970-е годы

96. (И. В. ЛЕВАНДЕ)

О мир, разврата полный мир!
Лукавство — бог твой, лесь — кумир.
Возможно ли в тебе нам ныне
Стыдливу истину сыскать,
Когда обман в священном чине
И пред алтарь дерзает стать?
Коль лесь везде распространилась,
Посеялась и вкоренилась,
Прозябла, пышно расцвела
И плод тлетворный принесла;
Коль лицемерство злонаветный
На правду вечно строит ков
И, сети кинув неприметны,
Ее свергает в мрачный ров...

24 сентября 1804

97. ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОЗЕРОВУ

«Эдипа» видел я, — и чувство состраданья
Поднесь в растроганной душе моей хранит
Гонимого слепца прискорбный, томный вид.
Еще мне слышатся несчастного стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы глас,
Что ужасом мой дух встревоженный потряс,

Еще в ушах моих печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трижды солнца луч скрывала мрачна ночь,
А я всё живо зрю, как нежну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отец благословляет
И небо, кажется, над нею преклоняет.
Благодарю тебя, чувствительный певец!
В душе твоей сыскав волшебный ключ сердец
И жалость возбуждая к чете, гонимой роком,
Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.
О! как искусно ты умел страстей движенья
В изгибах душ открыть и взору показать:
Тут скорбного отца в невольном преступленьи,
Там сына злобного раскаяньем терзать,
Велику душу здесь, там мщенья дух кичливый,
От гнева к жалости стремительны порывы,
Нежнейшей дочери уныние явить
И в души наши все их страсти перелить.
Теки ж, любимец муз! Во храме Мельпомены,
К которому взошел по скользкой ты горе,
Неувядаемый, рукой ее сплетенный,
Лавровый ждет тебя венок на алтаре.
Теки и, презря яд зоилов злоязычный,
В опасном поприще ты бег свой простирай,
Внемли плесканью рук и век не забывай,
Что зависть спутница одних даров отличных,
Что ярким озарен сиянием предмет
Мрачнейшу за собой на землю тень кладет.

Конец 1804

Мне кажется, ее лицо
Бело и кругло, как яйцо.
Косы волнистой черный волос
Длиннее, чем высокий колос.
Не слишком выпукло чело
Так чисто, гладко, как стекло.

Собольи брови и ресницы,
Глаз круглых черные зеницы,
Как темных два зерна гранат,
В больших жемчужинах блещят.
Нос — тонкой, хоть и не причудный,
Но к описанью очень трудный.
Румяны маленькие уста —
Как свежей розы два листа;
Меж ними, на черте полкруга,
В коралле два ряда жемчуга.
На млеко-розовых щеках,
Не знаю для чего и как,
Чтоб разве спесь их не надула,
Любовь две ямочки вогнула.
Но что сказать о бороде?
К сравненью не сыщу нигде,
Что было б хоть немного схоже
С округлостью ее пригожей...
Хотела б дерзкая рука
Изобразить хотя слегка
Белейшу алебастра шею...
Но дале всё же не посмею
Моей картины продолжать...
Итак, не лучше ль окончать
И, кисть оставя осторожно,
Просить тебя, чтоб, если можно,
Красы изобразил ты нам,
Которых часто видишь сам.

Декабрь 1810

99. ПЕТРУ ПЕРВОМУ

В младенческих годах коварные измены,
Вторый Алкид, как змей, трикрат он задушил.
Чтоб мрак невежества, вокруг его сгущенный,
Рассеять — рубищем порфиры блеск прикрыл;
И, прешагнув моря, к работе низкой руки
Простер, чтоб водворить в отечестве науки.
Сам рать образовал, сам строил корабли.
Он рек — и реки в Белт из Каспа потекли;

Иссунул меч — и готф на высотах Полтавы
К ногам могущего с трофеев гордых пал;
Коснулся лишь пера — и суд безмездный, правый
Из-под развалины нестройств главу поднял.
Сей муж тьмой подвигов, потомством незабытых,
Вселенной доказал, что в поприще владык
Великий вырод был в мужах он именитых,
Ни счастьем, ни венцом, но сам собой — велик.

1811 (?)

100. ВИДЕНИЕ ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА
1812 ГОДА ОКТЯБРЯ 28 ДНЯ

Как грохот грома удаленна,
Несется горестна молва:
«Среди развалин погребенна,
Покрылась пепелом Москва!
Дымятся теремы, святыни,
До облак взорванны твердыни,
Ниспадши, грудями лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! погиб навеки
Первопрестольный россов град!»
Уже под низменный мой кров уединенный
Домчался сей плачевный слух.
Он поразил меня, как в сердце нож вонзенный,
И ужасом потряс мой дух.
Застыла кровь, чело подернул пот холодный:
Как древоточный червь голодный,
Неутолима скорбь проникла в томну грудь.
Унынье душу омрачило,
На перси жернов навалило
И пересékло вздохам путь.

С поры той, с той поры злосчастной,
Повсюду горесть лишь мне спутницей была
И пред очами ежечасно
Картину бедств, и слез, и ужасов несла.
Постылы дня лучи мне стали,
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.

Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
В едину ночь, когда свирепо ветр ревуший
Клонил над мной высокий лес
И вихрь, ряд черных туч от севера несущий,
Обвесил мраком свод небес,
На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть;
Тут в горести едва забылся,
Внезапу легкий сон спустился
И вежды мне спешил сомкнуть.

Мечты предстали вдруг: казалось, среди ночи
Сидел я на краю огнем пожранной роши,
Вблизи развалины пустого града зрел:
Там храма пышного разбитый свод горел,
Под пеплом тлелися огромные чертоги,
Тут стен обломками завалены дороги;
Медяны башень там, сваясь, верхи лежат
И кровы к облакам взносившихся палат.
Падающих зданий тут зубчаты видны стены,
Здесь теремы к земле поникли разгромленны,
Могилы жупеля и пепла кажут там,
Обитель иноков и их смиренный храм.
Нагие горны здесь до облаков касались,
Как сонм недвижимых гигантов, представлялись,
Которых опалил молниеносный гром;
На остовы их там слякался гордый дом,
Тут кровля на шалаш низринулась железна;
Хранилища, куда промышленность полезна,
Любостяжанья дочь, а трудолюбья мать,
Избытки дальних стран обыкла собирать,
Стоят опалые, отверсты, опустелы.
Голодны гложут псы здесь кости обгорелы,
На части бледный труп терзают там, а тут
Запекшуюся кровь на алтарях грызут.
Из окон, из дверей луч света не мелькает;
Под пеплом вспыхнув, огонь мгновенно потухает.
Над зданьем тлеющим куряся, только дым
Окрестность заражал зловонием своим.
И кучи сих костров, развалин сих громада

Гробницу пышного лишь представляли града.
Не слышался нигде народный вопль ни клик,
Лишь вой привратных псов и хищных вранов крик
В сей мертвой юдоли молчанье прерывали
И слабый жизни в ней остаток возвещали.
Толь страшным, горестным позорищем смущен,
Я сам сидел как мертв, недвижим, изумлен.
Власы от ужаса на голове вздымались,
И вздохи тяжкие в груди моей спирались.
Безмолвну тишину потряс вдруг громкий треск,
И яркий озарил мои зеницы блеск.
Пристрашен, с трепетом к нему я обратился,
И зрю: чертога кров до облак возносился.
Как вихрь из адского исторгся пламень дна,
И развалившаяся граненая стена
Открыла Кремленски соборы златоглавы,
Столь памятные мне в дни торжества и славы!

О, какая горесть грудь мою пронзила,
Лишь узнал я древнерусскую столицу,
Что главу над всеми царствами вносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных,
Как ее увидел я, предо мной лежащу
На громаде пепла среди сел сожженных!
Горесть ту несносна, сердце мне разящу,
Смертному не можно выразить словами.
Бледен, бездыханен, я упал на землю,
Слезы полилися быстрыми ручьями,
В иступленьи руки к небесам подъемлю
И, собрав остаток истощенной силы,
«Боже всемогущий! — возопил я гласно. —
Ах! почто не шел я в мрак сырой могилы
Прежде сей минуты пагубной, злосчастной!
Где твоя пощада, боже милосердый?
Где уставы правды? где любви залого?
Как возмог ты град сей, в чистой вере твердый,
Осудить жестоко жребий несть толь строгий?»
Едва в неистовстве упрек,
Хулу на промысл я изрек,
Гора под мною потряслася,
Гром грянул, молний луч сверкнул,

Завыла буря, пыль взвилася,
Внутри холмов раздался гул.
Подвигнулись корнями рощи,
Разверзлась хлябь передо мной.
И се из недр земли сырой
Поднялся призрак бледный, тощий;
Покрыв высоки рамена,
Первосвященническа риза,
Богато преиспещрена
От верха бисером до низа,
В алмазах, в яхонтах горя,
На нем блистала, как заря.
Чело покрыто митрой было,
Брада струилася до чресл.
Потупя долу взор унылый,
На пастырский склоняся жезл,
Стоял сей призрак сановитый.
Печалью вид его покрытый,
На коем слезный ток блистал,
Глубокое души страданье,
Упреки и негодование,
Смешенны с кротостью, казал.
Виденьем грозным пораженный,
Едва я очи мог сомкнуть:
Как мертвы, цепенели члены,
Трепещуща хладнела грудь,
Дыханье слабо в ней спирая,
Лежал я, страхом одержим.
Вдруг призрак, жезл ко мне склоняя,
Вещал так гласом гробовым:

«Продерзкий! как ты смел хулу изречь на бога?
Карающая нас его десница строга
Правдивые весы над миром держит сим
И гневом не тягчит безвинно нас своим.
Ты слезны токи льешь над падшей сей столицей,
И я скорблю с тобой, увы, скорблю сторицей.
В другой я вижу раз столь строгий суд над ней:
Два века к вечности уж протекли с тех дней,
Как в пепле зрел ее, сарматами попранну;
И, чтоб уврачевать толь смертоносну рану,
Из бездны зол и бедств отечество извезь,
На жертву не жалел и жизни я принесть.

Исполнил долг любви. Но и тогда, как ныне,
Не столь о гибельной жалел ее судьбине,
Как горько сетовал и слезы лил о том,
Что праведным она наказана судом.
Дерзай! пред правдой дай ответ о современных —
Падение они сих алтарей священных
Оплакивают все и горестно скорбят,
Что оскверненными, пустыми днесь их зрят;
Но часто ли они их сами посещали?
Не в сходыбища ль кощунств дом божий превращали,
Соблазн беседую, неверием скверня?
Служители его, обету изменя,
Не о спасеньи душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели
И превратили, дав собой к тому пример,
В зло подражание, терпенье чуждых вер;
Молитвы, праздник, пост — в очах их всё химеры,
И, с внешности начав, зерно иссякло веры.
На что ж безверному священны алтари?
Правдивый Судия рек пламеню: «Пожри!»
И пламень их пожрал, — и днесь, дымяся, храмы
Зловерию курят зловонны фимиамы.
Но обратим наш взор: тут пал чертог суда,
Оплачь его, — но в нем весы держала мзда,
Неправдою закон гнетился подавленный;
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей;
Там истина вопи, невинность слезы лей —
Не слышат и не зрят, заткнуты златом уши,
Взор ослеплен серебром, растленны лихвой души,
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей, возмездник татю — тать.
Крепило приговор ехидно ябед жало,
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь,
Иль гнезд тлетворныя в них роскоши не зришь?
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.
Вседневно пиршества, веселий хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый
И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.

Когда, на ложе нег лежа, Сарданапал
В преизобилии богатства утопал
И, сладострастия испивши чашу полну,
На мягкий пух склонясь, облекшись в мягку волну,
Под звуком нежных арф вкушал спокойный сон,
О старце, о вдове заботился ли он?
Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину,
Чтоб в скорби облегчить их строгую судьбину?
Призрел ли нищего? От трапезы крохой
Он поделился ли с голодной сиротой?
Нет, — в недоступном сем для бедного чертоге
Не помнил он об них и позабыл о боге,
Который с тем ему вручил талант серебром,
Чтобы, деля его, умножил мзду — добром.
Но он на роскошь лишь менял дары богаты,
И в пепле падшие их погребли палаты.
Зри в слабых сих чертах развратные сердца
И справедливым чти над ними суд творца.
Не в граде сем одном развраты коренились —
Нет, нет, во все концы России расселились.
И от источника пролившееся зло
Ручьями быстрыми повсюду потекло;
Как в сердце остроты недужные скопленны
Влияньем пагубным все заражают члены,
Повсюду и порок и слабости равны,
И души и умы равно отравлены.
Забыты доблести и предков строги нравы,
Алканье истинной отечественной славы,
Похвальны образцы наследственных доброт
В презрение, в посмех уж ставит поздний род.
Мудрейший меж царей, потомок Филарета,
Сей вырожд из умов и удивленье света,
Невинно ввел меж вас толь пагубный разврат,
Целебный сок по нем преобразился в яд.
Российски просветить умы желая темны,
Переселял он к вам науки чужеземны,
Но слепо чтившие пути бессмертных дел,
Презрев разборчивость благоискусных пчел,
Широкие врата новизнам отворили
И чуждой роскошью все царство отравили.
Вельможи по ее злопагубным следам,
Смесься с языками, навыкли их делам

И, язвой заразя тлетворную столицу,
Как мски впрягли себя под чужду колесницу,
На выи вздев свои прельщающий ярем.
За то карает бог Москву чужим бичом.
Но ободришь, — господь сей казнью укротился
И в гневе не в конец на вас ожесточился.
Восстань и, отложя тебя объяввший страх,
Мой сын! судьбу врагов читай на небесах!»
Тогда, подняв меня он сильною рукою,
На ноги трепетны поставил пред собою.
Едва смущенный взор я к облакам возвел,
Внезапу дивное явление узрел.

Носимый облаком на юге,
В златом, пернатом шишаке,
В чешуйной серебряной кольчуге,
С блистающим мечом в руке,
Мне некий витязь представлялся.
Свирепым вид его казался.
Ярче молнии лучей
Сверкало пламя из очей.
Налегши тягостию тела
На черну тучу, он летел.
Пред ним вдруг буря заревела,
Сгущенный вихрем снег белел.
Вдали его предупреждали
Два призрака, из них один
Как некий зрелся исполин,
Змеи в руках его зияли,
Взор грозный наносил всем страх.
Другий же бледностью в чертах
Страдальца вид казал смягченна,
Болезнью, голодом изнуренна.
Они сокрылись в мрак густой.
Там слышались победны клики,
Сражающейся рати крики
И томный раздавался вой.

«Ты зришь, — мне с кротостью вещало привиденье, —
России торжество, врагов ее паденье.
То щит отечества, его военный дух —
Пожарский, ревностный сотрудник мой и друг,
Летит вслед извергов, оставивших столицу.
Он мстительну на них уже вознес десницу.

Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощий глад
На истребление враждебных сил спешат.
Уж в бегстве гибельном, их лютостью томимый
И гневом Божиим невидимо гонимый,
Неистовый гордец, забыв позор и стыд,
Окровавленной им дорогой вспять бежит,
На каждом он шагу народную месть встречает.
Рать сильна, рать его толпами низлагает,
И кровью буйного упьется русский меч,
От острия его не может он утечь.
Тогда в свою череду сей мира нарушитель,
Сей бич вселенная, Москвы опустошитель
Покажет царствам всем, простерт у наших ног,
Сколь в гневе праведном велик российский бог,
Сколь истинен в судах над нами справедливых
Отец раскаянных, каратель злочестивых».
Так рек и, пастырски надвершием жезла
Коснувшись моего призрачного чела,
Исчез. Внезапу гром по небу прокатился.
Объятый трепетом, от сна я пробудился
И Гермогена в сем видении познал!
Надеждой скорбному он сердцу отдых дал.
Утих бурливый ветер, луна над мной блистала,
В дрожащих Псла струях себя изображала.
Восхитилася мысль и вспламенился дух,
Казалось, старца речь еще разила слух,
Еще по воздуху слова его носились.
Неволею тогда уста мои открылись:
Воображением я в будущем парил
И в полноте души, с восторгом возопил:

«Дерзайте, россы! гнет печали
С унылых свергните сердца, —
Враги пред нами в бегстве пали,
Победный нам отдав венца.
Рассыпаны строптивых силы!
Воззрите на сии могилы,
Устлавшие бегущих след,
На обагрены кровью реки, —
Над ними поздни узрят веки
Трофей наш — мщенья и побед!
Неправды спеющих дорогой,

Творец нас гневом посетил,
Но бич — орудье казни строгой —
Над нашей выей сокрушил.
На суд ли вышнего возропщем?
Никак; но в умиленьи общем
Благодаренье воздадим
За милосердную пощаду,
Что яростному не дал аду
Нас зевом поглотить своим.

Теперь, несчастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд,
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь!
Престанем чуждым ослепленьям,
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.
Отечество ждет нашей дани;
Притоптаны врагом поля;
Прострем к убогой братьи длани,
Избыток с нею наш деля;
Взнесем верхи церквей сожженных,
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва!»

Между 28 октября и 18 декабря 1812

101. СТАРОМУ ДОБРОМУ ДРУГУ МОЕМУ
1812 ГОДА НОЯБРЬ В 8-й ДЕНЬ

Одно лишь поприще осталось
Кончающемуся году — течь:
В пучину вечности желалось
Ему тебя с собой увлечь,
И нить нам жизни драгоценной

Десница парки разъяренной
Готовилась уже пресечь.

Но, вняв молитве теплой многих,
Благий твой ангел Михаил,
Слетев, движенье ножниц строгих,
К отраде всех, остановил.
Врата он гроба заграждает
И друга смертных осеняет
Воскрылием блестящих крыл.

Сей день днем радости нам будет,
Приятный именем драгим.
Пусть в нашей жизни он убудет,
Ко дням прибавленный твоим;
Да тем продлится век полезный,
Которым все мы, друг любезный,
Как собственностью дорожим!

8 ноября 1812

102. ГОРЕСТЬ

Сокрой, о солнце! луч постылый,
Тони скорей в морских волнах;
С душой сообразясь унылой,
Да тьма возляжет в сих местах.
Печалью отягченны очи
Устали уж взирать на свет:
Пускай завеса мрачной ночи
Везде пустыню тень прострет.

Всё скрылось, — всё недвижно, мертво.
Один я во вселенной всей,
Один остался скорби жертвой
В беседе с горестью моей!
И ночь с подругой сей жестокой
Меня не может разлучить!
Она со мной, чтоб гроб глубокой
Рукою медленной мне рыть.

Но стон мой по лесам раздался
И тишину поколебал,

С восставшим шумом волн смешался
И с дна морского — смерть воззвал.
Пойдем, — почто влачить мученье?
К покою мне остался шаг:
Утесист брег. . . одно мгновенье. . .
И с скорбью разлучусь в волнах.

(1814)

103. ГОРЕСТЬ РАЗЛУКИ

Удален от Лизы милой
В роковой разлуке сей,
Без нее в стране постылой
С горестью живу моей
И влеку в тоске унылой
Тяжко бремя скорбных дней.

Лиза! друг твой нежный, страстный,
Ах! почто забыт тобой?
В мрачных чувствах повсечасно
Сердце он крушит тоской.
Возвратись, — иль друг несчастный
Будет жертвой скорби злой.

Поздно Лизу состраданье
К милу другу приведет;
На вопрос о нем молчанье
Даст унылый ей ответ;
Лишь надгробно надписанье
Скажет: «Мила друга нет!»

1814

104

Мне сказали: жизни радость
Можно лишь в любви сыскать,
Что ее восторгов сладость
Ни сказать, ни описать.
Сей любви, что все хвалили,
В дар я сердце принесла:

Но, увы! где рай сулили,
Там я лютый ад нашла.

Красотой моей плененный,
Век божась меня любить,
С клятвами сплетал измены,
Чтоб несчастну обольстить.
Я поверила, — не можно
Усумниться мне было:
В нем, казалось, неложно
Сердце клятву изрекло.

Но, увы! к каким страданиям
Сей привел меня обет!
Не было конца терзаньям,
Изъяснить их слова нет.
Горесть сердце раздирала,
Скорбью угнетался дух,
Смерть я в помощь призывала...
Но пришел на помощь друг.

Дружество! признаньем вечным
Буду я тебе должна:
Состраданием сердечным
Скорбь моя облегчена.
В дар тебе теперь клянуся
Жизнь и чувства посвятить.
Нет, уж больше не влюблюся;
Друга буду лишь любить.

(1814)

105. СТАРИК, ОЖИДАЮЩИЙ ВЕСНЫ

Весна коснит — и дни бегут,
И нашу жизнь уносят.
Вот миг — и парки нить спрядут,
Вот миг — и ножниц спросят.
Ах! сколько, старец, я друзей,
Друзей молодых, любезных,

Покрыл уже сырой землей
И пролил токов слезных!

Им жить было, — а мне зачем
Влачить век мрачный, скучный?
Хариты с ними ночью, днем
Бывали неразлучны. . .
Ко мне ж болезнь, забота, скорбь
Приходят на беседу,
И всё еще грузнее горб
Седому вьючат деду!

В дому ли скук влачу часы, —
Дом пахнет уж пустыней;
Вот сад; как старость мне власы —
Его так пудрит иней;
Там гнется вяз на утлом пне,
Как старца гнут уж годы;
И, как под шубой кровь во мне,
Под льдом так стыннут воды.

Но вот они опять с весной,
Как из пелен, прорвутся,
Деревья, с прежней красотой,
Вновь в зелень облекутся;
А мне весна, хоть придет вновь, —
Не усладит печали:
Мне младость, резвость и любовь
Навек «прости!» сказали! . .

Но нет; приди, весна! — цветы
На травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
Мне спину, в крюк согбенну,
Хоть в свете счастьем мне своим
Нельзя уж наслаждаться,
Так, вспомня прежнее, — чужим
Я буду утешаться.

(1814), (1821)

1

НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРАГЕДИИ «АНТИГОНА»

Любезну Антигону,
Которой прелестьми нас Озеров пленил,
Капнист, чтоб угодить Креону,
В трагедии своей — убил!

1814

2

**НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТРАГЕДИИ, В КОТОРОЙ
СОЧИНТЕЛЬ СЛИШКОМ ЧАСТО УПОМИНАЕТ
О ПРИВРАТНЫХ ПСАХ И ВРАНАХ**

Сколь горька участь Антигоны!
Давно убил ее Креон,
А к похоронам вновь Капнист со всех сторон
Накликал миллионы
И псов привратных и ворон.

1814

3

**ПРИМЕНЕНИЕ К ТРАГЕДИИ «АНТИГОНЕ»
ИЗВЕСТНОЙ ЭПИГРАММЫ
НА ПЕРЕВОД МОЛЬБЕРОВОЙ КОМЕДИИ «СГНАРЕВА»**

Хотя б никто не знал из целого партера,
Кем в Антигоне нам
Представлена в урок лирическим певцам
Одна холодная, трагическа химера,
То б общий и согласный свист
Всем доказал, что то Капнист.

1814

109. СТИХИ

НА ПЗОБРАЖЕННЕ САФЫ НА АНТИКЕ В ПЕРСТНЕ,
ПАЙДЕННОМ В ГЕРКУЛАНЕ, НА КОТОРОМ ХУДОЖНИК ВЫРЕЗАЛ ВНИЗУ
ЛИРУ И ПЧЕЛКУ, В УПОДОБЛЕНИЕ СЛАДОСТИ ПЕНИЯ САФЫ
НА ЛИРЕ С СЛАДОСТЬЮ МЕДА, СОБИРАЕМОГО ПЧЕЛОЮ

С розы собранный, с тимьяна,
Сладок, пчелка! нам твой мед, —
Сафо, миртой увенчанна,
Слаще о любви поет!

Мило нам твое жужжанье,
Как с весной летишь ты в луг, —
Лирных струн ее бряцанье
Нежит более наш слух.

Грации ужалить руку
В гневе свойственно тебе, —
Сафо стрел любовных муку
Ощущала лишь в себе.

Часто, лакомством манима,
В сладких тонешь ты сотах, —
Сафо, ревностью гонима,
В ярых погреблась волнах.

1814 или 1815

110

При переводе слов с чужих языков должно
Нам поступать всегда с разбором, осторожно,
Чтоб тут не вышел вздор и галиматия, —
Ведь о слепом сказать лишь можно,
Что ищет он руки ея.

1814 или 1815 (?)

111. ЖИЛ ЦАРЬ...

Отрывок русской народной сказки, переложенной стихами

Жил царь, и прижил он с царицей три сына
и три дочери.
Две старшие красавицы, каких и под небесью нет:
Одна из них — орлиный нос, глаза, как уголь,
и бровь дугой;
Другая — розов цвет с лилеей, и ряд зубов —
как бисерки;
А третья дочь — мала, смугла, с горбом, уродом
родилась.
Два старши сыновья — красавцы, удалы, добры молодцы,
А последний — карло ростом, ножки в пядь, башка
с котел.

Любовалася царица красотю дочерей,
Сыновьями-молодцами величался добрый царь.
Приходили с сватовством к ним юные царевичи,
Из дальних стран могучие, славные богатыри.
Насмехались над ними гордые красой царевны, —
Никого себе достойным не считали быть они
И какой-нибудь противный в каждом видели порок:
Тот умен и храбр отлично, да невежлив, неуклюж;
Другой пригож, и мил, и ловок, но зато головкой плох.
С гневом и стыдом съезжали все с двора широкого;
Опустел он многи лета без ожидаемых гостей.
Царь с царицей всё ласкались видеть лучших женихов;
Ждать-пождать они царевнам суженых, но ах! — уже
Протекает год за годом, а сватов как нет, так нет.
В одиночестве скучают гордые красавицы,
А добрый царь с царицею, то видячи, грустят, скорбят
И кличем женихов скликают уже из отдаленных стран,
Бессчетно серебра и злата сулят в придано дочерям:
Драгова жемчуга, камней и всяких узорочий тьму,
Но ни один жених не едет на широкий царский двор.
Часто царь грустит с царицей, часто думу думают:
Как бы им к мужьям пристронть постарелых дочерей?
Наконец зовут на терем старших двух своих сынов:
Посылать хотят их в царства, во страны далекие,
Чтоб царевнам обыскали там достойных женихов.

(1815)

112. ОТРЫВОК ПОВЕСТИ ОБ УХОДЕ ИЗ ПЛЕНА ОДНОГО СЛАВЯНСКОГО ВОИНА

Уж едет он дней несколько трудною дорогой,
Проезжает степи дики и пески сыпучие,
Топкие болоты, дебри, горы неприступные.
Вдруг, минувши лес, встречает наводненную реку:
Бурею на ней, как холмы, волны подымались,
Берега везде подмыты разъяренною струей.
Там не видит он ни брода, ни стружка, ни лодочки,
Ни лодочки рыбацкая, ни дощечки тонкой,
Коей мог бы в лютом бедстве жизнь несчастну
вверить.

Что же делать? Как спастися? Стал он,
приздумался:
Вплавь пуститься бы? Но борзый конь не вынесет его:
Обоим в водах глубоких гибель неизбежная,
А погоня настывает, — топот слышится вблизи!
Тут решается он — в волю предается божию.
Тяжко вздохнувши, сходит с неусталого коня,
Закидает на блестящу гриву повод шелковый.
«Оставайся, — говорит он, — ты, мой добрый конь!
Исполать тебе за службу, службу верную.
Не увидишь господина своего уж век:
Бурны волны поглотят его в струях своих,
Отнесут они труп мертвый в море синее!»
Так сказавши, он в ревущу низвергается реку,
Покрывается волнами и, как ключ, на дно идет;
Там, ударившись о камень, быстриною взносится,
Выныряет, как лучина, верх клубящихся валов.
Конь ретивый со крутого берега в воду мечется.
За конец густыя гривы ухватился витязь мой.
Конь плывет и крепкой грудью режет волны ярые;
Волны ярые свободный открывают путь ему,
И уже он приплывает к берегу отлогому.

10 марта 1815

Возможно ли? средь шумна круга,
 Где музы, грации, Эрот,
 Где рой потешных лишь забот
 И вся веселости прислуга,
 Вокруг красавиц, в хоровод
 Тесняся торопко, друг друга
 Толкают, упреждают, жмут
 И об отлучных им досуга
 Минутно вспомнить не дают, —
 Возможно ль, повторю я, статья,
 Чтоб в край пустой издалека
 Успели мыслью вы промчатся
 Для стихотворца-старика?
 Нет, этому нельзя поверить.
 Чтоб хоть мечтой меня польстить,
 Решилась дружба лицемерить
 И скорбну истину прикрыть
 Обмана милою личиной.
 Загнанным строгою судьбиной
 В страну далеку от драгих,
 Чтоб в памяти воскреснуть их,
 Одна надежда остается. . .
 Что сердце сердцу отзовется.
 Но кстати ль мне о том мечтать,
 И сей взаимностью отрадной,
 Сколь сердце оною ни жадно,
 Старик, могу ль себя ласкать? . .
 Что ж делать, чтобы в пень не стать?
 К старинному со мной союзу
 Решился б пригласить опять
 Сговорчивую прежде музу,
 Но муза не придет на зов
 Уж поседелого пиита —
 Пиит хоть тот же волокита
 И пламенный из стариков, —
 Со всем тем средства нет другого.
 Итак, собравшись в трудный путь
 По топтаной тропинке, снова

Отважусь стариной тряхнуть,
У музы попрошу покрова,
Чтоб в вашей памяти мелькнуть.

27 января 1816
Обуховка

**114. НА КОНЧИНУ
ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА**

Державин умер! . . слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

18 августа 1816
Обуховка

115. НА ТЛЕННОСТЬ

«Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы».

Так лебедь пел, Пиндár российский,
Когда готовился уж час,
В полете быстром к гробу близкий,
Взвенеть ему последний раз.
И в миг, как хладною рукою
Уж лиру смерть рвала из рук,
Так громкой он издал струною
Пленительный последний звук.

Из века в век сей звук прольется.
Державин, нет! Всежруща тлень
К венкам твоим не прикоснется,

Пока светящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной,
Пока ось мира не падет, —
Времен над реюющею бездной
Венок твой с лирою всплывет.

22 сентября 1816
Обуховка

116. МИЛОЙ ПАШЕ

Напрасно, Паша! ты желаешь
Стихи мои читать,
Сим чтеньем, может быть, мечтаешь
Задумчивость прогнать.

Но как ты, друг мой, ошибешься!
Совсем не то найдешь.
Весьма не часто улыбнешься,
Частехенько вздохнешь.

С тоской я с юных лет спознался
И горьку чашу пил;
За миг, что в радости промчался,
Годами скук платил.

И пыне, жизнь влача унылу,
По тернам лишь брожу;
Почти всех милых снес в могилу
И сам уж в гроб гляжу.

Итак, не радостных мечтаний
Увидишь здесь черты,
Увидишь скорбь, — и лишь стенаний
Услышишь эхо ты.

Почто же чтеньем сим печальным
Взвергать на сердце гнет?
Почто покровом погребальным
Мрачить веселья цвет?

Но требуешь, — ах! друг мой милый,
И ты уж, может быть,
Изведала, что в час унылый
Отрадно слезы лить.

Прими ж мой дар; когда, читая
Печальный стих, вздохнешь, —
О старце, Паша дорогая!
Сим вздохом вспомянешь.

10 сентября 1817

117. БРЕННОСТЬ КРАСОТЫ

Увы! что в мире красота? —
Воздушный огонь, в ночи светящий,
Приятна сердцу сна мечта,
Луч солнечный, в росе блестящий.

Мгновенье — нет Авроры слез,
Мгновенье — льстить мечта престала,
Мгновенье — метеор исчез,
Мгновенье — и краса увяла!

Эльвира! в легких сих чертах
Твою я повесть представляю:
Давно ли прелесть? — ныне прах,
И вид твой лишь в душе встречаю.

Но где ты днесь? О сердца друг!
Останок твой здесь персть покрыла,
Но персти не причастен дух
И не пожрет его могила.

Ты там, где вечен цвет красы,
Которая в тебе мелькнула,
Отрадой меря где часы,
От зол доброта отдохнула.

Небесную отверзла дверь
Тебе над смертью победа

И радость ангелов теперь
Твоя сладчайшая беседа.

Моя ж беседа — грусть; и нет,
Нет сил прогнать тоску унылу;
Она всяк день меня ведет
На хладную твою могилу.

Сойди ж и ты, о друг мой, к ней,
Зри скорбью грудь мою раздранну;
Пролив в нее отрад елей,
Ты облегчи сердечну рану.

Дай сил ждать смертного часа,
Что съединит меня с тобою,
А здесь пусть дряхлость и краса
Покроются одной доскою.

17 сентября 1817

118. БАТЮШКОВУ

Скажи мне, Батюшков любезный!
Дай дружбе искренний ответ:
Зачем нельстивый и полезный
Ты пренебрег ее совет?

Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда средь русского Парнаса
Его ты мог бы воскресить?

На то ль он краски бесподобны
И кисть свою тебе вручил,
Чтоб в память ты его надгробный
Лишь кипарис изобразил?

Нет, нет, признательнейшей дани
Он ждал за дар свой: он хотел,
Чтоб прелести любви и брани
На лире ты его воспел.

Ты пел уж их; и, восхищенный,
С вершин Парнаса Тасс внимал,
Когда, самим им вдохновенный,
Его ты песни повторял;

Когда на славном невском бреге
Гремел его струнами ты
И в хладном севере на снеге
Растил соррентские цветы.

Но ты замолк, и тщетно гласа
Знакомого бессмертный ждет;
И тщетно ждем мы: лира Тасса
И звука уж не издает.

Почто ж замолк ты? Дружбы пени
Прими без ропота, мой друг!
Почто, предавшись томной лени,
Паривший усыпил ты дух?

Проснись; ударь по сладкогласным
Струнам — и, славных дел певец,
С Торкватовым венцом прекрасным
Прекрасный свой сплетешь венец.

20 октября 1817

119. ОТВЕТ ФЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ЛЬВОВУ

Хорошо тому о счастье,
Друг любезный! говорить,
Кто в житейском мог ненастье
Голову плащом прикрыть,
Тем, в котором мудрость скромна,
Из дворца ушед огромна,
Любит в шалаши ходить!

В море кто мирском бурливом
Мог, попутный ветерок
В парус улова, заливом
К пристани привезь челнок,

Чтоб там груз свой непричудный —
Мир, любовь — снести хоть в скудный,
Но защитный уголок.

Там он, вне толпы мятежной,
И сует, и прихотей,
С милою подругой нежной
Роем окружен детей.
Видит в сине море далеко
Льющийся струей кристальной
Ручеек веселых дней.

От вельможеских затейных
Убегает он пиров,
Но навстречу игр семейных,
Как дитя, бежать готов;
Дружбу в гости приглашает
И тишком с ней подстригает
Крылья счастливых часов.

Там он может на досуге
Звонку лютию острунять
И, о старом вспомя друге,
Песнь игриву напевать;
Может, с чванства сняв личину,
Счастья скромного картину
Всем на зависть представлять.

Так зачем, мой друг, хлопчешь
Легку песнь давать на суд?
Счастье петь свое ты хочешь?
Пой! судья не нужен тут:
С чувством рифма дружно ляжет,
И сказать, что сердце скажет,
Небольшой счастливцу труд!

29 ноября 1817

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar.¹

В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой
По мне, — ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным незнакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псёл, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купама древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей,

---

¹ Ни слоновая кость, ни золотой потолок не сверкают в моем доме (лат.). — *Ред.*

Ты к счастью ведешь людей,
Но твой алтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать,
Без крыльев — кверху не летать
И в светлом червячке — светила
На диво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы — древес густою
Покрытый тенью теремок,
Сквозь наклоненный в свод лесок,
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум,
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся,
За кругом поспешает круг,
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дожлятся,
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти,
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет:
Они всё дают, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;

К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелий пень.
Увы! не долго в жаркий день
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело на воду,
Подмывши брега крутизну,
Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Всё рушится средь вечной при, —
Так пали древни алтари,
Так с их престольными столпами
И царства пали и цари.

Но скорбю чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита ярким Феб лучом.

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны,
Плоды дерева тяготят;
За ними Вакхов вертоград,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блещат.

Но можно ль все красоты картинны,
Всю прелесть их изобразить?

Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опушить?

Нет, нет, оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой,
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет,
Где, зря оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм — луна золотая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой повела.

О! как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рош, покрывших гор хребты,
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты.

Благоговенье! Молчалива,
Витийственна предметов речь
Гласит: «Ты зришь своих предтеч,
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь».

Так, здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей

Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

Мир вам, друзья! Ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда придет,
Над свежей скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:

«Капнист сей глыбою покрылся,
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

16 июля 1818

121. ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

В тучу солнце закатилось,
Черну, как сгущенный дым,
Небо светлое покрылось
Мрачным саваном ночным.
Быть грозе: уж буря воет;
Всколебавшись, лес шумит,
Вихрь порывный жатву роет,
Грозный гул вдали гремит.

Поспешайте в копны сено
И снопы златые класть,
Дождь пока коснит мгновенно
Ливнем на долины пасть,
Ветр покуда не засеял
Градом ваших нив, лугов
И по терну не развеял
Дорогих земли даров.

Поздно будет вам, уж поздно
Помогать от лютых бед,
Дождь когда из тучи грозной

Реки на поля прольет.
Детушек тогда придется
Уносить в село бегом;
Счастлив, кто и там спасется!
Слышите ль? Уж грянул гром!

Август 1818
Обуховка

122. ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Тщетно ты трудíšься, Хлоя,
Кучи злата в клад копить:
Можно ль с ним приют покоя,
Можно ль дружбы клад сравнить?

Тщетно, устали не зная,
Ты кружишьсья средь сует:
Алчно сердце, век алкая,
Льстящий зрит вдали предмет.

Лучше ж, труд и попеченье
Брося, жить летящим днем;
Есть и бедным провиденье:
Мать, отца ты сыщешь в нем.

Лучше жить с друзьями, Хлоя,
Чем златой всё клад копить.
Можно ль с ним приют покоя,
Можно ль дружбы клад сравнить?

5 октября 1818

123

Святой восторг благотворенья!
Что в мире сладостней тебя?
Благого образ провиденья:
В других зреть сча́стливым себя,

Добру все посвятить мгновенья,
Несчастливых как родных любя.

Кто благо обще назидает,
Достоин тот любви сердец,
Но он признанья не алкает,
Не льстит его наград венец:
Награду в сердце обретает
Сердечно чувство, не льстец.

Героев славил вселенна,
Но славы глас замолк в веках;
Хвала, на камнях иссеченна,
И обелиски — пали в прах:
Благотворенья мзда нетленна,
Она нас ждет на небесах.
Святой восторг благотворенья!

(1819)

124

Чего Улисс не претерпел!
В скитанье десять лет провел;
Гоним Нептуном от Исмара,
Едва ль не в плоть до Гибралтара
Вперед и взад бедняжка плыл,
А вот теперь Капнист взвалил
На многотерпца вновь обузу
И заставляет плыть — в Отузу!

(1819)

125. СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Ах! пойду рассею скуку
По лесочкам, по лугам,
Тайную, сердечну муку
Эхам томным передам.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою;
Другу милому скажите,
Что по нем здесь слезы лью.

Пусть хотя чрез вас узнает
То, чего сказать нет сил:
Что по нем душа страдает,
Без него и свет немил.

Эхи! пристально внимайте,
Если милый мой вздохнет,
Вдох скорей мне передайте!
Сердце лишь ответа ждет.

(1819)

126. НА СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ТОМАРЫ

Еще удар! Еще разлука!
Разлука с другом, — и навек!
Увы! нужна ль мне вновь наука,
Что скорби жертва человек?
Вся жизнь — лишь опыт претерпений,
В ней счастье.— метеор во мгле,
Пред мною — призрак утешений,
А радости — в сырой земле.

Сырой землей и ты покрылся,
Томара, доблестный мой друг!
И с кругом вечности уж слился
Твоей здесь срочной жизни круг.
Уж гроба мрачная пещера
Тебя прияла, мира гость!
И дружба, добродетель, вера
Оставили — лишь персти горсть.

Но нет, хоть персть осталась тленна,
Эфирных быстрогою крыл
Ты выше всесозданья бренна
В чертог нетленный воспарил,

Где царь миров, воссев на звездный
Престол, как судия-отец,
Вложил уж на тебя возмездный
Бессмертных радостей венец.

Ликуй же средь блаженна круга
Усыновленных чад небес,
А я на гроб любезна друга
Приду не ток лить горьких слез, —
Приду в безмолвьи поучаться,
Как путь мой в вечность пролагать,
Твоим примером наставляться,
Как жить, терпеть и — умирать.

1819

127

Я жду тебя, но если здесь напрасной
Мечтою льщусь, надежду всю губя,
То в той стране, где для любви страстной
Разлуки нет, мой друг! — я жду тебя.

1810-е годы (?)

128

Мы чем богаты, рады тем вам.
Осень холодна — гибель цветам.
Мы от мороза прятали их,
Чтоб нам гостей чем встретить драгих.

Вы их примите в дар небольшой,
Вам принесенный с доброй душой.
Сделайте честь вы нашим дарам:
Мы чем богаты, рады тем вам.

1810-е годы (?)

**129. НАДГРОБНІЕ ЯЗЫЧНИКУ, ОТ ЯЗВЫ, НА ЯЗЫКЕ
ПРИКЛЮЧИВШЕЙСЯ, УМЕРШЕМУ**

Язычник здесь лежит. Языком сотворил
Он множество чудес: языком он чернил,
Языком правду в ложь, а ложь он в правду
плавил,
Языком грызть умел, и жалить, и рубить,
Языком, наконец, и сам себя управил.
Прохожий! берегись, чтоб как не наступить.

1810-е годы

130—191. ВСТРЕЧНЫЕ МЫСЛИ

1

Не должно ль показаться чудно,
Что на Руси мотать без мотовил нетрудно?

2

Все в виде колеса,
Земля и небеса,
Кружатся;
Чему же многие дивятся,
Что на шару земном
Кой-что становится вверх дном?

3

Я благодетелей на свете знал довольно,
Но благодарных им не мог я много счесть;
Подумаешь — так сердцу больно:
И тут, знать, легче класть, чем несть!

На друга полагайся,
 А с недругами примирайся,
 Ино и слабый враг сильней,
 Чем сильных дюжина друзей.

Пред большими не унижайся,
 А с меньшими равняйся:
 Дай бедному... взаймы, подчас и богачу,
 То будешь всем ты по плечу.

ДЕТЯМ

Войдешь ли в дом чужой, ласкай ребят, старух,
 То будешь всем и мил и друг.

Скупец — прямой домашний вор:
 На крюк заперши дом и двор,
 Когда наседкою при сундуке ни сядет,
 Из-под себя яичко крадет.

Кто ест для сытости, недолго будет сыт,
 Скорее отощает,
 Чем тот, что пищею лишь голод утоляет.
 Скупец всю жизнь казну копит,
 А всё копить желает!

Когда добро займы даешь,
Процентов даже не сберешь.

Вельможа! ведай, что не тот
Лишь благороден впрямь, кто рóжден дворянином;
Ведь благороден всяк, кто только не урод;
Благой душой, благий ты докажи свой род;
Иной бесчинен — с знатным чином.

Из бед всех роскошь нам лютейшая беда:
На лучшей лошади езду нужна узда,
Чтоб, как он хочет, так ходила.
От роскоши слабеет сила
И крепнет от труда.

Чтоб всех на мысль твою привлечь,
Старайся рассуждать, но не противуречь.

Бесчувственны сердца чувствительность возносят,
Но пусть о ней, увы! ее страдальцев спросят,
Иным своя лишь скорбь — как громовый удар,
Кручина обо всех — чувствительности дар.

Любви ты страстной берегись:
Желая греться — не сожгись.

Вода была где, там и будет,
А кто любовь забыл, уже навек забудет.

Ревнивая любовь — болезнь неизлечима:
Любимого душой
Душа терзается любима,
И в счастья — прости, покой!

Когда лишь не блажна,
То лучший друг жена.

С богатой вступишь в брак женой —
Наденешь цепь золотую;
С убогою — любовь зимой
Согреешь ли нагую?
Но добрую возьми, с ней скудно вено — клад,
И будешь счастьем богат.

Семейства добра мать
Хоть Анной назовись — прямая благодать.

С добрейшею женой
Не льстися не иметь досады ни одной:
Хоть угождать себе всяк и готов и волен,
Но часто сам собой бываешь недоволен.

«Ты под ручной заклад
 Ссужаешь, милый сват,
 Друзей твоих деньгами, —
 Возьми жену мою, а дай мне сто рублей.
 Я в срок, как водится меж добрыми друзьями,
 Тебе их заплачу, ей-ей,
 И неустойкой ты меня не опорочишь».
 — «Нет, братец! — отвечает друг. —
 Ну, если да просрочишь,
 Как сбыть ручной заклад твой с рук?»

Пред дверью гробовой зачем дрожишь, пришлец?
 Всё в мире кругло, как венец;
 Ступай же, не страшись нимало:
 Творец
 Всему начало,
 С началом — съединен конец.

Вот, дети! вам отец в наследье оставляет,
 Что он из опыта с трудом почёрпнуть мог.
 Не все тут сведенья вам нужны сообщает
 К познанию жизни сей излучистых дорог;
 Не все он истошил советы,
 Как злые отразить наветы;
 Не показал всего здесь в зеркале сует,
 Чтоб преждевременно не опостыл вам свет.

Да будет ко всему, о дети,
 Началом воля вам творца!
 Да не препнут вас вражьи сети
 Вестися ею до конца!

Коль любишь ты детей-сирот, живи вдовцом:
Всеобщим трудно быть отцом.

Детей своих отец
Пусть любит так, лелеет,
Как тварь свою творец,
Но пусть и тут он не жалеет,
Что дети своего отца
Так любят лишь, как тварь творца.

Работа чтоб твоя во всех частях успела,
Не делай никогда ты вполвину дела.

Орел,
Презрев долину,
Взлетел
Ты на вершину.
Смотри, глядят со всех сторон,
Далековидным для всех ты стал предметом;
Пари же, но твоим полетом
Не насмешь ворон.

Любви вкушал кто услажденья,
А не сносил мученья,
Восторга тот еще ее не ощутил
Иль вовсе не любил.

В любви разлука —
Любить наука.

Разлука с ближними, с семьей
Хоть несказанно мучит,
Но познавать нас учит
Жен верных и друзей.

Чтоб быть ученым, пропотел
Иной охотой долго в школе:
Как врач Мольеров Сганарел,
Я стал ученым — поневоле.

Любились Федька с Феклой
Так жарко, как никто друг друга не любил.
Женились; год прошел. «Поп врет, не в аде
пекло», —
Наш Федька всем твердил.

Чем черт не шутит? Дама там
По райским золотым ключам
К святым отцам
Причлася.
Другая, Феникс из старух,
Новейших академий двух
Тут президентом нареклася;
Жан д'Арк фельдмаршалом была
И на престол царя взвела;

Там царство женское, победами их громки,
Установили амазонки;
А сколько было в свете жен,
На мужниных сидевших тронах!
Так чудно ль, что женой Клим в юбку наряжен,
А Климиха в его гуляет панталонах?

40

Несносней гордеца творенья в свете нет,
Павлин прямой его портрет:
Высокий рост, на лбу уборная эгрета,
Златосапфирна грудь, хребет
От солнечных лучей пременчивого цвета,
Блистающий убор,
И радужный хвоста пленит тебя узор,
Но загляни, откуда
Выходят перья те кругами изумруда,
Отливом яхонта прельщающие взор?
Послушай, как певец хрыпучий,
На грубый лад скрипучий,
Воронью арию поет,
И скажешь: гордеца несносней твари нет.

41

Пороков строгою ты казнью не исправишь, —
Надзором их убавишь.
Но легче во сто раз
Сыскать хорошую дубину,
Французску даже гильотину,
Чем пару беспристрастных глаз.

42

Пороки нравственность лишь может уменьшить,
Но нравов простоту как трудно возвратить.

Порокам лучшая узда
 Есть ада страх и страх стыда.

Наука — хороша,
 Но мнимо просвещение,
 Безверье, алчность барыша,
 В стесненных городах умов излишне тренье,
 Чувствительности утонченье
 И роскошь, наконец, — вот сущий нравов яд.
 И казни строгие его не истребят!

Когда кто нравственность желает
 В народе развращенном ввесть,
 Пусть верой совесть исправляет,
 Стыдом казнь строго заменяет,
 Отличьем вышним ставит честь.

Зачем, как доблестям, порокам по заслуге
 Отличья знаков не дают?
 Отрешенный судья, разжалованный плут,
 Признанный ябедник — все даже в знатном круге,
 Когда звездами не блещут,
Инкогнито хранят,
 Ничем от сограждан не отличаясь честных,
 Но им присвоенный наряд
 Полезней был бы во сто крат
 Отличий разнокрестных:
 Людей не столько почесть льстит,
 Как явный срам страшит.

Зачем для лютов, наглецов,
 Для лихоимцев и лжецов,
 Для многожужных, многоженных
 Не шить отличными эмблемами снабженных
 Иль шапок, иль чепцов?

«Мне не дали креста — его не заслужил», —
 Достойный говорил.
 «Так, хорошо, а нам зачем же отказали?» —
 Незаслужившие кричали.

«Досадно, у меня по сию пору Анна
 На шее не висит», —
 Один старик ворчит.
 «Твоя печаль мне странна,
 Я истинно дивлюсь, —
 Молодчик отвечал. — На шею сами Анны,
 И бриллиантами убранны,
 Повисли мне, от них, ей-ей, не отобьюсь!»

Зачем в России нет судей,
 Хотя сословия их сами избирают? —
 Затем, что ложь секретарей
 Они лишь исправляют.

Зачем же нету в ней
 И предводителей дворянства,
 Тож избираемых собратией своей? —

Затем, что служат хоть из чванства,
Но часто из одних кичливых прихотей.

Чиновник наставляет
Им голову промеж мечей;
Предводят же таких людей,
Которых он же заставляет
Водить волов иль лошадей.

52

Хотя злословят часто власть
И правды угнетенье
На счет ее привыкли класть,
Но я по совести дать должен уверенье,
Что с правдою нагой
Одoleвал всегда магогов ополченье,
Идя стезей прямой.

53

К свободе Русь не подросла:
Не гни холодного стекла.

54

Свободным всяк
Быть хочет,
И так
И сяк
Хлопочет,
Чтоб лишь не на цепи ходить
И не носить колоды,
А своеволья от свободы
Едва ль кто может отличить.

55

Все подати теперь уравнивать хотят,
А службой дорогой дворян не дорожат.

Купец для своего лишь барыша живет
 И завсегда твердит, что деньги любят счет,
 А дворянин прямой для общих польз из рвения
 И жизни не щадит, не только что именья, —
 Так оба сходную и подать могут взнестъ.
 Отечеству служить велит дворянам честь.

Наука, воспитанье
 И чувств образованье
 Предназначаемых детей
 К толь важной службе сей.

При скудных оныя окладах и ничтожных,
 Издержек требуют едва ли всем возможных,
 Так должно ли еще их податьми стеснять,
 К промышленности дух высокий унижать?

Чем больше податей у нас казна собирает,
 Тем более свои расходы умножает.

Всё злато и серебро повывели бумажки,
 Осталась медь одна: побереги ее
 И к вывозу жидам не подавай поблажки
 На дневно прожитье.
 Набей нам чугуну, медь выменяй на злато
 И береги, пока клад накопишь богатый.
 Тогда бумажки все сбери,
 В кусочки подери
 И все сожги, как злое зелье,
 И, сплавя весь чугун на нужное изделие,
 Серебро, и золото, и медь за них отдай,
 А денег тряпочных вперед не затевай.

«Вот трудный оборот! — ты скажешь мне. —
Не чудно».
 Но камень, брошенный в реку, ведь вынуть трудно.

Британец — царь-купец, и царь он самовластный;
 Купец наш — раб его безгласный,
 И лондонский пострел
 Рублевик тряпочный унизил, как хотел.
 Что делать с сим пострелом?
 Займись умелым делом:
 Старайся роскошь истребить,
 Чтоб в рабстве у купцов не жить.

Сенные двери на Руси,
 На старый образец, ты сверху покоси,
 Чтоб затворялись сами, —
 Устанешь притворять руками.

Разбойника, что жизнь свою
 В сем часто ремесле и смерти подвергает,
 Закон кнутом карает.
 Да чем же будешь сечь разбойника-судью?

1810-е годы (?)

1

Добром
Или умом
Ты хочешь отличиться?
Готовься с завистью сражаться:
По гроб она тебя не перестанет гнать;
За гробом — будет прославлять.

2

Слепые люди называют
Случай слепым;
Того не знают,
Что он от бога послан им
Или для искушений,
Чтоб, видя плод сердец движений,
Себя судили по делам,
Или же для благодетельных,
Которые внушая нам,
Содействует в них сам.

3

ФИЛОЗОФ

«Творец, создавши свет,
С тех пор всё отдыхает,
И с тех пор в свете всё само собой идет», —
Философ не один так мудро рассуждает!
Как видит, так и толк дает, —
А сам, посеяв семя,
Плода в известно время
Ждет!
Что, если б червяки нас понимать умели?
И если б червяку сказал я: «Червячок!
Через две иль три недели
Ты будешь мотылек;

Вот, так сказать, без перьев птичка,
Теперь ты чуть ползешь,
Листочки лишь грызешь,
Но скоро ты уснешь,
Потом, как из яичка,
Из кожи ты своей вдруг вылезешь, вспорхнешь
И новой жизнью заживешь», —
На это что в ответ мне б червячок сказал?
«Когда б философ был... то б что? — Захотел».

4

Коль сделаешь добро, не смей желать признаться:
Знай, бог
Тебе помог,
Ты не украл лишь подаянья.
Но сделав зло,
Добром воздать старайся,
Не то — так опасайся,
Чтоб за тобой не побрело,
Что от дьявола пришло.

5

Людей я видел много,
Что гнев судьбины строгой
Легко сносить могли,
А счастья не снесли!

6

Коль глупость сделаешь, советую признаться,
Но чтобы кой-как оправдаться,
Не говори: «Я думал...» Всяк
Подумает, что ты — не наобум дурак.

7

Одним языком нас владыка,
Двумя ушами одарил.

Зачем? Догадка невелика:
Чтоб больше слушал ты, а меньше говорил.

8

Сказавши глупость, бойся речь
Пресечь,
Чтоб самому себе напрасно не осетить,
Но остроумнее ее старайся длить:
Чтоб не заметил тот, кто мог бы не заметить;
Заметивший чтоб мог забыть.

9

Не нужны сильному похвалки;
Не говори: «Побью», — ведь два конца у палки.

10

И слабый враг
Спихнет в овраг,
А сколько надобно иметь друзей в ту пору,
Чтобы подняться в гору!

11

Не много надо, чтоб прожить,
Но много, чтобы жизнь сносить!

12

Влас умер с голода. Карп с роскоши скончался.
Пол долго не решался:
Над кем из них поставить крест,
Над кем — вязовый шест.

«Нужнее ничего нет золота на свете», —
 Скупые говорят.
 Я им поверить рад,
 Смотрю, как стражами при золотой монете
 Проводят ночи, дни,
 Во всем *нуждаются* они.

Не тот богат,
 Кто клад
 Всё больше накапливает,
 Но тот, кто больше не желает.

Когда ни загляну в мирской я маскарад,
Святошин кажется мне всех страшней наряд.

Коль шутит умный — улыбнися,
 Дурак — хоть со смеха валися:
 Он будет рад и не смекнет,
 Кто смеха твоего предмет.

Зачем собака эта лает,
 Как вздумает кусать? —
 Ее природа научает
 Прохожего остерегать.
 А ты, когда Зоил ругает,
 Не осердись: тебя он лишь остерегает.

Стань позади;
 Что ж, нужды нет:
 Быть может, выведут вперед;
 А что, как встанешь впереди,
 Да вдруг поставят позади?

Проси, где можешь приказать, —
 Не нужно будет повторять.

Черпай, да не перечерпай:
 Нальет хозяин через край.

Насмейся остро над собой,
 Никто не осердится;
 И враг, боясь иной
 Шутить тупее над тобой,
 От шутки удержится.

От женщин, как на свете жить,
 Старайся научиться:
 Никто — могу в том поручиться —
 Не может лучше проучить.

Терпеж зовут ослиным свойством, —
 Так слабость надо звать геройством?

Но разница в терпеньях есть:
Тот терпит всё; герой привык с терпением несть,
Что нужда, долг велит и честь.

24

За правду с сильными сражаться
Решится каждый правды друг;
Пред ними, как падут, смиряться
Великий только может дух.

25

Нерона юного портрет
    Через несколько лишь лет
Испортился и изменился.
Сократов неизменен лик!
    «Чему ж ты удивился?
Одно, мой друг! пастель, другое — мозаик».

26

Иной как дело закутит,
    То уж его вертит
И сзади, спереди, с того, с другого боку,
    И так перемудрит,
Что ввек не попадает в строку, —
    Скорее наугад
    Строчил бы он впопад.

27

«Одно — грабеж и воровство,
    Другое — плутовство;
    Совсем иное — взятки», —
    Подьячий говорит.
«Конечно, разные ухватки
Дают различный делу вид».

Каких-то двух секретарей,
 Что вместе проживали,
 Еще искуснейши воришки обокрали.
 Кричат секретари: «Эй! Эй!
 Полиция! Сюда, скорей,
 Вот нас обворовали!»
 Два челобитчика, чтоб прислужиться им,
 Вопили голосом одним:
 «Эй! Эй! Сюда: нас обокрали!»
 На их ужасный крик
 Сбежалось множество народа, и в тупик
 Все стали:
 Кто обокражены, и воры кто — не знали.
 Но наугад, секретарей
 Схватя, ведут перед судей;
 Приведши, дело рассказали.
 «А судьи что
 На то?» —
 Взглянулись,
 Улыбнулись,
 Потом
 О деле том
 Почтенный председатель,
 Секретарей образователь,
 Приказ колодникам сим дал
 Составить и скрепить журнал.

Святоше кто поверит,
 Когда он с богом лицемерит?

По малому судить
 О большем берегися:
 Подымешь пальцем пуд, — пяти, хоть надорвися,
 Пятью нельзя пошевелить.

Покажется иному чудно,
 Как станешь уверять,
 Что на Руси мотать
 Хоть не всегда легко, но никогда не трудно.

Что ни начнет, во всем
 Коль нечестивый спеет,
 Без зависти — жалей о нем:
 Уж бог забыл его, — и к пагубе он зреет.

Тот, кто подслушивать привык,
 Всем перешепчет всё, что слышал меж друзьями:
 С короткими ушами
 Бывает длинный сплошь язык.

Есть недоверчивых премного,
 Но легковерней их людей на свете нет:
 Бракуют очень строго,
 А как до выбора дойдет,
 В доверенные плут наверно попадет;
 Один душою завладеет,
 Потом продаст за что успеет.

Опасны шайки меж людей:
 Взаимную друг другу
 Чтоб оказать услугу,
 Живут большою сплошь семьей
 Иль глупости или пороки,
 Но доблести всегда бывают одиноки.

Сноси друзей, какие есть:
Прямых и двух в веку не счесть.

Где меньше нужно службы,
Там больше светской дружбы.

Миряся с ябедою, ты
Хоть несколько и разоришься,
Но вдвое тем обогатишься:
Бездонны ведь суды.

Когда рабом не хочешь быть,
Спешу от роскоши уйтить.

Ты стар, чахоткою хвораешь,
А деньги всё еще собираешь, —
Пора же, чтоб не растерять,
Велеть уж их в твой гроб складать.

Все хвалят просвещение;
Спроси их: «Что оно такое?» — редко кто
Умеет дать ответ на то,
Иль скажет: «Знание, ученье».
Так, это ложно мнение,
К несчастью, всеми принято.
Но, люди добрые! иль вы забыли древо,
Ощипанное Евой?

Увы! Несчастлив вовсе ты,
 Когда не льстят уж и мечты!

О многословии в молитве не пекися,
 Душой лишь умилися:
 Услышит бог
 И вздох.

1810-е годы (?)

235. МЕЧТА

Мечта, последний луч отрад!
 И ты мне изменяешь!
 И ты уж твой прелестный взгляд
 От скорби отвращаешь!

Люблю; и, искренно любя,
 Взаимностью ласкался,
 И счастья призраком себя
 Я обольщать старался.

Но ты уносишь призрак сей
 В страну пустынную, дальную,
 Оставя в горести моей
 Лишь истину печальную,

Лишь истину, что за любовь
 Холодность мне заплата
 И что не должен ждать я вновь
 Счастливых дней возврата.

Увы! почто же в скорби злой
 Влачить часы постылы,
 Когда остались со мной
 Лишь горести унылы!

В душе той гроба пустота
Уж мрак свой расстилает,
Котору даже и мечта
На миг не обольщает.

1810-е годы (?)

236

Коль хочешь ты насмешкой
Разумный круг развеселить,
Не избирай другого пешкой,
Но над собой изволь шутить:
Зоилом ввек не будешь слыть
И в ухо влезешь всем — сережкой.

1810-е годы

237

Зачем мы в старости встречаемся с заботой,
Нас в ней дружит зачем скорбей, болезней гнет?
Затем, чтоб с большею охотой
Мы оставляли свет!

Конец 1810-х годов (?)

238. АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

Не тот счастлив, кто кучи злата
Имеет в крепких сундуках,
Кому фортуна торовата
В удел дает блестящий прах,
В чертог чей пышный и огромный
Несчастных не доходят стоны,
Встречая стражу при вратах.

Но тот, кто, скорбным сострадаю,
Творил добро по мере сил,

Свои кто пользы забывая,
Лишь ближнему полезен был,
Для блага общего трудился,
Во счастья — не возгордился,
Несчастье — с твердостью сносил.

В семействе кто нашел отраду
И утешенье средь друзей,
Кто добрых дел своих награду
Находит в совести своей.
Тот жизни сей в путях опасных
Идет средь пропастей ужасных
Ко счастью истинной стезей.

Хотя судьба к нему озлится,
Он духом тверд, неколебим,
Удара грома не страшится;
От всех почтен, от всех любим,
Спокойно на грозу взирает;
Как дуб, что бурю презирает,
Тверд основанием своим.

Оленин! се изображение
Достоинств и доброт твоих.
Не лести низкое внушенье
Вещает днесь в стихах моих,
В них нет витийственна искусства,
Но сердца благодарны чувства
И правды глас — источник их.

Теки ж — и, путь свой совершая,
С стези не совратись своей;
Души великой цель прямая —
Стремиться к счастью людей.
Живи же им во утешенье, —
И от небес благословенье
Прольется над главой твоей.

1821

239. В ПАМЯТЬ БЕРЕСТА

Здесь берест древний, величавый,
Тягча береговой утес,
Стоял, как патриарх древес:
Краса он был и честь дубравы,
Над коею чело вознес.

Перуном, бурей пощаженный,
Веками он свой век счислял,
Но бодрость важную казал
И, ветви распростря зелены,
10 Весь берег тенью устилал.

Ах! сколько крат в дни летня зноя,
Гнетомый скукой иль тоской,
Пришед под свод его густой,
Я сладкого искал покоя —
И сладкий находил покой.

От бури, от дождя, от града
Он был надежный мне покров;
И мягче шелковых ковров
В тени, где стлалася прохлада,
20 Под ним ковер мне был готов.

Там, в час священных вдохновений,
Внимать я гласу музы мнил,
Мечтой себя там часто льстил,
Что Флакка добродушный гений
Над головой моей парил.

Мечты то были; но мечтами
Не все ль златятся наши дни?
В гостеприимной там тени,
Под кровом береста, часами
30 Мне представлялися они.

Казалось, дряхлостью сляченна,
Меня он, старца, преживет,
И в круге многих, многих лет,

От своего чела взнесенна,
Над правнуками тень прострет.

Но Псёл скопленными струями,
Когда весенний таял снег,
Усиля свой упорный бег,
Меж преплетенными корнями
40 Под берестом смывает брег.

«Уж берест клонится на воду,
Подрывшу брега крутизну,
Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринулся б ко дну.

Главой в реку б он погрузился
И, с илом там сгустя песок,
Свободный воспятил бы ток;
Об ветви б легкий челн разбился».
50 Пришел и твой, о берест! рок.

У корня уж лежит секира!
О скорбь! Но чем переменить?
Злой рок решил тебя истнить,
Тебя, невинный житель мира,
И мне твоим убийцей быть!

Прости ж, прямой мой покровитель,
Теперь — лишь жалости предмет!
Прости — и мой уж час грядет:
Твой гость, невольный твой губитель,
60 Тебя недолго преживет.

Но рок нас не разлучит вечно:
Ты часто мне дарил покой, —
В тебе ж и прах почиет мой:
Скончав путь жизни скоротечной,
Покроюся — твоей доской.

(1822)

240. ЗАКАТ СОЛНЦА

Уж солнышко садится
За дальный неба круг,
И тень с горы ложится
На пестровидный луг.
Светильник дня прекрасный!
Ложись и ты, почий:
С зарею новой ясны
Ты вновь прострешь лучи.

Не тот удел светилу
Дней смертного сужден:
Погас ли — в тьму унылу
Навек он погружен.
Так должно ль о беспрочной
Светильне нам жалеть,
Когда лишь краткосрочно
Назначено ей тлеть?

Пускай, кто счастье, радость
Мнит в жизни сей обрести,
Кто льстится тем, что младость
Не может вдруг отцвести, —
Пускай, пленясь мечтами,
Тот алчет долго жить
И обвивать цветами
Лишь паутинну нить;

А мне, кого печалью
Свирепый рок гнетет,
Почто пленяться далью,
Где терн один растет?
Светильник дня прекрасный,
Ложися, опочий,
Но от страдальца ясны
Сокрой навек лучи.

*26 сентября 1822
Ромен*

241. СЛАВОЛЮБИЕ

О славолюбие! какими
Ты чарами слепишь людей!
Державно властвуешь над ними
Среди простертых вокруг сетей,
Но меж твоих орудий лести
Из всех приманчивей — хвала:
Ах! сколько, под личиной чести,
Она юродства в мир ввела!

Не все ли, обольщенны славой,
Мечтают и по смерти жить
И лезвие косы не ржавой
На мавзолеях притупить?
Хоть зрят старанья тщетны многих,
Но их пример сей не уймет:
Все верят, что от ножниц строгих
Легко нить славы ускользнет.

Тут шествует толпа героев,
Похвал приять алкая дань,
Стремится всяк из них среди боев
Омыть в крови убийства длань;
Там, горды скиптром, багряницей,
Цари, желая в слух веков
Греметь тяжелой колесницей,
Томят впряженных в ней рабов.

Но сим ли буйством лавры вечны
Гордец в венки свой может вплесть?
Лишь путь он кончит быстротечный,
Умолкнет вмиг хвалебна лесь.
С трубой, пред чернью изумленной,
Ее тут зрим мы, звук взгремел,
Но, шумным воплем заглушенный,
Вблизи раздавшись, онемел!

А там зрим рубищем покрыта,
По неутоптаным стезям
В соборе муз слепца-пиита,

Текущего в бессмертья храм;
Героев он ведет с собою
И доблестных царей синклит
И им разборчивой рукою
Венки лавровые дарит.

Зачем же вслед сей, на отвагу,
И мне с пером не поспешить?
Чернило лучше на бумагу,
Чем кровь на поле бранном, лить.
Быть может, если муз покровом
Пермесский прешагну поток,
Под лучезарным Феба кровом
Сорву из лавра — хоть листок.

19 октября 1822

242

Зачем, не только в то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Фемидиных несносных уз,
Отрекся он от милых муз
И с ними разорвал любезный,
Для всех питомцев их полезный,
Скрепленный славою союз?

Но даже, посреди свободы,
Сестер парнасских хороводы
Его уж боле не манят?
Но пусть неблагодарный знает,
Что хоть он их и забывает,
Они взаимно не хотят
Платить любимцу их забвеньем
И с нежным дружеским терпеньем
Бессмертный лавр ему хранят.

7 января 1823
Обуховка

243. ГОРСТЬ ЗЕМЛИ НА МОГИЛУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ

ДРУЗЬЯМ ДЕРЖАВИНА

*И вы его любили,
И дружества слезой
Вы прах его почтили;
Вам стих печальный мой
Я посвятить желаю,
В нем чувства моего
Я тень изображаю —
Примите вы его.*

Где ты, муж, богом вдохновенный,
О добрый благодетель мой?
Державин! ты ли пал сраженный
Под лютой роковой косой?
И над твоею ли могилой
Звук лиры моя унылой
Печально вторит скорбь мою?
Увы! Удар уже свершился!
Державин в вечность преселился,
10 И я над прахом слезы лью.

Петь радости... легко, отрадно,
Петь горечь... лиры звон молчит.
Сколь в мире счастье превратно,
И сколь его переменчив вид!
Державин! я вчера с тобою
Добра пленялся красою,
Тебе внимая, счастлив был...
Но радость смежна со слезами:

Сегодня Волхова струями¹
20 Тебя к могиле проводил.

Ничто судьбы не избегает,
Всему здесь положен предел;
Не вечно счастье нас ласкает,
Увы! и я осиротел! . .
Цветок, растущий на долине,
Недолго в счастливой судьбине
Красой и запахом пленял. . .
Луч солнца к югу уклонился,
Ветр дунул, льдами ток стеснился,
30 И где ж цветок? Цветок увял!

Но солнце снова воссияет,
Цветок, быть может, оживет,
Лишь мне надежда изменяет,
Мое лишь солнце не взойдет.
Сокрылся луч, меня хранящий!
За часом час, вослед летящий,
Лишь хлад душе моей несет;
Мне в сердце горесть поселилась,
Мысль мрачным облаком покрылась,
40 И смерть во гроб меня зовет.

О смерти! последняя отрада!
Скажи: почто щадишь меня?
Скажи: ты казнь или награда?
Тебя достойна ль жертва я?
Скажи, — коль смертным знать то можно, —
Желать иль трепетать нам должно
Прихода твоего часа? . .
Но ты молчишь — и пожинаешь!
Ты тайну в вечности скрываешь,
50 И всем грозит твоя коса.

Молчишь. . . Но сердца глас вещает,
Что ты одним злодеям страх,

---

¹ Сочинитель, оставя покойного 7-го числа июля сего 1816 года в совершенном почти здравии, 10-го того же месяца возвратился в Званку, дабы проводить тело его по реке Волхову в Хутынский монастырь св. Варламя, где оно ныне покоится.

Что муж благий тебя желает,
Что рай его лишь в небесах.
Путь жизни сей — путь испытаний,
Чрез цепь всех зол, чрез цепь страданий
Он к светлой вечности ведет.
Державин смерти не страшился,
Он смертью к славе возродился,
60 Его прельщал лишь вечный свет.

Кто мыслью с богом съединился,
Дерзнув непостижимость петь,
Кто с самых юных дней учился,
Покорствуя судьбе, терпеть,
Кто с скорбным слезы проливает,
Сирот лелеет и питает,
Несчастному отраду льет,
Всяк час добро творить стремится —
Тот смерти верно не страшится
70 И вечно смертью не умрет.

Ликуй, дражайша тень, в чертоге
Творца и бога твоего!
Ты мыслить здесь дерзал о боге,
А там ты пред лицом его.
Но мы во тьме блуждать остались
И в прахе, где поднесь скитались,
Не сыщем места отдохнуть,
Пока, оконча путь страданий,
Испивши чашу слез, рыданий,
80 Мы удостоимся заснуть.

Но ты заснул. . . и всем ли можно
Тебе подобно кончить век?
Блажен, блажен стократ неложно,
Кто так, как ты, свой путь протек.
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты жив, — ты с нами обитаешь!
Тобой в сей миг внушенный я
Твой стих здесь повторить дерзаю,
В восторге чувства восклицаю:
90 «Жив бог! — жива душа твоя!»

Июль — октябрь 1816

244. ОДА НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Вовеки лирой будет славен
Анакреон и Флакк и Пиндар наш.

Державин

«Уж нет его! — в унылом стоне
Печальных муз мне слышен глас. —
Уж нет его! На Геликоне
Российский светлый фар погас!
Певец любви, победы, бога
Чрез праг Плутонова чертога
В подземный Элизей грядет.
На круге звездного эфира
Затмилася небесна лира:
10 И, ах! Державина уж нет!»

Что слышу я? О весть жестока!
Удар сей душу мне пронзил,
И гнев непримирима рока
Вновь чашу зол над мной излил:
Вновь верного лишает друга.
Там плачет нежная супруга,
Толпа тут бедных и сирот.
Неумолимая судьбина
Отъемлет у России — сына,
20 У мира — образец доброт.

О скорбь! И скорби безотрадной
Мы в горьких не смягчим слезах;
Рыдаем, а в могиле хладной
Бессмертного уж тлеет прах;
Уста, что гимнами гремели,
И сердце, в коем пламенели
Любовь к добру, ко злобе гнев,
Уже голодный червь снедает.
Увы! всё в мире поглощает
30 Ненасытимый смерти зев.

О смерть! и царь, и раб презренный —
Подданство всё равно твое,
И все, как жертвы обреченны,
Падут на остро лезвиё.

на
Смерть
Державина.

«Ужъ ~~вотъ~~ ⁺ его! —» ~~вдунуло~~ ^{вотъ} ~~отъ~~ ^{отъ}
пока ~~на~~ ^{на} ~~лице~~ ^{лице} ~~и~~ ^и ~~музъ~~ ^{музъ} ~~любъ~~ ^{любъ} ~~сладше~~ ^{сладше} ~~и~~ ^и ~~гладъ~~ ^{гладъ}. —
«Ужъ ~~вотъ~~ ⁺ его! —» на ~~Теликонъ~~
«русскій ⁺ ~~свѣтлой~~ ^{свѣтлой} ~~фларъ~~ ^{фларъ} ~~погасъ!~~
«Писецъ ⁺ ~~тавои~~ ^{тавои}, пабгаи, — ~~Бога~~
«Ужъ ⁺ ~~правъ~~ ^{правъ} ~~Плутонья~~ ^{Плутонья} ~~Чертога.~~
«Въ ⁺ ~~подъ~~ ^{подъ} ~~земляи~~ ^{земляи} ~~Дидей~~ ^{Дидей} ~~Грѣшнѣ.~~ —
«На ⁺ ~~критъ~~ ^{критъ} ~~Здѣна~~ ^{Здѣна} ~~Зѣра~~
«Зат. ⁺ ~~тла~~ ^{тла} ~~не~~ ^{не} ~~весе~~ ^{весе} ~~мира.~~ —
«и. ⁺ ~~охъ!~~ ^{охъ!} ~~О~~ ^О ~~сержавина~~ ^{сержавина} ~~ужъ~~ ^{ужъ} ~~вотъ!~~ ^{вотъ!} —»

о ~~скорбъ!~~ ⁺ ~~и~~ ^и ~~страбѣ~~ ^{страбѣ} ~~безотраднѣ~~ ^{безотраднѣ}
не ~~мнѣ~~ ⁺ ~~утопитъ~~ ^{утопитъ} ~~адъ~~ ^{адъ} ~~слезакъ!~~ ^{слезакъ!}....
~~и~~ ⁺ ~~в~~ ^в ~~дѣлѣ~~ ^{дѣлѣ}; — ~~а~~ ^а ~~въ~~ ^{въ} ~~могилѣ~~ ^{могилѣ} ~~хладнѣ~~ ^{хладнѣ}
~~безмернѣ~~ ⁺ ~~ужъ~~ ^{ужъ} ~~тѣтѣ~~ ^{тѣтѣ} ~~прахъ!~~ ^{прахъ!}
«Та ⁺ ~~что~~ ^{что} ~~шумали~~ ^{шумали} ~~Зелѣни~~ ^{Зелѣни},
и ~~сердце~~ ⁺ ~~въ~~ ^{въ} ~~наемъ~~ ^{наемъ} ~~палатѣ~~ ^{палатѣ}
~~мабавъ~~ ⁺ ~~къ~~ ^{къ} ~~оубру~~ ^{оубру} — ~~ко~~ ^{ко} ~~Здѣль~~ ^{Здѣль} ~~шѣвъ~~ ^{шѣвъ},
уже ~~критъ~~ ⁺ ~~критъ~~ ^{критъ} ~~Зѣра~~ ^{Зѣра} ~~судъ~~ ^{судъ} ~~асѣвъ!~~ ^{асѣвъ!} —
«и. ⁺ ~~всѣ~~ ^{всѣ} ~~въ~~ ^{въ} ~~миръ~~ ^{миръ} ~~подмоу~~ ^{подмоу} ~~дѣтъ~~ ^{дѣтъ}
~~не~~ ⁺ ~~нѣ~~ ^{нѣ} ~~шумали~~ ^{шумали} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~смерти~~ ^{смерти} ~~Здѣ!~~ ^{Здѣ!}

—#

Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость, и красу, и младость
Непритупленную косою,
Трофей ты пеплом посыпаешь
И славны царства поращаешь
40 Пустынным терном и травой.

Как быстрая река в долине,
Через кремнистый рея праг,
Коснувшись морской пучине,
Теряется в ее зыбях;
Древа, возвращенные веками,
И зданья, срынуты волнами,
Мелькнув мгновенно, тонут в ней, —
Так вся мирская скоротечность,
Через тебя вливаясь в вечность,
50 В глубокой гибнет бездне сей.

Но нет, муж, Фебом увенчанный,
Под общий не идет закон:
Как остров близнеца Дияны,
Из бездн морских возникнет он;
На корне лавра утвердися,
Угрюмой бури не страшася,
Священное чело взнесет
Поверх пучины разъяренной,
И Аполлонов лес зеленый
60 Там для венков его возрастет.

Иди, подобно водопаду,
Что с гор высоких в дол стремится
Хрусгальну быстрых вод громаду
И громом грома звук глушит,
В алмазах солнца луч играет
И радугу изображает
В поднявшейся от брызгов мгле;
Жемчуг клубами в пене льется,
И мрачный бор сырой трясется,
70 Низвесясь на его челе.

Но вдруг зима, дохнувши мразом,
Падуши леденит ручьи;

Блестящи яхонтом, алмазом,
Оцепенев, висят струи,
По них сверкает луч игривый,
И разноцветные отливы
Еще ярчее взор разят,
Ловец приблизиться страшится
И в изумленьи лишь дивится,
60 Что не гремит уж водопад!

Но ты, под гробовой доскою,
Державин! гимнами гремишь,
И поздний род твоей трубою,
Цевницей, лютнею пленишь.
Где сыщется в пространном мире,
Кто б так, как ты, на звонкой лире
Воспел величество творца,
Победы росса знамениты,
Волшебны прелести Хариты
90 И блеск Фелицына венца?

Поборник правды, ты святую
Всем гласно истину вещал,
Разил коварство, хищность злую,
Гордыни буйство унижал.
В картинах резких иль игривых
Представил страсти душ строптивых
И счастья льстивого мечты;
Вождей и грозных память боев,
Монархов мудрых и героев,
100 И славу — обессмертил ты.

Пока сиять Россия будет
В торжественных венках побед,
Тебя потомство не забудет
И имя барда вознесет.
Злый Хрон, всё в мире истребляя,
Твой памятник истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И, вечною покрытый тьмою,
Плутон забвения рекою
110 Не смое лавра твоего.

Пергам трава уж заростила,
Ограды снес морский разлив,
Но, славу сохраняя Ахилла,
Омир средь нас доныне жив.
Так ты, хотя б леса, пустыни
Покрыли росские твердыни,
Как лавр священный процветешь
Над падшею во прах державой.
Державин! ты своею славой
120 И славу росса преживешь.

Почто же слабыми стихами
Дерзнул бессмертного я петь?
Омывши памятник слезами,
В молчаньи должно б мне скорбеть.
Увы! прости мне, друг любезный!
Что с томной жалобой слезный
Из сердца проливаю ток,
Прости, и песнь сию унылу
Прими, о друг мой! на могилу,
130 Как скорбью брошенный цветок.

18 августа 1816
Обуховка

Примечания

Стихи:

4. *Фар* — Фарос, небольшой остров близ Александрии; на нем Птоломей построил высокую башню, служившую маяком для руководства пловцов. Таковые построенные в других местах приняли название *фара*.

7. *Элизей* — жилище, определяемое древними для умерших добродетельных людей.

9. *Небесна лира*. На звездной сфере, в северном отделении находится созвездие, Лирною именуемое.

53. *Остров близнеца Дианы*. Мифологи повествуют, что Нептун воздвиг из моря остров *Делос*, для убежища Латоне, гонимой супругою Юпитера при рождении Аполлона и Дианы. По сей же причине остров Делос посвящен был богу стихотворства.

105. *Злый Хрон* — Сатурн; означает время.

109. *Забвения рекою. Лефе*, известная адская река, которой имя значит *забвение*.

111. *Пергам* — то же, что *Илион* и *Троя*.

245. РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ

В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел,
Высоки гимны в слух он россов
В божественном восторге пел.
Равно велик, бессмертно славен,
Внушенный музами Державин
В золотые струны ударял
И переходом в тон из тона
Горация, Анакреона
И Пиндара нам воскрешал.

Кто исполинам сим знакомо
Посмеет поприще протечь?
Ползущие в прахе насекомо
Не устроятся ль грозных встреч?
С холма на холм они ступали,
Широки реки прешагали,
Круг мира был их небокруг;
Верх облак глас их раздавался,
С перунами перекликался,
Пленял и поражал наш слух.

А мне судьба скупой рукою
Коль скудный уделила дар,
Я горней не помчусь стезею,
Как дерзкий в древности Икар,
Но, подвиг соразмеря с силой,
Как мотылек сей легкокрылый,
Порхать лишь буду по цветам;
Без смелого стихов искусства,
Простые, к сердцу близки чувства
В простых напевах передам.

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу,
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца.

Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть чувствительны сердца.

15 июля 1818

246. К НЕСЧАСТНОМУ

О ты, кто б ни был ты, несчастный!
В страданиях сподвижник мой,
Чьи дни все пасмурны, ненастны
Мрачатся скукой и тоской, —
Внуши мой голос незнакомый!
Судьбой по терниям влекомый,
Как ты, я токи слезны лью,
Как ты, под гнетом бед стенаю;
Внемли ж мне — я развлечь желаю
Моею скорбью скорбь твою.

Пускай счастливы веселятся,
Отрад сладчайши чаши пьют,
Блаженством жизни пресытятся
И на возглавыи нег уснут, —
Коль с завистью на радость взглянем,
Сравненьем лишь несчастней станем!
Так лучше дружно соединим
Взаимные печали наши
И, горьки разделяя чаши,
Слезой участия усладим.

Мы страждем часто неповинно,
Но бог наш, но творец наш благ:
Рачит о тварях благостынно
И мзда их — на его весах.
Коль милость вечно с ним пребудет,
Отец ли чад своих забудет,
С рожденья их — его сирот? . .
Нет, нет, но в миг, как жизнь прервется
И дух в бессмертность облечется,
Ущедрит чад отец щедрот.

Мы страждем, но се жребий тлени, —
В огне так чистится крутец.
Страданья — к радости степени:
Начало те — сия венец.
Чем с большей трудностью, стараньем,
Чем с тягостнейшим ожиданьем
Желанных достигаем благ,
Тем чувствуем мы их живее:
Меж туч звезда блестит ярче
И светоч сквозь сгущенный мрак.

Каким напастям подвергался
Коломб, обретший Новый Свет!
С пучиной, с бурями сражался,
Дерзал навстречу явных бед,
Не мог ни гнев стихий ужасных,
Ни страх Харибд и Скилл опасных
Остановить героя бег;
Но что с восторгом тем в сравненьи,
Когда узрел он в отдаленьи
Желаний цель — безвестный брег!

Так целью нам да будет вечность!
Вся наша жизнь — к ней трудный путь,
Но мера жизни — скоротечность,
И в круге времени мелькнуть
Едва должайший век успеет,
Земля, как злак ее, истлеет,
Сонм звезд, и солнце, и луна
Затмятся, след их истребится,
Но вечность — в боге утвердится,
Безмерный век его — она.

И дверь к ней — гроб! В пыли презренный
Влачится червь не весь свой век:
Уснет — во сне преображенный,
Уж златокрылый мотылек
С цветочка на цветок порхает.
Такой нас жребий ожидает
За брэнной гробовой доской:

Житейско преплывая море,
Встречаем лишь труды и горе,
За гробом — нову жизнь, покой.

Счастливыцы смерти пусть страшатся,
Им дорог жизни быстрой миг,
При двери гроба разлучатся
Они с стяжаньем всех благих:
Оставят роскоши приятство,
Оставят почести, богатство
И беззаботный круг утех
И, томны вежди закрывая,
Скорбят, надежды луч теряя
Найти приятнейший им брег.

А мы что в жизни сей теряем?
Убожество, печаль, труды,
В могиле с нами погребаем
Заботы, горести, беды;
Когда их с тленью в гробе сбросим,
С собою всё свое уносим:
Надежду лестну вечных благ.
Под гробовой мы зрим доскою
Отверстые врата к покою:
Нам шаг в могилу — в вечность шаг.

Несчастный! жизни сей мятежной
Преплывши трудный, краткий путь,
Достигнешь пристани надежной,
Где ты возможешь отдохнуть.
Дерзай же! — с бедствами сражайся,
Противу горестей мужайся
И, гроба близкий зря порог,
Теки чрез легкие преграды
В храм вечности: с венком отрады
Там ждет тебя отец твой — бог.

(1819)

247. ОДА НА ПИИТИЧЕСКУЮ ЛЕСТЬ

Велик в позднейши прейдет роды
Любимый музами пиит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит,
Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей:
Гордыня гласу внять страшится,
И ей прислужна лесть стыдится
10 Личины гнусныя своей.

Внемлите, свыше вдохновенный
Как царь-пиит к царям зовет:
«Почто ко истине заткненны
Отверзли уши для клевет?
Не соблюдя закона свято,
Мздоимное почто вы злато
Кладете на весы судов?
Почто, средь мира сея брани
И отягчая бремя дани,
20 Пиете пот и кровь рабов?»

Я видел, в славе нечестивый
Вносился как ливанский кедр,
Что к небу высит верх кичливый,
До адских вкореняся недр.
Прошел я — и его не стало,
Взыскал — и место то пропало,
Где буйства возвышался рог.
Цари надменны! трепещите;
Что смертны вы, вспомняните:
30 Противится гордыне бог».

Так царь-пророк земным владыкам
Священнейший их долг твердил
И раболепной лести кликам
И лжехвалам внимать претил.
Занятий сельских назидатель,
Омира скромный состязатель,

Бессмертный Гезиод царям
Так пел отважны поученья
И яростью небесна мщенья
40 Грозил взносящимся главам.

Не столь мечом, как громом лиры
Алкей тиранов устрашал;
Всевластия потряс кумиры
И жертвою свободы пал.
Скрыжали древнего закона
Резцом священным Аполлона
Начертаны для ахеан.
На лире, музой оструненной,
Солоны песнью вдохновенной
50 Вдыхали доблести в граждан.

И Флакк, изоблича пороки,
Расслабившие сильный Рим,
Пел смело резкие уроки
Соотчественникам своим.
Но, о преврат! Любимец Феба
Унизил дар бесценный неба,
Хваля распутные сердца;
И в знаменитом сем пиите
Ползущего в большом синклите
60 Мы зрим Октавова льстеца!

О стыд! и злобу что исправит,
Священный коль язык богов
Коварство, месть, убийцу славит
И человечества врагов?
Кем доблесть воспоеся строга,
Могущество и благодать бога,
Богopodobные цари,
Коль глас поэзии священной
Торжественно велит вселенной
70 Воздвигнуть буйству алтари?

Безмездным рвением водимый,
Кто цепь расторг родимых стран;
Отвергши прелесть диядимы,

На степень стал простых граждан,
И под убогий кров наследный
Венцы, трофеи скрыл победны.
Хвалой не посрамится ль лир,
Которыми разбой, крамола
Иль хищник царского престола
80 Преобращается в кумир?

Достойны ль петь они владыку,
Что, сам из мрака лишь исшел,
Вдруг область просветивши дику,
На сферу славных царств возвел;
Как из земли вновь войски ставил;
Как из-под вод вдруг флоты плавил
В Белт, в Касп и в льдистые моря;
В ком, новым чудом изумленна,
В герое видела вселенна
90 Слугу державы и царя?

Бессмертие дарует слава
И к подвигам благим стремится,
Но лесть в устах ее отравя,
Что доблесть в семенах мертвит:
Возмогут ли на труд великий
Хвалебные подвигнуть клики,
Лавровый нас польстить венком,
Когда весь мир тому свидетель,
Что им, равно как добродетель,
100 Приосеняется порок?

Да гнев небес запечатлеет
Те ядом дышащи уста,
Которые отверзть посмеет
Коварна лесть иль подла мзда!
Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегося кумира
Хвалебны гимны возгремит!
И да познают все владыки,
Что те лишь их дела велики,
110 Хвале которых правда щит!

Вторая половина 1810-х годов

Стихи:

12. *Царь-псит* — псалмы Давида.

42. *Алкей* — уроженец Митилены — был знаменитый лирик и ненавистник тиранов, посему-то сочинения его назывались: стихотворения на мятежи. . . Повествуют, что Питтак, царь Митилены, помянул славу мудрого законодателя, повелев умертвить его.

47. *Для ахеан*. Древнейшие законы греков были писаны стихами, в том числе и Солоновы.

49. *Солон* — один из семи мудрецов Греции и законодатель афинян, писал многие правоучительные стихотворения.

51. *Флакк*. Гораций написал весьма много резких и прекрасных порски обличающих од, но также большое число наполненных лестью императору Октаву Августу, известному по жестокости и развратам, которых последствие кроткого правления его изгладить не может.

76. *Трофеи скрыл победы* — князь Пожарский.

107. *Хвалебны гимны возгремит*.

Когда б владыка всемогущий
Услышал глас мой вопиющий,
О, сколько б вдруг увидел мир
Немых людей — разбитых лир!

**248. ЗАВИСТЬ ПИИТА
ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ
И РАЗВАЛИН ДОМА ГОРАЦИЕВА**

Tibur, Argeo positum colono,
Sit meae sedes utinam senectae!
Sit modus lasso maris et viarum
militiaque! ¹

Гораций, кн. II, ода VI

Что пальма, что венец лавровый,
И обелиск, и мавзолей?
Дробит их в прахе Хрон суровый
Под сильною пятой своей.
Как метеор в зыбях эфира,
Так слава исчезает мира
В туманной дальности времен!

---

¹ Пусть Тибур, основанный аргосским выходцем, будет моим убежищем на старости, пусть он будет последним рубежом для истомленного странствованиями по морю, суше и войнам! (лат.). — *Ред.*

И что сиять в ней может вечно?
Кто свяжет время быстротечно
И воскресит к бессмертью тлен?

Лишь Феба дар и лирны струны
С потомством нас соединят:
Как резки эхи, как перуны,
Немолчно звуки их гремят.
Давно безвестная могила
Гнетет в пустыне прах Ахилла,
Но в песнях он Омира жив.
Без лиры скрылся б след героев
И память знаменитых боев
В развалинах стовратных Фив.

Сомнительну Энея славу
Вергилий лирой обновил
И вечный памятник Октаву
На почве лести утвердил;
Как он, любимец муз и граций,
Веселый любомудр Гораций
Поднесь нас учит скромно жить,
Страшиться роскоши, разврата
И друга Флакка, Мecenата,
Как друга нашего любить.

Давно певцов сих нет на свете,
Но слава их в веках живет,
И время в молнийном полете
С собой ее не унесет;
Их нет, но, песнью их плененны,
Спешим в тот край опустошенный,
Где раздавался глас их лир,
Где луг был топтан их стопою,
И восхищенною мечтою
Переселяемся в их мир.

Но, ах! почто воспоминаю
О счастьливых любимцах муз?
Лишь в сердце зависть возрождаю, —
Я тяжких не расторгну уз,
Которыми судьба строптива,

К ним щедра мать, чадолюбива,
Мой скудный оковала дар.
Всё должен в тине я влачиться,
И даже тем не смею льститься,
Чтоб пасть, как дерзкий пал Икар.

Вотще звучу на томной лире, —
Когда окончу жизни путь,
Из всех, оставленных мной в мире,
Никто не придет и взглянуть
На ветхий тот шалаш, убогой,
Где, скрыт от шумных тревоги,
На безызвестных Пела брегах
Протек мой век уединенный,
Как скромной рощей осененный
Ручей, извившийся в лугах.

(1820)

249. ВОЗЗВАНИЕ НА ПОМОЩЬ ГРЕЦИИ

Какие громы раздаются
На полдне, с воплями смесясь?
Откуда дымные несутся
Столпы, до облаков клубясь?
Там грозной брани слышны клики,
Убийц жестоких гласы дики
И жертв убийства томный стон;
Земля трясется от ударов,
И вспыхнул огонь, и от пожаров
Далекий рдеет небосклон.

Се Греция, бессильна боле
Сносить ее дручащий гнет,
Бессильна в горестной неволе
Претерпевать всю лютость бед,
Против злочестного тирана,
К ней лютым зверством обуянна,
Защиты обнажила меч,
Вокруг креста соединилась

И в славную стезю решилась
Ее преславных предков течь.

Но враг, три века кровь пиющий
Им угнетенной жертвы сей,
Собравши спиры, месть несущи,
Простер злодейску длань над ней,
Священны храмы оскверняет,
Причет невинный умерщвляет,
И жен и дев на студ влачит;
Сжигает веси, рушит грады
И трупы граждан всех в громады
Горой на стогнах громоздит.

Увы! и льющась кровь реками
Не утоляет жажды злой,
Усеять хочет он главами
Весь край, попран его стопой.
Он хочет, в месть своей гордыни,
Страны все обратить в пустыни
И, не поставя буйству мер,
На всех живущих смерть изрыгнуть,
Чтоб в лютой ярости воздвигнуть
Из Греции — один костер.

Везувий в гневе так пылает,
Так, пламенны открыв уста,
Горящи реки изрыгает
На все окрестные места:
Там палит жатвы, вертограды,
Тут жупелем заносит грады,
И, многочисленный народ
Пожрав с пространною столицей,
Над сей всеобщую гробницей
Кремнистый возвышает свод.

Что ж, бедствам в жертву обреченна,
О злополучная страна!
От лютых язв изнеможенна
И кровью чад обагрена,
Что в скорбной ты предпримешь доле?
Томиться ль в тяжкой вновь неволе

Или ж, собрав остаток сил,
Чтоб свергнуть рабства цепь постылу,
Преобразишься ты в могилу
Средь круга вражеских могил?

Так, так, ты твердо предприняла
Иль пасть, иль тяжко иго стерть,
И к чадам доблестным воззвала:
«Свобода, храбрые! иль смерти!»
И храбрые к мечам стремились,
Как из земли, полки родились;
Одним все духом млад и стар,
И жены, вспламенясь, ко брани
Отважные простерли длани, —
И смертный отражен удар.

В пределах тех, где предки славны
Взрастили лавры на полях,
Где Ксеркса жезл самодержавный
И меч его поверглись в прах,
Где горды зрели Термопилы,
Как греков горсть все персов силы
В стремленьи воспятить могла
И где, отечество спасая,
Ни шага вспять не отступая,
Дружина храбрая легла, —

Там вновь отважная дружина
На поле ратное течет,
Против свирепа властелина
Вновь племя Спарты восстает;
В мечи перековав оковы,
Все в лютый бой лететь готовы
Без шлемов, броней и щитов:
Им шлем — священна правость брани,
Им броня — крепка грудь и длани,
А щит — всевышнего покров.

Дерзайте, доблестные чада!
Стесните правоверну рать;
Против креста все силы ада
Возмогут ли противостать?

Уже моря ваш флаг poznали,
Где храбры предки потопляли
Несчетны перски корабли;
Уж меч ваш в тех полях сверкает
И ветр хоругвы возвеает,
Где их врагов полки легли.

А вы, могущие державы,
Поклявшись кресту служить!
Захочете ль бессмертной славы
Себя в сей брани отчуждить?
Возможно ль зреть вам терпеливо,
Чтоб враг попрад пятой кичливой
Единоверну вам страну,
Чтоб дланю лживого пророка
Повержен в прах был крест Востока
И чтит царицу тьмы Луну.

Дерзайте, — в бой взносите длани,
Да съединит всех веры глас,
И скоро роковый на брани
Ударит Магомету час.
Уже отверсты вам дороги,
Уж страх и мрачные тревоги
Срацина душу потрясли;
Дерзайте, буйства рог сотрите
И громом мести потребите
Врагов креста с лица земли.

А ты, чьи громы уж готовы
На буйную гордыню пасть,
Обыкший чужды рвать оковы
И усмирать тиранов власть!
Спеши, и с грозной колесницы
Ударом сильныя десницы
Взнесенно размозжи чело;
Рази, — разрушь гнездо злодеев
И узы тяжкие ахеев
Как бренно сокруши стекло.

Тебе назначено судьбою
Прийти, увидеть, победить

И троны спасшею рукою
Востока стан восстановить.
Сам бог на путь наставит правый,
Он знает, что не прелесть славы,
Не мзда — предмет души твоей,
Что мир держав — твоя отрада,
Блаженство подданных — награда,
Креста победа — твой трофей.

1821 или 1822

250. НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Высокомерный дух, смирися!
Склони взнесенный буйства рог!
Внемли прещенью и страшися:
«Противится гордыне бог».
Игралище всемошна рока,
Не мни: нет власти, счастью срока.
Се меч над выей уж висит,
Се край отверзся небосклона;
Зри вдаль: там прах Наполеона
В пустыне каменистой скрыт.

Пришлец, свободныя державы
Главой он был, пленив сердца.
Почто ж чрез умыслы лукавы
Искал он царского венца!
Почто, воздев злату порфиру,
Всеобщим самовластьем миру
Безумно угрожать хотел?
Се казнь; и жрец всеалчной страсти,
Предела не познавший власти,
Ничтожества познал предел.

Так с юга вихрь поднявшись бурный
Погибель наносил странам;
Застлавши прахом свод лазурный,
Размчал он жатвы по полям;
Коснулся зданий — зданья пали,
Ударил в лес — древа трещали,

И ниц полег дремучий лес;
Всё буйным он громил стремленьем,
Но вдруг, с сильнейшим разъяреньем,
В столп взвился к небу — и исчез.

Исчез и славы метеора
Блестящий луч так в миг один!
Где верх торжеств, там верх позора:
И в узах — грозный властелин!
Какой преврат! — простой породы
И всем безвестный, юны годы
Едва средь браней протекли, —
Уж равного не зрел он боле,
На велелепном сел престоле
И жезл приял судьбы земли.

К подножью ног счастливец пали
Народы, царства и цари,
Цари от взора трепетали;
Мечом решая мир и при,
Он всё подверг убийств законам,
Ступал по раздробленным тронам
И след трофеями устлал,
Но манье вышнего десницы —
И с громоносной колесницы
Строптивый победитель пал.

Давно ли на гиганта с страхом
Взирал весь изумленный мир?
Престолы покрывались прахом
И вретищами блеск порфир.
Всё рушила десница люта,
Но грозна сблизилась минута
И тот, кто троны все потряс,
Преткнулся, шед в победном лике;
И роковой царей владыке
На Севере ударил час.

Бежит он по снегам стезею,
Окровавленной им, и росс
Могучей дланию своею
Низринул страшный сей колосс.

Вотще отважная измена,
Надеждой буйной ослепленна,
Опять на трон его взвела:
Он пал — судьба его свершилась,
И в трон тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

Куда ни обращал он очи,
Безбрежну зыбь везде встречал;
Постылы дни, бездремны ночи
В уныньи мрачном провождал;
Терзали дух воспоминанья;
Престол, победы восклицанья —
Всё было, как призраки сна;
Пробудок — ссылочна пустыня,
И в ней смиренная гордыня
Жива навек погребена.

Теперь там труп титана кроет
Лишь персти чужеземной горсть
И в черепе останки роет
Презренный червь, гробницы гость;
А тень, блуждая вкруг могилы,
Лишь воплей слышит гул унылый
И клятвы жертв убийств, крамол;
Потомство клятв сих не забудет,
И в нем Наполеон пребудет
Бессмертен — слухом буйств и зол!..

Вожди надменны! вразумитесь!
Он был пример вам и глава:
Священны всем сердцам страшитесь
Насильством нарушать права.
Чем боле счастье вас ласкает,
Тем неприметней приближает
К стремнине, с коей должно пасть.
Судьба к неправде буйной строга:
Вам срочна власть дана от бога,
Его всевечну чтите власть.

Начало 1822

251. УБИВСТВО

Убивство! кто твой первый читатель?
Кто жизнь свою тебе обрек?
Не дебри кровожадный житель,
Не лев, не тигр — но человек.
О чудо, о преврат ужасный!
В деснице твари сей прекрасной,
Сего подобия творца,
Орудье смерти свирепело,
И первую убивство зрело
Свою в нем жертву и жреца.

Так, так, — с первоначальна века
От смертных буйство возросло,
И вдруг с паденьем человека
Ниспало на вселенну зло:
Все звери лютость ощутили,
Но гладны челюсти багрили
Лишь кровью разнородной им,
Союзы братства уважали
И сей завет передавали
Поднесь исчадиям своим.

Но Каин, первый сын разврата,
Свирепой завистью возжжен,
Убивства длань подъял на брата;
Увы! и Авель пал сражен;
Он пал у алтаря священна,
В знак благодарности взнесенна
Творцу, подателю всех благ.
С тех пор сие убивств начало
Примером всем потомкам стало,
И зло свершил — к злу первый шаг.

С тех пор, чтоб чрево прихотливо
Не овощьми лишь пресыщать,
Отродье Евино стропливо
Животных устремилось жрать;
И всё, что в воздухе летает,
Что в поле, в дебрях обитает,
Что, кроясь, плавает в водах,

И даже труп ему подобных,
Лишенный почестей надгробных.
Обрел свой гроб — в его устах.

С веками гибло самоедство
И зла уж корень иссыхал,
Но в злейшее ему наследство
Явился пагубный металл.
О злато! в день и час проклятый,
Из мрачных ада недр изъято,
Колико принесло ты бед!
Ты вновь неистовства родило
И кровью смертных обагрило
И древний весь и новый свет.

Чрез дальни, безызвестны воды
Плывут враждебны корабли
К брегам, где мирные народы
Селят златый хребет земли;
Вдруг гости златом обуяли,
У слабых с жизнью похищали
Светящегося горсть песка;
Пылают кущи, веси, грады,
И трупов и костей громады
Возносит буйственна рука.

Как Нил ревущими волнами
Стремится из своих вершин
И потопляет меж горами
Пространство низменных равнин,
Так кровь невинных жертв струилась,
Страна вся ею напоилась;
Куда ни обращался взор,
Встречал лишь казни, убиенья;
Столь наглого опустошенья
Не произвел бы глад и мор.

Но можно ли исчислить бедства,
На сей низвергшиесь предел,
Представить все мучений средства,
Которы смертный изобрел
Для хладнокровного терзанья

Себе подобного созданья?
Нет, нет, — да замолчат уста,
Да ум и вера постыдятся,
Что в лютых кровопийцах зрятся
Слуга и ученик Христа!

Правдивы прекратя укоры,
Для зол толь слабые бразды,
Смущенны обратим днесь взоры
На новые убивств следы:
Уж копыя, и мечи, и стрелы,
Которыми земли пределы
Опустошались долгий век,
Льют, мнилось, слабо крови токи,
И вновь орудия жестоки
Обрел для смерти человек.

Он страшны грома зрит удары,
И се губительства клевет
Из медных жерл перуны яры
Сквозь дым и пламень в бранях шлет:
Уж трупы тьмами упадают,
Твердыни к облакам взлетают
И, свергшись, кроются землей,
И на пространстве всей вселенной
Убивство дланью разъяренной
Ужасный ставит свой трофей.

И буйство славы возрастало,
И лавром тот себя венчал,
Чье сердце лишь побед алкало,
От коих мир весь трепетал;
Причислен к первенцам героев,
Кто посреди свирепых боев
Несчетно смертных умертвил,
Отцом отечества назвался,
Сынов кто кровью обагрался
И тяжким игом их гнетил.

Восстани, боже сил! Высоку
Простри длань мщенья на убийц!
И жажду утоли жестоку

Остервенелых кровопийц,
Сверши над злобой суд твой правый,
Низринь алтарь кичливой славы
И златолюбия кумир;
Порывы укрощая бранны,
Смягчи в нас души обуянны
И миром умири весь мир.

7 декабря 1822

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

ЯБЕДА

Комедия в пяти действиях

---

*Его императорскому величеству
государю императору
Павлу Первому*

Монарх! приняв венец, ты правду на престоле
С собою воцарил: вельможа в пышной доле
И раб, в поту лица ядуший хлеб дневный,
Как перед богом, так перед тобой равны.
Нелицемерного ты образ нам закона:
Перуном власти там, с превознесенна трона,
Злодейство, клевету, пристрастие разишь;
Тут скипетром щедрот невинность ты бодришь,
Возводишь истину, заслуги награждаешь
И тем в сотрудники всех россов привлекаешь.
Прости, монарх! что я, усердием горя,
Мой труд, как каплю вод, в глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивых нравы:
Иным не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Талии порок изобразил,
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажил
И отдаю теперь на посмеянье света;
Не мстительна от них страшуся я навета:
Под Павловым щитом почию невредим;
Но, быв по мере сил споспешником твоим,
Сей слабый труд тебе я посвятить дерзаю,
Да именем твоим успех его венчаю.

*Верноподданный
Василий Капнист*

Л И Ц А

П р а в о л о в, отставной ассессор.
К р и в о с у д о в, председатель Гражданской
палаты.
Ф е к л а, жена его.
С о ф и я, дочь его.
П р я м и к о в, подполковник служащий.
Б у л ь б у л ь к и н }
А т у е в } члены Гражданской
Р а д б ы н } палаты.
П а р о л ь к и н }
Х в а т а й к о, прокурор.
К о х т и н, секретарь Гражданской палаты.
Д о б р о в, понытчик.
А н н а, служанка Софии.
Н а у м ы ч, поверенный Праволова.
А р х и п, слуга Праволова.

Действие происходит в доме Кривосудова.

В углу комнаты стоит стол, красным сукном покрытый. В комнате три двери.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ I

Прямиков и Добров.

Прямиков

Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь столкнулись.

Добров

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи какая вас напасть
Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?

Прямиков

Так именно: процесс на шею навязался;
Я от него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так уездный уж и верхний земский суд
Прошед, где моему не льстили супостату,
10 Вступило дело к вам в Гражданскую палату.

Добров

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой Праволов не весть с чего вцепился. . .

Добров

Кто? Праволов?

Прямиков

Да, он. Чему ж ты удивился?

Добров

Дивлюся, право я, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрый он, однако ж не опасен.

Добров

Кто? Он?

Прямиков

Уж в двух судах был труд его напрасен.

Добров

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
20 Другого в свете нет такого удалца.
Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают,
А ведь в Гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в Палате был бы лад,

То он получит вдруг и право и именье.
Вас с Праволовым в суд? Какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? Прошу сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился;
30 Лишь в дом — он на меня с процессом
и взвалился,
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник, да только и всего.

Добров

Да только и всего! Так этого и мало?
Вы добрый человек, мне жаль, сударь, вас стало!
Покойный ваш отец мне благодетель был, —
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень
больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

40 Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,
Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Добров

Господи! что за вопрос такой!
Он ябедник: вот всё уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему сам черт не по плечу.
В Гражданской уж давно веду я протоколы,
60 Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас божий — глас народа,
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.

Там отмежевана вдруг выросла земля,
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли,
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
60 Там, на гумне, его дремучий срублен лес;
На брата иск за брань и за бесчестье взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве,
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламент нагнуть, как вывернуть указы!
70 Как все подъячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца,
Кому бумажек пук, кому пуд серебра,
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку,
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И, словом, дивное он знает ремесло
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

И подлинно, его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так! . .

Добров

80 Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешний? . .

Добров

(осматривается кругом)

Ах! Боюсь проговориться,
Но вы не скажете, не слышит нас никто.
Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущей истины Иуда и предатель,
Что и ошибкой он дел прямо не вершил,

Что с кривды пошлиной карманы начинил,
Что он законами лишь беззаконье удит
90 И без наличного довода дел не судит.
Однако хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питьецо — пред нею нет чужаго,
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Вот на! Возможно ль быть? А члены?

Добров

Всё одно:

У них всё на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвленья нету, —
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
100 Охотник страстный: с ним со сворой добрых псов
И сшедшую с небес доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Добров

Когда сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать;
Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика;
Другой себя к игре так страстно прирастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по чермному с ним фараон гуляет,
110 И у журналов он углы лишь загибает.

Прямиков

А прокурор? Ужли и он. . .

Добров

О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там зетит он далеко.

Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет,
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок,
120 И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре? ..

Добров

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его всё это дело;
И с Праволовым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он прибрал по секрету,
130 По крайности его в моем повытье нету.

Прямиков

Изрядно мне ты эту шайку описал!
Какая сволочь!

Добров

Я вам истину сказал,
Но бога ради. . .

Прямиков

Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? Я, право, так расстроен. . .

Добров

Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать и дать.

Прямиков

(дает ему кошелек)

Изволь тебе, мой друг! Так, как знакомцу древню. . .

Д о б р о в
(не принимая)

Никак: благодарю. Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
140 Впредь до решенья дел, за подлежащий труд.
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет
И правый мне за труд в признательность дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар, бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел,
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

П р я м и к о в

Ну, как же ты, мой друг, совет мне
предлагаешь,
150 Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедный человек, имеешь малый чин,
Породы ты простой, не князь, не дворянин;
Ты дому моему уже служил довольно,
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить, —
Кого ж? Мне равного! Как может это быть!
И как мне сметь его унизить, уничтожить!

Д о б р о в

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов какая нужда тут?
160 Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитесь вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять.

П р я м и к о в

Но оставляя их, о мне бы что сказали,
Когда б меня одни лишь деньги оправдали?
Не вправе ли тогда б и мой соперник был
Сказать, что в кошельке я совесть задушил?

Д о б р о в

Пусть врал бы он тогда, что на язык попало,
170 Не переделалось тем дело бы нимало.
И вы б сказать могли, что право в деле сем
Вы были подкрепить должны не только тем,
Что требовал закон, но и закона руки.

П р я м и к о в

Нет, нет, не сроден я на эдакие штуки.
Пускай подарками мой враг мараает руки.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Д о б р о в

Вы слишком песенку поете нам высоко,
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.

П р я м и к о в

180 Но я всё правдою привык, мой друг, строчить,
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят ввек на подлость и пронырства.

Д о б р о в

Что ж, вам от этого прибудет богатырства?

П р я м и к о в

Честь.

Д о б р о в

Честь, сударь, не в честь, как нечего с ней
есть!
Но надобно же вам подумать как ни есть...

П р я м и к о в

Я думаю, я прав.

Д о б р о в

И неужель стоите
Упрямо в том?..

Прямиков

Стою.

Добров

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шелега не дам.

Добров

Однако истец ваш,
Я думаю, прислал тяжелый свой багаж
190 И под фортецию суда подкоп уж роет.

Прямиков

Пусть.

Добров

Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему на воздухе гулять.

Прямиков

Ну что ж? Хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошение.

Добров

(подняв плечи)

О боже! положи устам моим хранение!
Но хоть подумайте — и это, ей, не вздор, —
Что исполняется палатской приговор
И что ошиплют вас, как коршуны синицу,
А с апелляцией уж голый дуй в столицу.

Прямиков

Нет, права моего ничто не помрачит.
Я не боюсь: закон подпора мне и щит.

Добров

Ах, добрый господин! Ей-ей, законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.

Закон желает нам прямого всем добра,
Но мы хотя и все из одного ребра,
Но не равно мы все к добру расположены.
В Зерцало взглянь судов: Петра черты священны
Безмездно там велят по истине судить,
Божествен суд таков! Да где судей найтить?
210 Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить
И с правдою судей сколь можно примирить,
Наградю их льстит и казнь угрожает,
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза,
И чтоб насущного вам хлеба не лишиться,
То должны с ябедой как ни на есть сойтиться.

Прямиков

220 Всё так, мой друг, но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз; что скажешь, всё пустое.

Добров

Но...

Прямиков

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейской красный стол, мой друг, я вижу
здесь!

Добров

Не знаю, как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,
230 То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны себе за то приобретаая плату.

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Д о б р о в

Но святость, зная, в ней спит, а день уж
на земли.

Дивлюсь: для праздника хозяйска именинна
И для сговора. . .

П р я м и к о в
Чей сговор?

Д о б р о в
У них единая
Лишь дочь. Я слышал вскользь, — таят.

П р я м и к о в
Да за кого?

Д о б р о в
Не знаю истинно. Да вам что до того?

П р я м и к о в
Как что? Но на тебя могу ль я положиться?

Д о б р о в
Я предан вам, сударь! Нет нужды и божиться,
240 Уж после всех тех тайн, что вам. . .

П р я м и к о в
Так знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух.
В Москве у тетки, где она и воспиталась,
Увиделся я с ней, — она мне показалась;
Влюбился, был ей мил. Но сколько ни влюблен,
Я на войну спешить был честью принужден.
Простились горестно. Она мне поклялась
Любить меня по смерть. Потом война зажглась.
Я дрался, отличен; и сведал наконец,
Что в город сей велел ее привезть отец.
250 Спешил сюда, — в дому процессом задержался;
Приехал, к ней иду, с тобою повстречался,

Прямиков

Как, вы ведь знаете, что я был на войне.
270 Но средь опасностей и между пуль, в огне
Любезный образ той, котору обожаю,
Преследовал меня; я к ней писал, и чаю,
Сто писем, но представь, от ней ни
на одно
Мне ни полстрочкою ответа не дано.
Я был в отчаяньи, в отчаяньи и ныне.
Анюта, пожалей ты о моей судьбине:
Хоть словом услади жестокости ея.

А н н а

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

А н н а

Хотя и не совсем, сударь, вы правы сами,
280 Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят, но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас. . .
Вот это плод, сударь, походов да сражений,
А больше не могу я дать вам объяснений.

Прямиков

За перву весть тебя я рад поцеловать,
И сердце несколько уж стало отдыхать.
Пожалуйста, поди, скажи ты ей, Анюта.

А н н а

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ 8

Софья, Прямиков, Анна и Добров.

Прямиков

Счастливая минута!

Я вижу вас опять, с восторгом вижу вас.

Софья

290 Ах, да откуда вы?

Пряников

Я в город лишь сейчас
Приехал, и мое желание сердечно. . .

Софья

Вы позабыли нас!

Пряников

Ах, нет! Я помнил вечно
И вечно и в уме и в сердце вас носил,
Но вам я? . .

Софья

Признаюсь, ты мне всегда был мил.
Ах! что сказала я?

Пряников

Что вдруг все те печали,
Которые мой дух доселе отягчали,
Разбило и меня в миг драгоценный сей
Счастливейшим из всех соделало людей.

(Целует ее руки.)

Софья

Где был ты долго так? Ах, друг мой! ты
не знаешь
300 Несчастья нашего, всего, что ты теряешь.

Пряников

Ах, нет! Уж я узнал, что нежну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть,
Но льщусь надеждою, когда они узнают,
Что горесть вам одну лишь тем готовят,
То переменят мысль и отдадут тому,
Кого вы избрали по сердцу своему.

Софья

Желаю, чтобы ты тем не напрасно льстился

Прямиков

Открыться им во всем теперь же я решился.
О деле разговор подаст к тому мне след.
310 Но кто счастливой тот?

Софья

Вот бабушка идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Кривосудов.

Прямиков

(к Кривосудову)

Позвольте вам, сударь, отдать мое почтение.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотрение
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.

Кривосудов

А! Знаю...

(К Софии)

А ты что, чего зеваешь тут? ..
Поди в уборную: ты видишь, челобитчик.

София и Анна уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Прямиков и Добров.

Прямиков

Осмелюсь вам сказать...

(Кривосудов)

А! господин повытчик!

Добров

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Кривосудов

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я смелость принимаю. . .

225 О деле вам моем. . .

Кривосудов

Да я сказал, что знаю.

Надолго ль в город к нам?

Прямиков

То должно вам решить.

Кривосудов

Мы рады гостю.

Прямиков

И. . . без тяжбы здесь прожить
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле. . .

Кривосудов

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить. . .

Кривосудов

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно,
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу. . .

Кривосудов

Вам не о чем просить:

330 Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято,
А сколько ни просить, коль дело плоховато. . .

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел,
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.

Но дело в сторону; я к вам имею нѹжду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья:
340 Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам как отцу признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотю
Пленен смертельно я, что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.

Кривосудов

Дочь! Как? Где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастье...

Кривосудов

И тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней не думал и скрывать.

Кривосудов

350 Она с ума сошла! Да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обижу?

Кривосудов

Никак, но в первый раз я вас сегодня вижу,
Она же молода; у ней же есть и мать.
Прошу за честь сию спасибо вас принять,
Однако же нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться,
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудов

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду? ..

Кривосудов

360 Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищением вас, сударь, благодарю.

Кривосудов

Добро; явитесь лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Кривосудов

Он силу в деле знает.

Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает,
Мне резолюцию на них потребно дать.

(Берет бумаги.)

Прямиков

Позвольте ль мне честь к вам и вперед бывать?

Кривосудов

Добро пожаловать. Я ваш слуга покорный.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов и Добров.

Кривосудов

Вот на! Какой востряк! о, да какой проворный!
Лишь только на порог — и к дочке уж успел!

370 Да как сестра моя? .. Кто ей на шею сел?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Д о б р о в

Да может быть, сударь, что женишка такого
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий, через четыре года
Полк тысячный, а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ! — Позвольте мне сказать,
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять!

К р и в о с у д о в

Вот эти молодцы всё ветер лишь гоняют,
380 И родовых наследств беречь они не знают,
А что и говорить о благонажитых!
Кто первый захотел, тот и ошиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы,
Лишь только разными языки и глаголы
С своими ж русскими на площади, везде
Лепечут, а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да потом,
Ну так не жаль ли, брат! как в прах пойдет всё мотом?
Такого зятя я хочу себе найтишь,
390 Который бы умел к нажитому нажить.
Да у меня и есть уж некто на примете.

(Кладет бумаги на стол.)

Д о б р о в

(берет бумаги и подносит ему)

Три дела тут, сударь, которы, по помете,
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их. . .

К р и в о с у д о в

Да кто же виноват?
Лежат! — вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Д о б р о в

Да, чай, они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтишь,
Так не с чем им.

Кривосудов

Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?

Добров

Нет, сударь, но я за них таскаюсь,
400 Их прав иск: я нашел. . .

Кривосудов

Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел; находка пред тобой.

Добров

Да вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели
И дом его сожгли.

Кривосудов

Хозяина, знать, грели.

Добров

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Кривосудов

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа
не вносили,
410 Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Добров

А этот, наконец, за поземельный спор,
410 Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился
И в три дни отдал дух.

Кривосудов

Знать, дурно он лечился.

Д о б р о в
(в сторону)

Ну! вот и приговор!

(Вслух)

Да что ж хоть первым двум? . .

К р и в о с у д о в

Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.

Д о б р о в

Из дела. . .

К р и в о с у д о в

Ничего увидеть невозможно.

Д о б р о в

Но внятно говорит тут письменный довод.

К р и в о с у д о в

Потребен — слышишь ли? — изустный перевод.

Д о б р о в

Но дело на письме гласит довольно ясно.

К р и в о с у д о в

(вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)

⁴²⁰ Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать,
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Д о б р о в

(поднявши бумаги)

Хоть взгляните. . .

К р и в о с у д о в

Ах! поди, не говори мне боле.

Добров

При белом их, сударь, принес я протоколе,
Лишь подписать.

Кривосудов

Поди.

Добров

Для ангела!

Кривосудов

Поди!

Добров

Для праздника!

Кривосудов

Поди, поди и пропади!

(Выталкивает вон.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов.

Кривосудов

ТЬфу! Бешеный какой! чуть к горлу

И с челобитчиком скорей б развязался! не придрался,

(Передразнивает)

«Лишь только подписать, готов и протокол!»

⁴³⁰ Нет, друг мой! да и я ведь также не осел.

Когда всё наголо подписывать я буду,
То скоро работатъ и челюстями забуду.

Перо, и то в себя чернила ведь берет:

Так мне ли одному сидеть разиня рот

И, видя под носом летящих куропаток,

Из сотни не схватить одну или десяток?

Прост был бы я и впрямь!

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками.

Фекла

Вот, милый муженек!
К нам Праволов прислал Наумыча.

Кривосудов
(надевая перстни, шапку и проч.)

Дружок!
Здорово. Господин каков твой?

Наумыч
Вас проздравить
440 Велел с днем ангела, и сим...
(Показывает подарки.)

Фекла
(слуге)

Изволь поставить.

Наумыч
Поклон вам отдает.

Кривосудов
Благодари его;
Но много так на что?

Наумыч
И, сударь, ничего!

Кривосудов
Но, право, совестно.

Наумыч
Домашне всё ведь это.

Фекла
А нам бы всё платить наличною монетой.

Наумыч

Неуж, сударыня?

Кривосудов

Но будет ли он к нам
На дружеский обед?

Наумыч

Когда угодно вам.

Кривосудов

Пожалуй, попроси.

Фекла

Мы будем дорогого
Ждать гостя.

Наумыч

Я скажу. О деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш.

Кривосудов

⁴⁵⁰ Он был уж у меня.

Наумыч

(Фекле, рассматривающей подарки)

В бутылках «Эрмитаж».

Кривосудов

Но я его оттер. О деле он рассказы
Занес было, но я замял речь.

Наумыч

(Фекле)

Тут колбасы.

Кривосудов

И с рук сжил.

Наумыч
Сколько ж вам мой господин, сударь,
Обязан!

(Фекле)

На роброн атлас.

Фекла

Какой хабар!

Кривосудов

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Наумыч

Всё ложно.

(Фекле)

На кафтан тут бархатец косматый.

(Кривосудову)

И вы словам, сударь, не верьте.

Кривосудов

Ну, добро;

Посмотрим.

Наумыч

(Фекле)

Флер цветной невесте на фуру.

(Кривосудову, указывая на подарки)

На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Кривосудов

460 Добро, добро.

Наумыч

(Фекле)

За нас словцо — шампанско красно.

Кривосудов

Ужо посмотрим.

Фекла

Да, мой милый, посмотри:
Одной провизии не съесть недели в три.

Кривосудов

(смотря на подарки)

Ба, ба! что вижу впрямь! да это двор гостиной!

Наумыч

Извольте шутить.

Фекла

(Наумычу)

Обернуто холстиной?

Наумыч

(Фекле)

Швейцарской сыр. . .

(Кривосудову)

Так мы надеемся на вас?

Кривосудов

Ну, кланяйся; добро.

Фекла

Обед наш ровно в час.

Наумыч

Наверно будет.

Фекла

Ну, спасибо!

Кривосудов

Ну, спасибо.

Фекла

(провожая Наумыча)

Спасибо!

Наумыч
(возвратясь, Фекле)
Там в сенях в кульке провёсна рыба.
(Уходит с Архимом.)
Слуга выносит подарки.

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов и Фекла.

Фекла

Какой же умница Наумыч!

Кривосудов

Не дурак!

Фекла

470 И Праволов какой досужий.

Кривосудов

Не протряк!

Фекла

Как любит он наш дом и как не оставляет!

Кривосудов

Зато и делать уж чего не заставляет!

Фекла

Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Всё знает наперед, что думаешь сказать;
Все помнит дни: крестины, именины,
Родины. . .

Кривосудов

Плохо лишь он помнит день кончины!

Фекла

Им живы, кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И, словом, им живем без нужды, без хлопот.

Кривосудов

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться,
480 Уж стал он несколько тяжел мне становиться:
Я слышу, на него отвсюду вопиют.
Лишь утушим одно, другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовный суд меня препроводить,
Чтоб лакомством его оскомы не набить!

Фекла

Пустое: ты дела ведь все вершишь гладенько.

Кривосудов

Что черно, как ни гладь, а будет всё черненько.

Фекла

Пустое: мы ль одни? Всех не переведут.

Кривосудов

490 А как по жеребью придет отведать тут?..

Фекла

Пустое: знать, с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такую чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В столице у него, ты знаешь, есть патрон,
И сверх того еще приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.
Так ты, пожалуйста, пустого не страшись
И на него в делах его ты положиись.

Кривосудов

Что делать!

Фекла

Ах, на ум теперь пришло мне кстати:
500 На Прямикова иск в Гражданской ведь палате.

Кривосудов

Так точно.

Фекла

Он о нем давно мне говорил.

Кривосудов

А мне не так давно.

Фекла

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить,
Ведь вспомни, как он нам...

Кривосудов

Да помню так, как должно,
Но памятью одной тут пособить не можно:
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Фекла

510 Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав целая громада!

Кривосудов

Всё неоспоримо.

Фекла

Ну, так чего же надо?

Кривосудов

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Фекла

Да ведь закон прибрать — секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из пропасти такой не выбрать одного?

Кривосудов

Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Фекла

520 Вот на еще! да им и море по колены, —
Так много ль надобно их уломать труда!

Кривосудов

Ии быть так; если он спроворит до суда
Всех членов склонить, то вот-те слово свято,
Что уж и я пушусь... хоть дело плоховато!

Фекла

Притом для дочери он не жених, а клад:
А свой ведь своему и поневоле брат.

Кривосудов

Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует, и другого.
Как на голову снег сегодня...

Фекла

Кто таков?

Кривосудов

б30 Он подполковник; дай мне вспомнить...

Прямиков.

Фекла

Что с Праволовым?..

Кривосудов

Да, тот самый.

Фекла

И на эту

Весть не дал ты ему ответа прямо?

Кривосудов

Нету.

Фекла

(с жаром)

Как! хочешь нам его на шею навязать?

Кривосудов

Никак; я лишь хотел тебе сказать.

Фекла

Я слышать не хочу, чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Кривосудов

Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал.

Фекла

Как знал?

Кривосудов

Знал у сестры в дому.

Фекла

Возможно ль быть?.. Да я... Да я ей!.. я ему!..

Кривосудов

Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам
можно.

Фекла

540 Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расказакался.
Нам Праволов давно знаком, а старый друг,
И по пословице, ведь лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? ась?

Кривосудов

Правда присносушна,
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна.
Ей что-то Праволов не по нутру.

Фекла

550 Так что ж?
Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,
Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен,
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?

Кривосудов

Точно так. Что за сомненье тут?

Фекла

Ну, так оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.

ДЕЙСТВЕ II

ЯВЛЕНИЕ I

Праволов и Наумыч.

Праволов

Ну! всё ль исправно ты спроворил по наказу?

Наумыч

Исполнил всё, сударь, по вашему приказу.

Праволов

Подарки всем судьям из глаза ты на глаз
560 С поклоном от меня препоручил?

Наумыч

Как раз.

Праволов

И что они тебе на это отвечали?

Наумыч

Что по-судейски им обыкновенно, — взяли.

Праволов

Наведался ли, где пристал наш Прямыков?

Наумыч

В трактире.

Праволов

Хорошо; подьячим там пиров
Приятельских давать нельзя ему: народа
И день и целу ночь там тьма без перевода.
Но для запаса ты приставил ли дозор?

Наумыч

За пятьдесят алтын за ним следит весь двор.

Праволов

Кто стряпчим у него?

Наумыч

Кто стряпчим? нет ни духа.

Праволов

570 Не может это быть.

Наумыч

Отрежьте мне пол-уха,
Коли я лгу. Но я в советники ему
Уж подпустил стишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, как он всем в душу вьется,
А я ему шепнул, что если подберется
Он к молодцу и нам откроет в деле что,
То перейдет в карман ему полтинок сто.

Праволов

Добро. К секретарю отнес ли ты бумагу?

Наумыч

Отнес, и вейновых чернил большую флягу.

Праволов

Проворит ли он нам, как честно слово дал?

Наумыч

580 Проворит, о! да как! — вовеки не видал
Такого я дельца: в экстракте это дело
Он скомкал так, сударь, что я ручаюсь смело,
Кто б ни прочел его, хоть лоб будь пядей
в пять,
Не может слова в нем ни одного понять.
Ответну речь смешал он так уловкой дивной,
Что смысл изо всего является противный
Всему тому, себя чем оправдает он.
Законов в пользу нам подвел он миллион,
Но этим всем еще не удовлетворился
590 И вновь с вчерашня дня в архиву он зарылся.

Праволов

Так ладно всё. Теперь и я тебе скажу,
Что около судей удачно ворожу:

Настроил всех под мой гудок, и труд великий
Лишь был мне около проклятого заики:
Всё душу перегнуть боится сей провал,
Но, с божьей помощью, я черта уломал.
Другим как насаждал указов, регламентов
Да сунул в Банковой тисненных документов,
Так и явился чист, а с ним весь бился день:
600 Как заикнется, ну, так тут и станет в пень;
И этого сломать дрянного асессора
Труднее стало, чем весь суд и прокурора.
Почти что вчетверо вот этот лишь пострел
Противу всех других мой кошелек заел.
Теперь остался мне один лишь наш хозяин;
Ну, как да не возьмет он?

Наумыч

Кто? кто? этот Каин?

Лишь в полный вес.

Праволов

И так уж солон мне... Как быть?

Наумыч

Вы знаете, когда похлебки не солить...

Праволов

Конечно. Между тем ты не забыл искусно
610 Промеж листов вклеить то показанье устно,
Что мы с покойника?..

Наумыч

Спроворено уж всё.

Праволов

А те свидетели, которых налицо
Нет, уж подставлены ль?

Наумыч

Уж все, сударь, готовы.

Праволов

Да твердо ль внушены? и все ли однословы?

Наумыч

Не разобьются уж они в словах, сударь!

Праволов

А те указыки, что дал я, секретарь?..

Наумыч

Все к делу поместил.

Праволов

Итак, уж ладно дело?

Наумыч

Извольте приступить, сударь, к суду вы смело.

Праволов

Благодаря творца, удачно здесь клеим.
620 Но чтоб в Саратове по стареньким моим
Делам не вышло мне...

Наумыч

А что же вам опасно?

Праволов

Я письма получил: еще не видно ясно...

Наумыч

С которой стороны?

Праволов

Ты помнишь спор за лес?

Наумыч

Ну!

Праволов

И убитый?

Наумыч

Что ж? неужель он воскрес?

П р а в о л о в

Никак; по дело-то умерше воскресает.

Н а у м ы ч

Вздор: кто войдет?

П р а в о л о в

Да черт горами ведь качает.

Н а у м ы ч

Нет ни наследничка. . .

П р а в о л о в

Отколь, не знаю, зло,
Но до наместника уж дело-то дошло.

Н а у м ы ч

Да у наместника. . .

П р а в о л о в

Приятелей имею,

⁶³⁰ Но я на них весьма надеяться не смею.
Ведь та беда, теперь не так, как в старину:
Бывало, кто уж раз возьмет твою казну
В замену совести, то уж солгать стыдится;
Теперь хоть от тебя, как прежде, всяк
щечится,

Хоть всяк обеими по старине берет,
Но если дело где доходит до хлопот
И ежель туго где придется стоять за другом,
То он и с кошельком вильнет направо кругом.
Но что о будущем — о настоящем мне
⁶⁴⁰ Здесь нужно хлопотать: с отцом наедине
Я постараюсь условиться о деле,
Чтоб скомкать нам его на этой же неделе.
Он тем охотнее решится мне помочь,
Что выдать за меня свою желает дочь.

Н а у м ы ч

Но неужель и впрямь, сударь, на ней
жениться? . . .

Праволов

Я б должен наперед с ума сойти, взбеситься.
Возможно ль дурочку, в столице лет с шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приход с расходом свесть не знает,
650 Шьет, на Давыдовых лишь гусях повирает
Да по-французски врет как сущий попугай,
А по-природному ни здравствуй, ни прощай, —
Возможно ли в жену такую взять мне дуру!
С ней разве запереть себя навек в конуру.
Нет, тешатся пускай мать ею да отец,
А я слуга ее, лишь делу бы конец.
Но до того манить мне их женитьбой надо.
Вот на! забыл: сюда, чай, членов всех громада
На именинный пир изволит навалить,
660 Я всех их наповал хочу перепойть.
А чтобы не довести хозяев до убытков,
Ступай и разного запаса и напитков,
Как за обед пойдем, сюда ты принеси;
И сам секретаря усиленно попроси,
Чтоб был он за меня с хозяином картежить,
А проигрыш его не должен уж тревожить.
Поди, да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Праволов. Кохтин и Наумыч.

Праволов

Здорово, милый друг!

Кохтин

Я вас ища, сударь, обегал город вкруг:
И в уголовной был, там в нижнюю расправу,
670 На миг к колодничью я забежал приставу,
Оттоль к межевщику, оттуда в магистрат,
Оттоль в смирительный, оттоль сюда; и рад,
Что вас хоть здесь застал. Я радостну новинку...

Праволов

Какую?

Кохтин

(протягивая руку)

Тьфу, забыл...

Праволов

(дает денег синюю ассигнацию)

Вот, друг мой, на вспоминку.

Кохтин

Да, да; поймал: она. Да сколько же трудов,
Пока дорылся! Дни...

Праволов

Ну! без обиняков.

Скажи ее.

Кохтин

Дни три, поверьте, без засыпу...
Ведь надо было мне бумаг огромну кипу...

Праволов

Я верю; но скажи.

Кохтин

Но прежде чем сказать,

680 Я должен вам...

Праволов

(дает еще денег)

Тебе я должен, можешь взять.

Да только лишь скажи.

Кохтин

Как вы нетерпеливы!

Так я скажу, сударь, что вы весьма счастливы
И что моим трудом, вдруг после тьмы забот,
Ваш иск возьмет, сударь, хороший оборот, —
А что? не рады ль вы?..

(Наумычу)

А ты что не хохочешь?

Праволов
(дает ему еще денег)

Скажи лишь прямо всё; я рад дать, что ты хочешь.

Кохтин

Ну так скажите ж мне, как при крещеньи зван
Был друг наш Прямиков?

Праволов

На что?

Кохтин

Да как?

Праволов

Богдан.

Кохтин

Зовите ж вечно вы меня Искарриотом,
690 Когда он искони не окрещен Федотом.

Праволов

Какой вздор!

Кохтин

Нет, не вздор: духовной доведу.

Праволов

Да если б он был так и назван на роду,
То много ль из того корысти бы мне было?

Кохтин

Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо
притупило?

Нет нужды знать, зачем он имя пременил;
Поньне он Богдан, а я вам доложил,
Что Прямикова сын в свое, сударь, крещенье
Федотом назван был, то малое ль сомненье
Тут предстоит, что сей Богдан не тот Федот,

700 О чьем наследии ваш иск, сударь, идет?

П р а в о л о в
(обнимая его)

Ах, друг ты мой! дружок! Ах, друг ты мой
сердечный!

Я благодарностью тебе обязан вечной.
Ну, как же удружил ты этой новизной!

Н а у м ы ч
(в сторону)

ТЬфу, эх он вывернул! — бесовской сын прямой!

К о х т и н

Я вам сказал, что вы обрадуетесь сильно.

П р а в о л о в

Да как в делах твое проворство изобильно!
В духовной?

К о х т и н

В ней, сударь!

П р а в о л о в

Его отца?

К о х т и н

Отца.

П р а в о л о в

Доеду ж этого теперь я молодца!

К о х т и н

В согласье важного такого документа
710 Я тотчас поспешил, не трата ни момента,
К прошенью вашему прибавку учинить,
Для вас потребно где экстракт перечернить,
И к завтрашнему дню всё будет уж готово.
А как и дело всё прияло образ новый,
То новенькие я законы приискал
И с делом, кажется, гладенько сочетал.
Но если и еще чего тут неостанет,
То этот всё, сударь, указик вам натянет.

(Подает ему бумагу.)

Праволов

Поддай, мой друг! Ну, так одно к другому льнет. . .
720 Теперь он от меня уже не ускользнет!
Ах, милый ты мой друг! как я тебе обязан!

Кохтин

Готов служить вперед: я к вам душой привязан.

Праволов

Спасибо; верю я, но вот на этот раз
Прими, мой друг, еще, пожалуй, за указ.
*(Он хотел дать несколько рублей секретарю, но Анна
вбежала и услышала последний стих, и деньги остались
у него в руках.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Праволов, Кохтин, Наумыч и Анна.

Анна

Казалось, господа приехали.

Праволов

Анюта!

Здорово! Не дичись, сторонних нет ведь тут.
Как барышня спала, скажи мне, ночью сей?

Анна

Нехорошо.

Праволов

А что?

Анна

Всё чудились вы ей.

Праволов

Мне лестно, что меня она и сонна видит;
730 Знак, что и наяву меня не ненавидит,
За эту весть хочу Анюту в первый раз
Я подарить.

(Дает ей те рубли, что у него остались.)

А н н а

Да ведь весть эта не указ;
И я не знаю их.

К о х т и н

(представляя, будто что кладет в карман)
Ты знаешь «Уложенъс».

П р а в о л о в

Пожалуй же прими за доброе хотенье.

А н н а

Из доброй воли вам хочу желать добра.

К о х т и н

(тихо к Праволову)

Вы видите, она не падка до серебра;
Пожалуйте лишь мне, я золотцѡм подброшу.

(Берет деньги.)

А н н а

(в сторону)

Ах, как я лавержет тебе, срамец, взъерошу!

(Вслух)

Карету слышу я, их надо встретить мне.

(Уходит.)

П р а в о л о в

(Кохтину)

740 Оставь с хозяином меня наедине.

Наумыч берет за руку Кохтина и уходит в другие двери.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов, Фекла, Праволов и Анна.

П р а в о л о в

Усердно с праздником, сударь, вас поздравляю.

К р и в о с у д о в

Благодарю весьма; здоровья вам желаю.

Праволов
(к Фекле)

И вас, сударыня!

Фекла

Мы вдвое должны вас
Благодарить: с утра вы не забыли нас.

Кривосудов

Мне, право, совестно, что вы...

Праволов

Как вам не стыдно?

Фекла

Так много уж для нас...

Праволов

Вот это мне обидно.

Кривосудов

Нет, это слишком уж...

Праволов

Нельзя ль не вспоминать?

Фекла

Вы разоряетесь...

Праволов

Прошу же перестать.

Кривосудов

Но я вперед прошу...

Праволов

Хоть мало пощадите.

Фекла

750 Так много...

Праволов

Иль меня вы выжить вон хотите?

Фекла

Никак: вы дорогой и милый гость у нас,
И сердцем рады мы вас видеть каждый час,
Но на один лишь миг. . . чтобы разоблачиться.

(Уходит, а за нею и Анна.)

Праволов

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов и Праволов.

Во время сего действия Фекла почасту выглядывает из дверей и показывает Праволову, что она дает ему время переговорить с ее мужем. А как тот берет деньги, то она радостные знаки делает и проч.

Кривосудов

Прошу ж, друг милый, сесть.

Праволов

Мне совестно в такой,
Как ныне, день скучать. . .

Кривосудов

Приятель дорогой!
Пожалуй, говори с душою мне открытой.

Праволов

О деле я моем, чтоб лишней волокитой
Не изнурять себя, желал вам говорить:
760 Соперник мой уж здесь, он станет яму рыть.

Кривосудов

Ну, да коли не прав, так сам падет во ону.

Праволов

Но, может быть, иной поверит ветрогону
И станет иначе о деле уж судить;
Потребно мнениям не дать, сударь, простыть,
Тем паче что мое так в деле право свято. . .

Кривосудов

Нет, между нас сказать, так дело плоховато!

Праволов

Вы шутите, сударь, извольте лишь войттить,

Вы ясно в деле сем изволите найттить. . .

И не наследник он. . . наследному именью,

770 Что несомненному подвержено сомнению

Свидетельство, что дал ему уездный суд,

Что хоть соседы все и присягнули тут,

Но документы где и ясные бумаги,

Не должно там отнюдь уже давать присяги;

И вы б увидели, что с стороны его

Он правится ничем, а напротив того,

Нашли бы, что мой иск по купчей, мною взятый. . .

Кривосудов

Ну, что ни говори, а дело плоховато!

А как велик ваш иск?

Праволов

Да только лишь село,

780 От коего земли уж много отошло,

Да маленькие три при оном деревеньки;

Угодья хороши, да мужички бедненьки,

С осьмью поставами плотина на реке,

Притом и сенокос и лес в особняке.

Кривосудов

Я слышал, конской есть заводец там богатый?

Праволов

Я мог бы услужить. . .

Кривосудов

Да! Дело плоховато!

При том?

Праволов

Три пустоши хоть меры и большой,
Да только кряж земли уж тут пришел другой.
Еще два озера да пруд.

Кривосудов

А скот рогатый?

Праволов

790 Имеется; я б мог...

Кривосудов

Да! Дело плоховато!

Праволов

А! кстати: слышал я назад тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И с выгодой притом?

Кривосудов

Да так, была затея;

Отстал.

Праволов

Что ж?

Кривосудов

В долг купить, так заболит

и шея,

Наличных же даст бог.

Праволов

Когда сия одна

Причина, то... а как последняя цена?

Кривосудов

Три тысячи.

Праволов

Всего? Да это даровое.

Я почитал, сударь, по крайней мере вдвое.

Поверьте мне: я вам советую купить.

Кривосудов

800 Я б рад, да ежели мне нечем заплатить?

П р а в о л о в

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

К р и в о с у д о в

Нет, я вас не хочу отнюдь обременять.

П р а в о л о в

Напротив, вы меня чрез это облегчите;
И неужель меня обидеть захотите?
Вы знаете, я вам друг не с вчерашня дня.
Притом же я почти уже вам и родня:
Вы за меня отдать ведь дочь согласны вашу?

К р и в о с у д о в

610 Но, милый! не вошли еще вы в семью нашу,
А деньги любят счет, и брать на срок
взаймы...

П р а в о л о в

Да в этом дружески сойдемся с вами мы:
Вы отдадите мне, как лишние случатся.

К р и в о с у д о в

Нет, нет.

П р а в о л о в

Да у меня они ведь залежатся.
Позвольте ими вам из дружбы услужить.
Вот все тут.

(Дает пакет.)

К р и в о с у д о в

О, нет, нет.

П р а в о л о в

Итак, вы оскорбить
Намерены меня, когда, сударь, от друга
Вам не угодна уж и малая услуга?

Кривосудов

Да как?

Праволов

Не тратьте слов.

Кривосудов

Нельзя вам отказать,

820 Но, ей-ей, совестно. . .

(Берет пакет.)

Праволов

Опять-таки, опять!

Кривосудов

(поднимаясь)

Я вам расписочку. . .

Праволов

Мы с вами так уж близки,

И меж друзей, сударь, какие тут расписки?

Кривосудов

Вы вяжете меня доверенностью сей,

Мой милый друг, сильнее, чем строгость векселей.

(Целует его.)

Праволов

Ни в малой для сего не будьте вы тревоге.

Но эта, чаю, мне деревня по дороге,

Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать

И обстоятельно вам отрепортовать,

Когда б скорей меня отправили отселе.

Кривосудов

830 Да быть так, уж добро: на этой же неделе.

Праволов

Мне дела на словах нельзя так изъяснить,

Но на бумаге всё изволите найти.

Кривосудов

Или на бумаге мы увидим всё как должно.

Праволов

Итак, надеяться уже, сударь, мне можно?

Кривосудов

Да прочих членов тож вам должно попросить.

Праволов

Они наклонны все мне право присудить;
Лишь вам, сударь!..

Кривосудов

Когда уж все они согласны,
Или уж добро; по мне, вы будьте безопасны.
Да слышу, вот валят все гуртом к нам они.

ЯЗЫЧЕНИЕ 6

Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Фекла, София.
Члены входят, Фекла с дочерью с другой стороны.

Бульбулькин

810 Хозяину поклон, счастливы, долги дни.

Атуев

Желаю здравствовать, усердно поздравляю.

Хватайко

Здоровы с праздником.

Паролькин

Я счастья вам желаю.

Радбын

И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю вас.

Кохтин

Да ниспошлет господь тьму благ на всяк вам час.

К р и в о с у д о в

Благодарю, друзья! Жена, проси садиться.

Ф е к л а

Покорнейше прошу.

(К Анне)

Вели ж поторопиться
И стулья нам подать.

Б у л ь б у л ь к и н

А-а, и милый друг
Наш, Праволов, здесь!

А т у е в

(к Праволову)

Что, здорово ль?

П р а в о л о в

Для услуг.

П а р о л ь к и н

Да что-то не весел?

Х в а т а й к о

Ведь наш он челобитчик.

Б у л ь б у л ь к и н

850 Ну! проповедь! — Прямой поп этот всех обидчик:
Не жди конца, когда о взятках он начнет.

Ф е к л а

А сам ведь и с живых и с мертвых он дерет.

К р и в о с у д о в

Родись, крестись, женись, умри, грехи иль
А кошельком за всё с ним начисто квитайся. кайся,

П а р о л ь к и н

Да ведь питает он себя от алтаря.

Х в а т а й к о

Мы ж из насущного лишь служим у царя.

Р а д б ы н

Но, пра-прав-право, он не без при-при-чи-чины...

Б у л ь б у л ь к и н

Другая проповедь!

А т у е в

А тут не жди кончины.

Р а д б ы н

До-до-до-води-дит и-и-ино-ногда

800 Нас пра-пра-правдою до-до-до сты-стыда.

П р а в о л о в

(к Бульбулькину тихо)

Венгерский антал как?

Б у л ь б у л ь к и н

Зелен и хлебом пахнет.

П р а в о л о в

(к Атуеву тихо)

Те своры крымских?

А т у е в

Ну уж, брат! хоть кто, так ахнет!

П р а в о л о в

(к Хватайку тихо)

Карета какова, любезный прокурор?

Х в а т а й к о

Так гибких в жизнь мою я не видал рессор.

П р а в о л о в

(к Паролькину)

Те с жемчугом часы?..

П а р о л ь к и н

Прекрасно репетуют.

К р и в о с у д о в

А что же нового по городу толкуют?

П а р о л ь к и н

Не знаю, правда ли, а громко говорят,
Что губернатором к нам будет...

Б у л ь б у л ь к и н

Кто же, брат?

Слышно, что Правдолюб.

К р и в о с у д о в

О, упаси владыко!

⁸⁷⁰ Вот тут-то, милые, уж в строку каждо лыко!
Правдив, как Страшный суд, безмезден, копотун
И человечества он общий опекун;
Во всяку входит дрянь, кто б с просьбой
ни втесался.

А т у е в

Да, право б, я его нимало не боялся:
Пусть губернатор он, что ж? нам он не судья:
Не дую в ус ему, сидя в Гражданской я.

Б у л ь б у л ь к и н

Да он как дунет в ус, так, слышь, и с места
сдует.
Ведь как в Сенат кого вчерне он обрисует,
Так по кормежной вмиг герольдия пашпорт...

А т у е в

⁸⁸⁰ Да без суда меня, хотя б он сам был черт,
Не может осудить.

Б у л ь б у л ь к и н

Однако как рассудит
За благо выгнать вон, то выйти вон принудит.

Кривосудов

(Атуеву)

Ведь трудно, милый мой, нам прать против рожна!

Хватайко

Послушайте: вот вам другая новизна:

За взятки, говорят, уж велено. . .

Паролькин

Простите,

Что речь вам перебую. Для бога вразумите,
Как можно взятками попасть в беду? Ведь тут
Один для давшего и для принявших суд.
Так черт ли понесет кого-нибудь с доносом?

Хватайко

⁸⁹⁰ Ты огорошил нас заботливым вопросом.
Но кратко я на то скажу тебе в ответ:
Ты разве позабыл, что весь издревле свет
Всё на авось-либо надежду полагает?

Кривосудов

А что, жена? гостей ведь водка ожидает.
Проси ж.

Фекла

Покорнейше. . .

Бульбулькин

(Атуеву)

Ведите.

Атуев

(к Бульбулькину)

Должно вам.

Кривосудов

Прошу же, милые мои, не по чинам.

Бульбулькин берет под руку Феклу, Хватайко — Кривосудова, Кохтин — Радбына, а Праволов — Софию, и уходят в боковые двери.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ I

Наумыч и Архип вносят корзину с бутылками.

Архип

(поставив корзину)

Тьфу, пропасть! как устал! я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу взберуся.
В высоких так домах, на пагубу людей,
900 Сам черт, знать, научил проклятых жить судей
И выдумал для них таки крутые крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.
Покуда барина они пооберут,
Проклятые, меня безвинно надорвут.
Уж лучше б в яме жить пиявкам сим годилось:
Что б с улицы пустил, само бы к ним вкатилось.

Наумыч

Ну, что ты волишь, брат? о чем твоя тоска?
О, если б стряпчим был ты хотя полгодка,
То б, верно, проклинать не стал твою судьбину.
910 Когда б был принужден нагнуть сто раз в день
спину,
Верст тридцать обежать по городу пешком
В дождь, слякоть иль мороз и зной бумаг с мешком,
Под солнцем на поклон не опоздать до члена,
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена,
И как ни гнали б прочь, а доступ получить,
Указов наизусть сто сотен затвердить,
Иль просидеть с пером тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу,
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть,
920 От всякого сносить, ко всякому поспеть,
А что несноснее: так целы дни поститься
И всех перепить, а самому трезвиться!
Со всем тем после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда бывает в черный год,

В пользу барина свихнется сатаною,
То придет тут еще отдуться и спиною.
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка,
молчи,
Поди и около теленков хлопочи.
Архип уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья; Анна и Наумыч расставляет бутылки.

Анна

Что так, сударыня, бежите торопливо?

Софья

930 Так, делать нечего.

Анна

Да гости, неучтиво.

Софья

Вот. А они ко мне учтивы ли?

Анна

Как быть?

Вы (пол) хозяйка, вам их должно угостить.

Софья

Мне их? И впрямь! Они такие грубияны!

Анна

Что делать!

Софья

Не хочу; они такие пьяны!

У тетушки у нас ввек не был пьян никто.

Анна

Да то у тетушки, а здесья всё не то.

Софья

Я вижу очень.

А н н а

Так вам должно применяться.

С о ф ь я

Поди ты. Не хочу. Как эдак напиваться!

А н н а

Не вам, сударыня, советую я пить,
940 Но пьяных здесь гостей по крайности сносить
При матушке.

(Увидя вина и корзину)

Да ба! и это ново!

Вино к десерту, знать, иль полднику готово.

(К Наумычу)

А вы зачем?

Н а у м ы ч

Зачем, не спрашивай, а с чем!
Запасец этот я своим принес плечом.
Зато б меня, когда б была не столько люта,
Ты подарить должна, бесценная Анюта!

А н н а

Мне нечем подарить.

Н а у м ы ч

Хоть малый поцелуй.

А н н а

Тьфу, эдакой наглец!

Н а у м ы ч

Пожалуй же не плюй
В колодец: может быть, испить ведь доведется.

(Хочет ее обнять.)

А н н а

(отпихивая его)

950 Поди же, отвяжись.

Наумыч

Ну! кто слегка так бьется?
Коли ж скуписься ты... так я тебе дарю...
(Хочет ее поцеловать.)

Анна

(поцеловав свою руку, дает ему оплеушину)
Ин, вот мой поцелуй тебе.

Наумыч

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ 3

Фекла, Анна и Наумыч.

Фекла

(входя, видит, как Анна Наумычу оплеушину дала)

Что вижу, бестия!

(К Анне)

Кто больно так дерется?

Анна

Да он, сударыня, не ведь куда несется...
За вашу же я честь, не вытерпя, с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками.

(Указывая на бутылки.)

Наумыч

(к Фекле)

Теперь ее измеря пяди,
Я буду заходить, сударыня, уж сзади.

Фекла

(к Анне)

Но, дура! не давай ты воли-то рукам.

(К Наумычу)

960 А ты, мой милый друг, Наумыч, ведь и впрямь,
Что прямо лезешь так, то делаешь негоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что!

Между этим Анна ставит столк с картами.

Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.
Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

Наумыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Фекла, Софья и Анна, устанавливает столики, и стулья, и карты, и марки.

Фекла

А ты жеманна, дочь!
Зачем оставила гостей и вышла прочь?
У вас неужли то так на Москве ведется:
970 Невеста прочь, жених один и остается?

Софья

У нас в Москве отнюдь, боюсь вам, женихов
Мы не видали.

Фекла

Добро. А Прямиков? . .
Я знаю ведь уж всё, да я не помирволю,
Не тетушкину, слышь, а делай нашу волю.
Мы Праволова уж давно тебе сулим,
Упрямься или нет, а быть тебе за ним.
Итак, голубушка! смотри не зазнавайся,
И нравиться ему как можно ты старайся.

Софья

(падая на колена)

Ах, матушка! Прошу вас на коленях я,
980 Избавьте от него, избавьте вы меня.
Я нравиться ему уж не могу, боюсь;

Что не люблю его, и в том вам признаюсь.
Избавьте вы меня, — он мне несносен так! . .
Но если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То к тетушке меня, прошу вас, отошлите.
Не буду в тягость ей. Я сколько с ней жила,
Божуся, лишнею отнюдь ей не была.

Фекла

Встань, дура! и молчи; про тетушку ни слова,
990 Там прежни шашни с ней вы заведете снова.
Не льстись, голубушка! Я раз сказала уж,
Что Праволов тебе наверно будет муж.
А ежели ему ты согрубишь хоть мало,
Молись, чтоб моего терпения достало!
Да вот все.

Анна

(в сторону)

Пьяные.

Фекла

(услышав и замахнувшись, Анне)

Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ 5

Фекла, Софья, Анна, Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Наумыч выходят все пьяные.

Хватайко

Ну, стол, уж прямо стол! Всё вместе: сыт и пьян.

Паролькин

Десерт!

Бульбулькин

Напиточки!

Атуев
Откудова что взято!
Кривосудов

Нет, что-то повар наш сегодня плоховато...

Фекла

Немного запился.

Бульбулькин
Да празднику кто рад,
1000 Тот до света уж пьян.

(К Хватайку)

А что? не правда ль, брат?

Хватайко

Пословица не лжет.

Праволов

А тот, кто время тратит,
Она ж ведь говорит, что дорого заплатит.

Хватайко

К чему словцо?

Праволов

(указывая на карты)

К тому, что множество червей
В колодах сих давно свободы ждут своей.

Паролькин

(к Кривосудову)

Он прав: пора пустить их по зелено полю.
Ну, прокурор! реши колодничью неволю,
Тебе вступиться долг.

Кривосудов

Изволь, мой друг, изволь!

Кто как?

П р а в о л о в

(берет и раздает карты)

Мы наберем, я с вами в рокамболь,
Советник в помощь вам.

(Указывая на Бульбулькина, который берет карту.)

П а р о л ь к и н

А кто ж в заповедную?

1010 Я банка не мечу.

П р а в о л о в

Добро, и вас обдую:
Я делаю вам банк. Наумыч! ты мечи,

(дает ему деньги)

Да, знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Ф е к л а

А кто ж со мной в пикет?

П р а в о л о в

Сударыня, простите,
Вы нашу партию ведь окончатъ хотите.
Я к вам.

(Кривосудову)

А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте моего мне друга посадить.

(Указывая на Кохтина.)

К р и в о с у д о в

По мне вы как хотя.

Б у л ь б у л ь к и н

А я и рад размену.

К р и в о с у д о в

Какую ж нашей мы игре поставим цену?

П р а в о л о в

Я по пяти рублей, а меньше николи.

(К Кохтину)

1020 Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

Бульбулькин

Да годовой оклад с нас эдак сбрить изволишь
В три пули, ежели да нам не помирволишь.

Кривосудов

Не горячись, а то и впрямь как раз бобыль.

Бульбулькин

Я рад бы, но когда пожалует шпадиль,
Она не документ, не выбросишь из дела.

Все садятся; посредине в ломбер играющие. На одной стороне Фекла с Праволовым, а на другой — играющие в банк. Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут меледу, ею занимается.

Наумыч

Да что же на столе наличного нет мела?

Хватайко

А много ль в банке-то наличных?

Наумыч

Сотни три.

Праволов

Наумыч, не ударь ты в грязь лицом, смотри!

Паролькин

Как ни смотри, ни зги в две талии не взвидит.

Атуев

1030 А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Хватайко

Снимайте: полно вам пороть-та дребедень.

Фекла

А мы по старине, по четверце поэнь.

Праволов

Когда угодно вам.

Фекла

И также всё с рефетом?

Праволов

На что, сударыня, и спрашивать об этом.

Кривосудов

Жена, рефетом ты не замори гостей.

Фекла

Ах! кстати ль! Анна! Ну ж поди, почародей.
И пуншик изготовь.

Анна

Ну я ж вам подрадею.

Фекла

Да рому не щади. Для милых не жалею
Я ничего гостей.

Хватайко

Нет, дама не везет,

1040 Так атанде, авось мне вывезет валет.

Тьфу пропасть! соника: и этот вон из кона!

Кривосудов

Вот штраф за то, что ты идешь против закона,
И в запрещенную игру...

Хватайко

Да, видно, нам

В нее играть судьба с поры той, как Адам

В нее наследное всё проиграл именье.

Бульбулькин

Ха, ха, ха, экой вздор! какое заключенье!

Вот в мнениях твоих всегда подобный вздор

Ты предлагаешь нам, почтенный прокурор!

Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Хватайко

1050 Да от кого-нибудь, а надобно ж...

П а р о л ь к и н

Тьфу! даму
Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

П р а в о л о в

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я готов теперь представить вам уroda,
Который без отца, без племени, без рода
Наследие берет: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков.

Б у л ь б у л ь к и н

Ну, докажи же нам; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

А т у е в

(вполголоса)

Эк он объехал след!

П а р о л ь к и н

(вполголоса)

Ей-ей, не без ума.

Х в а т а й к о

(вполголоса)

1060 Великий тут скачок, хоть линия пряма!

Р а д б ы н

(вполголоса)

От Пря-Прямико-кова до-до Ада-дама?

П а р о л ь к и н

Насилу наконец мне выиграла дама.

П р а в о л о в

(оборачивается к ним; а между тем Фекла подбирает карты)

Охотно, и на ваш я посылаюсь суд.
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,

Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого уж нет; скоро была кончина.
Где точно умер он, вам не могу сказать;
Сколь ни желал, того не предупел узнать,
Но звался он Федот, так вписан в родословной
1070 И даже у отца так назван и в духовной.
Сей, напротив того, зовется уж Богдан,
Итак, вы видите, что явный тут обман
И что чрез хищное, несправедливое средство
Федотово к себе Богдан прибрал наследство.

Наумыч
(Хватайку)

Вы лишний уголок...

Бульбулькин
(Праволову)

Прямой ты прокурор!
Отдать я должен честь.

Хватайко
Кто я? Да я не вор.

Бульбулькин
(Хватайку)

Льнет разве и к тебе?

Хватайко
Не гну и пальца даром.

Наумыч
(Хватайку)

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Радбын
Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

Атуев
1080 Ты видишь, тут сбылось: Федот-де да не тот.

ЯВЛЕНИЕ 6

Т е ж и Прямиков.

Праволов

(увидя входящего Прямикова)

Что ж он Богдан, то хоть у самого спросите.
Да, кстати, вот он сам.

Х в а т а й к о

Черт просит.

П р я м и к о в

Извините,

Что дружескую я беседу помешал,
Я с праздником, сударь, поздравить вас желал,
И вам, сударыня, отдать мой долг.

Ф е к л а

Садиться

Прошу.

Б у л ь б у л ь к и н

А я б просил его скорей проститься.
Не в пору гость...

К р и в о с у д о в

(Прямикову)

Как вас, сударь, зовут?

П р я м и к о в

К чему вопрос? — Богдан.

П р а в о л о в

(вполголоса)

Л г у л ь я ?

Х в а т а й к о

(вполголоса)

Тут ясный суд.

Прямиков

А вижу... я было сперва и не заметил.

¹⁰⁹⁰ Здесь кстати моего соперника я встретил,
Мы можем на словах вам дело объяснить.

Кривосудов

Но мы словесных дел не можем ведь судить.

Прямиков

Я не суда прошу, а только рассужденья.

Бульбулькин

Да до суда нельзя открыть судейска мненья.

Прямиков

Но правду открывать вам не запрещено.

Кривосудов

Да не келейно так, в дому.

Прямиков

Не всё ль одно,

Где вы ее, сударь, и как бы ни сыскали?

Но сверх того, когда б вы истину узнали,

То бы неправого могли бы устыдить

¹¹⁰⁰ И с ним меня, сударь, без тяжбы примирить,
Я в правости моей на суд ваш полагаюсь.

Кривосудов

Но я, сударь, в дела чужие не мешаюсь:

На то ведь Совестьный лишь установлен суд.

Мирить на свете всех ему лишь вверен труд.

Наумыч

(вполголоса)

Мириться, — стало быть, не прав.

Хватайко

(вполголоса)

Не прав, конечно;

Кто за свое пойдет мириться?

Кривосудов

Я сердечно
Рад миру, но, сударь, я, право, вам не лгу:
В чужие я дела мешаться не могу.
Вы в Совестьный бы суд пошли.

Прямиков

Я рад идтить,
1110 Но милости его не мог уговорить.

Праволов

В суд Совестьный, сударь, вы, знать, затем
спешите,
Что снисхожденье в нем к себе сыскать хотите,
А я, безмездие и истину любя,
Так правым в иске сем, по чести, чту себя,
Что спорного всего наследства и имения
Достать я не хочу отнюдь из снисхожденья,
Но чтобы чистым мне пред целым светом быть,
Законом лишь его желаю получить.

Бульбулькин

Когда бы стали все судящиеся мириться,
1120 На что б казне тогда другим судам платиться?
А плату брав, судить должны мы как ни есть,
Чтоб хлеба царского по пустякам не есть.

Прямиков

Когда же вы судить хотите непременно...

Праволов

Я прав, хотя судить пред целою вселенной.

Прямиков

То в кратких я словах...

Кривосудов

Да на бумаге мы...

Хватайко

Ах! кто б избавил нас от этой кутерьмы?

П а р о л ь к и н

Нелегко принесло!

П р я м и к о в

(встав с места)

Вам объясню всё дело,
И, если что не так, сказать он может смело.

П р а в о л о в

(встав)

Но ябеде, сударь, отнюдь я не учен.
1130 Что ж я неправедно имения лишен,
То мой поверенный законами вам теми...

Н а у м ы ч

(вскоча с места)

Готов вам доказать пред каждым и пред всеми.

П р я м и к о в

(к Праволову)

Не с ним, а с вами я беседовать желал.

П р а в о л о в

Я неуч в ябедах, — уже вам раз сказал.

П р я м и к о в

Но изъясняться с ним и подло мне и низко;
Вам так же, как и мне, ведь ваше право близко.

П р а в о л о в

Вам ближе лих оно.

П р я м и к о в

Мне ближе! мне? а как?

П р а в о л о в

А так, что в ваших всё имение руках,
А с правом я моим лишь по судам таскаюсь.
1140 Моим живете вы, — а я лишь разоряюсь.

Пря м и к о в

Но я согласен вам теперь же всё отдать,
Лишь право мне свое извольте доказать.

П р а в о л о в

Я вам твержу, сударь, что ябеды не знаю.

Пря м и к о в

(несколько горячо)

Я меньше вас ее увертки понимаю.
Не ябедничать я, а правду говорить...

П р а в о л о в

Я вижу, вы меня готовитесь бранить,
Но я вам уступлю из уваженья к дому.

Пря м и к о в

(с горячностью)

Не брань, а истину...

Ф е к л а

Да этому содому,
Как вижу я, отнюдь не будет и конца.

(К Прямикову)

¹¹⁵⁰ Дом отперт мой, сударь, ведь не для наглеца:
Я не стерплю, чтоб кто гостей в нем и словами...

Пря м и к о в

Безвинно виноват, сударыня, пред вами,
Я почитаю вас и почитаю всех,
Но слов хочу ему сказать не больше трех.
И не о деле сем, поверьте мне, божуся.

(Праволову, отведя в сторону)

Послушайте!

П р а в о л о в

Ну, что? нимало не боюсь.

Прямиков
(вполголоса)

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебе не стану запрещать;
Как хочешь каверзи, вывертывай указы,
1160 Стерплю и плутни все и ябеды пролазы,
Но если в доме сем дерзнешь ты дочь любить
И если вздумаешь ее ты мужем быть,
То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу
Решу тем, что тебя как черта окарнашу
И по миру пущу без носа, без ушей.
Порука сабля в том, — поверь, пожалуй, ей,
Она не шутит ведь. — Ну! помни ж.

Праволов
Не забуду.

Прямиков
Помехой пиршеству я вашему не буду,
Покорный всех слуга,

(к Софии)
а особливо ваш.
(Уходит.)

Кривосудов
1170 Слуга нижайший ваш.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж, исключая Прямикова.

Бульбулькин
Какой же бешеный наглец!

Фекла
Какая блажь!

Хватайко
(Праволову)

Да что тебе, мой друг, на память он оставил?

П р а в о л о в

Так, ничего: просил, чтоб я себя избавил
От нарастающих и суетных хлопот.

Б у л ь б у л ь к и н

Впрямь, видно, богом дан тебе, брат, сей Федот:
Хлопочет о тебе, как друг.

П р а в о л о в

Да вы шутите...

К р и в о с у д о в

Бет мой...

К о х т и н

И этот ваш! Для бога пощадите.
Я в пух ощипан.

Б у л ь б у л ь к и н

А! чужой ведь щиплем пух.

П р а в о л о в

Да чаще каски-то хватай, сердечный друг!

К о х т и н

1180 Высокородный всё грандиссимо хватает.

П а р о л ь к и н

(Праволову)

Душеприсяжный твой кругом нас обирает.

П р а в о л о в

Да так и надлежит.

(К Наумычу)

Но кстати, ты бы встал.

(Кривосудову)

Позвольте ль, чтоб он нам пуншик сработал?
Он мастер.

Кривосудов
Хорошо.

Бульбулькин
И впрямь, а то красотка
Нас как на водопой. . .

Наумыч
(вставши, к Анне)
Вот там в корзине водка.

Фекла
Капот.

Праволов
Так истинно.

Кривосудов
Да кто ж?

Праволов
Да я капот.

Бульбулькин
Вот это сработал проклятый всё Федот.

Радбын
(к Хватайку, который подсматривает карты)
Что ты, ты кар-кар-кар. . .

Хватайко
(зажимает ему рот)
Ну! полно же ты каркать.

Паролькин
Пора, Наумыч! Слышь? Покинь ты с ней балакать.

Кривосудов
(Софии)

1190 Ну что же, Софьюшка, ты так невесела?
Ты б к нам Давыдовы хоть гусли принесла,
Да нам запела бы.

Фекла

(Софии)

Поди ж, поторопись.

Софья уходит. В предшедшем сем и последующем явлениях Анна подносит пунш и вино гостям по частым знакам Феклы, а гости постепенно пьянеют.

Атуев

А, а! доехали!

Праволов

Что?

Паролькин

У него спросися.

Наумыч

Да что, беда, сударь, и я уже капот.

Праволов

Смелей, лови сикурс!

(Бросает кошелек.)

Бульбулькин

Вот это всё Федот.

Праволов

Да вам Федот лишь смех, а мне уж с сим Федотом...

Кривосудов

Ну что ж? Коли и впрямь каким-нибудь комплотом Богдан Федотово именование заел,
Так есть на это ведь закон.

Кохтин

Уж я велел

1200 Прибрать и вынести всё.

Кривосудов

Я, чаю, в Уложеньи.

Кохтин

Есть множество, сударь!

Паролькин

И также в Учрежденьи?..

Кохтин

Имеется.

Бульбулькин

Нельзя, чтоб не гласил указ...

Кохтин

Гласят, и многие...

Хватайко

Ясней всего Наказ

Об этом говорит в статье той, где, где... об этом...

Атуев

Вот темна пароли.

Паролькин

Туз наряду с валетом.

Кривосудов

Ведь точно к этому закон идет и тот,
Где за поступок лжив...

Кохтин

Идет, сударь, идет...

Бульбулькин

И если Регламент да согласить с Наказом...

Кохтин

То сходно будет всё с помянутым указом.

Хватайко

1210 Ну! так чего ж? и вам весьма короткий суд.

Кривосудов

Федота в сторону; Богдан, конечно, плут,
И должно, отобрав Федотово имянье,
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.

Бульбулькин

И я то ж мню.

Атуев

И я.

Паролькин

И я.

Радбын

И-и-и я.

Хватайко

С столь общей мыслию согласна мысль моя.

Праволов

Благодарю вас всех.

Кривосудов

Законы все отчасти

Клеятся.

Анна

(вполголоса, собирая брошенные карты)

Станем же и мы клеить масть к масти.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж и Софья с арфой.

Кривосудов

Запой же нам, мой друг!

Софья

Что батюшка велит?

Кривосудов

Что хочешь, милая!

Паролькин

(Атуеву)

Послушай, как бренчит.

Атуев

1220 Глух звук, — не слышу я.

Хватай ко

Хоть с длинными ушами.

Паролькин

Взглянь, как работает руками и ногами!

София

(играет и поет)

Счастлив, кто на всё на свете
Мог без зависти глядеть
И в кругу мечты иметь
Добродетель лишь в предмете.
В совести спокойной тот
Тьму прямых отрад найдет.

Клад свой Крез напрасно множит,
День над ним не спит, ни ночь:
1230 Как его себе ни прочь,
Злой случай похитить может.
В свете всех богаче тот,
Кто лишь правдою живет.

Хоть весь мир кто завоеует,
Счастливых не сыщет дней:
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.
Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Судьи

(все)

¹²⁴⁰ Помути, господь, народ,
Да накорми воевод!

София

Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Судьи

(все)

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод.

Софья с арфой уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те ж, без Софии.

Кривосудов

Что ж, пуншу?

Фекла

Анна! что ж? проворней подноси,
И чаще, и кругом, да милости проси.

Бульбулькин

Мы скоро у нее уж милости попросим.

Кривосудов

Когда б кто песенку!

Паролькин

Да лучше карты бросим:

¹²⁵⁰ Не стала дама везть.

Атуев

Ты тяжело кладешь.

Кривосудов
(Хватайку)

Любезный прокурор! Ты хорошо поешь?
Запой нам.

Хватайко
Рад душой, да голоса-то нету.

Кривосудов
Ну, как-нибудь.

Бульбулькин
Мы все пристанем для комплекту.

Хватайко
(поет)

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

Все
(повторяют)
Братъ, братъ, братъ.

Наумыч
...И драть.

Кривосудов
Ей, браво! хорошо!

Хватайко
Ведь сам сложил словца.

Бульбулькин
1260 Да по работе как уж не узнать творца?

Хватайко
(поет)

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять,

На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

(Размахивая руками.)

Все

(повторяют)

Братъ, братъ, братъ.

Наумыч

...И драть.

Хватайко

Ведь без указа нам не стать
Пословицы ломать,
Котора говорит: что взято,
То свято!

Все

(повторяют)

Свято!

Кривосудов

(поет)

Но надо, чтоб уйти прижимки
И чтоб не оплошать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

Хватайко

(поет, и все аккомпанируют)

Бери, большой тут нет науки...

Кохтин

Но под шумок-ат я без бета, как без шляпы.

Паролькин

(Наумычу)

Да слышь, укороти вот эти хищны лапы,
Ты доберешься так и до последних крох,
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.

Наумыч

1280 Да наши деньги ведь из вашего кармана...

Бульбулькин

Вы вспомните лишь им Федота иль Богдана,
То счастье тотчас возьмет к вам оборот.

Паролькин

Поди с Федотом прочь: ему, слышь, не везет,
И хлап уж проиграл. Так к даме я пригнуся
Еще хоть раз.

Атуев

Постой: а я так уцеплюся
За хлапа.

Наумыч

(по знаку Праволова забрасывает карту)

Хлапа я что хлопну, то убью.

Паролькин

Фальшива талия. Ну! заплати ж мою...

Атуев

Мои две пароли.

Хватайко

Мне за туза с транспортом.

Радбын

И ба-ба-банк чи-чист.

Паролькин

Насилу с этим чертом

1290 Мы сладили.

Праволов

А что, сорвали?

Паролькин

Наконец.

Встают и попивают. Наумыч им подносит.

К о х т и н

Такой же и моей игре, сударь, венец.
Бессчетно проиграл.

П р а в о л о в

Итак, спустил я много!
Но как быть? не всегда щечиться из чужого.

Ф е к л а

Не так-то много: вот почти и ничего.

П р а в о л о в

Да так, сударыня! четыреста всего.

(Встает он и Фекла.)

Ф е к л а

(к Анне)

Да что же, Анна, ты на стены зазевалась?
Носи кругом, уж ты совсем избаловалась.

Б у л ь б у л ь к и н

Насилу вот и мы последнее берем;
Конец.

(Встает.)

П р а в о л о в

А сколько же считается на ком?

Б у л ь б у л ь к и н

¹³⁰⁰ Почти что на тебе весь счетец остается.
Мне двадцать восемь приз.

К р и в о с у д о в

Мне сорок доведется.

(К Бульбулькину)

С вас восемь.

Б у л ь б у л ь к и н

Так.

Праволов

Ну! Я довольно просолил.

(Платит Кривосудову и Бульбулькину.)

Извольте ж проигрыш.

Кривосудов

Да я бы погодил.

Праволов

Нет, я люблю платить: ведь денежка счет любит.

(К Бульбулькину, платя)

Мой проигрыш никто, я чаю, не раструбит.

Бульбулькин

Никто, никто.

(К Кривосудову)

А с вас по старым сколько я?..

Кривосудов

(вынимая записную книжку)

Сочтем тотчас: при мне записочка моя.

Праволов

(к Атуеву)

Я в деле лишь на вас надежду неизменну...

Атуев

(почти падая с пьянства)

Надейся на меня, как на кремлевску стену.

Праволов

(к Паролькину)

1310 Могу ли в деле я на вас?..

Паролькин

(держа стакан и облив руку пуншем)

Хоть согрешу,

Пусть высохнет рука, коли не подпишу.

П р а в о л о в
(к Радбыну)

На вас надеяться я как на друга стану.

Р а д б ы н
(указывая на товарищей, пьющих и играющих «Бери...»)

Уж от-от-от-от них я не от-от-от-стану.

П р а в о л о в
(к Бульбулькину)

Позвольте ль на вас надежду в деле класть?

Б у л ь б у л ь к и н
Скажи секретарю, — а он что мне подаст...
Кохтин подает ему бокал, а он берет его.

То я хоть этими обеими руками...

П р а в о л о в
(к Хватайку)

Я вас меж лучшими моими чту друзьями
И вашей помощи всех более ищу.

Х в а т а й к о
Свахляют пусть они, — а я уж пропущу.
(Выпивает стакан.)

П р а в о л о в
(к Кривосудову)

1320 На вас я в деле уж...

К р и в о с у д о в
Да дело-то худенько!
Ведь штраф пятьсот рублей, так надо
береженько!..

П р а в о л о в
Когда случится что, я их плачу за вас,
Надежны будьте.

Кривосудов

Так, но лучше бы в запас...

Праволов

Так я их поутру пришлю в сохранность вашу.

Кривосудов

(указывая на членов, поющих «Бери...»)

Ии быть так: с ними уж я не порозноглашу.

Праволов

(Кохтину)

У всех теперь уж я настроил дело в лад.

Ты помощь окажи. А это на! — в заклад.

(Дает ассигнацию.)

Могу ль надеяться?

Кохтин

(подставляя карман)

Извольте положить-ся.

Праволов

(ко всем)

Однако не пора ль с хозяином проститься?

Бульбулькин

¹³³⁰ Пора, — покойна ночь!

Атуев

Прощайте, уж пора.

Хватайко

Слуга ваш.

Паролькин

Сладка сна!

Радбын

Пора-ра нас с двора.

Гости все уходят, обнявшись и припевая «Бери, бери...»; а Фекла и Анна под руки отводят Кривосудова.

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ I

Софья в спальном платье и Анна.

Анна

Зачем, сударыня, вы так раненько встали?

Софья

Я не могла всю ночь очей сомкнуть с печали!
Несносный Праволов всю ночь мечтался мне.
Покою от него мне нет уж и во сне!
Что делать с матушкой, что так она жестока?
Что так невинную страсть...

Анна

Эта страсть без прока,
Когда позволите мне правду говорить.

Софья

Да что же делать мне, и чем тут пособить?

Анна

1340 Как чем? или умом, или упрямством вашим.
Во-первых, предложить родителям дражайшим,
Что если Праволов с которой стороны
Им мил, когда они в него так влюблены,
То могут счастливо они на нем жениться;
И что скорее вы согласны утопиться,
Чем быть когда-нибудь драгой его женой.
Вот вам, сударыня, совет последний мой.

Софья

Ах, нет, ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею.
1350 Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу их не смею согрубить.

Анна

Ин так, извольте их повиноваться воле.
Я не могу ничем вам пособить уж боле.

И радуюсь вперед, вообразя себе,
Как с Праволовым вы в завидной всем судьбе
Жить будете весь век; как с ним, с его друзьями,
С писцами, стряпчими или секретарями
Обращаетесь вы; и тут уж без препон
Увидите со всех, сударыня, сторон
1360 Чужое в руки к вам текущее богатство.
Какое для души раздолье и приятство!
Вдов видеть, стариков и нищенских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот.

Софья

Ах! не терзай меня, и так уже терзаюсь.
Но что ж, несчастная! куда ни обращаюсь,
Отрады ниотколь и помощи мне нет.

Анна

(видя входящего Прямикова)

Однако некто вот на помощь к вам идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья, Прямиков и Анна.

Прямиков

Не ждал я счастья так рано вас тут встретить.

Софья

(в сторону)

Ах! если б слез моих он не успел приметить!

Прямиков

1370 Да что! мне кажется, вы грустны! Вы в слезах!

Софья

Нет. Так, так, ничего.

Прямиков

А слезы на глазах!

Скрыть ваши от меня хотите вы печали!
Я вижу, вы меня любить уж перестали;
Другой счастливее. . .

Софья

Ах! не терзай меня,
Не думай, чтоб когда тебе я изменила
И, клятвы позабыв, другого полюбила.
Но ах! Судьба меня над меру отягчила.
Мне матушка велит навек тебя забыть,
А кто несносен, так того женою быть.
1380 И угрожает мне всей строгостью своею,
Когда противиться я в этом ей посмею.
Что делать?

Пряников

Что тебе любовь твоя велит.
Знай, что мне смерть с твоей разлукой
предстоит.
Коль любишь ты меня, сможешь ли решиться
Убить меня, с моим врагом соединиться?
Пусть всё имение отнимет, (овладеет им),
Но сердце пусть твое оставит, — им одним
Я счастлив буду, с ним напасти все забуду.
Люби меня, вот всё. . .

(Целует Софье руку.)

Софья

Люблю тебя и буду
1390 Любить, приятно мне то повторять сто раз,
Но что ж в том, ежели они разлучат нас?

Пряников

О мысль несносная! Но нет! Позволь мне
льститься,
Что сердце может их еще перемениться.
Я в силах оказать услугу важну им,
И с тем пришел. Нельзя, чтоб я поступком сим
Не приобрел себе хоть малой их приязни;
Я сведал, что, меж тем как вовсе
без боязни
И без опасности от всех они живут,
В Сенате им враги несчастье куют.

Софья

1400 Ах! боже мой! Так им теперь же надо с вами
Поговорить. Пойдем. Да вот они и сами
Идут.

ЯВЛЕНИЕ 3

Кривосудов, Фекла, Прямиков, София и Анна.

Прямиков

Простите мне, сударь, столь ранний мой приход.
Желанье вам служить меня сюда ведет.
Всё ваше позабыв ко мне жестокосердые,
Я поспешаю вам нелестное усердые,
Привязанность мою на деле изъявить,
И хоть вас, может быть, могу и огорчить
Сей откровенностью, однако же решился
Сказать, что от друзей вчера я известился
1410 О предстоящей вам опасности: Сенат,
По разным жалобам на вас, вошел в доклад;
И если вы, сударь, умедлите взять меры,
То нехорошего. . .

Фекла

Какие же химеры!
Какие пустяки! Отколь нанес вестей?
И кто к нам в дом просил непрошенных гостей?
Не ведь зачем, не ведь откудова ввернулся.
Служивой батюшка, иль ты ума рехнулся,
Что с вздором эдаким втесался ты в наш дом?
Отколь в головушку твою такой содом,
1420 Сумбур и ералаш вселился, мой родимый!
Или нельзя ворот проехать наших мимо?
Иль на тебя нашел благой не в пору час?

Прямиков

За искренность мою не ожидал от вас. . .

Фекла

Да с искренностью сей тебя мы к нам не ждали.
С чего тебе об нас вдруг хлопоты припали?

Откудова, бог весть, зачем влетел в Сенат,
Отколь взял жалобы, куда вошел в доклад,
Какие меры брать, аршинны иль саженны?

Прямиков

Напрасно на меня вы столько раздраженны;
1430 Я мнил...

Фекла

Пожалуй ты, сударь, что хочешь мни,
Но с дрянью к нам такой вперед не загляни.

Кривосудов

(к Фекле)

Но, милый мой дружок, престань ты горячиться
И дай порядочно без жару мне спроситься...

Фекла

О чем тут спрашивать? Ведь тут один расспрос,
Один допрос: зачем в наш дом господь занес?

Прямиков

Для вашей пользы я...

Фекла

Трудился бесполезно.

Прямиков

Любя ваш дом...

Фекла

Прошу так не любить любезно.

Кривосудов

Но дай, жена, хоть слов...

Фекла

Да что уж тут болтать?
Пожаловал к нам в дом затем, чтоб нас ругать.

Прямиков

1440 Возможно ль мне ругать!

Фекла

Да как же не ругаешь?
И жалобами нам и всем нам попрекаешь.
Какие жалобы? И жаловался кто?
Когда, как, почему, кому, где и за что?

Прямиков

Когда изволите, я покажу вам ясно...

Фекла

Показывать ты мне изволишь тут напрасно,
Где нечего, хоть будь указка, показать.
Да что противу нас кто может доказать?
Кого мы без суда имения лишили?
Кого не по словам закона разорили?
1450 Кого...

Кривосудов

Позволь, жена, мне только слова три...

Фекла

В дому лих я вольна; в суде ты знай смотри.

Прямиков

Но я...

Фекла

Но ты, кто ты, голубчик? я не знаю,
Не знала и вперед знать вечно не желаю.
Приехал клеветать!

София

Ай, нет, не клеветать
Он, матушка!..

Фекла

Что? что? Тебе какая стать,
Безумная, в дела сторонние мешаться,
За незнакомого против меня вступаться?
Вот по-заморскому нам воспитали дур!
Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур,

1460 Стучать на кляузах иль гарпой утешаться,
А не туда, куда не ведаешь, мешаться.
Поди ж, безумная, в каморку уплетись
И, слышь, мне на глаза день целый не кажись.

София уходит.

А н н а

(к Фекле)

Напрасно на нее...

Ф е к л а

И ты туда ж, скотина?
Знать, около ушей свербит твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу
И скверный твой язык тотчас укорочу.
Негодна! сгибни вмиг за барышней твоею,
Или — ты слышала? — я всею пятернею...

Анна уходит бегом.

П р я м и к о в

1470 Мне жаль, сударыня!..

Ф е к л а

И мне, сударик, жаль,
Что в дом наш суется незвана всяка шаль,
Затем чтоб эдаки нам причинять досады.

П р я м и к о в

Так я оставлю вас.

(Уходит.)

Ф е к л а

Весьма мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов и Фекла.

Ф е к л а

Насилу с рук сжила! Какой же он востряк!
А на тебя, сударь, наехал, знать, столбняк.

Стоишь, как словно пень, не шевелишь языка,
Всё стряпай за тебя, от мала до велика.

Кривосудов

Ну, хорошо же ты настряпала теперь:
По шее чуть его не вытолкнула в дверь.

1480 Ну, было ли за что так сильно рассердиться?

Он, может быть, и впрямь хотел нам
подслужиться.

А ты, не расспрося, откуда, кто таков?

Фекла

Вздор; я узнала ведь, что это Прямиков
И что он лишь затем в дом наш и завернулся,
Чтобы пустых его ты бредней ужаснулся
И Праволову бы в решеньи изменил.
На плохости твоей он умысл сочинил.
Проведал, видно, он, что ты трусливой роты.

Кривосудов

Хоть это и пустяк, однако без заботы

1490 С делами нашими, жена, не можно жить:

Чему не должно бы, ино то может быть.

Ты знаешь ведь, у нас и заячие уши

Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.

Фекла

Вот трусость ты свою сам назвал пустяком,

А в тот же самый миг явился русаком;

Но, старое дитя, скажи мне, как не стыдно

Вдруг трусить оттого, что ложно очевидно?

Отколь молодчику известен стал Сенат?

Откуда знать ему, что он вошел в доклад?

1500 И как, не рассудя сперва, не рассмотряся,

Идтить докладывать, уму не доложася?

Да и докладывать о чем, скажи, родной?

Дела твои текут своею чередой,

Как и везде, — так тут о чем и доложиться?

Ведь всей святой Руси в доклад не поместиться,

И с этой стороны покойся; так о чем

Еще? О взяточках? — так мы лих не берем

И принимаем лишь, что нас принять неволят.

Кривосудов

Жена, я уж сказал: не вечно, слышь, мирволят.
1510 Не всё двуличную дает расправу суд,
Ино ведь взятками приемы назовут,
И так как. . .

Фекла

Ну добро, на всё я соглашуся,
Но к речи начатой теперь я возвращуся.
Отколь молодчику дошел об этом слух,
Когда здесь ни один о том не знает дух!
От питерских друзей не слышим мы ни слова,
И это скрыться как могло от Праволова,
А обнаружиться сопернику его,
Который в сих делах не знает ничего
1520 И с саблею в руках за ветром лишь гонялся,
Земель, господь весть где, у турков добивался,
А собственны свои поместья прозевал?
С чего ему Сенат вдруг так знакомым стал?
Он познакомиться скорей бы мог с султаном.
Поверь мне, что он лжет и хочет сим обманом
Лишь утрашить тебя и как-нибудь отвести
От Праволова.

Кривосудов

Но, жена! как тут да есть.

Фекла

Нет, ничего, а что и есть, то всё пустое.

Кривосудов

Что ни на есть. . .

Фекла

Ну, слышь, нет ничего.

Кривосудов

Такое. . .

Фекла

1530 Такого ничего, слышь, нет.

Кривосудов

То будешь ты. . .

Фекла

Пока я буду что, а это пустоты.

Кривосудов

Виною. . .

Фекла

Ин быть так, но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухой,
Пожалуй, перестань мне голову ломать,
Иль хочешь ты меня и с света уж согнать?

Кривосудов

Ну, ин добро, мой друг! не стану,
Я лишь боюсь. . . успокойся!

Фекла

(зажимая ему рот)

Еще! Пожалуй же, не бойся
Того, что вертопрах нарочно с ветра врет.
Да вот Наумыч к нам с секретарем идет.
¹⁵⁴⁰ Пожалуй же, мой друг! для страха ты пустого
В их деле не скриви уж данного раз слова.
Припомни, что он друг, и, как всегда, он нам. . .

Кривосудов

Добро, ну!

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Фекла, Кохтин и Наумыч.

Наумыч

Господин мой приказал мне вам
Поклон отдать, сударь, нижайший с сим
пакетом.

Кривосудов

*(распечатывает письмо: ассигнации падают.
Фекла отпихивает всех и сама подбирает)*

Что это?

Наумыч

Он в письме сем пишет вам об этом.

Фекла

Знать, проигрыш?

Наумыч

Никак, сударыня, а штраф,
Когда не будет он в своем процессе прав.
Так в нем уверен он.

Кривосудов

Он пишет и о деле.

(К Кохтину)

А что же? Ведь на сей хотели мы неделе?
1550 Я думаю, экстракт до этих пор готов?

Кохтин

Сегодня подписал его уж Прямиков.

Кривосудов

Прибавил что-нибудь?

Кохтин

Нет, он просил убавить,
Но я не захотел его тем позабавить.

Кривосудов

Законы?

Кохтин

Приискал и все поставил в ряд.

Кривосудов

Так, чтоб не волочить, уж можно и в доклад?

Наумыч

Нижайше просим мы без дальней проволóчки...

Кривосудов
(к Кохтину)

Добро; ты к слушанью сегодня ж без отсрочки
Представь. Лиха беда нам выслушать, а там
В минуту приговор.

Кохтин

Когда угодно вам.

¹⁵⁶⁰ Сударь, осмелюсь нижайше доложиться,
Чтоб время выиграть и меньше вам трудиться,
Я предварительный журналец начернил,
С законами его и с делом согласил,
Найпаче же, сударь, с вчерашним общим мнением.

Кривосудов

Торопишь дело ты уж с лишним поспешеньем.

Наумыч

Мы просим вас, сударь, не отлагать вдаль суд:
Железо ведь пока лишь горячо куют.

Кривосудов

Ну, да! добро; подай, увидим.

(Читает громко)

«Приказали...»

(Читает тихо, а потом громко)

¹⁵⁷⁰ «И Праволова иск формально оправдали,
В согласье для сего изданных точных прав».

(К Кохтину)

Их нет.

Кохтин

Я в протокол их всех впишу, собрав.

Кривосудов

Ин быть так, хорошо; возьми.

(Подает бумаги Кохтину.)

Наумыч

Мы всенижайше
Благодарим, сударь, за изволенье ваше,
И барин мой вам ввек не может отслужить
Всего, чем вы его изволите должить.
Не смею ль я еще покорное прошение. . .

(К Кохтину)

Не в гнев.

(К Кривосудову)

Тут малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилых.
Мы вправе требовать по крайней мере их.
1580 Что мы убытчились в сем иске попремногу,
То ведомо, сударь, вам и всеведцу богу.

Кривосудов

(Кохтину)

Да что же? Дело б впрямь уж сделать нам
с концом.

Кохтин

Исправлю всё, сударь, единым я словцом.

(На спине Наумыча пишет и читает)

«А как толь долго он, не пользовавшись оным»,

(к Кривосудову)

Именьем сиречь.

Кривосудов

Ну, прибавь еще — законным.

Кохтин

(пишет и читает)

«Законным, многие убытки в сей процесс. . .»

Кривосудов

И незаконные. . .

Кохтин

(пишет и читает)

«И незаконны нес,
То оные искать с Богдана Прямикова».

Кривосудов

Пиши — взыскать.

Кохтин

(пишет и читает)

1590 Именья истцу сим предоставляет суд». «Взыскать, или с его другого
Законь подведу я после.

Кривосудов

И всё тут.

Наумыч

Нижайше мы, сударь, благодарим.

Кривосудов

(Кохтину)

Подите,

И это набело переписать велите.

Кохтин

(Наумычу)

Ты регистратору отдай лишь моему,
Да чтоб не показал отнюдь он никому.

Наумыч

Как раз исполню всё. Слуга ваш всепокорный.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов, Фекла и Кохтин.

Кривосудов

(к Кохтину)

А ты, послушай-ка! Слух, может быть и вздорный,
Пронесся, будто бы противу нас Сенат

Мудреный некакий недавно взнес доклад
1600 О взятках, о делах, решенных здесь неправо.

Кохтин

Вот на! какой же дух на нас донес лукавый!

Кривосудов

Я этого всего не мог разведать вдруг,
Но ты поистине скажи мне, милый друг!
Какое дело мы оплошно так решили,
Чтоб внутренности всей наружностью не скрыли?
Я так ни одного припомнить не могу.

Кохтин

(*потирая спину*)

Хоть исповедаться, не помню, не солгу.

Фекла

Да этому и быть не можно.

Кривосудов

Ах! помилуй,

Жена! оставь ты нас: мы лучше знаем силу
1610 В делах, чем ты.

Фекла

Нет лих, не хуже знаю я.
Ведь что, где, как принять — забота лишь моя,
Но пусть на месте гнев господень покарает,
Когда десница весть, что шуица хватает.

Кривосудов

(*Кохтину*)

Послушай-ка: теперь впадает мне на ум,
Ты помнишь ли, какой великий вышел шум
О векселе, что я велел на обороте
Подчистить?

Кохтин

Ах, сударь! в напрасной вы заботе:
Подчистил я один. Ответчик в спор вошел.
На истца своего он подозренья взвел,

1620 Что надпись он скоблил о вексельной уплате,
А по законам вы решили спор сей кстати,
К уничтожению сей вексель присудя.

Фекла
(Кривосудову)

Так что ж? Ты виноват тут столько ж, как и я.

Кохтин

Притом не вексель мы ведь, сударь, подскоблили, —
Бумагу чистую.

Фекла

Так чем вы согрешили?
Бумагу чистую неужли грех скоблить?
Великая беда!

Кривосудов

Добро! ин так и быть.

Кохтин

Нет, это страх пустой, поверьте мне, божуся;
По делу Тяпкина я более боюсь,
1630 Чтoб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.
Из пасынка его в родного сына мы
Без дальних выправок в приказе превратили
И внуков истинных наследия лишили,
Всё их имение ему приговоря.

Кривосудов

Нет, в этом деле нас, творца благодаря,
Закон сам от хлопот и от поклеп избавил, —
Ты помнишь ведь, мой друг, что Тяпкин в суд
представил

От отчима письмо, в котором он его
Открыто признает за сына своего,
1640 Возлюбленным его в нем сыном называет.

Фекла

Вот на! Так тут ваш страх лишь чепуха пустая.
Когда покойник сам уж сыном звал,
Так, стало быть, он сын, кто б как ни толковал.

Кривосудов

Притом же истину тут что бы нам открыло?
С покойника допрос уж брать поздненько было.

Фекла

Вздор, милые мои! и суща чепуха.
Хоть человек всяк ложь, никто не без греха,
Но в этом правы вы, как ни суди кто строго,
И эдаких грехов, пожалуй, сыщешь много,
1650 Но капитальнейших. . .

Кривосудов

Я истинно не лгу,
Что больше этого припомнить не могу.

Кохтин

Приходит нечто мне теперь на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина именье,
За кое Праволов, совсем сторонним быв
И имя Простина в процессе позабыв,
Условясь хитростно, искал на Чужпродава,
Который не имел тож никакого права
К сему имению. А мы, не разобрав,
Чье спорное село, без дальних всех расправ,
1660 В отлучку Простина, тем сей процесс решили,
Что тяжущимся двум чужое присудили,
Которое они делят уж пополам.
Что Простин возгласит, не понимаю сам.

Кривосудов

Пускай он возгласит теперь уж что захочет.
Когда он о себе так мало сам хлопочет,
Так что за нўжда нам о нем тут хлопотать?
Судьи мы. Долг наш есть лишь только то и знать,
Что на бумаге нам представят на сужденье.
Как сметь нам знать самим, что спорное
именье
1670 Не тяжущимся двум, тебе принадлежит?
На это надобен какой-нибудь нам вид,
А без сего решим, без дальних всех рассказов,
Процесс меж двух сторон по строгости указов.

Когда же оба спор лишь о чужом вели,
Как быть?

Фекла

Зло сильно так возникло на земли,
Что спорит о чужом один, где два лишь спорят,
Так видно ли, когда два о чужом завздорят?

Кохтин

Какое диво тут?

Фекла

Да полно, всё пустяк:
Ведь испугался он пустых насущных врак,
1680 Которые ему дошли от Прямикова.

Кохтин

Как? Эта грозна весть от этого пустого
Враля к вам принеслась? Ну уж правдива весть!
Но как вы эту ложь могли за правду счесть?
И как чрез этого пустого вертопраха
Могли себе и нам нагнать вы столько страха?
Пристало ль это вам? По вашему ль уму
Поверить болтуну нахальному сему?
За вас, сударь, за вас мне, право, очень стыдно,
Ведь тут и самому простому глазу видно,
1690 Что он хотел, сударь, вас только напугать,
Чтоб Праволову вы не смели помогать.

Кривосудов

Нет, этим он меня ничуть не запугает,
Но всячина, мой друг, на свете ведь бывает.
Довольно простоты на каждого мудреца;
Умудряет бог иного и слепца.

Кохтин

Но этого, сударь, не умудрил, божуся.

Фекла

Да что ты трус такой?

Кривосудов

Я, право, не боюсь;
Ты видела, что я уж написать велел.
Делец, голубушка, познается от дел.

Фекла

1700 А тут теперь без дел проходит только время...

Кохтин

На шее у меня дел целое беремя...
Когда вам нужды нет меня здесь удержать,
То я б пошел велеть скорей переписать.

Фекла

(Кривосудову)

Пусти его, мой друг!

Кривосудов

Ох, как ты уж пристала!
Ну, ин поди! Но слышь, чтоб нам не ждаться
журнала.

Кохтин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Фекла.

Кривосудов

Жена, довольна ль ты? Смотри, я подаюся,
Но, истину сказать, я, ей-же-ей, боюсь.

Фекла

Ты всё-таки одно: привык всего пугаться.
Ведь не ходить и в лес, когда волков бояться.

Кривосудов

1710 Хоть не боялся я до сей поры волков,
Но чем ведь дальше в лес, тем боле найдешь
дров,
Ино, чтоб не зайтить в такую глухую пушу.

Фекла

Сегодня ты с утра лишь пустошь мелешь сушу,
Похмелье, знать, еще в головушке шумит.
Пойдем-ка, гданская там водочка стоит
На шкафике моем близ твоего взголовья,
Так чарочку хлебни для доброго здоровья
И чтоб из головы напрасный вышел страх.

Кривосудов

Пойдем, дела ломать впрямь трудно патошак.

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ I

Анна и Добров.

Добров

(видя разброшенные бутылки и прочее)

1720 Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Как вижу, тут была изрядная попойка,
И не пирушечка, а полновесный пир.
Какой расстроенный бутылочный ранжир!
Знать, речками везде текло вино и пиво
И не оскудевал сей чан пуншетоливый.
Скажи, как клюковки все гости налились?

Анна

Что называется, до положенья риз.
По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились,
И чадом вейновым так сильно зарядились,
1730 Что не опомнятся, я думаю, дня в три.

Добров

Не так оплошные они богатыри;
Верь, что, хоть напролет всеночну пропуншуют,
Проспавшись, как ни в чем вновь мертву чашу
дуют,

И что не клюнувши и чарки, и другой,
В суд ни один из них не ступит и ногой.
Да, кажется, почти и время им сходиться.

А н н а

Ахти! так надобно и мне поторопиться
Следы вчерашнего присутствия прикрыть
И бахусов кагал в судейску превратить.

(Она поливает комнату, взяв стакан из стола.)

Д о б р о в

1740 Напрасные труды! Не токмо что простыя,
Но целый хоть ушат разлей воды святыя,
То ябедничьих здесь не смоешь ты проказ.
Послушай: окрещен кто уж в чернилах раз,
Тот черн останется, хоть мой во Иордане.

А н н а

Да это не вода, остался пунш в стакане.
Пусть пьет судейское питье судейский пол.

Д о б р о в

Резон!

А н н а

Прошу помочь поставить к месту стол.

Д о б р о в

(ставит с нею стол к стене)

Охотно.

А н н а

А куда девать бутылки?

Д о б р о в

Строем

1750 Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Ведь множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов!

А н н а

А как? прошу сказать.

Д о б р о в

Вот как: когда судья желает, чтоб чье дело
Лет несколько на свет господний не глядело,
То он его кладет под красное сукно,
А там — покойна ночь, лежи и преи оно.

А н н а

Добро ж, поставим их под скромно покрывало,
Но лишь боюсь, чтоб всё тут цело устояло.

Д о б р о в

То правда, что нельзя наверно утвердить:
Судейское чутье исправно.

А н н а

Так и быть,

1760 Хозяин будет сам сидеть на карауле,
Ведь видит с кресел он, что крадет кто на стуле?

Д о б р о в

Не всегда: ино он смотрит лишь на то,
Не надзирает ли за ним со стула кто?

А н н а

Мудрен свет! но мы всё порядком учредили, —
Когда б, как этот стол, так чисты судьи были!

Д о б р о в

Потише: берегись, — вот к нам валит весь суд.

А н н а

(уходя)

Что вижу, правде мат они теперь дадут.

ЯВЛЕНИЕ 2

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Ра-
бын, Кохтин и Добров.

Кривосудов

Прошу пожаловать.

А т у е в

Нет, вам вперед довлеет:

Вы нам глава.

Бульбульки н

Ну, впрямь глава сия умеет

1770 Хоть чью бы ни было головушку вскрыжить,
Когда путем кого захочет угостить;
Как я ни скромничал и как ни укреплялся,
Но ей, не помню, как с вчерашним днем расстался.

К р и в о с у д о в

Извольте шутить.

П а р о л ь к и н

Подите с шуткой прочь.

Я из кареты вон не вылез целу ночь,
Так ноги спутал мне ваш этот пунш проклятый.

К р и в о с у д о в

Нет, нет! и угощал вас, право, плоховато,
И ужин позабыл.

Бульбульки н

Да можно ль было есть?

При винах эдаких уж ужина не в честь.

Р а д б ы н

1780 Воль-но же вам не по-по-по-ви-но-но-ваться,
Я вам го-го-ворил — пора-ра убираться.

К р и в о с у д о в

Но, милые мои, не час ли заседать?

Садятся.

Бульбульки н

Извольте, я готов теперь дела ломать.

П а р о л ь к и н

Не поломаешь всех: скопилось их довольно.

Кривосудов

Повытчик! ну, возьми, читай реестр настольный.

Добров

(читает)

«Корнета Скудова иск за наследный дом,
Отнятый у него секретарем Драчом».

(Говорит)

Уж третий год лежит в повытье это дело.

Кривосудов

О, мимо! Пусть лежит еще три года смело,
¹⁷⁹⁰ Авань-либо тогда решим его судьбу.
Он домом смел назвать пребедную избу.

Добров

(читает)

«Иск вексельный Луки Ссудихина, майора,
На Володимира Хватайка, прокурора».

Кривосудов

Ах, мимо! Поскорей, скорей брось этот вздор!
Помилуй, нам всего важнее прокурор.

Добров

(читает)

«Через опекуна прошение Бедняковых
О выкупе двух сел наследственных отцовых
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину. . .»

Кривосудов

(Доброву)

С делом сим я после призову.

(Членам)

¹⁸⁰⁰ Реченная, друзья, скажу меж нас, вдовица,
Наместнику она ведь внучатна сестрица.
Он жалуется; так, знаете, — вперед!

Бульбулькин

Ну, береженого и бог ведь бережет.

Кривосудов

(Доброву)

Ну!

Кохтин

(вырывает реестр у Доброва и читает, перевернув
несколько листов)

«Иск асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».

Кривосудов

Вот это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькин

Добро.

Радбын

Хо-хорошо.

Паролькин

И впрямь.

Атуев

(Кохтину)

Вели подать.

Кохтин

(Доброву)

Там это на столе лежит оно особно.

Кривосудов

(Доброву)

Поближе; внятнее читай.

Добров

(читает)

«Экстракт подробный.

1810 Своею жалобой асессор Праволов
Изобразил: майор покойный Прямиков,

Скончавшись, всё свое наследное именье,
Которому всему подробно означенье
Приложено при сем, ближайшему родне
Оставил по своей покойной же жене,
А именно Фоме майору Чужпродаву.

Сей по наследственну и по закону праву
Именье оное всё и́стцу уступил

И купчу на суде, как должно, утвердил.

1820 Законный срок прошел, и спора не явилось.

Когда ж просителю за благо рассудилось
Во обладание имений тех войтить,

Чтоб с них законные доходы получить,

То некакой Богдан, назваыье Прямикова,

Не предъявя к тому предлога никакого,

Взяв, сыном сам себя родным его назвал

И и́стцу оных всех имений не давал. . .»

Между тем члены, нашед бутылки под столом, одну оттуда взяли, и
Бульбулькин не давал оной Атуеву.

К р и в о с у д о в

Приметьте: не давал.

Б у л ь б у л ь к и н

(*прятая бутылку*)

Ну, не давал, вестимо.

К р и в о с у д о в

Как это зло могло законом быть терпимо?

(*К Доброву*)

1830 Читай.

Д о б р о в

(*читает*)

«Хотя ж тогда проситель этот спор
Разрушил, доказав, что Прямиков-майор
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Федота, коего скоро была кончина. . .

Затем, что оногo нет более в живых,

Но не уважа суд доводoв такихoв,

Имение за сим Богданом же оставил

И нескольких дворян в том присягнуть заставил,

Что Прямикова сей Богдан законный сын
И всем имениям наследник лишь один.
1840 Проситель, таковым обиженный решеньем,
С вторичным с жалобным на то вступил
прошеньем.

Когда ж и тут ему суд в праве отказал,
То апелляцию до срока он прислал,
В которой наконец доказывает ясно,
Что Прямикова с ним духовная согласно
Федота одного за сына признает,
А о Богдане в ней ниже полслова нет,
Которым именем ответчик сей зовется,
В чем на свидетелей он беспристрастных шлется,
1850 На подпись собственну по всем делам его,
На совесть чистую Богдана самого
И даже на его майорские патенты.
А как где письменны найдутся документы,
Там действовать уже присяги не должны...»

Бульбулькин
(пьет из бутылки)

Ии память вечная ему.

Паролькин
(пьет же)

И в добрый час.

Атуев
(уроняет бутылку)

Эк спрятали куда остаточный запас.

Паролькин
Пошарь-ка, нет ли карт, так мы б переметнули.

Бульбулькин
Будь сыт тем, что вчера с Наумыча вы сдули.

Паролькин
Да ты не видел ведь, как даму я пригнул:
1860 Десятком рубликов за банк перешагнул.

Кривосудов

Постой-ка.

(К членам)

Кстати тут весьма приведены
Патенты штабские. Тут имя ведь прямое...
Так что он ни толкуй, уж, верно, всё пустое.
Вот важный пункт!

Бульбулькин

И впрямь.

Кривосудов

(Доброву)

Ну, дале.

Добров

(читает)

«...не должны;

А как судом они неправедно даны,
То должно их почесть в сем деле за неважных,
А присягателей всех за кривоприсяжных;
Богдану ж с сей поры приказом запретить
Чужое прозвище бесправно впредь носить,
1870 А Прямикова все имения и села
Отдать просителю».

Кривосудов

Тут явна правость дела.

Бульбулькин

Как солнце ясное.

Паролькин

Прав без обиняков.

Атуев

Да ведь на истину не много надо слов.

Кривосудов

Тут правда сущая во всех словах приметна.
Но что-то возвестит нам сторона ответна?

Добров

(читает)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал
На всё сие: «Хотя проситель показал,
Что за кончиною майора Прямикова
И сына-де его постигла смерть родного,
1880 Но утвердить сего он, йстец, не успел
Ни чрез свидетелей, ниже из гласных дел.
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде
ни рылся,
А напротив того, лишь только в суд явился,
То ясно доказал...»

Кохтин

(вырывая бумагу у Доброва)

Но ты стал бурмотать.
Поддай мне: слушай же и научись читать.

Кривосудов

И впрямь прочти-ка ты, а то он так невнятно...

Бульбулькин

Коли уж что читать, так должно аккуратно.

Кохтин

(читает без точек и запятых)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал;
На всё сие хотя. Проситель показал,
1890 Что за кончиною майора Прямикова
И сына-де его постигла смерть родного,
Но утвердить сего он йстец не успел.
Ни чрез свидетелей ниже: из гласных дел
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде
ни рылся
А напротив того лишь только в суд явился,

То ясно доказал он Прямиков Богдан
Присягой двадцати соседственных дворян
Что Прямикова он родной сын и законный
Что Чужпродав-майор. Совсем ему сторонный
1900 И матери его был токмо просто кум.
Что как ему отнюдь не вспало и на ум,
Чтоб кто-нибудь его мог продавать именья,
Когда он был в чужих краях для обученья
То ябед плутовских, уступок и бумаг.
Через поверенных, тем меньше, на словах
Оспорить он. Не мог за двести миль; и боле
Что возвратясь в свое отечество оттоле,
И с двух сторон нашед; зажженное войной
Он долгом счел служить; и жертвовать собой.
1910 По замиреньи ж. — В дом отцовской возвратясь
Узнал, что ябеда ему в родню вплелася
В число покойников: давно его причла
И точное его наследье; продала
Что тут презрев ее, все низкие ехидства
Крючки законностей, пролазы и бесстыдства
На правости: своей себя он утвердил,
И хищникам своих наследств не попустил.
В чем супротиву лжи и ябедничья кова
Священного себе законов ждет покрова».

Бульбулькин

*(вышел на авансцену, вполголоса с Атуевым
и Паролькиным)*

1920 Ну, мастер, признаюсь, наш секретарь читать;
Хотя б послушал черт, не мог бы разобрать.

Паролькин

Пусть мелет он, а мы подумаем о деле.
Из гвардии отпускной сюда на сей неделе
Вельми молоденькой пожаловал барчук,
Пуста головушка, но с золотцом сундук.
Мы можем, приглася его в свою беседу. . .

Бульбулькин

А как да не пойдет на удочку?

П а р о л ь к и н

Подъеду

К нему, поверь, с такой я ловкой стороны:
Уж змейки от меня к нему подпущены.

1930 Лишь вы бы...

А т у е в

Ба, да кто? не мой сосед ли это,
Что позлащенною всем хвастает каретой?

П а р о л ь к и н

Тот самый.

А т у е в

Ну, так всех сокровищ ты его
Не ведаешь?

П а р о л ь к и н

Ужели? а именно чего?

А т у е в

Красотка у него, да, знаешь ли, прекрасна!

П а р о л ь к и н

Поди прочь: знать, душа уж к ней твоя
пристрастна;
Я видел, и не раз: ничуть не хороша.
Подденем кошелек — в нем больше барыша.

Б у л ь б у л ь к и н

Ой, ой, вы, молодежь! ну, долго ль вам проказить
И то за кошельком, то за красоткой лазить?
1940 Пора бы вашу жизнь уж вам остепенить.

П а р о л ь к и н

А что ж прикажешь ты начать нам делать?

Б у л ь б у л ь к и н.

Пить.

Кривосудов

Эк вздоры!

Паролькин

Дребедень!

Атуев

Сумбур!

Бульбулькин

А штиль надут!

Радбын

Ни мы-мы-мысли нет, ни смы-мы-мысла тут.

Кохтин

Ни ссылки на указ.

Кривосудов

Какие те указы?

Ты видишь, тут одни пустые лишь рассказы,

Запутанная речь и бранные слова.

Ей, у меня от них вскружилась голова.

Пусть лучше бы он врал по-чудьски иль богемски.

Кохтин

Однак уездный суд и также верхний земский,

1950 Решение на сих резонах утвердя

И спорное ему именье присудя,

Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькин

Знать, пышные слова им головы вскружили.

Кривосудов

Но вы как мыслите о сем, мои друзья?

Бульбулькин

Коль правду вам сказать, так вот что мыслю я:

Что плут Богдан.

Атуев

Ей, так.

Кривосудов

И я такого ж мненья.

Радбын

То-точно так.

Паролькин

В том нет и малого сомненья.

Кривосудов

Так Праволова вы согласны оправдать?

Бульбулькин и Паролькин

Согласны.

Атуев

И весьма.

Радбын

Уж та-ки-ки-ки быть.

Кривосудов

1960 Люблю я эдаку согласну мыслей встречу.
Так резолюцию в сей силе я отмечу?

Бульбулькин

Когда угодно вам.

Кривосудов

(написав, отдает бумагу Кохтину)

Возьми же, да поди,

Всё это поскорей как надо расплоди,

И принеси журнал, чтоб подписать успели.

Кохтин, а за ним Добров уходят.

Бульбулькин

Ну, над проклятым сим мы делом попотели!

Кривосудов

Так можно отдохнуть.

Все встают.

Паролькин
(смотря на свои часы)

Двенадцатый уж час.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же Хватайко.

Хватайко

Желаю здравствовать. Не потревожу ль вас?

Кривосудов

Никак, любезный гость! спокойно ль почевали?

Хватайко

Я думаю, как все: как улеглись — не знали.

(Вполголоса)

1970 В передней Праволов своей судьбины ждёт.
Вы не забыли ли его?

Кривосудов

Нет, милый, нет!

Уж дело всё с концом: согласно мы решили.

Хватайко

Ай, да спасибо вам, вот прямо удружили!

Бульбулькин

Когда б скорей журнал...

Кривосудов

Да я ведь уж велел.

Паролькин

А вот и секретарь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Кохтин с журналом.

Кохтин

(отдавая бумагу Кривосудову)

В минутную поспел.

Бульбулькин

Ну, впрямь спроворил вмиг.

Кривосудов

(подписывая)

Итак, перекрестяся.

Бульбулькин

(подписав)

Эк, живо подмазнул!

Атуев

(подписывая)

И я, благословяся.

Паролькин

(Радбыну, который, взяв, хочет читать бумагу)

Да ну, пожалуй, нас читаньем не смеси:

Еже писах, писах.

Радбын

(подписав, Паролькину)

Так на ж ты пи-пиши.

Паролькин

(подписав, отдает бумагу Кривосудову)

1980 Вот подчеркнул и я.

Кривосудов

Бумага и готова.

(К Кохтину)

Возьми.

Х в а т а й к о

Так можно уж позвать к вам Праволова?

К р и в о с у д о в

(Кохтину, который отворяет дверь)

Охотно, прикажи.

Х в а т а й к о

Ну, как же эта весть

Обрадует его! Судя как ни на есть,

А дело тысяч в сто.

я в л е н и е 5

Т е ж и П р а в о л о в .

П р а в о л о в

Слуга ваш всенижайший.

К р и в о с у д о в

И мы усердные.

Б у л ь б у л ь к и н

(потрепав Праволова по плечу)

И скромны слуги ваши.

Х в а т а й к о

(Праволову)

Какой тебе, мой друг, сегодня снился сон?

П р а в о л о в

К чему вопрос такой?

А т у е в

Ты знаешь ли, ведь он
Снотолкателем недавно учинился.

Х в а т а й к о

Вчерашним пуншевым ты чаном окатился

1990 Во сне, наверное?

П р а в о л о в
А может быть, и так.

П а р о л ь к и н
А это, говорят, хороший будто знак.

П р а в о л о в
Я благодарен вам за доброе значенье.

Б у л ь б у л ь к и н
За потерпенье ведь дает бог и спасенье.

явление 6

Т е ж и Д о б р о в .

Д о б р о в
(несет два пакета и отдает их Кривосудову)
С почтамта лишь сейчас они принесены.

К р и в о с у д о в
Посмотрим, нет ли то какой в них новизны.
(Распечатывает и отдает Хватайку)

Судебно око ты: пожалуй, потрудишься.

Х в а т а й к о
От «приказали» ведь?
(Читает)

«А как в Сенат стеклися
Из разных главных мест, правлений и судов
Репорты, коими ассессор Праволов
2000 В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах
Довольно приличен...»

(К Праволову)

Кой черт! Смотри-ка, брат!
«. . . довольно приличен, то для того Сенат
Присутственным местам всем сим повелевает
Строжайший обыск...»

П р а в о л о в

Ох! кровь в жилах замерзает.

Х в а т а й к о

«О Праволове сем повсюду предписать,
И, где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко содержать до нового указа».

П р а в о л о в

Погиб я!

Х в а т а й к о

(к Праволову)

Вот те на! Какую же проказу?..

П р а в о л о в

(упадая на колена)

2010 Да что уж говорить, не погуби, спаси!

Х в а т а й к о

Да ты возможного, голубчик, лишь проси,
Ведь тож и у меня спина-то щекотлива.

П р а в о л о в

Пропал навеки я! О, хищность нечестива!

(Бежит вон.)

Х в а т а й к о

(бежит за ним)

Куда? Постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радын,
Кохтин и Добров.

Атуев

Я вне себя!

Паролькин

Кой черт!

Кривосудов

Меня как гром ушиб.

Бульбулькин

Мне кажется, я пьян.

Радбын

Эк-эк-эк-эко диво!

Кривосудов

Да как с ним эдак вдруг внезапно, несчастливо!

Я не сберусь с умом. Но дай-ка нам прочесть

И эту вещь. Очки! Тут что-нибудь да есть.

2020 О чем Сенату к нам писать, и столько много?

(Читает)

Вот на! «Гражданскую палату всю... и строго...»

Ахти, пропали мы!

(Роняет из рук бумагу и падает в стул.)

Бульбулькин

За что? Перекрестись!

Атуев

Неужли впрямь?

Паролькин

Господь, господь с тобой, очнись.

Радбын

Эк-эко диво!

Кохтин

Ну, пришло и нам, знать, круто!

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают.

Добров

(в сторону)

Крутили ведь и вы!

Кривосудов

О, скорбь! О, горе лото!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж, Фекла и Анна.

Фекла

Что за беда у вас? О чем так сильный крик?

Кривосудов

Пропали мы!

Фекла

Да как? Ну ж! поверни язык.

Кривосудов

Погибли, говорю, ну, сгибли да пропали!

Фекла

(к Бульбулькину)

Да как?

Бульбулькин

Погибли так, как ввек не погибали.

Фекла

(к Паролькину)

2030 За что?

Паролькин

За то, что нам пришел прямой уж мат!

Фекла

(к Атуеву)

Взбешусь; скажи мне...

Атуев

Уж всё сказал Сенат.

Фекла

(к Радбыну)

Сенат! Ахти, и впрямь; да что же вам оттуда?

Р а д б ы н

Век эк-эк-экого не ждал я чу-чу-чуда!

Ф е к л а

(к Кохтину)

Хоть ты мне растолкуй.

К о х т и н

Да толк тут недалек:
За бабушкин, зная, грех всех нас попутал бог.

Ф е к л а

(к Доброву)

Хоть ты...

Д о б р о в

О том вся скорбь, что вздумалось Сенату
Нас в Уголовну всех препроводить палату.

Ф е к л а

Ахти мне! Да за что?

К р и в о с у д о в

Да то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
2010 Ну, лъзя ли по одним доносам лишь злословным
Велеть нас всех судить порядком уголовным?
За взятки якобы, за толк кривой в делах
Законов будто...

Ф е к л а

Как? Как? На пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? Кто нас изобличает?
Без права, без суда честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, страмить нас, убивать!
Да что? Зачем ему мешаться в эти вздоры?
В одном лишь разве здесь суде засели воры?

2050 И к нам не дьявол ли занес стол красный в дом?
Прочь с ним отсель, — я всё поставлю кверху дном.

*(Опрокидывает стол; все члены и Кохтин разбегаются;
под столом увидя бутылки, Фекла к Кривосудову)*

А кто принес?

Кривосудов

Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов, Фекла, София, Анна и Добров.

Фекла

(свернув руки, стоит)

Ахти! беда! беда!

Кривосудов

Твои вот это шашни:

Через тебя и я, и весь мой дом погиб.

Фекла

Через меня? Да ты сидел в суде как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь твою ты двух концов
не свел.

Кривосудов

Сведи же ты теперь.

Фекла

Сведи! еще бормочет,

И он же голову еще вскружить мне хочет!

2060 Слышь, не дразни, а то...

Анна

(подносит стакан Фекле)

Угодно ль вам воды

Стакан?

Фекла

(Анне)

Я раздери тебя.

Кривосудов

Да всей беды

Не знаешь.

Фекла

Что еще за горе ожидает?

Кривосудов

А то, что наш жених в остроге заседает.

Фекла

Кто?

Кривосудов

Праволов.

Фекла

Ахти! За что?

Кривосудов

Сенат велел

Сковать, и скован уж; так, стало, не без дел.

Фекла

Ахти! Пришла беда! ахти мне! умираю.

(Падает в обморок; Ссфья и Анна бросаются ей помогать.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те ж и Прямиков.

Прямиков

Простите мне, сударь, что смелость принимаю
Прийти к вам; ваше я несчастье узнал;

Жалея искренно, за первый долг считал
2070 Спешить утешить вас и разделить печали.

(К Фекле, пришедшей в себя)

Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня, но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердья моего почувствуете цену.

Кривосудов

Вы счастья нашего узнали перемену?

Прямиков

Но чувствований я моих не пременял
И вам готов помочь колико будет сил.
Счастлив, когда б мои услуги предупели
Склонить вас, чтобы вы с приятностью глядели
2080 На нежну страсть мою.

Фекла

Вы много чести нам...
Я, право, вас стыжусь. Когда угодно вам...
С моей я стороны согласна всей душею.

(К Кривосудову, с жаром)

А ты что ж?

Кривосудов

Я, сударь, всегда согласен с нею,
Но в этом случае ее я упредил.

(Обнимая Прямикова)

Божусь, что ты всегда мне не противен был.

Прямиков

(целуя руки у Феклы)

Какое счастье!

Анна

Какая перемена!

Кривосудов

Теперь моя печаль немного облегченна.

А н н а

Авось-либо и всё нам с рук сойдет слегка.

Д о б р о в

Впрямь: моет, говорят ведь, руку-де рука,
2090 А с Уголовною Гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет запанибрата;
Не то при торжестве уже каком ни есть
Под милостивый вас подвинут манифест.

К р и в о с у д о в

Ну, что ни говорить, а дело плоховато!

А н н а

Жить ябедой и тем, что взято, то и свято.

Конец

Между 1791 и 1798

Шутин и Слезников.

Ш у т и н

(один, рассматривая афишу)

Вот на! Трагедию опять
Нам нову захотели дать!
«Гиневра»! — эго имя чудно!
И даже выговорить трудно.
А все в театр бегут, бегут!
Я истинно не понимаю,
Что за забава людям тут?
О том, кого в глаза не знаю,
Как о родном своем, тужить,
О небылице разливаться
И понапрасну слезы лить.
Хотел бы часто удержаться,
Да что ни делай, мочи нет.
Ну! Как Семенова завоюет,
Так сердце каменно заноеет,
Невольню слезка потечет,
И волком сам завоюешь с нею,
Хоть видишь сушу ахинею
И только вымышленный вздор.
Комедия — другое дело.
Покажется ль судышка вор,
Смеюся я над плутом смело,
Над верхолетом, над скупцом
Или над барином-глупцом.

Там рубль мой за потеху трачу,
А тут плачу за то, что плачу!
Нет, это дрянь. А Слезников,
Любезный кум мой и приятель,
Трагедий страстный обожатель,
Глазеть на них весь день готов.
Придет его мне ждать до ночи,
Пока он выплачется там.
Как быть? — Да, ба, вот он и сам.
Чему же изо всей он мочи
Теперь хохочет как шальной?
Здорово, кум мой дорогой!
Чему, любезный, так смеешься?
Но берегися, надорвешься.

С л е з н и к о в

Здорово, Шутин, ха-ха-ха.
Кажется, право, чепуха!

(Смеется.)

Ш у т и н

Ну ж, перестань, промолви слово.
Смеяться эдак нездорово.

С л е з н и к о в

Уф! Удержаться силы нет.
Ну, впрямь трагический сюжет.

Ш у т и н

Да что такое? Ради бога,
Скажи, чему так рад, мой друг!

С л е з н и к о в

Да дай же перевесть мне дух.
«Гиневр» на свете ведь немного.

Ш у т и н

«Гиневра?» — Что ж смешного в ней?
Она трагическа пиеса.

Слезников

Такого, как Капнист, ей-ей,
Я ввек не видел куролеса!
Трагедия и впрямь! До слез
Мы все в театре хохотали,
Кишечки, право, надорвали.

Шутин

Да дай ответ мне на вопрос:
Что видели вы в ней смешного?

Слезников

Послушай же: коли смогу,
Я всё скажу и не солгу,
Божусь, ни слова, ни полслова.
Трагедия сия чудна!
Начнется сказкою она
И повестью о маскараде,
Как в ночь в царевнином наряде
Печальна фрейлина одна,
Выглядывая из окна,
Любезна братца поджидает,
А сей, как новый Селадон,
К окну на цыпках подбегает,
Взлазит к сестрице на балкон
И с ней в царевнин терем входит;
Он тем в отчаянье приводит
Соперника, что в уголку,
Прижавшись неподалеку
Высокой обветшалой башни,
Считает, что то все и впрямь
Царевнины любовны шашни,
И, чтоб от всех сокрыть свой срам,
В ту ж ночь безвестно пропадает.
Тут повесть кончится, а там
Уж трагик к делу приступает.

Шутин

Пора и впрямь. Тьфу! Экой вздор!
До сих, как видится мне, пор

Сюжет комедью представляет;
Что ж дале? Рад я знать весьма.

С л е з н и к о в

Лишь о побеге всяк узнает,
Пойдет ужасна кутерьма.
Обманом брата попрекая,
Сестрица бредит как шальная;
Царевна также без ума,
Затем что обе в дезертера
Влюблёны по уши; теперь
Не знают, где его квартера
Или не съел ли дикой зверь.
Царевны батюшка суровый,
Не сведав дочерня греха,
Ей представляет жениха.
Вот тут сумбур начнется новый
И понесется чепуха.
Отказ, как шост, — и царь вздурится,
На дочь нахальную озлится,
Большой подымет крик и шум
И, чтоб ее навесть на ум,
К хорошему пристроить месту,
Он в желтый дом запрет невесту,
Затем что дезертеров брат,
О смерти брата известясь
И на невесту рассердяся,
Не к времени и невпопад
Расскажет сущу небылицу.
В окне он не познал сестрицу
И чертом побожиться рад,
Что дочь царску видел точно,
Как некто в темноте полночной
Взмостился на ее балкон.
А в том, что правду режет он,
Хотя царя тем обижает,
Охотника со всех сторон
На поединок вызывает.
Брат фрейлины хоть правду знает,
Но драться с ним затем идет,
Что братец дезертеров врет.

А фрейлина того не хочет
И только лишь о том хлопочет,
Как ей царевну оправдать.
Пришлось правду рассказать.
А чтоб в словах не ошибиться,
Сказав, решила убиться,
И точно совершила так.
Тут царь узнал, что за пустяк
В дом желтый посадил царевну,
Пред ним напрасно обвиненну.
Казалось, дело и с концом?

Ш у т и н

С концом, любезный, всё конечно.
Заботиться еще о чем?
Уж всё открыто мертвецом.

С л е з н и к о в

Ошибся, брат! Мне жаль сердечно,
Но всё пошло другим путем,
Чтоб пято действие составить.
Сердится дезертеров брат;
Ничто нейдет с упрямым в лад.
Он в дело слов не хочет ставить,
Что при успении своем
Сестра сказала пред царем;
И, не заботясь нимало
О всех советах, сей нахал
Желает драться наповал
Во чтоб ему уж то ни стало
И вздорную решить тем прю.
Что делать доброму царю,
Чтоб эту прекратить тревогу? . .
С царевною молиться богу.
Пока он на молитве с ней
Стоит с поднятыми руками,
Соперники со всех плечей
Друг друга потчуют мечами.
Но тут, как будто чудесами,
Давно усопший дезертер
Себя в их поединок втер,

И, брата фрейлинского с тылу
Хвата мечом, послал в могилу.
Потом, являясь пред царем,
Донес порядочно о том,
Как было, и его убили,
Но только лишь приколотили.
Обрадовался царь тому
И за претёрпенны побои,
Чем хвастают одни герои,
В жену царевну дал ему.
Конец — и стихотворцу слава,
Что хоть в конце пиесы здрава
Героя вздумал показать
И чтоб его нам не видать.
Ну, как же тут не хохотать?
Нет, право, мочи удержаться.
Нет мочи. Ха-ха-ха-ха-ха.
Смотри, какая чепуха.

Оба смеются.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Ш у т н

И впрямь нет мочи не смеяться.

Оба хохочут.

С л е з н и к о в

Виват! Капнист в пиитах — блажь!
Виват! Комико-трагик наш!

О б а в м е с т е

Виват! Комико-трагик наш!

1810 или 1811

АНТИГОНА

Трагедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Креонт, царь фивский.

Антигона, дочь Эдипа, (покойного) царя фивского.

Эгина, наперсница ее.

Эмон, сын Креонта.

Димас.

Форбат, наперсник Креонта.

Стража

Жрицы

Народ

} фивские.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет царские чертоги.

ЯВЛЕНИЕ I

Креонт, Форбат.

Креонт

Свершила наконец все ужасы война,
И кровью братий двух земля обогрена.
Решило Фив судьбу сражение кроваво,
Эдиповых сынов на трон исчезло право:
Друг другу дав удар, во прах они легли
И право то во ад с собою увлекли.

От смерти их сама природа се трепещет,
Но меж сих ужасов мне луч утехи блещет.

Ф о р б а т

Возможно ли, Креонт, чтоб столько был жесток,
10 Чтоб, видя ныне, как свирепствует здесь рок,
Не пролил капли слез и не был сердцем тронут!

К р е о н т

Оставим плач другим, пусть слабы души стонут,
Пусть Антигона, днесь лишася братий двух,
Бесплодно свой об них терзает грустью дух,
Пусть мечется в тоске, пусть слезы проливает
И тем о праздном здесь престоле забывает.
Пусть, ставя сын мой страсть к царевне за устав,
Из братиев в одном сам друга потеряв,
Соплачет ей и тем любезной угождает.
20 Скорбящая душа всегда слаба бывает.
Потребна твердость мне и вреден скорби вид,
Когда Эдипов днесь престол мне предстоит.

Ф о р б а т

Но трона у тебя никто отъять не может,
Тебе остался он; иль мысль тебя тревожит,
Что можешь быть лишен?..

К р е о н т

То правда, я достиг
В смущеньях сих всех мер, мне кажется, своих.
Алкающий давно душою всей я трона
И зря, что братья те суть мне к нему препона,
Путиами скрытыми в них ненависть вселил,
30 Чтоб трон очистили, я их вооружил.
Я признаюсь, война основана та мною.
Креонтов был совет, чтоб дерзкою рукою
Державу Этеокл неправедно хранил,
Которой по чреде лишь править должен был,
И право б защищал оружием не геройско.
Под Фивы Полиник привлек аргивско войско,
Мной тайно наущен, с Адрастом съединясь,
Отечеству грозил, на брата разъярясь.

В середине сей они неслыханныя брани
40 Друг друга поразить взнесли грозящи длани
И, кровь забыв, одну вражду вменя в закон,
Взаимный дав удар, извергли души вон.
Без них здесь кто меня достойнее державы?
К тому же Этеокл, в поля стремясь кровавы,
Вельможам, воинству торжественно изрек,
Чтоб скипетр я приял, коль он свой кончит век.
Вот права сильные, но стали бы все слабы,
Когда моя душа унизиться могла бы,
Когда на них я всю надежду полагал
50 И сам, не действуя, в унынии дремал.
В сих случаях народ к волнению способен,
И первый, кто дерзнет, восхитить скиптр удобен.
Адраст, пред Фивами со войсками стоящ,
Царевна, сам мой сын, любовью к ней горящ, —
Все могут быть мои соперники опасны.
Но мне, оставя им крушения напрасны,
Мне надобно, Форбат, их всех предупредить
И твердостью души порфиру уловить.
Доколе не в венце, не буду я спокоен.

Ф о р б а т

60 Единый, государь, ты здесь его достоин.
Доказывает днесь то твердость нам твоя.
Дерзай, надежен будь: корона ждет тебя.
Уж наших сограждан согласное собранье
Готово увенчать сие твое желанье.
Предстань лишь токмо им, все примут твой закон.

К р е о н т

Будь долей мне, о верх моих желаний, трон!
Одей меня своим сиянием, порфира!
И тотчас докажу в очах всего я мира,
Что сквозь преграды все, умев тебя снискать,
70 Незыблемой рукой умею и сдержать.
Пойдем, предстанем днесь соборищу всех фивян.

*(Хочет уйти, но, встретясь с Антигоною, пред нею
останавливается.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Креонт, Эгина, Форбат.

Креонт

Царевна, я тебе, страшася быть противен
Утехой своей, того знать не даю,
Сколь в сердце чувствую я всю напасть твою.
Когда усильно мы несчастным сострадаем,
То, может быть, лишь тем их скорби умножаем.
Чту долгом я тебе в слезах свободу дать
И вскоре видеть их отертый ток желать.

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Эгина.

Антигона

В отчаяньи моем отрады ненавидя,
80 Благодарю его, что, скорбь мою он видя,
Утехой суетной меня не отягчил.
Ах! кто бы скорбь мою умалить в силах был?
Для поражаемой судьбою Антигоны
Утехой жалобы остались и стоны.
В мрак вечный братия мои погружены,
Но кем? .. Друг другом, ах! они умерщвлены.
А я, несчастная! жить в свете долженствую,
Чтоб в сердце, помня их, питати муку злую.
Узнав, что каждый в них, лишенный жизни, пал,
90 Равно об каждом, ах! мой дух вострепетал.
Пускай между собой их разделяла злоба,
Они любезны мне, они мне братья оба.
Слезами жертвую им вкупе обоим
И душу ужасом наполнила я злым.
Но что, Эгина, ты? .. что следуешь за мною?
Не хочешь ты мне дать мгновенного покою.

Эгина

Ты рвешься горестью, всю твердость погубя.
В сем состояньи как оставить мне тебя?

Антигона

Все обо мне твои старанья мне несомны.

- 100 Пременишь ли ты тем судьбы уставы злостны?
Когда ужаснейший тот слух меня достиг,
Что братий нет, увы! на свете уж моих,
Тогда, отчаянья несчастная став жертва,
Я, сил лишаясь всех, пред всеми пала мертва.
Вы, ревностью меня зловредной тяготя,
Вселили мук собор, жизнь в сердце возвратя.
Почто тогда меня избавили вы смерти?
Она хотела жизнь и все с ней бедства стерти.
110 Стократно сносней нам один раз умереть,
Чем продолжительны удары те терпеть.

Эгина

Коль сами небеса о жизни в нас пекутся,
То знак, что наши тем все бедствия прервутся.
Спокойство восприми, поверяся на них,
Отчаяньем не смей предел нарушить их.
Не знали крови уз те братия несчастны
И преступления влекли к себе ужасны.

Антигона

- Я знаю, их смирить небесный гром был слаб,
Единый и другой неистовства был раб.
Геенною престол скорее б искупили,
120 Чем распри их вину друг другу б уступили.
О преткновение возвышенных сердец!
О трон! о блещущий, но тягостный венец!
Чтоб вами обладать, коль много забывают!
Рассудок кроют тьмой и совесть заглушают,
Степеньми мертвых тел достичь стремятся вас.
Но если бы цари, в порфиру облачась,
Все с нею бремена спряженны воспримали,
Далеко б все они владычества бежали.

Эгина

Забудь напасти все, конец увидев им.

Антигона

- 130 Довольно ль, боги! весь Эдипов род гоним?
Правдиво ль ты, о рок! ко смертным толь
враждуешь,

Что грех отеческий и в чадах наказуешь?
Остаток крови сей, что удивила свет,
Чего должна я ждать, кроме единых бед?
Всечасно мысль моя тем будет поражена,
Что моего отца я матерью рожденна,
Что я, увы! сестра братоубийцев двух,
Что род наш славен тем, что ужасов в нем дух.
О боги! от меня сии злодейства скройте
140 Иль смерть в отраду мне стремительно устройте.
Разгневанной судьбы пренесши злой удар,
Я жизнь вмещаю в яд, а смерть в сладчайший дар.

Эгина

Спокой, царица, свой смятенный дух ты ныне,
В Креоптоном увидь свою надежду сыне.
Эмона любишь ты, Эмон тобой горит:
Владычицы своей он счастье сотворит.

Антигона

Хотя надежда вся моя в одном Эмоне,
Слаба она душе от скорбей к обороне.

Эгина

Как можешь ты иметь сомнения о нем?

Антигона

150 О нем сомнения во сердце нет моем.
Пылающ мной, любим, герой, великодушен,
Не может быть он тем чувствам преслушен,
Которые всегда ко мне его влекут
И наших уж давно сердце союз плетут. . .
Всегда меня в своей он страсти уверяет.
Я б верила тому, что мною он сгорает,
Хотя б богов не звал своих в подпору слов, —
Где сердце даст обет, нет нужды до богов.
Простым его словам я боле клятв поверю,
160 Но тем, увы! своей печали не умерю:
За нежности свои, толь пламенно любя,
Найдет ли он во мне награду для себя?
Могу ли сообщить хоть тень ему спокойства,
Коль душу всю мою волнуют неустройства,
И слабы прелести приятны ли тогда,
Как льется плач на них, написана беда?

Я буду век к себе, к любезному строптива.
Ты зрела, как моя душа несправедлива
Смерть братиев моих в вину ему причла;
170 Ты слышала, что я в жару ему рекла;
Вслед токмо одному стремяся исступленью,
Я дерзкому вдалась Эмона оскорбленью.
Забыв, что воспретить им сил он не имел,
Что крови б он своей для них не пожалел,
Забыв, за всё ему упреком заплатила.
Иль мыслишь, что во мне свирепа скорби сила,
Утихнувши на час, ввек станет лишь молчать?
Нет, вечно буду всех собою огорчать.
Всем чувствовать то дам, что дух мой ощущает.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Эмон, Эгина.

Эмон

180 Царевна, зрю, еще льет слезы и страдает.
Эмону вся твоя чувствительна напасть,
Эмон во всем берет с тобою равну часть.
Лишенна братий ты, лишен он друга нежна.
Все чувства его крутит печаль мятежна.
Но меж сих ужасов, грызущих люто нас,
Прости, коль он дерзнет вознесть утехи глас.
Свершенных заменить бед, сетуя, не можно.
Добротою души блистающа не ложно,
Напасти долею своей должна ль ты честь?
190 Блаженством будешь ты, как прелестями, цвешь.
Дерзну ль рещи, что тем в несчастьи облегченна
Быть можешь, моим что сердцем обожженна?
Имеет мой отец в умах народа власть,
По братиях твоих его корона часть;
Я сам, когда своей не тщетно силой льщуся,
Я в действо произвесть всё для того потщуся,
Дабы ты дни вела достойные тебя.
И если, всей душой я пламенно любя,
Горячности своей узрю тебя причастну,
200 Владычицу свою когда увижу страстну,
Мне вздох хотя один дающую во мзду, —
Я ниже тем своей почту богов чреду.

Антигона

Ко мне Эмоновы мне чувства известны,
Я знаю, сколь они горящи и не лестны,
И склонность я к тебе сколь сильную храню,
Давно уже ты сам то ведаешь, я мню.
Но, ах! любя тебя, душа моя страшится,
Да нам сия любовь в напасть не обратится.
Все бедства испытав, мне страшно всё теперь...
210 По сим боязням ты мою горячность мерь...
Мне мой рассудок страсть губить повелевает,
Но сердце верх берет, ему всё уступает.
На скорби не смотря, которые терплю,
Забыти не могу, что я тебя люблю.
Постражду ль вечно я, в мученьях ли увяну,
Любити никогда Эмона не престану.

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Эмон, Эгина, Форбат.

Форбат

Царевне возвестить Креонт меня послал,
Что ныне скипетр он по праву восприял.
Из рода наших он царей теперь старейший,
220 Потщится он разгнать напасти наши злейши.
Не сомневаясь в том, что в скорби ты своей
Себе единых ждешь несчастья полных дней,
В противном он тому тебя мной уверяет;
Он должностию то себе предпоставляет,
Чтоб крови ты своей приличну жизнь вела.
Останешься ты тем, что прежде ты была.
Хоть братия твои владети здесь не будут,
Что дочь Эдипа ты, то Фивы не забудут.

Антигона

Креонта я моих отцов на троне зря,
230 Желаю видеть в нем достойного царя.
Не мню, чтобы он столь душою сниспустился,
Несчастну без него теснить чтоб вяще тщился.
Мою не в силах он унизити чреду.
Подпоры от него, не милостей я жду.
Вещай ему: коль мне доставит часть плачевну,
Он не рабу казнит, но оскорбит царевну.

Антигона, Эмон, Эгина.

Эмон

Се явственно судьба споспешествует нам,
 Не к горестным ведет, но к радостным нас дням.
 Державную здесь власть приявший мой родитель
 240 Желанья нашего явится совершитель.
 Хоть гневом на меня его палился дух
 За то, что Полиник нежнейший был мне друг,
 Но днесь он укротит свой гнев несправедливый,
 Коль братья и враги уж оба те не живы;
 Причину распри в нас постигнул коль конец,
 Вновь к сыну своему явится в нем отец.
 Мы кротость в нем родим, когда ему предстанем
 И нашей заклинать его любовью станем,
 Которья ему чистейший огонь не скрыт,
 250 Да браком он сердца горящи соединит.
 Докажем мы тогда, любви что совершенство
 Двум смертным может дать верховное блаженство,
 Здесь долу их судьбу с небесною сравнить,
 Заставить, всё забыв, друг в друге токмо жить.
 Меж тем престань платить ты скорби тщетны дани,
 Из мыслей днешняя изгнавши ужас брани,
 Лишь счастьем будущим займи в восторге ум.

Антигона

Могу ль избавиться от лютых сих я дум?
 Я братий, может быть, тем память оскорбляю,
 260 Что в день, в который их обоих вдруг теряю,
 К страданию об них примешиваю страсть,
 Но если б не она, сама б должна я пасть.
 Летящу душу вон она останавливает,
 Но, ах! не к вящим ли мученьям оживляет?
 Не посылайте нам вы оных, боги! вновь.
 Соделайте, моя невинна чтоб любовь
 Увенчанна была и одобренна вами.
 Прославьте счастьем нас, прославивши бедами.
 Чем ваша мощь свята, коль не погубит зло?
 270 Довольно здесь не слез, но крови уж текло.

Конец первого действия

ДЕЙСТВЕННЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Эмон, Димас, Посол аргивский.

Посол

Аргивского посла название священо
Носящу на себе, Адрастом повеленно,
Мне предложение позволь ты учинить.
Он знает дружбу, что душа твоя хранит
К союзнику его, несчастному герою,
Что отческой вражды была тебе виною,
И он осмелился, твое геройство знав,
Надеяться, что ты, мысль равну с ним прияв,
Виновнику отместишь войны тоя кровавой,
280 Кой ненаказанно гордится здесь державой.
Склонись ты к Фивам нам путь тайный показать,
Чтоб скипетр из руки Креонтовой отъять. . .

Эмон

Как! мне родителю изменником явиться? . .

Посол

Ты мыслишь, может быть, что наш владыка
льстится
Отечеством твоим смятенным овладеть?
Намерений таких не может он иметь.
Он хочет лишь отместить за кровь, здесь
пролиянну.
Содействуй лишь ему, и к царскому ты сану
Узришь тебе стезю. Он Фивы лишь спасет
290 От власти варварской, тебя на трон взведет,
Ты будешь здесь царем.

Эмон

Я боле не внимаю
И выше чести я престол не поставляю.
Когда бы сам Адраст сие мне провещал,
Достойно бы ему тогда я отвечал.

Бесчувства нет во мне; не столько я несчастен,
Когда чьи скорби зрю, сам скорбями дыша,
То ощущаю тем, что есть во мне душа.
И в том ли токмо знать героев должно свойстве,
Чтоб, слыша стон других, в холодном быть
спокойстве!

330 Знак зверства одного поносный сей покой;
И если кто таков — он изверг, не герой.

Д и м а с

Похвально чувства хранити таковые,
Но обстоятельства к концу приходят злые;
Напасти уж прошли и не настанут вновь.
Питай лишь общую с царевной ты любовь.
Всё ваше бедствие в блаженство превратится,
Вам жертвенник утех навеки воскурится.

Э м о н

Хоть кажется судьба нам иногда сладка,
Но яд мешает с ней невидима рука;
И часто посреди минут благоприятных
340 Мутимся мы в душе от скорбей непонятных.
Блаженство предо мной паружно предстоит,
Но внутренность моя другое мне твердит:
Предчувствий мрачных нож во сердце, слышу,
ВХОДИТ

И лютых мук собор в него с собою вводит;
Безвестны фурии в меня сыскали путь,
Их острие зубов грызет смятенну грудь.
Конечно, иногда, готовя нас к страданьям,
Сим жить в нас небеса велели предвещаньям,
350 Что горесть за собой влекут счастливы дни.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креонт, Эмон, Форбат, Димас, воины.

Креонт

Мой сын, колико я душою восхищаюсь,
Что день, порфириою в который украшаюсь,
Пределом всех нам стал отечественных бед!

Не брани огонь горит, но мира блещет свет.
Аргивцы чрез посла меня об оном просят,
Не мрачный кипарис, ветвь масличну приносят.
Сраженны смертию двух братьий и врагов,
Кровопротития несчастнейших творцов,
Желают наложить оружию молчанье
360 И наших кончить стен упорно облежанье.
Довольно здесь уже свирепствовала брань,
Довольная была от Фив судьбе злой дань, —
Се время наступить по смутностях покою.
Хощу — да счастье мне данных чад устрою
И, мир облобызав, тем царствовать начну,
Что изнуренную ущедрю всю страну.

Э м о н

Коль прекратятся так дни, бранию бурливы,
Отныне, государь, все будем мы счастливы.
Своею насадив здесь тишину рукой,
370 Ты будеши велик не тронем, но собой.
К несчастью смертных всех, царей на свете
мало,
Чье сердце миром быть прославленно желало.
Хоть славу за собой влечет всегда война,
Но кротких честь царей — подвластных
тишина.

К р е о н т

На поле ужаса, лютейшего сраженья
Побитые тела лежат без погребенья.
Се ныне я даю веление, как царь,
Да велелепнейший воздвигнется алтарь
И Этеоклов труп на оном да сожжется,
380 Да прах его потом во урну соберется,
Дабы он был храним меж прахами владык.
Братоубийца же, мятежный Полиник,
Кой к отческу привлек чужое войско граду,
Могу ль и к мертвому не чувствовать досаду?
Да будет, говорю, всех почестей лишен,
Да труп его лежит оставлен, не сожжен,
Да будет пищей он зверей и хищных вранов.
Се честь ко памяти изменников, тиранов!

Э м о н
(в сторону)

Что слышу! Сей удар царевну поразит.

К р е о н т

890 Да весь народ сие мое веленье чтит,
Не смея оному ни в чем быть прекословен.
Кто ж в преслушаньи мне явится днесь виновен,
Клянуся Стиксом я и силой царских слов,
Тот люту стерпит казнь, кто б ни был он таков.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Креонт, Эмон, Эгина, Форбат, Димас,
воины.

Антигона

Владыкой Фивам став, подпорой царску роду,
Услыши, государь, стнящую природу.
Сестра двух братьей, брань жизнь коих прервала,
О должности твоей вещать тебе пришла.
Бездушны трупы их, дымящиеся кровями,
400 Под грудой тел лежат пред градскими стенами.
Сих сами стран цари и сынове царей,
По смерти злой не зрят достойных им честей.
И должно ли, чтоб мы им были судиями,
Когда мы убежать от зла не можем сами?
Оставим, смертны быв, грехи казнить богам.
Воздай сим, государь, честь царскую телам
И самым тем утешь в печалях сих ужасных
Страдающих по них сокровников несчастных.
Но сих моих речей молением не чти, —
410 Я требую: сестру, царевну в том прости.
Ставь благом ревность ту, которой я пылаю,
Исполнь немедля то, чего я ожидаю.
И так уж я стыжусь, что ты на трон восшел,
А первый долг свершить до слов моих коснел.

К р е о н т

Похвально сколь сие чувствительное рвенье!
Мое к царевне им сугубится почтенье.

Но блеском лишь меня занятого не мни
И медленностию в сем деле не вини.
Почто мне ждать, чтоб был я предварен тобою?
420 О чем ты мне рекла, устроено всё мною.
И воля в том моя какой дала закон,
Оставшийся с тобой поведает Эмон.
Надеюсь, что, с моим сообразясь желаньем,
Не омрачишь себя на царский глас роптаньем.

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Эмон, Эгина, Димас.

Антигона

Ужасною тоской мой разум потемнен
О новом был царе на время заблужден.
Я вижу, что его я суетно винила,
Прости, коли тебя в отце я огорчила, —
В несчастных не они, их бедства говорят.

Эмон

430 Ах! в чем прощать тебя? . .

Антигона

В сем сердце грусти яд
Волнуется, кипит, цепь мыслей разрывает.
Смущенно чувствую, смущенно глас вещает.
Но ты мою печаль, сколь можно, днесь умерь,
В отраде сей меня, любезный князь, уверь,
Что помнит твой отец, начав владеть сим градом,
Чем должен ныне он царям и царским чадам. . .

(По некотором молчании)

Но ты молчишь. . .

Эмон

Страшусь. . . хоть должен я реши. . .
В отчаянье тебя страшуся вовлещи.
С каким бы я тебе то возвестил стремленьем,
440 Что мог бы счесть твоих прискорбий утешеньем!
Но чтобы возвестить беды, разящи нас,
Готовый излететь остановился глас.

Антигона

Еще мои беды, еще, я вижу, множат.
Когда судьбы конец страданьям сим положат?

Эмон

Из братьев твоих злосчастнейших один
Примет почести, как стран сих властелин,
Другой... Позволь судьбу мне умолчать другого...
Сколь в жизни, по конце столь часть его сурова.

Антигона

Другого?.. умолчать?.. так... всё я поняла.
450 И ярость на кого небесна снизошла,
К тому и человек свою жестокость клонит!
Кто сильными гоним, того и слабый гонит.
Креонта смертными пустил рок обладать,
А область хочет он неправдою начать!
И из двух братьев, вражду питавших равну,
По смерти одному назначил часть бесславу,
Чтоб в жертву их сестру мучениям предать
И род весь до конца Эдипов истреблять!
Как! брат мой будет днесь всех почестей
лишаться!
460 На мрачных тень его берегах должна скитаться!
А я!.. а я сие могу ли претерпеть?
Стократно легче б мне со братьями умереть,
Чем самовидицей такого быть позора.
Креонт! увы! ты наш мучитель, не подпора.
Иль мыслишь, что, венец блистающий надев,
Удобно разверзать тиранства можешь зев?
Забыл, что кротостью к богам владыка ближе,
На троне что злодей простых злодеев ниже.
Но в злобе утопать стремяся, всё сверши
470 И жизни дочь царей последнюю лиши.
Вынь душу из меня и после скорбно тело;
Не слыша пеней сих, предай в снедь звёрям
смело,
Да брата и сестры жрут купно плоть они;
Спряженных нас родством, сей долей съедини.
Быть может, что наш тлен проклятие отрыгнет,
Которое ушей Креонтовых достигнет,

И совесть, у него тем в сердце пробудясь,
Отмстит за нас, вся вокруг ехидною вьась.
Но нет. . . я мыслю, кто к тиранству приступает,
480 Заранее в душе тот совесть затушает.
Поди, реки ему, законы что храня
Он зверства своего, мертвит пускай меня. . .

Эмон

Ты в исступленьи мне гласишь: Креонт мучитель;
Разишь слух сына тем, что лют его родитель.
Заставила меня страдать стократно злей
Виною сей его, чем собственной своей,
И думаешь, что ты нужна ему быть жертвой;
Нет, смерть твою Эмон претерпит разве мертвый.
Я крови для тебя до капли б не щадил
490 И жизнью тысячью твою б жизнь искупил.
Но днесь не предстоит к отчаянью нам нужда:
Креонтова душа свирепств толь сильных чужда.
Он смерти твоя возможет ли желать?

Антигона

Коль в том не хочешь ты его подозревать,
Когда ты удержать мою жизнь алчешь слезну,
То сделай опыт в том, утешь свою любезну:
Сыновнею мольбой Креонта преклони —
Да погребательны возжгутся днесь огни
Для братьев моих обоих равно. . .

Эмон

Боги!

500 Приникните с небес и будьте мне залого,
Что если бы сие свершить я в силах был,
То вашими б ее слова себе вменил.
Я люто стражду сам, коль ты себя тревожишь,
Но твердый нрав царев не ведать ты не можешь:
Что он предпримет, в том стремителен, жесток
И слову изменить за тяжкий чет порок.
Хотя он не тиран, но дух властолюбивый
Творит, что действуют в нем чувства строптивы;
Молением не дает себя он победить
510 И в твердости границ не знает сохранить.

Антигона

Так бедство зря мое, никто мне не состраждет,
Лишь токмо слез моих напиться всякий жаждет.
Злодей! истошу не слезы вам, но кровь.

Се пламенна ко мне, Эмон, твоя любовь!
Холодностей своих пронзив меня мечами,
Все клятвы чувства соделал ты лжецами.
Ты звал богов: не им, я верила тебе
И пагубы сама тем строила себе.

Придет ли в мысль слова те опытом измерить,
620 Которыми, кто мил, нас силится уверить?
Так, слабой ты моей души владыкой стал
И, что вещал ты мне, всем тем меня ласкал.
Но днесь, как рвут меня прискорбия ужасны,
Все действия твои с речами несогласны.
Приятна страсть сперва, но лют ее конец.
Таков же сын ко мне, каков свиреп отец.
Сокройся от меня. . .

Эмон

Чем винен пред тобою?

Антигона

Беги. . . я, зря тебя, слаба владеть собою.
Коль ставишь ты в ничто меня так оскорблять,
630 Беги и мыслям дай моим ток вольный взять.
Беги, вещаю я. . .

явление 6

Антигона, Эгина.

Антигона

Колико я страдаю!
В мучителях моих и тот, кем я пылаю.

Эгина

Возможно ль, чтоб тебс мучителем был он!
К тебе его любовь — души его закон.

Когда бы мог твои он бедствия исправить,
Не нужно было бы его к тому заставить.
Но коль устав Креонт дал гневом двигнуть злым,
Вы опровергнуть то бессильны оба с ним.
Во безмятежии сноси свою ты долю,
540 С спокойствием на лице смотри на царску волю,
Лишь в чувствах к нему презрение вмещай.

Антигона

Я больше сделаю. Во мне не ожидай
Из царской дщери зреть рабу, другим подобну.
Могу ль я следовать сему велению злобну?
К Креонту праведно душой рассвирепев,
В сердечных только свой сокрывши недрах гнев,
Бесплодно стану ль я тоскою изнуряться?
Нет, чувства сестры в делах моих явятся.
Коль долг царя Креонт не хочет совершить,
550 То я свой совершу.

Эгина

Что мыслишь учинить?

Антигона

Коль Этеокла чтут по смерти как владыку,
Таковую ж честь сама воздам я Полинику.
Хоть велелепного лишится он костра,
Но славен сей обряд: сожжет его сестра.
Мрак ночи, служит кой злодейств людей покровом,
Споспешник будет в сем безгрешном действе новом.
Невинным может быть в нем польза в первый раз.
Под сению его отвагой воружась,
Из града выйду стен в средину поля бранна,
560 Достигну сердцем там предмета, мной желанна,
Разрою груди тел сама своей рукой
И, братний труп обрев, омою слез рекой,
Почту его своей любви я фимиамом,
И кровью тучная земля мне будет храмом:
Восшлю до облак вопль, любезный труп возжгу,
Со пламенем сим огонь душевный сопрягу.

Эгина

Что слышу я! в тебе какая дерзость дивна!
В опасности идешь. . .

Антигона

Не смей мне быть противна.

570 Решилась я. Меня не мысля удержать,
Потщися моя достойна дружбы стать
И не кажи в своем мне робости совете.
Для слабых только душ опасности суть в свете.
Собрав к царевне их усердствующих жен,
Жриц верных также б сонм был к коим приобщен,
Приди ко мне. Мы все из града выйдем тайно
Позорище звездам явить необычайно.
В превыспренних ясней начнут они блистать,
Узрев, что, где пред сим свирепствовала рать,
Там те, слабейшими что чтутся существами,
580 Презрев тиранство, долг святой свершают сами.
Любовь, которою мой к брату дух горит,
Средь ужасов мое величье сотворит.
Богам самим, мое предчувство в том свидетель,
Покажется сия завидна добродетель.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет поле пред градскими стенами, на котором сражались, и глубокую ночь. Даль составляют пригорки, из-за которых видно расстилающееся по тьме зарево.

ЯВЛЕНИЕ I

Э м о н, Д и м а с, в о н н ы.

Д и м а с

Куда стремишься ты? Тьма ночи в небесах,
А мы скитаемся на бранных сих местах.
Мы следуем тебе: ты в странном сам смятенье.
Иль хочешь страшное возобновить сраженье?

Иль несколько часов ты мир устал вкушать?
590 Усердных воинов велел ты мне избрать,
В опасности тебе чтоб храбрость посвятили:
Покорствовать тому мы все не укусили.
В награду нам свое намеренье скажи:
Коль есть тебе враги, разить их укажи.
В крови ль омыться чьей должна твоя досада?
Вещай, что делать нам в часы сии вне града?

Э м о н

Не в лютый бой входить, не лить алкаю кровь, —
Невинность защищать мне днесь велит любовь.
Не постигаешь ты стремление Эмона,
600 Когда в опасности великой Антигона!
Чти жар священный тот, которым я горю,
Воззри на твердь, увидь от пламени зарю.
Ты будешь тогда исполнен удивленья,
Познаешь как сего причину озаренья.
Веление отца ты знаешь моего,
Я просьбу истощил, нарушить чтоб его;
Испытывал смягчить движенье в нем порочно,
И что предчувствовал, то сделалось точно.
Но от Эгины что уведал ныне я!
610 Дивясь, о сем душа смутилася моя.
Познай и ты сие. Познай, что Антигона,
Творительница став великих душ закона,
Не истощается бесплодною тоской,
Но действиями пол днесь превосходит свой.
Опасностей не зря в отчаяньи, в печали,
Свой долг она творит: се те часы настали.
Но я всё за нее был должен предузнать
И меры верные к ее спасенью взять.
Сокрывшись здесь, своей подвигнут силой страсти,
620 От всякой огражду нечаянной напасти
Ту, коей я дивлюсь и коей вспламенен.
В ней боле, чем во мне, геройский дух вмещен;
Но я хотя уж тем надеюсь быть славен,
Любовью что своей с ее любовью равен.

Д и м а с

Какой величества душевного пример!
В обоих вас равно бесстрашию нет мер.

Блестяя наперыв изяществом сердечным,
Вы слух своих имен хотите сделать вечным.

Э м о н

Кто героинею плененным быть умел,
630 В геройстве тот, поверь, имеет сам удел.
На крае гибелей ее зря, быть спокойным
Не есть любить ее иль быть того достойным.
Друзья, разделите вы сей восторг со мной,
Что случай есть дать щит невинности собой.
Что может более возвысить человека,
Как то, коль не щадит он небом данна века,
Чтоб добродетели со прелестьми спасти?
Мне счастье за нее смерть лютую снести.
С движеньем сердца я в сем действе часть
640 Как будто бы днесь сам труп брата сожигаю.
Превыше бренности мой, слышу, дух возник.
Прими те чувства сердечны, Полиник,
Что памяти твоей в дар друг твой посвящает,
О жребии твоём он слезы проливает,
Он огонь тебе возжег на алтаре души,
Ты в мрачных областях обет его внуши.
Коль в вечну ввергнут ночь немилосердным роком,
Пронзительным сюда из оной смотришь оком,
Какое для себя ты видишь торжество!
650 Се в первый долг вменив то, что велит родство,
И чувства любви питаю непреложны,
Сестра твоя тебе являет чести должны.
Тот, кто тебе был друг, кто в страсти к ней
660 горит,
На страже у нее при тайне сей стоит.
Презрели всех они, другим сие чтоб вверить,
Все страхи не могли их жар к тебе умерить.

Д и м а с

Се зрелище самих достойное небес!
Но дым и пламя ветр по воздуху разнес.
Уж тихнет всё теперь, всё снова померкает:
670 Знать, Антигона сей обряд окончивает. . .

Видно шествие с пригорков Антигоны и последующих ей.

Уже соборище вдали я вижу жен;
Является их путь, к местам сим устремлен.

Э м о н

Сокроемся, друзья.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Эгина, жрицы и женщины, Антигоне последующие.

Антигона

(выходит из дали театра в ночном беспорядке, плачущая и с урной в руках; прочие женщины ей последуют)

Предмет для сердца слезный!
Сосуд, вмещающий прах, столько мне любезный!
Весь брата тленности остаток моего!
Свидетелем будь ввек отчаянья сего,
Отныне коему есть жертвой Антигона.
Возрети на тебя не возмогу без стона.
Ты будешь мне в уме всечасно представлять
670 Вину моих скорбей, ужаснейшую рать.
Напомнишь мне... терпеть я буду ли то в силах?
С чьей кровью равная в моих течет кровь жилах.
О, жителей небес священная судьба,
С которой братися всех смертных власть слаба,
Ко добродетели моей содействуй воле,
К различной правь меня с сокровниками доле:
Да блага семена в душе я возвращу,
Злодейств себе в твоих уставах не сыщу.
680 Коль чада ж все тобой Эдипа столь гонимы,
Что преступленья в ад им путь необходимый,
Неправедный сей суд скоряе упреди
И смерть мне дать моих злодействий ты не жди.
Чтоб ими осквернить мне душу самовольно,
Твоей, клянусь собой, всей силы не довольно.

(Отдает урну в руки жрицам.)

Служебницы богов, обряд святящи сей!
Примите к брату вы залог любви моей,
Восшлите к небесам о нем молитву теплу;
Хранилище его сосуд сей будет пеплу,

А самого вместит в себя душа моя.

(После некоторого молчания)

690 Какие ужасы в сем месте вижу я!
Дух к трепету влекут поля сии пустые,
Едины мраки лишь простерты здесь густые;
Вперяет всё боязнь, чем я окружена,
И самых громов здесь страшнее тишина.
Сиянья звезд мои не видят слабы очи,
Всей поражаюсь опасностью ночи,
Дрожь чувствую земли трясущейся ногой,
Рвусь тщетно мест бежать, был в коих
лютый бой. . .
Так. . . слышу звук мечей. . . и крови здесь
дымятся. . .

700 Се братия мои с оружием стремятся.
Постойте, на кого вы руки вознесли? . .
Друг друга, зрю, разят. . . и крови потекли
Се собственной моей из персей их потоки.
Ах! язвами суть мне все язвы их глубоки.
Се точат кровь древа, ревет ужасный вой,
И звуки гибельны войны толико злой
Смутить самих богов, превыше тут взнесенны. . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Эмон, Эгина, жрицы и женщины. Эмон, слыша исступление Антигоны, выбегает из закрытия и со всеми предстоящими старается ее успокоить.

Эмон

Царевна, усьмири ты чувства возмущенны. . .

Антигона

Престань пылати, брань, умолкни, страшный

шум,
710 Спокой хотя на час ужасшийся мой ум.
Но нет. . . лютейши мне еще предстали виды:
Разверзся ад, оттоль стремятся Эвмениды;
Обвит змиями, в их десницах блещет меч.
Куда бежите вы? Сражение ль пресечь?
Но к братьям уж вы простерли страшны руки,
До ада им терпеть даете адски муки;

Припавши к ранам, вы сосете кровь из них,
Влечете за собой их в бездну обоих,
Их кровию стезю там черну обагрят...

720 Туда ж за ними, зрю, влеком Эмон, страдая...

Почто вы, фурии, оставивши меня,
Не сделали сего причастницей огня?
В презренье моего разительного стона,
Вы братьев увлекли, вы увлекли Эмона,
А мне судили жить без жизненных отрад,
С сим воздухом вдыхать лютейший в сердце ад.
По воле вы судьбой беснующихся правьте...
И, братиев влача, Эмона хоть оставьте...

*(Лишается сил; Эмон, Эгина и женщина
ее поддерживают.)*

Э м о н

Престань разить свой ум ужасною мечтой.

730 Открой глаза, увидь Эмона пред собой.

А н т и г о н а

Эмона!.. адские врата, я зрю, трепещут,
Эмона возвратив, все фурии скрежещут...
Ах! суетной ласкать надеждой мне хотят,
Отреян их рукой обратно он во ад.

Э г и н а

Какие в мысль свою сама ты вводишь мраки!
Содеянны тобой, страшат тебя призраки.

А н т и г о н а

Эгины слышу глас!.. я вижу здесь тебя...

Э м о н

Смятенье утоли, мечтание губя.

А н т и г о н а

И ты, Эмон!.. и ты!..

Э м о н

Я здесь, смотря, терзался,
740 Мучительный тебе как ужас воображался.

Антигона

По степеням сей мрак в уме моем исчез,
Подземный страх прогнать сияет луч с небес.
Приблизься, чтобы мне поверить было можно,
Что вижу пред собой Эмона я не ложно.

Эмон

Уверь себя ты в том и дух свой успокой:
Нет гибелей тебе, когда Эмон с тобой;
Чтоб вред тот был при нем, кой мысль твою
смущает,
В том аду самому Эмон не доверяет.

Антигона

Чем дале я вхожу, тем больше вижу тьму.
750 Как мог теперь предстать ты взору моему?
Какой толь сильною влеком ты был причиной
В полнощи сюда?

Эмон

Любовию единой.

Антигона

Что слышу!

Эмон

Дерзостно намеренье узнав,
Которо влил в тебя решительный твой нрав,
Не должен ли я был к тому вооружиться,
Чтоб в безопасности возмог здесь совершиться
Обряд сей, кой тебя на высшу взводит честь?
Ужель любовь слаба к геройству нас привесть?
Иль дух твой за мой жар ко мне толико злобен,
760 Что верит он с трудом, что я к сему способен?
Коль мужеством вполне желаешь ты блистать,
Оставь мне то, чтоб мог тебе я подражать;
Когда ж ты в слабостях меня подозревала,
Так истинной ко мне ты страсти не питала.

Антигона

Могу ль я о тебе в таком сомненьи быть?
Не быв героем, чем ты б мог меня пленить?

Величем душ себя друг с другом мы равняем,
Сим средством я тобой, а ты мной обожаем.
Не ново для меня, что днесь ты учинил,
770 Ты внутренних к тому имеешь много сил,
Которыми мою горячность ты присвоил
И в сердце у меня престол себе устроил.

Э м о н

Что может более нас в свете превознести,
Как то, что мы любви собой приносим честь?
Владея нашими взаимно что душами,
И боги и цари друг над другом мы сами?
Но ночь уж за свою средину перешла,
Опасно то, чтоб здесь ты долее была;
Желание свое уже ты совершила,
780 Потребно, чтоб себя отселе удалила. . .

Антигона с последующими ей хочет уйти. Но внезапно из находящегося в стороне леску вышедшие, под предводительством Форбата, воины, окружа их, останавливают.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Эмон, Эгина, Форбат, жрицы и женщины,
воины.

Ф о р б а т

Остановитесь.

А н т и г о н а

Что вижу!

Э м о н

Отчего

Дерзаете? . .

Ф о р б а т

Творя владыки моего
Сниспосланное мне с престола повеленье,
Царевну удержать чту правом дерзновенье.
Оставя труп лежать здесь братий одного,
На страже быть велел у места он сего,
Чтоб если кто его изволу в преступленье
Здесь Полиниково дерзнет свершить сожженье,

Кто б ни был он, того представити б ему.
790 Вот извинение усилиству моему.

Э м о н

Кому слова сии толь буйственны вещаешь?
И руку на кого насильства воздымаешь?
Иль ненаказанно мнишь оскорбить теперь
Эмона и царей, владевших в Фивах, дочь?
Иль думаешь, что мы тебе подобны будем,
Для своевольств царя величье душ забудем?
Но расстояние с собой героев знай,
К ним ни под чьим щитом касаться не дерзай:
800 Толико ты в своей чреде пред ними низок,
Толико, тронув их, к паденью будешь близок.
Орудия неправд, что царь свершает лют,
Казнь терпят первые за сей свой подлый труд.
Сие я покажу тебе немедля делом.

(К скрывшимся соинам своим)

Явитесь, друзья!

Воины его выходят.

(К Форбату)

В намерении смелом
Возьми ты у меня теперь ее.

Ф о р б а т

Долг мой
Сверх воли быть велит противным пред тобой.

А н т и г о н а

Ах! се бедам конец Креонтом получаю.
Он смерти хочет мне. . . и я того ж желаю.
Ведите вы меня.

Форбат с воинами хочет увести Антигону, но Эмон с стремлением становится сам и с своими воинами между ею и Форбатом.

Э м о н

(к своим воинам, обнажив свое оружие, в чем они ему подражают)

Оружья обнажим!

Антигона

(к Эмону)

810 Что хочешь сделать ты стремлением таким?
На что оружия? Почто сия тревога?

Эмон

(к Форбату)

Сих острия желез к царевне суть дорога.

Форбат

(вынув меч и обратясь к своим воинам)

Пойдем мы, не разя Эмона одного,
Противу сонмища мятежного сего
И чрез сие свершим нам дело порученно.

Форбатовы воины обнажают мечи.

Антигона

(видя обе стороны, намеревающиеся сражаться,
бросается в средину их)

К какому ваше злу свирепство устремленно?
Геройством то, Эмон, возможно ли считать,
Согражданам своим чтоб смертью угрожать?
Коль за меня ты меч на фивяи обращаешь,
820 Ты славу тем мою навеки омрачаешь.
И можешь ли себя великим сотворить,
Когда рабов царя стремишься ты разить?
Гонным должно ли подобиться тирану?
Так, я иду сама: к Креонту я предстану.
Суровости его чего бояться мне,
Когда я дочь, сестра владевших в сей стране,
Когда мила тебе, когда я Антигона?
И на его главе не мне страшна корона.
Я пагуб не хочу ни на кого навлечь.
830 Ты жар свой утуши, вложи обратно меч,
Сего я требую

(к Форбату)

и шествую с тобою.

Эмон влагает свой меч в ножны, в чем его воины ему подражают,
после чего и Форбат с своими то же делают.

Э м о н
(к Форбату)

Невидимой теперь избавлен ты рукою.
Когда б тот огонь во мне неволью не угас,
Которым я горел спасти ее в сей час,
Не мог бы ты его избегнути безбедно, —
Влюбленных мужество испытывати вредно.

Конц третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет царские чертоги.

ЯВЛЕНИЕ 1

Креонт, Форбат, воины.

Креонт

Могу ль я быть своих движений властелин,
Когда в преступниках царевна и мой сын!
Мятежного сюда представьте мне Эмона.

ЯВЛЕНИЕ 2

Креонт

(один)

840 Власть царска не была их дерзости препона.
На что ж мне громкая сия власть и дана,
Коль девой, юношей презренна здесь она?
Иль будет мне одним порфира украшеньем?
Нет... обладать начну преслушников мученьем...
Мученьем... слово я какое произрек!
Иль стал, восшед на трон, другой я человек?
Иль должен чувствием пожертвовати сану
И царствовать, как прилично лишь тирану?

Нет, сердце не на то мое сотворено,
850 Но к лютой крайности теперь приведено.
В нем нежны склонности владыки должность губит
И тех велит карать, кого оно столь любит.
Когда еще венцом я сим не обладал,
Далекий от меня, колико он блистал!
А ныне мукою сие мне благо стало.
Какого ждать конца, коль гнусно так начало?
Глаза открыты мне сей опытом судьбы.
Цари! вы своего величия рабы.
Предписывая казнь державными руками,
860 Вы прежде всех ее восчувствуете сами. . .
Нет, к трону шествовав насилием своим,
Я удержу его сим способом одним.
Принужу я свой дух излити ярость гневну:
Вдам казни первую преслушницу царевну;
В преступке сем Эмон содействовавший ей
Лютейши, чем в себе, претерпит муки в ней;
Причастен буду сам я горести великой,
Но страждет пусть душа, лишь быть бы мне
владыкой.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креонт, Эмон, Форбат, воины.

Креонт

Приблизься и внимай. Могу ль я на тебя
870 Воззрети, нежности своей не погубя?
И лъзя ль, чтоб сыном я наречь тебя склонился,
Когда ты предо мной преступком осквернился?
Хотя бы целый свет против меня восстал,
В тебе бы после всех врага я ожидал;
Иль паче бы я той надеждой сладкой лъстился,
Чтоб на весь свет со мной один ты вооружился.
Но днесь я зрю, что ты движений подлых раб,
В слабейших случаях явился вяще слаб.
Не должно за меня идти против вселенной,
880 Довлело почитать устав, мной положенный;
Ты ж в преслушаньи мне преступником мог быть!
Когда я почестей намерен был лишить

Преступница к чреде сей право потеряла;
920 Не брака свет, но ей готовы смертны жала.
Когда веление мое пренебрегла,
Так участию смерть она приобрела.

Э м о н

Что слышу!

К р е о н т

Должен быть поступок сей наказан.
Я царь — и клятвою в том страшною обязан.
Всё мне забыть велит, что дочь царей она,
Уже ей мною казнь predetermined.

Э м о н

Возможно ли, сия невинность чтоб небесна,
Котора ни с ка́ким пороком несовместна,
Была б днесь жребием с злодеями равна!

К р е о н т

930 Мысль страстью не во мне, в тебе ослеплена.
Мой дух под прелестями злодейство ненавидит,
И око у меня равно с рассудком видит.
Я низких не хочу речей твоих внимать
И то, что предприял, не стану отменять.
Коль сыном быть моим всю чувствуеши цену,
Так душу ты исправь, любовью поврежденну.
Где не одобрит честь любви в сердце власть,
Там беззаконие хранить толь сильну страсть.
Реку тебе мое решительное мненье,
940 В последний раз уже я дал тебе прощенье,
Но ведаешь ты сам, с условием каким.
Когда же ты, огнем преступничьим палим,
Продлиши предо мной подлеише преслушанье —
Достойное найдешь сей страсти увенчанье:
Судьбе тебя одной с царевной я предам,
И брачным торжеством смерть люта будет вам.

Эмон

(один)

В какую ввергнут я отчаяния бездну!
 Виновным сыном быть!.. иль потерять любезну!
 Средины никакой меж крайностей нет двух.
 950 Мучением любви несносно страждет дух.
 Владычица моих всех склонностей сердечных
 Погибнет от суда людей бесчеловечных!..
 Но может быть, чтобы от зол ее спасти,
 Отчаянье мое покажет мне пути.
 Я сердце действовать рукой своей заставлю,
 От казни мерзостной невинную избавлю,
 От пропасти ее отторгнуть длань простру;
 Коль тщетно ж будет всё, так с нею сам умру.
 Я помню, что Адраст мне предлагал измену,
 960 Поставив за нее державную власть в цену, —
 Я предложенье то геройски пренебрег,
 Но днесь мне, может быть, подаст оно успех.
 Пойду в аргивский стан... но что я предпримаю?..
 Злодеем становлюсь?.. к измене приступаю?..
 Нет... пусть злодействуют другие, как хотят.
 Я тверд: примеры их меня не развратят.
 Отчаян... но свое не помрачу геройство:
 В несчастьях тверду быть — души великой свойство.
 Но, ах! исполнивши долг чести я святой,
 970 Расстанусь с жизнью... расстануся с драгой...
 И лютой казни сей Эмон не помешает?..
 Сколь душу мысль сия ужасна раздирает!
 Спасти уж предприял ту, кою я люблю,
 Но счастье ль то, коль ей изменой жизнь куплю?
 Нет... смерть хотя вкушу несносным сим уроном,
 Останусь в бедствиях... и в смерти я Эмоном.

Антигона в цепях, Эмон, Эгина, стража.

Эмон

(увидя Антигону)

Но что является? о ужас! о позор!

Тебя ль, царица, мой во узах видит взор?

Тебя ли видит в сем ужасном заключеньи?

980 Тот град, в величестве кой зрел твое рожденье,
В котором трон отцам и братьям был твоим,
Днесь видит, низостью сколь жребий твой тягчим,
И узрит, может быть, твоих страданий боле.

Антигона

Неправедная власть Креонта на престоле

Не может низостей мученьем причинить.

Разить — ему позор, мне слава — всё сносить.

Эмон

Сколь дорого плачу за бед твоих познать!

Нет, не мечты моих суть страхов основанье.

Я точно знаю то, и, зная, рвусь душой,

990 Что злая над твоей напасть висит главой.

Не думай, что твоих содействий ожидаю, —

Всем жертвовать любви один я предпринимаю.

Пойду к родителю, к стопам его паду

И в жалость, может быть, тоскою приведу,

Скажу: коль надобна ему здесь ныне жертва,

Пускай спасет тебя, пусть сына видит мертва.

Антигона

Что слышу! за меня стремишься к смерти ты

И, торжество забыв над злобой правоты,

Ты хочешь защитить невинность униженьем!

1000 Постраждет наша честь толь стыдным нам

моленьем.

Когда б преступок мой мне казнями грозил,

Тогда б ты без стыда прощенья мне просил,

Но ныне что Эмон к спасению мне скажет?

Пускай меня Креонт как хочет, так накажет:

Он властен сделать то. Но чтоб меня простить,
То должно наперед в злодействе обвинить.
Ужасного я толь прощенья не желаю.
Посредником своим я небо избираю.
Кто в добродетелях всю жизнь свою ведут,
1010 Тем человеческий совсем не страшен суд.

Э м о н

Но свет невинности твоей весь не узнает:
Он по наружности единой осуждает.
Свидетелем став днесь позора твоего,
Невинна ты иль нет, не различит того,
И часть твою молва рассеет ослепленна.

А н т и г о н а

Довольна совесть в ком, важна ль тому вселенна?

Э м о н

Ты хочешь всё снести. . . но я против тебя
Восстану. . .

А н т и г о н а

Ах! но тем погубишь ты себя
И вдвое поразишь меня своим ударом.
1020 Влекомый таковым неосторожным жаром,
Когда себя очам родителя явишь,
Сугубо против нас его ты раздражишь.
Он будет зреть твое во страсти мне упорство,
В злодейство претворит твое он непокорство,
И, не смягча ты в нем движений лютых власть,
Быть может, равную моей претерпишь часть.

Э м о н

Что нужды? . . я умру, коль не спасу любезной.

А н т и г о н а

Увидь отчаянье, увидь поток мой слезный.

Э м о н

Когда причастна ты столь слабости, любя,
1030 Так бодрствовать днесь мне должно за тебя.

Надеждой на меня свергай печали бремя.
Драгое трачу я, тебя внимая, время,
Которое в твою я пользу обращаю.
Прости.

Антигона

Постой. . . отсель тебя я не пушу.
Не трогают тебя вопль, стон и слез потоки,
Так вырвись из моих объятий, жестокий!
Исторгнися из них, коль сила есть к тому,
Иль слаб еще и сей оплот тебе? . .

Эмон

К чему

Приводишь ты? . . но нет, не буду малодушен.
1040 Се первый в жизни раз Эмон тебе преслушен.
Снедающий тебя чужд слабости мне яд.
Спешу, куда спешить мне чувства велят.
Коль держишь ты меня, то знак, что ненавидишь.
Прости. . . Спасенье ты иль смерть мою увидишь.
*(Он вырывается из объятий Антигоны и уходит, а она,
вскрикнув, пребывает несколько времени неподвижною,
устремив взоры вслед ему.)*

Антигона

Увы!

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона, Эггна, стража.

Антигона

Эмон ли днесь избег объятий тех,
Он в коих находил тьму счастья и утех?
А я, оставшись здесь, могу ли быть спокойна?
Лишь кажет ужасы мне мысль моя нестройна.
Опасности к себе влача он сам собой,
1050 Их презирает всех: то чудно ль? — он герой.
Мне, любящей его, мне, с сердцем столько нежным,
Льзя ль душу оградить покоем безмятежным?
Боязни он, любя, не зрит ни от чего,
А мне любовь велит страшиться всего
И кажет под его мне каждым шагом бездну.

Эгина

Почто себя вдавать в прискорбность бесполезну?
Надежды видя луч, пускати токи слез?
В несчастьях почитай то даром ты небес,
Что будет часть твоя Эмоном превращенна.

Антигона

1060 Коль воля то богов, чтоб я была спасенна,
То счастьем лишь тогда спасенье назову,
Как возмогу сказать: Эмоном я живу.
Не нужны мне ни жизнь, ни счастье чрез другого.
Но мысль не престаёт смущать меня сурова;
Надеждой не могу я сердца утвердить.
Льзя ль страх о том, кто нам любезен, истребить?
Когда ему напасть малейша угрожает,
Его паденье ум наш каждый час мечтает.
Судьба, приведшая ко крайностям нас злым!
1070 Эмона защищай под промыслом своим:
Недремлющим блюди стопы его ты оком,
Невинной чтоб не пасть мне в бедствии глубоком;
Забудь о мне совсем, лишь дни его продли,
Смерть люту от меня в Эмоне удали.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет темницу.

ЯВЛЕНИЕ I

Антигона в цепях, Эгина, жрицы и женщины.

С одной стороны выходит Антигона с Эгиною, а с другой жрицы, несущие урну с Полиниковым прахом, препровождаемые Антигониними женщинами.

Антигона

(к жрицам)

Сколь вашему должна усердному раченью,
Последню моему покорны что хотенью,

В толь страшны вы места сосуд сей принесли,
Чтоб слезы на него в последний раз текли. . .
Вот к брату где должна я долг воздать природы!
1080 Оковы тяжкие, темницы мрачной своды,
Плачевный памятник, грозящая мне смерть —
Вы рушите мою душевную всю твердь!

Э г и н а

Кто может быть, как ты, на свете так несчастна?
Чем жизнь твоя славней, тем боле смерть ужасна.

А н т и г о н а

Не жизнь мне дорога, не смерть меня страшит, —
Мне гнусен лишь один привязанный к ней стыд.
Узрел бы рок меня без ропота покорну,
Коль мне б судил он смерть всем общу, не позорну;
Со восхищеньем бы свой отдала я век
1090 На жертву божеству, к спасенью человек.
Но не предписана мне часть сия священна;
Чтоб так окончить жизнь, не столько я блаженна;
Ни людям, ни богам не нужен мой конец;
Тиранства дух в царе конца сего творец.
Льет ярость на меня владыка зверонравный,
Ко смерти изыскал он способ мне бесславный.
Уже мой казни дух всю лютость испытал
И трепет слабости впервые он познал.
Уже он зрит себя оставленна богами,
1100 Как власть они дают тиранам править нами.
Отчаянье тогда прибежище одно:
Прибежище от мук, но с муками равно.

Э г и н а

Будь чувствам своим до смерти ты послушна,
Как прежде, так и днесь равно великодушна.

А н т и г о н а

Ах! можно ли, с душой чувствительной родясь,
Без ужаса пренести жестоких бедствий связь
И быть подверженной, сих бедствий к довершенью,

Злодеям лишь одним приличному мученью?
Нет, кары таковой не сыщет злые ад.

1110 О! если б кровь во мне, вся превратяся в яд,
Неугасимый огонь во внутренней вспалила
И смертию в сей час смерть низку предварила,
С каким бы в сердце я восторгом умерла!
Но чувствий вся болезнь к сей крайности мала:
На то волнует лишь мной каждую минуту,
Чтобы страшнее зреть напасть свою мне люту;
Неслышащих богов о смерти сей прошу.
Смерть медлит; я ее по степеням сношу. . .
Почто ж меня Эмон несчастную оставил?

1120 Он взором бы своим зло смерти мне убавил.
Сугуба скорбь мою грудь томную грызет,
Когда его со мной в часах последних нет.
Увы! . . он, может быть, теперь сам погибает. . .
В отчаянье мой дух всё глубже погружает.
Ждала ль такого я мучительного дня?
Мне мнится, в свете всё презрело днесь меня.
О ком ни вспомню я, ко мне все стали строги;
Тираны все — Креонт, Эмон и сами боги.
Но если я от всех на свете сем терплю,

1130 Их лютость я сама, одна останавлию:
Я смерти, может быть, презорственной избегну;
Коль казнь мне шлет судьба. . . судьбы уставы
свергну.

Э г н а

Ах! жди своей судьбы с незыблемой душой.
Ее не умягчишь отчаяньем, тоской.

А н т и г о н а (обращаясь к урне)

О ты, которого уже нет во вселенной,
От коего один сей прах остался тленный!
О брат! я к коему была прилеплена,
Источник слез моих и смерти мне вина!
Восстань от вечного ты сна хотя намало

1140 И на сестру увидь зияющее жало,
На ту, которую невинность не спасла,
Котора только тем преступница была,

Почтила нежностью умершего что брата,
Что бедственной была любовью объята,
Что власть над ней приял увенчанный злодей.
Ах! ежели любви достойна я твоей,
Тронись теперь моим, тронись смертельным

страхом

И, чувство показав, вздрогни холодным прахом.

Не презри стонов ты страдающей души,

1150 Влей смерть в меня и тем зловредну жизнь сверши,

Прими в участницы своей меня ты доли,

Любезный брат! . . се глас моей последней воли. . .

Я смерти не могу поносныя снести. . .

Но должно. . . лютый рок! . . дражайший прах!

прости.

(Падает, лишаясь памяти, на руки женщин.)

Э г и н а

(к жрицам)

Уйдите, чтоб не зреть предмета ей плачевна.

Сбери все чувства ты, несчастная царица,

Сбери их, се Креонт к местам приходит сим!

А н т и г о н а

Ужель противным мне присутствием своим

Заране казнью он терзать меня стремится?

1160 В последний, зная, моих желает слез напиток.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Креонт, Эгина, женщины, воины.

К р е о н т

Виновица всех зол! преслушница царю!

Увидь ты ужас весь, которым я горю.

Сей ужас твоего плодом есть преступленья.

Уж тайны поднялись во граде сем смятенья:

Монарха за твою достойну казнь вина,

Граждáне фивские все ропщут на меня.

И кто, кроме тебя с Эмоном, в том причиной?

Твоею поражен ужасною судьбиной

И твердость зря мою преступок твой казнить,
1170 Потщился в их сердцах мятеж он вспалить.
Пускай злодейский ков усилиться возможет,
Но лютый сей успех Эмону не поможет.
В стенах коль на меня народ восстанет сих,
Угаснет уж тогда светильник дней твоих.
Пусть возгремит Эмон оружием здесь грозно!
Чтобы тебя спасти, то средство будет поздно.

Антигона

Какую произнес ты на меня хулу!
Невинна я во всем; лишь ты причастен злу.
Каким ты правом мне назначил рок плачевный,
1180 И кто тебе дал власть над жизнью царевны?
Ты новый путь сыскал Эдипов род терзать:
Ты дочери смел его казнь гнусну предписать.
Чей ум, зря страшное злодействие такое,
Злодейство б не родил еще лютейше вдвое!
Когда отчаянье все чувства заслепит,
Зараза зла в сердца стремительно летит,
Но боги, что с небес в грудь нашу проникают,
Но боги чистоту души моей всю знают.
Открыто им всё то, что в сердце я таю;
1190 Читая там они грызущу скорбь мою,
Преклонности к греху ни малыя не видят.
Все чувства мои злодейство ненавидят.
Эмона знаю я, любезна я ему,
Но чтоб он стал злодей, не верю я тому.
Смятений ожидай, стремись ты в преступленье
И плод его вкуси — вселенная презренье.
Но добродетель лишь единую любя,
Унижены тобой, превзойдем мы тебя.

Креонт

О фурия, беды лютейшие родивша,
1200 Меж сыном и отцом огонь злобы распаливша!
Неслыханным себя злодейством оскверня,
Ты оправдаться мнишь, вина во всем меня!
Как добродетелью тщеславиться ты можешь,
Коль сердце той страны, где родилась,
тревожишь?

Ожесточенье как далёко столь несешь,
Что поругание мне чувствовать даешь?
Как, зная власть мою, не двигнешься боязнию?
Ты зло сугубишь злом; я казнь удвою казнию.

Антигона

Не страшны казни мне. Уже, я вижу, смерть
1210 Готовится свой мрак на дни мои простерть.
Отчаянье одно имею я в предмете:
Зрю ужасы везде; что делать боле в свете?
Достойную себя всю жизнь я проводя,
Достойный путь возьму, из оной исходя.
Дивишься, не робка что, зря я дух твой
зверский.
Невинные сердца пред смертью самой дерзки.

Креонт

Престану дерзость я сию претерпевать:
Уж время за нее пришло тебе страдать.
Что медлю? . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Креонт, Эгина, Форбат, женщины, воины.

Форбат

Государь! весь город стал в волненьи.
1220 Оружье взяв, народ в неистовом стремленьи
Со Антигоною поступок твой винит
И казнь ее пресечь к темнице сей спешит.
Все купно вопиют: Креонт пусть обладает,
Но пусть сей казнию он владеть не начинает
И живу нам отдаст пусть наших дочь царей. . .

Креонт

Я укрошу мятеж свирепой черни сей.
Изменник мне, мой сын, конечно, им главою?

Форбат

Эмона нет совсем с их буйною толпою. . .

Креонт

Они орудие, а он всему вина.

1230 Не пройдет казнь его — предательства цена.
Мятеж воздвигнул он, попрасть меня в надежде.

(Указывая на Антигону)

Так сей злодейки казнь пусть он увидит прежде.

(К воинам)

На уготованну влеките смерть ее.

Антигона

(сама в себе)

Дух, преходя отсель на вечно бытие,
Будь в сей минуте тверд.

Воины, приближаясь, хотят ее взять, но она, отступя от них, величественным своим видом препятствует к себе подойти.

Мгновенье погодите.

Последний долг свершу. . .

(Вынув скрытый у нее кинжал, закалается и, упав в руки Эгины и женщин, говорит к воинам)

Теперь меня влеките.

Креонт

О ужас!

Лишь только Эгина с женщинами отвлечет на руках своих Антигону к стороне, то за театром слышен звук оружий и топот бегущих.

(Креонт продолжает)

Но что шум сей предвещает нам?

Се все мятежники стремятся к сим местам,
Когда долг подданных у них теперь в забвенье.

(К воинам)

1240 Они враги мои. Вступите вы в сраженье.

Антигона, лежащая в стороне театра на руках женщин, Креонт, Эмон, Эгина, Форбат, Димас, женщины, народ, воины. Вбегает вооруженный народ. Начинается сражение. Эмон, с другой стороны с Димасом и с малым числом воинов вбежав, оставливает сражение.

Эмон

Постойте, дерзкие!.. что мыслите свершить?
И ваш ли долг дела монарши здесь судить?
Он вышнего, а вы его рабы закона,
Когда не человек, свята для вас корона.

(К Креонту)

Ты видишь, государь, как шел я на тебя.
И за монарха бы им предал я себя.
Теперь уже мой меч спасти тебя не нужен.

(Бросает меч.)

Лишь ты против меня... и я обезоружен.
Преступника иль нет, как хочешь, ты карай,
¹²⁵⁰ Но только жизнь самой невинности подай.
Отдай царевну мне... народу возмущенну...

Креонт

(указав на Антигону)

Возьмите вы ее... но жизни уж лишенну.

Эмон

Что вижу!.. боги!..

Креонт

Вот что сделал дух строптив!
Она, свой смертный час сама предускорив,
Поносно чтоб не пасть, сама себя сразила,
И буйный сей мятеж напрасным сотворила.

Эмон

Я Антигону ли бесчувственну зрю днесь?..
Смерть хладну видя в ней, сам леденею весь...
Она погружена во мраке вечной ночи?
¹²⁶⁰ Без цвету все черты, без пламенных искр очи.

Ее ль увядшая немая красота,
Окровавленна грудь, запекшися уста?
Ах! сердце б коль во мне не билось, не кипело,
Как мог бы я узнать любезное толь тело?
Но где, увы! твоя божественна душа?
Как! .. нет ее! .. она, сама свой рок реша,
Достигнула уже богов бессмертных лона
И смертью, свет презрев, превысила Эмона! ..
Как! .. нет ее! .. а я еще живу! ..

- 1270 И суетно себе на помощь смерть зову. . .
И, не могущий глаз на свет без страха вскинуть,
Вместилище став мук, бессилен жизнь изринуть. . .
Умножьтесь во мне лютейши скорби вдруг,
Рождайтесь новые на части рвать мой дух;
Вы в каждом чувстве мне давайте смертну рану;
Вскрыв сердце, вы в него влеките боль желанну,
Да, страждя, умирать я всякий час могу. . .
Я к самому себе как злейшу лют врагу.
Я враг себе. . . я враг той, кою обожаю,
1230 Нет, не своя рука. . . но я ее пронзаю. . .
В ужасной участи ее оставив, я
Виновник стал сего кровавого ручья.
Увы! быть может, что ее душевна сила,
В злодеях чтя меня, сей смертью поспешила.
Убийца я ее. . . мысль страшная сия
Ввек жалить будет дух, как некая змея,
И ядовитые отчаяния стрелы
В душе я понесу и жизни за пределы.
А ты, родитель мой! на сей смотря позор,
1290 Ты видишь ужасов с холодностью собор;
На радость внутренню молчанья вздев личину,
В тебе всех наших зол я первую причину!
Почти я своего не вижу в том отца,
Кто к крайности привел невинные сердца.
Но боги злобы сей без казни не оставят,
О лютоści твоей жалеть тебя заставят;
Сокрытый гром метнув, в раскаянье введут,
В величии тебя, в порфире потрясут
И Тартаром престол соделают бездонным.
1300 Почувствуешь, сколь быть несносно беззаконным.
Но, исступлен, кому упреки я творю? . .
В тиране сем кого? родителя я зрю! . .

Креонт

Родителя. . . но ах! тобою огорченна,
Эмонова ль душа толико дерзновенна?
И от тебя ль сносить упреки должен я?
Смирися предо мной. . . Блаженна часъ твоя,
Что ты, ее лишась, не будешь мукам жертва.

Эмон

Ах! страшны ль муки мне, коль Антигона мертва?
Зри, смерти зрак на сем челе напечатлен.
1310 Прелестный дом души без ней остался тлен.
Так, вижу. . . смерть на ней мне едки взоры мечет,
Маня к себе меня, косою острой блещет,
С той хочет соединить, кем чувства горят,
Дверь вечности раскрыв, в ней тьму сулит отрад.
Спокойство на ее вкушу я мрачном лоне. . .
Пустите к ней меня. . . пустите к Антигоне. . .
Престаньте сей предмет священный окружать:
С лица ее в себя смерть дайте мне всосать.
В последний раз ее почитать любви огнями
1320 И жизнь свою у ней повергнуть пред ногами.

*(Увидя на полу лежащий кинжал, которым
Антигона закололась)*

О ты, орудие! раздравше нежну грудь,
Я коею горю и кою мог тронуть!
Еще ты кровью мне любезной обагрено:
Ты в сердце было том. . . ты для меня священно. . .
Ты той, кем я дышал, в мрак вечный ввергло дни. . .
И ты же с ней меня в сем мраке соедини.

*(Говоря последние слова, стремительно подняв кинжал,
вонзает себе в грудь.)*

Креонт

Что сделал ты?

Эмон

(лежа на руках воинов)

Лишь то, что сделать было должно.
На свете мне уже остаться невозможно:
Блаженство всё свое в любезной потеряв

1330 И нежности в отце обратно не снискав,
Вот что меня грызет, вот чем мой дух страдает,
И гнев твой глубже, чем кинжал, меня пронзает.
Жалей о мне... мой дух на час останови...
Брось кротости ты взор... и сыном назови.

Креонт

Снести гонение судьбы немилосердо
Такое, как во мне, лишь может сердце твердо.
Несчастный! как рукой ты дерзкою возмог
Приятый от небес сложить с себя залог?
Судьбу не допустить свершить твое теченье
1340 И даже обмануть всевышне провиденье?
Ты дал ли сам себе, чего себя лишил?
Страдал ты; без тебя б рок жизнь твою решил.
Великие сердца суть жребию послушны,
А руку на себя подьмет малодушный.
Но что я говорю?.. Я сам всему виной.
Свириством ископал я пропасть над тобой
И, может быть, тебя б с царевной ненавидел,
Плачевной вашей коль кончины б сей не видел.
Не уноси с собой вражду во гроб мою.

(С величайшею чувствительностью)

1350 Прости меня... вину я чувствую свою.

Эмон

О, глас, который боль терзающую смягчает!
Родитель мне еще родительски вещает...
И мучивший меня в нем гнева огонь угас...
Приятен самый мне ужасный смерти час...
Я с Антигоною себя соединяю...
И сыном я... отцу любезным... умираю.

Креонт

Лишился жизни он!.. я слезны токи лью...
Пусть душу к твердости неволим мы свою,
Величем ослепить чтоб робкий взор народа,—
1360 Но действует всего сильнае в нас природа.

Конец трагедии

1810—1811, 1814—1815

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в произведении. После нумерации строк (или строф) указывается источник варианта; если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего.

2

Строфа 1
Автограф БУАН

Забвенную приемлю лиру,
Спешу сй звук плачевный дать,
Дабы мон печали миру
На ней прискорбно возглашать;
Потоком слез ее омою
И, согласясь с моей тоскою,
Увядшим листнем увью;
Венцом терновым увенчаю:
Оплакать я на ней желаю
Отчизну сирую мою.

Между строф
1 и 2

Орфей! когда ты Евридики
Лишась, на лире воздыхал,
Древа бездушны, звери дикки
Ты к состраданью привлекал.
Внуши меня: к тебе взываю,
Не по супруге я взываю,
Прав более имею я
Привесть и камни в сожаленье:
Я воспою поработченье
Драгой отчизны моея.

41—44

Везде, где вольность обитала,
Не зная скудости, ни бед,
Там тверды зиждет власть забрала
И узамн в них вольность жмет.

- Между строфами*
8 и 9
- Хотя ж свои напасти кроют,
Презренье и стыд терпят,
Но в горести их души ноют,
Отчаянья грызет их яд.
Снедаемы печальми злыми,
Дыша лишь вздохами одними,
В ненесякаемых слезах
Проводят жизни все мгновенья,
Не обретают облегченья
От бедствий, как лишь во гробах.
- 91
- Монарх, се для тебя ликует
- 95
- Твою жестокость кротко спосит
- 95—99
ЛС
- Ярем свой носит терпеливо
И молит небо, да счастливо
Ты царствуешь, народ любя;
И ты ль его умножишь муки,
Обременишь цепями руки
- 115—120
Автограф БУАН
- Возможно ль статья, чтобы ныне
Ты радовался злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
Ты чувствований чужд суровых.
Так что ж? Не скрыл ли благ ты новых
Под тенью угнетений сих?
- 132—136
- Царь преданных тебе сердец,
Венчаный Вышнего рукою,
Народа твоего отец,
Грозу, висящую над нами,
- 4
- 121—125
НЕС
- Блаженству общему и миру
Пожертвовав покоем дней,
Она злату свою порфиру
Простерла над лицом морей.
Под сению священна крова
- 13
- Загл.*
- ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА МОЕГО
- 5
Соч.
- Драгих мне стран порабошенье
- Между строфами*
1 и 2
- О музы! вас не призываю,
Мне помощь ваша не нужна:
Гласить скорбь, кою ощущаю,
Меня научит скорбь одна

И лиру мне настроит томно.
Не песнь воспеть хочу огромно;
Я славы не ищу венца;
Уж лавры льстить меня престали,
Хочу смягчить мои печали,
Пролив их в нежные сердца.

17—19   Коль раны ваши растравит:
Изнеможен средь волн ревущих,
За подругов схватясь плывущих.

54—56   В объятия мои просясь.
Не будешь, мать свою лобзая
Или невинно с ней играя,

100   И кипарис в ней посадил.

102—106   К гробнице пригвожден твоей.
Светильник дня и звезды ясны,
Лампады спутницы ночей,
Меня зрят у твоей могилы.
Там жалобы мои унылы.

*Между
строфами
11 и 12*

Но эхи лишь одни, вселенна
Со мною, кажется, скорбит.
Поблекшим злагом покровенна
Земля являет томный вид.
Над лесом буря уж завывала.
Туман, простерший влажны крыла,
Лежавший мрак на лоне рек
Возлег на тучные лощины
И злачные луга, долины
В печально вретище облек.

В свирепом вихре север бурный
Разносит осень по земли.
Уже Олимпа свод лазурный
Седые тучи облегли;
Зефир озябший улетает,
Одежды нежны Эвр срывает
С цветов, за ним гоняясь вслед.
Убранств своих земля лишилась,
Природа с нею обнажилась
И всё в уныньи смерти ждет.

Я сладку чувствую отраду
Во общем сетованьи сем.
Воззря на мрачных туч громаду,
Разящих твердым злак дождем,
На ветр, листы с древес носящий,
На мраз, растения мертвящий,
На ток, одевшийся корой.

Я тем в печалях утешаюсь,
Что не один лишь я лишаюсь,
Что всех сражает жребий мой.

Но участь их не столь ужасна.
Хоть осень днесь мертвит цветы,
Но скоро им весна прекрасна
Отдаст все прежнии красоты.
Древа вновь листьем облекутся,
Потоки из пелен прорвутся,
Всё вдруг с весною оживет,
Мое несчастье невозвратно:
Смерть сына моего обратно
Не может уж привести на свет.

*Между
строфами
13 и 14*

Беды над миром непрестанно
Висят, как огустевша мгла,
В нем зло, как золото, постоянно,
А счастье брешнее стекла;
В нем свет соединен со тьмою,
О сын мой! если б ты судьбою,
Как твой отец, был искушен,
Коль крат, плывя к брегам счастливым,
Поверяся зефирам льстивым,
Он ими в пропасть был внесен!

Когда б, как он, ты в юны леты
Всех бедствий горести вкусил,
Когда б дражайшие предметы,
Твою жизнь конм ты вручил,
Тебе внезапно изменили:
Сии любовь твою забыли,
Те верность дружбы твоя;
Толь горьку ощутя измену,
Тогда восчувствовал бы цену
Ты жизни скорбныя сея.

Возможно ль, зря коварство злое,
Ведуще правость в смертну сеть,
Порок, достоинство прямое
Хулою ищущий сотреть,
Зря стыд поправшую кичливость,
Держащу скиптр несправедливость,
У ног вельмож ползущу лесть,
Возможно ль, ими не гнушаясь,
От вида их не содрогаясь,
Их мерзости и злобу снесть?

Но если б ты себя протизу
Их сонма явно ополчил,
Ты жизнь стяжал бы несчастливу,
Соединеньем общих сил

Твои дни грызла бы их злоба;
От ней тебя ни двери гроба
Не возмогли бы защитить.
Змеєю зависть ядовитой
И прах твой, в мрачной урне скрытой,
Не преставал бы шевелить.

170

Познать цель жизни моя.

15

*Между
строфами
5 и 6
Соч.*

Мыслью зреть, делить стремлюся
Скорби друга твоего,
Но с ним встретиться боюся,
Тщетно — вживе зрю сго.
В доме сем уединенном
На одре сидя плачевном,
К сердцу твой возглав он жмет,
Испуская вздох глубокий,
По ланитам скорбны токи
В горестном забвеньи льет.

Льет — и ложе орошает
Теплыми ручьями слез;
Радости воспоминает
И жестокость зрит небес.
На одре, где, страстью тая,
Сердце к сердцу прижимая,
Мила нежилась краса;
Где лилейну грудь сей Розы
Черны осеняли косы,
Смерти там лежит коса.

В сем чертоге, испещренном
Хитрою ее рукой,
В храме, дружбе посвященном,
Где приятств веселый рой
Вслед за нею вел утехи;
Где забавы, резвость, смехи
Ночь преобращали в день,
Там он в горести постылой
При лучах луны унылой
С страхом зрит свою лишь тень.

Сон смежит ли утомленны
Вежды, он драгую зрит;
Жмет в объятия влюбленны,
Но она от них бежит.
Он зовет ее, хватает;
Пробудясь, не обретает,
И... мечту познавши тут,

С страхом вспять на одр валится.
Хладный пот с него катится,
Дыбом волоса встают.

*Между
строфами
6 и 7*

О, какой мороз ужасный
Сердце льдом его покрыл,
Как, к груди припадши страстной,
Хлад он смерти ощутил!
Как вдруг общий вопль разлился!
Мрак в глазах его сгустился.
Се бесчувствен он лежит.
Мук ему разверзлась бездна,
Но нет сил. Завеса слезна
Горестный скрывает вид.

65—70

А злодей, корыстью гладный,
Чуждый чести, крови жадный,
Поприще вражды течет
Посреди утех несметных
И под сенью безнавстных
Дней должайший век живет?

*Между
строфами
8 и 9*

Истину сию печальну
Скорбный друг мой испытал.
Чтоб мету достигнуть дальну
Счастья, сколько протекал
Он путей и поприщ трудных!

Сколько стер клевет бесстудных,
Зависти, вражды препон!
Но весь труд, все встречи злыя
Для отрад жены драгия
Превозмог и сгладил он.

Се достиг; и без урона
Совести, души своей
Стал близ велелепна тропа
На степень отлик, честей.
Общее почтенье, веру
Приобрел, он счастья меру
Вожделенну совершил;
И ее со мздой заслуги
Нес к ногам драгой супруги;
Нес — и в гробе положил!

О преврат! Рука судьбины
Для того ли нас ведет
Кверху счастья, чтоб с вершины
Сринуть в бездну злейших бед?
Сил ли выпреших забава —
Зреть, как сладкая отрава

Горшей смертью нас разит?
И на то ль? Но ум строптивый!
Не ропщи: твой слух кичливый
Правды голос да внушит.

Мир сей, злу порабощенный,
Горн есть испытаний нам.
Скорбь, недуги отравленны,
Бедства — се стезя душам
Сквозь труды, боязнь, тревоги,
Сквозь печаль, лишенья многи.
Се стезя из тьмы земной,
Из сего страданий дола
Пред небесный праг престола,
Вечной блещуща зарей.

Строфа 13

О, сниди, наш друг небесный!
Луч отрады в нас пролей;
Узел нашей дружбы тесной
Укрепи еще сильней.
О, сниди, пребудь меж нами
И эфирными руками
Обойми нас, обласкай;
Отгони унылу скуку
И сносить твою разлуку
Верна друга научай.

*Между строфами
13 и 14*

Но, увы! суровым роком
Я от друга удален.
Во отчаяньи глубоком,
В коем днесь он погружен,
Мне нельзя с ним съединиться.
В разных мы местах томиться
Станем горестью одной.
Горесть нашу удвоет
Зла судьбина: разлучает
Нас друг с другом и с тобой.

Но судьба нас не разлучит:
Дружба нас соединит;
Жить с тобой любовь научит
И разлуку заменит.
Изваянный лик твой милый
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,
Снидешь друга зреть смущенна
И мелькнешь в душе моей.

- 18—19   Тут зрит селенья знаки милы.
Соч.   С плечей стрясает страх унылый
- 24—25   Развешивает, стелет вкруг,
Сухие ветви собирает,
Отрадно огнище питает;
- 27—29   И гладным в страх зверям кругом
Спшит зажечь костры огромны;
Средь их возлегли, члены томны
- 35—36   Друг истинный, нелицемерный,
В распутнях сей жизни верный
- 38—39   Поддержит в бедствии падающих;
Противу зол, на нас текущих,
- 42—44   О, сладостных отрад венец!
И рок не двигнет разъяренный
Тобой двух связанных сердец.
- Между
строфами
6 и 7*   В честь дружбы многи возвышают
Тьму пышных храмов, алтарей,
Но финямы воскурят
Лишь гнусной выгоде своей.
Усилим друзей достигнув
Манящей цели и воздвигнув
Их дланями столб желанных благ,
Презреть любовь их не стыдятся;
От вида скорби их сравнятся,
Холодный отвращая зрак.
- Широкий так поток в долине
Влачит ленивые струи,
Совокупя в сухой вершине
Ключ свежий, чистые ручьи;
Теперь богат, течет без рева,
И если камень, корень древа
Ток слабый от него делят,
Он всё спокойно протекает.
Гнилой лишь в бреге их питает
Презренный злак и вредный гад.
- 65   И вас, друзья! что жизнь стремилась ¹

¹ Повесть о двух истинных друзьях Пифии и Дамоне, смягчивших великодушным друг за друга жертвованьем свирепство Дионисия, тирана Сиракузского, известна каждому любопытствующему о происшествиях, делающих честь роду человеческому.

Так два источника с вершины,
Сливаясь один с другим,
Катятся через скалы, стремнины;
Встречающиеся камни им
Взаимной силой низвергают,
В долу ток ясный проливают
По чистому песчану дну;
И странника изнеможенна,
С пути журчаньем привлеченна,
Ко сладкому склоняют спу.

Се образ дружбы предков росса.
Но яд, о роскошь! сладкий твой
Ослабил твердый дух колосса.
Исчезли с древней простотой
Восторги дружества священна.
Земля, за злобу осужденна
Измен лишь зреть ехидный плод,
И дружбы луч, любви сердечной
Утешить не придет уж вечно
Осиротевший смертных род.

Сердца их так оледенели,
Как север, снег родящ и хлад,
Куда ни раз не долетели
Денницы блеск ни солнца взгляд.
Там мрачна ночь сном вечным дремлет,
Хотя ж в жестокий мраз объемлет
Покров ее багровый луч;
То крововидное сиянье
Есть страшно смертным предвещанье
Иль язвы, иль военных туч.

102—108

Тончащуюся жизни нить,
На жертву дружбе принесенны,
Ты можешь токмо оживить
Под чуждым, кротким небосклоном.
Жестокия судьбы законом
Оставить должен ты меня.
Оставь, теки, мой друг любезный!

112—116

Меня оставишь ты? мой друг!
В унылой погруженный скуке,
Ни в томном сердце, ни вкруг,
Во всей обширности вселенной,
В глазах моих опустошенной,

154—155

Злой совести жестоки пени,
Грозящие отмщеньем тени

162—165

Прийдут на гроб наш два друзья,
Тут клятвы подтвердишь священны

Нелестной дружбы свося;
Взаимной их любви пламень,

20

29—32
ЛС

Ах! почто ж, друг милый, жертвой жизни краткой
Быть тебе суждено?
Дерево, посяще плод надежды сладкой,
С корнем исторженно!

23

Соч.

Тринадцать лет прошло,
Как небо вас связало.
Хоть время и текло,
Но счастье стояло;
И крылышки прижав,
Любовь при вас осталась:
Цепями вас сковав,
К вам имни приковалась.

Пребудь здесь век, любовь!
Ты сколько б ни летала,
Себе приюту вновь
Такого б не сыскала.
А время! ты лети.
Хоть всё ты в мире гложешь,
Но счастья унести
Друзей моих не можешь.

31

11—12
ЛС

Герон крови токи
За шаг владенья лют

19—22

Но жить не алча вечно,
Бессмертнем не льщусь,
Тебя, мой друг сердечный,
Я пережить боюсь!

61

Автограф ГПБ

Се памятник воздвигнут мною
Превыше царских пирамид,
И меди с твердостью большою
Он вековечнее стоит:
Ни едкий дождь, ни ветер шумящий,

Ни времени полет грозящий
Его не сильны низложить.

Не весь я тленностью возьмуся,
Но часть немалая меня
Уйдет, — и я тогда явлюся
Опять в сияньи новом дня;
Хвалю позднюю воскресну
И буду цвезть — пока небесну
Рим будет жертву приносить.

Где волны Авфида клубятся,
Где царство Давн свое имел,
В устах всех будет повторяться,
Что подлый Флакк предать умел
Эольский стих латинской лире, —
Гордись, гордись сим, муза, в мире
И лавром увенчай меня!

64

- Загл.*   любезному и почтенному другу
- 14*   Томара! не был я богат
Автограф ПД
- 17—18*   Притом, и редкостями не пужно
Приумножать богатый сбор
- 21—24*   Стихи ты любишь, — и стихами
Дарить тебя [не трудно] прилично мне.
Вот Флакк: коль чтимого веками
Творца узнаешь . . . [в русском] зюпуне.

122

- Автограф ПД*   Тщетно желаешь, милая Хлоя!
                  Золота кучи в клад копить:
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
                  Можно ли дружбы клад сравнить?
- Тщетно, и почью льготы не зная,
Будешь кружиться средь сует:
Алчное сердце, боле алкая,
                  Хочет достичь лишь дальних мет.
- Лучше ж, оставя труд, попеченье,
Жить-поживать летящим днем;
Есть и у бедных, есть провиденье;
                  Мать и отца ты сыщешь в нем.

Лучше жить с другом, милая Хлоя!
Чем золотой всё клад копить:
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить?

Загл.

СОВЕТ

Строфа 1
др. автограф
ПД

Тщетно желаешь, милая Хлоя!
Золота кучи в клад копить:
Можно ли с златом сладость покоя,
Можно ль восторг любви сравнить?

Строфа 4

Лучше жить с другом, милая Хлоя!
Чем золотой всё клад копить:
Можно ли с златом сладость покоя,
Можно ль восторг любви сравнить?

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни В. В. Капниста вышло два издания его стихотворений: «Сочинения» (СПб., 1796) и «Лирические сочинения» (СПб., 1806). Отдельными изданиями были напечатаны комедия «Ябеда» (СПб., 1798) и одноактная пасторальная опера «Клорида и Милон» (СПб., 1800). В 1810 — начале 1820-х годов Капнист обдумывал проект восьмитомного собрания своих сочинений, но осуществить его ему не удалось.

Первым и почти исчерпывающим сводом опубликованных произведений поэта явилось издание, выпущенное А. Ф. Смирдиным спустя четверть века после смерти Капниста («Сочинения», СПб., 1849). Здесь была помещена неизвестная до того в печати трагедия «Антигона», но отсутствовали по цензурным причинам «Ода на рабство» и «Славолюбие». Как и в 1798 г., комедия «Ябеда» была напечатана с обширными цензурными купюрами. Второе посмертное издание — «Избранные сочинения» (СПб., 1897, под редакцией А. Н. Чудинова) — не содержало ничего существенно нового по сравнению с первым.

В советское время «Избранные сочинения» Капниста вышли в 1941 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» (вступительная статья, редакция и примечания Б. И. Коплана). При подготовке его были использованы многочисленные автографы, сосредоточенные в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Тексты целого ряда стихотворений (из сборника «Лирические сочинения») были напечатаны здесь с учетом позднейших исправлений, которые Капнист зафиксировал в специальной тетради поправок.¹

Последними изданиями Капниста являются: «Сочинения», М., 1959 (вступительная статья Д. Д. Благого, подготовка текста и примечания Ю. Д. Иванова) и самое полное из всех существующих — «Собрание сочинений в двух томах», изд-во АН СССР, М.—Л., 1960 (редакция, вступительная статья и примечания Д. С. Бабкина). Издание 1959 г., рассчитанное на широкого читателя, подготовлено с должной тщательностью и снабжено кратким, но точным и содержательным комментарием. Все стихотворения поэта, независимо от их

---

¹ Поправки эти в полной мере учтены в наст. издании.

жанра, в том числе подражания и переводы, были расположены в едином хронологическом ряду. Демонстрируя творчество Капниста в его эволюции, Ю. Д. Иванов много внимания уделил датировке произведений поэта.

Трудно переоценить значение двухтомного академического издания, осуществленного Д. С. Бабкиным. Во втором томе впервые были опубликованы письма Капниста, собраны его статьи. В двухтомнике широко использованы богатейшие материалы архивохранилищ (особенно ПД и БУАН¹). Так например, в первом томе напечатано несколько десятков неизвестных стихотворений поэта, среди них целые циклы — «Встречные мысли» и «Случайные мысли». Большое место в издании заняли разделы «Другие редакции» и «Варианты». Однако это бесспорно ценное издание недостаточно последовательно проводит принцип последней авторской редакции. При выборе источника текста составитель нередко предпочитал ранние редакции, а более поздние печатал в приложении (например, «Оду на твердость духа», «Оду на счастье», «Оду на смерть сына»). Между тем подобное предпочтение спорно даже в отношении таких произведений, как «Сатира первая и последняя», «Ода на дружество», трагедия «Антигона». Подвергая их переработке, Капнист был озабочен далеко не только тем, чтоб придать им цензурно приемлемый вид. Во втором варианте своей трагедии он добивался психологического углубления образа Антигоны, в «Оде на дружество» он убирал многословие и вялые строки. Даже поправки, внесенные в «Сатиру первую», говорят о том, что уступка официальным мнениям была по существу мнимой (см. примеч. № 1).

Нельзя признать удачным и метод публикации в академическом издании авторских примечаний к так называемым гораццианским одам. Эти стихотворения (переводы и подражания Горацию) Капнист в последние годы своей жизни намеревался выпустить особой книжкой. Проекты такого сборника сохранились в бумагах поэта (ПД и БУАН). Последний, наиболее развернутый из них и относящийся к началу 1820-х годов, предусматривал параллельную публикацию стихотворных и прозаических (точных) переводов римского классика. Те и другие переводы должны были сопровождаться примечаниями исторического и филологического характера. Не все из них были написаны Капнистом, в частности до нас дошло всего несколько примечаний к стихотворным переводам. В академическом издании примечания к прозаическим переводам присоединялись к поэтическим текстам всякий раз, когда отсутствовало примечание к стихотворному переводу, — как бы в замену ему. Тем самым были смешаны два типа примечаний, каждый из которых имел свое особое назначение, не говоря уже о том, что между примечанием и поясняемым стихотворением возникал разрыв.

В настоящем издании произведения Капниста во всех случаях печатаются по последним авторским редакциям, при этом гораццианские оды сопровождаются только теми примечаниями, которые были написаны поэтом специально для стихотворных переводов. Примечания же другого типа использованы в необходимых случаях в комментарии составителя (каждый раз с оговоркой: «примеч. Капниста»).

¹ Список сокращений см. ниже, на с. 537.

Новое издание произведений Капниста в Большой серии «Библиотеки поэта» включает в себя все сколько-нибудь важное и примечательное в стихотворном наследии поэта. За пределами сборника осталось лишь десятка полтора маловыразительных стихотворений, а также стихотворения: «Фавн» (Из Горация), «Венерин остров» (Из Грекура) и «К восставшему греческому народу». Перевод «Фавна», как убеждает анализ рукописи, хранящейся в ПД, принадлежит сыну поэта — С. В. Капнисту.¹ Атрибуция же Капнисту «Венерина острова» и «К восставшему греческому народу» не может считаться доказанной.² Не включены в настоящее издание капнистовский перевод «Слова о полку Игореве»³ и переделка комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (под заглавием «Сганарев, или Мнимая неверность»), а также оригинальная пасторальная опера «Клориды и Милон».

В настоящем издании два больших отдела: «Стихотворения» и «Драматические произведения». Структура книги преследует цель показать творческий облик поэта в его исторической конкретности. Четкое разделение на жанры — одна из примечательнейших особенностей творчества Капниста-поэта, во многом пересмотревшего традиции классицистической поэзии и создавшего свою собственную систему лирических жанров.

Жанровое строение имеют оба издания, подготовленные к печати самим Капнистом. Показательно, что рубрики сборника 1796 г. были сохранены поэтом и в «Лирических сочинениях» 1806 г., с тем отличием, что произведения, входившие в разделы «Оды на разные случаи» и «Лирические мелочи», были в 1806 г. соответственно переименованы в «Оды нравоучительные и нравственные» и «Анакреонтические и горацянские оды» (кроме того, в издании 1806 г. отсутствовали два небольших раздела, представленные в сборнике 1796 г.: «Эпиграммы» и «Надписи»).

Неосуществленный замысел восьмитомного собрания сочинений

---

¹ Ошибка Б. И. Коплана, приписавшего этот перевод Капнисту в издании 1941 г., была впервые отмечена Ю. Д. Ивановым в издании 1959 г., с. 413. «Фавн» появился в печати в 1818 г. в «Журнале древней и новой словесности» за подписью: «С. Капнист».

² В рукописи (БУАН) «Венерин остров» не подписан; находящееся же рядом с ним другое стихотворение имеет неразборчивую подпись, ничем не напоминающую капнистовскую. Рукопись эту нельзя считать и автографом поэта (написание буквы «д», например, совершенно не соответствует его почерку). «К восставшему греческому народу» обнаружено Д. С. Бабкиным в рукописном сборнике стихотворений разных авторов с подписью: «Капнист». Между тем стиль этого произведения вызывает сомнения в правильности такой атрибуции. Известно, что случаи ошибочного приписывания стихотворений одним поэтам другим, писавшим на ту же тему (Капнист был автором «Воззвания на помощь Греции») очень распространены в рукописных сборниках XVIII—XIX вв. Не исключено, что «К восставшему греческому народу» принадлежит сыну поэта Семену Капнисту.

³ Этот перевод помещен в другом сборнике Большой серии: «Слово о полку Игореве», Л., 1967, с. 108—117.

свидетельствует о том, что поэт и в 1810-е годы не намерен был отступать от уже установленного им порядка в публикации своих стихотворений.

Что касается гораццианских од, то в настоящем издании они отделены от анакреонтических, что полностью согласуется с планами самого поэта, предполагавшего выпустить свои переводы из Горация отдельным изданием.

Среди произведений, не входивших в прижизненные сборники, имеются такие, которые по своему характеру не соответствуют ни одной из авторских рубрик или чье место в том или другом разделе представляется спорным. Во избежание составительского субъективизма (чему примером может служить издание 1941 г.) произведения, не включавшиеся в авторские сборники и не предназначавшиеся для издания гораццианских од, напечатаны особо и составляют вторую часть отдела «Стихотворения». ¹ Лишь небольшая группа стихотворений под основным названием «Поздние оды» выделена внутри второй части. Основанием для их выделения послужили либо авторское указание (слово «ода» в заглавии), либо такой очевидный и неизменный признак капнистовской оды (прежде всего торжественной и элегической), как десятистишная строфа.

Немалые затруднения вызывает датировка произведений Капниста. Только небольшая часть из них снабжена авторскими датами и всего несколько стихотворений может быть точно приурочено к тем или иным фактам биографии поэта либо историческим событиям. Ряд существенных уточнений в датировки внесло издание 1959 г. Так например, основываясь на списке «Ненапечатанных сочинений», составленном Капнистом (ПД), ² где в числе девятнадцати стихотворений значится и «Ода на покорение Парижа», опубликованная в 1814 г. в седьмом (апрельском) номере «Сына отечества», Ю. Д. Иванов сделал обоснованный вывод о том, что все стихотворения, помеченные в этом списке, созданы не позднее апреля 1814 г. Тем не менее пробелы в датировке стихотворений Капниста велики, и в настоящем издании пришлось часто довольствоваться весьма приблизительными и гипотетическими датами типа: «1810-е годы», «1814 (?)»

---

¹ Обе части оформлены соответственно крупными римскими цифрами: I и II.

² Список содержит перечень след. стихотворений: «Старик, ожидающий весны», «Горесть», «Горесть разлуки», «Мне сказали: жизни радость...», «На покорение Парижа». Кроме того, в нем перечислены и тринадцать «новых од Горация», сохранившихся в автографах ПД в виде двух тетрадок: «Скромная беспечность», «Судьба», «К Мельпомене», «Ничтожество богатств», «Способ к довольству», «Златолюбие» (тетрадь первая); «К лире», «Безопасность», «К слуге», «Способ утешения», «На роскошные обиталища», «На разврат нравов», «О достоинстве стихотворства», «Пиит-лебедь», «Против корыстолюбия» (тетрадь вторая). «Скромная беспечность» и «Судьба» перечеркнуты, так как поэт, очевидно, признал их художественно незавершенными. В архиве Капниста (в ПД) сохранился и другой составленный им список «Ненапечатанных сочинений». Он включает большое количество стихотворений, в том числе: «Сафо», «Ревность», «Хрущову», «Трохимовскому».

и т. п. Дата, обозначающая год, не позднее которого написано то или иное стихотворение, приводится в угловых скобках. Это либо дата, идущая от списка «Ненапечатанные сочинения», либо дата первой прижизненной публикации. Для произведений, имеющих две редакции, заметно отличающиеся друг от друга и отдаленные значительным промежутком времени, указывается двойная дата (через запятую).

Примечания к стихотворениям имеют единообразное построение. Вслед за первой публикацией указываются последующие, если они содержат какие-либо текстовые отличия, вплоть до источника, по которому печатается стихотворение. Если он не указан, это значит, что источник текста и первая публикация — одно и то же. Далее приводятся сведения о наличии автографов и месте их хранения, отмечаются обстоятельства и факты, связанные с возникновением произведения, в необходимых случаях аргументируется датировка. Наконец, там, где это нужно, дается реальный комментарий. Если текст стихотворения Капниста был опубликован в каком-либо посмертном издании, а в примечании тем не менее указано: «Печ. по автографу», это означает, что в названном издании текст воспроизведен неточно или ошибочно (пропуски букв, слов, неверные прочтения). Кроме того, аналогичное указание дается и в тех случаях, когда составитель настоящего издания отдал предпочтение иным вариантам автографа, прежде не попадавшим в печать.

Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому стихотворению имеется материал в разделе «Другие редакции». Ранние редакции «Ябеды» и «Антигоны» ввиду их большого объема сюда не включены. Не приводятся также варианты отдельных строк и незначительные разночтения. Слова, заключенные в угловые скобки, являются редакторскими конъектурами; квадратными скобками выделены слова, зачеркнутые в рукописи.

Комментарий к «Ябед» составлен Д. С. Бабкиным; им же подготовлен к печати и текст комедии.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции»

БУАН — Центральная научная библиотека Украинской Академии наук.

БЕ — «Вестник Европы».

«Воспоминания» — С. В. Капнист-Скалон, Воспоминания (в сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», М., 1931).

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

ЖДНС — «Журнал древней и новой словесности».

Изд. 1849 — «Сочинения Капниста», изд. Смирдина, СПб., 1849.

Изд. 1959 — В. В. Капнист, Сочинения. Вступительная статья Д. Д. Благого. Подготовка текста и примечания Ю. Д. Иванова, М., 1959.

- Избр. соч. — В. В. Капнист, Избранные сочинения. Вступительная статья, редакция и примечания Б. И. Коплана, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1941.
- ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
- ЛС — «Лирические сочинения Василия Капниста», СПб., 1806.
- МЖ — «Московский журнал».
- НЕС — «Новые ежемесячные сочинения».
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
- ПС — «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.». Вступительная статья, подготовка текста и примечания Г. В. Ермаковой-Битнер, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959.
- СВ — «Северный вестник».
- СЛРС — «Собеседник любителей российского слова».
- Собр. соч. — В. В. Капнист, Собрание сочинений в двух томах. Редакция, вступительная статья и примечания Д. С. Бабкина, М.—Л., изд-во АН СССР, 1960.
- Соч. — «Сочинения Василия Капниста», СПб., 1796.
- СО — «Сын отечества».
- СПВ — «Санктпетербургский вестник».
- ст. — стих.
- Тетр. ПД — Тетрадь, содержащая поправки Капниста к текстам его стихотворений из сборника «Лирические сочинения» (хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома, ф. 122, № 39).
- ТОЛРС — «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете».
- «Труды КОЛОС» — «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности».
- ф. — фонд.
- ЧБЛРС — «Чтение в Беседе любителей русского слова».
- «Чтение» — «Чтение для вкуса, разума и чувствований», М., 1792.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

САТИРА

1. СПВ, 1780, № 6, с. 440, под загл. «Сатира I», подпись: К*; СЛРС, 1783, ч. 5, с. 161, с вариантами. Печ. по Соч., с. 41, где помещена с новыми вариантами и примеч. Текст СПВ содержал намек на конкретных лиц; ст. 205—206 имели такой вид:

Котельский, Никошев, Вларинки, Флэзинновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампоровский.

В ст. 202 вместо «Мевня» упоминался «Рубов». Это были прозрачно зашифрованные фамилии писателей-современников: Ф. Я. Козельского, Н. П. Николаева, И. А. Владыкина, А. Н. Фрезинповского, А. О. Аблесимова, А. С. Хвостова, М. И. Веревкина, Я. Канторовского, В. Г. Рубана. При публикации в СЛРС Капнист отказался от намсков на литераторов-современников, как бы сделав вид, что он принял к сведению недовольство некоторых кругов, возмущенных публикацией его сатиры в СПВ. Но поскольку имена задетых поэтом лиц, несомненно, хорошо запомнились читающей публикой, постольку замена двух приведенных строк должна была восприниматься как новое оскорбление тех же лиц (см. вступит. статью, с. 14). Отзвуком враждебных Капнисту толков явилось «Письмо к господину К. . . . , сочинителю „Сатиры первой“», напечатанное там же (СПВ, 1780, № 9, с. 234—237, подпись: Д). «Письмо» сопровождалось редакционной заметкой с опровержением мнений его автора (с. 238—239). В том же номере СПВ была помещена и анонимная прозаическая басня «Медная статуя» (с. 239), по-видимому также имеющая отношение к Капнисту (речь в ней шла об «искусном художнике» и критиках-завистниках). В защиту Капниста выступил там же И. И. Хемницер с басней «Черви», направленной против «худых писцов», ополчившихся на автора сатиры (СПВ, 1780, № 9, с. 202). В «Письме к г. Капнисту, сочинителю „Сатиры I“» тот же Хемницер укорял друга:

Ну вот, не правду ли тебе я говорил,
Как не хотел, чтоб в свет сатиру ты пустил.

После того как О. П. Козодавлев обратился в печати к Капнисту с призывом участвовать в СЛРС, в этом журнале было напечатано злопыхательское «Послание к господам издателям «Собеседника» от Любослова», направленное против поэта (СЛРС, 1783, ч. 2, с. 12), на которое Капнист ответил «Письмом к господину Любослову» (СЛРС, 1783, ч. 7, с. 16), перепечатанным им позднее в Соч. (с. 174—176). Зло откликнулся на «Сатиру первую» Д. П. Горчаков в «Святках» (см. ПС, с. 92). Свой выпад он позднее объяснял в примеч. к соответствующим строкам этого стихотворения: «Капнист начал тем, что написал сатиру, в коей он разругал всех современных ему наших авторов, кроме себя, из чего мы заключили, что, кроме его, никто писать не умеет» (там же, с. 92). Полемика с Капнистом, как свидетельствует «Сатира I-ая» С. Н. Марина (1807), вышла за пределы XVIII в. (см. ПС, с. 187). П. Н. Берков считал автором «Письма к господину К. . . . » Д. И. Фонвизина (см. его «Историю русской журналистики XVIII века», М.—Л., 1952, с. 353). Г. А. Гуковский же считал, что автор «Письма» — сам Капнист (см.: «Русская литература XVIII века», М.—Л., 1939, с. 381), так как «Письмо» было перепечатано поэтом в его Соч. с примеч.: «Сие письмо сочинителем напечатано в «Санктпетербургском вестнике», в сентябре месяце 1780 году» (Соч., с. 172). Вот начало этого документа:

«Государь мой! Различные толки об вашей Сатире и ропот, который она произвела во многих домах, принудили меня прочесть ее. Я увидел, что она по справедливости вооружила против себя всеобщую хулу, ибо поносить людей, отметившихся как достоинствами, знаниями, так и заслугами свонми, вам и всякому предосудительно.

Весевкин, Никошев и прочие, сочинениями своими прославившиеся в публике, заслуживают преимущество пред теми, которые, злословя почтения достойных людей, ничем себя в свете отличить не умели. Вы сами признаетесь, что никто из ваших сограждан не может самовольно делаться судьей, а колыми паче ругателем вашим. Признайтесь же и в том, государь мой, что вы непростительно погршили против правил благоразумия, поместя в число глупцов равных вам или достойнее вас сочленов общества, и против правил честности, когда, обезобразив их имена, вы отдали на поругание всего света, или, справедливее сказать, всего света невежд, ибо умные люди всегда будут уметь сделать различие между дерзким ругателем и ругаемыми достоинствами. О слоге вашей «Сатиры», не упоминая о многих слабых и низких местах, скажу я только то, что и в самом начале оная, где, кажется, вы старались, собрав все силы вашего разума, ополчиться на пороки, нет ни одного стиха, который бы не был повторением того, что другие писатели прежде вас написали».

Далее автор «Письма» приводит строки из «Сатиры I» Буало, из «Послания к слугам моим...» Д. И. Фонвизина с целью доказать самостоятельность произведения Капниста. В бумагах И. И. Хемницера (ПД) сохранилась его заметка «Ответ литературным неприятелям» с возражениями на обвинение Капниста в плагиате (см. комментарий В. Э. Вацура к сб.: И. И. Хемницер, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта», Б. с., М.—Л., 1963, с. 335). Хемницер был другом Капниста, действующим с ним заодно и на литературном поприще. В таком случае вопрос об авторе «Письма» остается открытым. Что касается псевдонима «Любослов», то он мог принадлежать, как утверждает П. Н. Берков, Дамаскину (Д. Семенову-Рудневу) (см.: «XVIII век». Сб. 5, М.—Л., 1962, с. 422—423).

«Сатира» не могла быть написана ранее второй половины 1779 г., о чем свидетельствуют ст. 147—148 («Монархиня легко могла монархов примирить, искоренить войну»), подразумевающие посредничество России в урегулировании военного конфликта 1778 г. между Пруссией и Австрией по поводу баварского наследства. Вмешательство Екатерины II привело к подписанию 24 мая 1779 г. в Тешене мирного договора. *Аристид* (ок. 540—467 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец; за гражданские заслуги ему было присвоено почетное прозвище — Справедливый. *Как гладкие стихи в творце «Тилемахиды»*. «Тилемахида» (1766) — стихотворный перевод романа французского писателя Фенелона «Похождения Телемака» (1699), осуществленный поэтом В. К. Тредиаковским. В конце XVIII в. стихи Тредиаковского, особенно для Н. А. Львова и Капниста, стремившихся к легкости слога, утратили художественную значимость. *В приказе некогда расправы я искал и т. д.* Очевидный намек на собственные тяжёлые мытарства Капниста (см. вступит. статью, с. 19 и примеч. к «Ябеде», с. 586). Приказ — учреждение, ведавшее определенной отраслью управления. *И тех каретою своею в грязь толкает*. Этот образ, встречающийся во многих сатирах XVIII — начала XIX в., как например в «Наставлении молодому Суетону, вступающему в свет» П. А. Озерова: «По улицам скачи, лети, как вихрь несися, Гоня, дави людей и тем превозносися...» (ПС, с. 524), не утратил своей социальной значимости и позже: он использован, на-

пример, в «Княгине Лиговской» М. Ю. Лермонтова. *Чуднов* — поэт В. П. Петров (1736—1799), восхвалявший Екатерину II в своих одах, называвший себя ее «карманным» стихотворцем. *Ролет* — прокурор парижского суда, живший во времена Буало, известный как мошенник. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. *Мевий* — нарицательное имя плохого стихотворца. *В стихах своих луну зубами ухватить* — намек на приверженность Петрова к гиперболам, к утрированной метафоричности стиля. *Щечит* — здесь: нападает. *Монархия легко могла погрязнуть в Луну*. Подразумевается победа России над Турцией в войне 1768—1774 гг. *И хищность, корень зла, Из всех подвластных ей пределов прогнала*. Капнист подразумевает реформу административного деления государства и местного самоуправления, которая была проведена в 1775 г. Похвала Капниста законодательной деятельности Екатерины II не лишена иронии: «глупость» (т. е. пороки вообще) благополучно процветает среди подданных императрицы и после реформы. Та же мысль получила развитие в сатире «Беспристрастный зритель нынешнего века» Д. П. Горчакова (см. ПС, с. 128) — поэта, выступавшего, подобно Капнисту, против продажных стихотворцев. Не случайно сатира Горчакова приписывалась Капнисту. *Лик* — здесь: собрание, хор. *И рылом не мутить кастальских чистых вод*. Горчаков в комической опере «Счастливая Тоня» (1786) почти дословно повторит ст. Капниста в арии Миловзора:

Кто в кастальский чистый ток,
Не спросясь ни с музами, ни с Фебом, залезет,
Рылом воду лишь взмутит...

Кастальский ключ (греч. миф.) — источник на горе Парнас, символ поэзии и поэтического вдохновения.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ОДЫ

* 2. ЛС, с. 37. Печ. по ЛС с учетом изменения ст. 93—99, 111, 113—114, 121—122 и дополнением ст. 101—110 по тетр. ПД. В изд. 1849 не вошло по цензурным причинам. Автограф первой редакции оды, обращенной к монарху, — БУАН (опубликована в Собр. соч., т. 1, с. 495). Список той же редакции — ГБЛ. Написано в связи с закрепощением крестьян Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств по указу Екатерины II от 3 мая 1783 г. Е. Р. Дашкова предполагала напечатать оду в НЕС, но Капнист, последовав совету Державина, не передал ее в журнал. Державин писал Капнисту в 1786 г.: «При сем препровождаю тебе... твои сочинения, с которых копии княгине Дашковой я отдал. Она требовала оды и о рабстве, но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах; а притом изъяснил ей, что ни для нее, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрице тое оду не годится и с здравым рассудком не сходно...» (Державин, Соч., т. 5, СПб., 1876, с. 848—849). *Тогда, вослед правдивой славы*. Очень показательная для идейной позиции Капниста мысль, выражающая его отношение к лицемерной политике Екатерины II. Слава царицы станет «правдивой», по мнению Капниста, лишь в том случае, если она освободит крестьян.

3. НЕС, 1787, ч. 15, с. 52, под загл. «Ода. На истребление в России названия раба е. н. в. в 15 день февраля 1786 года», подпись: «Верноподданный В. Капнист»; Соч., с. 7. Печ. по ЛС, с. 47. Датированный автограф — ГПБ (бумаги Державина). Написано в связи с обнародованием «высочайшего» указа о новой форме обращения подданных к царствующей особе: просителям запрещалось именоваться «рабом» и называть свои прошения «челобитными». Указ рекомендовал пользоваться термином «верноподданный» или «всеподданнейший». Капнист послал оду Н. А. Львову, с тем чтобы тот передал ее императрице, — об этом поэт сообщал в письме к Державину от 20 июля 1786 г. (см. Собр. соч., т. 2, с. 288). Но ода у нее успеха не имела (см. вступит. статью, с. 18). *Эвксин* — древнегреческое название Черного моря. *Сарматский трон*. Политика присоединения Польши к России активно проводилась Екатериной II начиная с первого раздела Польши, осуществленного в 1773 г. Сарматы — распространенное в литературе XVIII — начала XIX в. наименование поляков.

* 4. НЕС, 1790, № 5, с. 4, подпись: «С италиянского перевел Василий Капнист»; Соч., с. 21, с вариантами и примеч. перед текстом. Печ. по ЛС, с. 57 с учетом изменения ст. 18 в тетр. ПД. Ответ на «Изображение Фелицы» Державина. Это стихотворение представляет собой по форме речь, обращенную к Рафаэлю, имя которого служит лишь синонимом несравненного живописца. Поэт наставляет художника передать на полотне все величие Фелицы — Екатерины II и ее царства. Стихотворение Державина вызвало еще два отклика, напечатанных анонимно. Это «Стихи на изображение Фелицы» и «Сочинителю „Изображения Фелицы“» (НЕС, 1790, № 8, с. 3—5), восхваляющие Державина. Стихотворение же Капниста полемично по отношению к «Изображению Фелицы», которое было написано Державиным к 22 сентября 1789 г. (ко дню коронации Екатерины II) с целью обратить на себя ее внимание, так как в это время, отстраненный в конце 1788 г. от поста тамбовского губернатора, поэт был не «в милости» и без службы. В «Ответе Рафаэла» Капнист иронизирует над неумеренно гиперболическим «длиноватым» прославлением Екатерины II, к тому же вызванным столь прозаической причиной. Первую редакцию «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» Капнист послал Державину под загл. «Рапорт лейб-автору от екатеринославских муз трубочиста Василия Капниста». Державин ответил Капнисту 31 декабря 1789 г. разгневанным письмом, в котором, между прочим, были такие строки: «Ежели таковыми стихами подарить ты потомство, то в самом деле прослывешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стих другим, а сам нечистотою своих был замазан» (Державин, Соч., т. 5, СПб., 1876, с. 812). В ЦГАДА хранится список «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» с поправками, внесенными в стихи Капниста Н. А. Львовым. Львов предварил их следующим обращением к Капнисту: «Гаврила (Державин) не прав в некоторых своих бурных примечаниях. Я ему скажу, а если некоторые мною справленные неровности ты простишь и помилуешь, то, переписав, как должно, печатать пришли: я напечатаю» (там же, с. 810). Поправки Львова, многие из которых были приняты Капнистом (в НЕС «Ответ» напечатан уже с их учетом), интересны тем, что характеризуют единство художе-

ственных устремлений обоих поэтов, ценивших простоту, ясность и точность выражения мысли. Вот некоторые замечания и поправки Львова к «Ответу Рафаэла». Вместо «Рафаэл, живописец римский», как было у Капниста, Львов предложил: «Рафаэл Санцио Урбинский», мотивируя свою поправку так: «Поелику римский кажется во времена римлян живший, он же не римлянин» (ЦГАДА). По поводу ст. «В пень был бы приневолен стать» Львов написал: «Тут чего-то нет». Капнист несколько раз менял этот стих и в конце концов остановился на варианте: «Пришло бы в пень Апеллу стать». Львов посоветовал также заменить архаичные причастные формы: «покоющиеся» (в ст. 14), написав: «„Покоющиеся“ — не очень ловко», и «гордящуюсь» (в ст. 116). Он предложил свой вариант: «Луну кичливу затмевала». Капнист нашел другой эпитет, но близкий к львовскому. По поводу строфы 14 Львов написал: «Очень хорошо». Другую же, не понравившуюся ему, Капнист в конечном итоге свял в ЛС. Также вычеркнул Капнист и фактивное указание «С италиянского языка перевел», вызвавшее шутивную реплику Н. А. Львова: «А вот за это бестни кнутом, — не ври» (ЦГАДА). *Рафаэл Санцио Урбинской*. Рафаэль Санци (Санцио) происходил из г. Урбино. *Стикс* (греч. миф.) — река, воды которой омывают подземное царство мертвых. *Мурзе Орды Киргизской* и т. д. Полное загл. оды Державина к Фелице гласило: «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым мурзою, издавна проживающим по делам своим в Санкт-Петербурге». *Эрмий* (греч. миф.) — Гермес, крылатый вестник богов. *Апелл* — Апеллес (356—308 до н. э.) — древнегреческий живописец. *Над полвселенной. На сорок токмо двух столбах* и т. д. Неточная цитата из державинского «Изображения Фелицы». В «Объяснениях» к своим стихотворениям Державин указал, что под «сорока двумя столбами» подразумевается сорок две губернии, на которые тогда была разделена Российская империя. *Чтоб сжал одною зев он Львиный*. Фигура льва — одна из главных деталей шведского герба; в 1788—1790 гг. Россия вела войну со Швецией. *Луна* — эмблема Турции; Державин, а вслед за ним и Капнист, намекал на вторую русско-турецкую войну (1787—1791), так же как и первая (1768—1774) закончившаяся победой России. *Синклит* — здесь: собрание, сонм. *Юнона* (римск. миф.) — супруга Юпитера. *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости; Минерва — традиционное наименование Екатерины II в поэтическом языке XVIII в. *Киприда* (греч. миф.) — одно из имен Афродиты. *Бей* — титул владетельных особ у тюркских народов. *На царства там граждан венчает, В подданство царствы здесь берет*. Благодаря вмешательству Екатерины II на польский престол был возведен ее ставленник Станислав Понятовский (1732—1798), принявший при коронации в 1764 г. имя Августа IV. В царствование Екатерины II к России отошли западно-украинские и западно-белорусские земли, находившиеся прежде под властью панской Польши; были расширены владения России в Прибалтике и на Дальнем Востоке. *Гидр она в волнах сжигала*. В Чесменском сражении (1770) русские военные корабли сожгли весь турецкий флот. *В предел свой сильною рукою Пространно морз вовлекла*. Имеется в виду присоединение Крыма (1783), вследствие чего вся северная часть Черного моря оказалась под контролем России. *С подданных сняла оковы* — см. примеч. 3. В цитатах, приведенных Капнистом из текста «Изобра-

жения Фелицы», некоторые выражения расшифрованы самим Державиным в «Объяснениях» к его стихотворениям: «Под сребролунным государством разумеется Оттоманская порта, а под железоканенным царством — Швеция, которые вдруг восстали войною (1787—1790 гг.) на Россию и оба побеждены».

5. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 211, под загл. «Графу Суворову-Рымникскому на прибытие его в Санкт-Петербург 1799 года, февраля дня», с вариантами. Печ. по ЛС, с. 74, с учетом изменения ст. 55—56, 71—73, 82 в тетр. ПД. Написано в связи с назначением А. В. Суворова в феврале 1799 г. главнокомандующим русской армией, которая должна была действовать в Италии вместе с войсками союзной Австрии против наполеоновской Франции. Суворов, находившийся до того времени в опале у Павла I, был вызван в Петербург для принятия дел из села Кончанского Новгородской губ., где он проживал на положении ссыльного. *Сыны Титеи* — титаны (греч. миф.), древнейшие божества, враги порядка и мира, с которыми боролись олимпийские боги во главе с Зевсом; побежденные ими титаны были низвергнуты в Тартар. *Тифон* (греч. миф.) — чудовище с сотней змеиных голов, изрыгающих пламя; олицетворение подземных сил земли и вулканического огня. *Енкелад* (греч. миф.) — сторукий гигант с пятьюдесятью головами. *Блестящую Луну затмил*. При Екатерине II Суворов участвовал в обеих войнах с Турцией; триумфом полководца в сражениях с турками был победоносный штурм крепости Измаил (1790). *Наглой вольности сарматов*. Сарматы — см. примеч. 3. В 1794 г. под руководством Суворова русские войска нанесли поражение польским повстанцам и овладели предместьем Варшавы — Прагой.

6. ЛС, с. 67. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 55—56, 71—73, 82 в тетр. ПД. *Ноября 6-го дня 1796 года* — день смерти Екатерины II. Написано явно после смерти Павла I, ненавидевшего свою мать, Екатерину II. Капнист недолюбливал императрицу и едва ли ст.: «За мрачны тучи закатилось Российско солнце уже навек» относились только к ее памяти, не говоря уже о том, что слова о «мрачных тучах» и «навек» исчезнувшем солнце звучали довольно смело по отношению к недавно воцарившемуся «кроткому» Александру I. В этих стихах, возможно, содержался намек на смерть Павла I, убитого заговорщиками при косвенном соучастии Александра I. *Срацин лежит погран двукраты*. Сарацин — здесь: турок; подразумеваются две победоносные войны России с Турцией в 1768—1774 и 1787—1791 гг.

7. Собр. соч., т. 1, с. 154, по авторизованному списку БУАН из рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть I», подготовлявшейся к печати в 1805 г. Черновые наброски и автограф первой редакции (на бумаге 1792 г.) — БУАН.

8. ЛС, с. 7. Автограф (наброски) — БУАН, на бумаге 1784 и 1793 гг. *Сион* — здесь: еврейская земля, отечество евреев. *Скудель* — прах, тлен.

9. ЛС, с. 12. Авторизованный список — в рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть I», подготовлявшейся к печати в 1805 г. *Студ* — стыд.

10. ЛС, с. 18. Авторизованный список — в той же рукописи, что и ода № 9. *Зане* — ибо, так как.

11. ЛС, с. 21. Черновой автограф — БУАН, на бумаге 1803 г.

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЕ И ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ОДЫ

12. СПВ, 1780, № 8, с. 95, под загл. «Ода „Надежда“», с вариантами; НЕС, 1788, № 1, с. 55; Соч., с. 65. Печ. по ЛС, с. 91, с учетом изменения ст. 17, 21, 35—36, 61, 93—95, 97 в тетр. ПД. *С юнейших лет жестокой власти* и т. д. Может быть, намек на семейные распри из-за прав на наследство. Особенной любовью Дуниной-Борковской (см. вступит. статью, с. 8) пользовался старший брат В. Капниста Николай, которому она завещала богатейшее наследство.

* 13. НЕС, 1787, № 10, с. 69, другая пространная редакция в составе 26 строф, без подписи; Соч., с. 73, та же редакция, с вариантами. Печ. по ЛС, с. 98, с учетом изменения ст. 27, 66, 140 в тетр. ПД. В редакции НЕС, несовершенной в художественном отношении, были строки, осуждавшие современные общественные порядки и несправедливость сильного мира сего. Такова строфа, начинающаяся ст. «Возможно ль, зря коварство злое» (см. ее на с. 522 наст. изд.). Эта строфа вошла в список оды, имевшей характерную подпись: А. Н. Радищев (ПД, архив В. А. Маевского, дата в списке: 14 октября 1793 г.). Считалось, что стихотворение написано по поводу смерти первенца Капниста, названного в честь Державина Гавриилом (см. Избр. соч., с. 284 и изд. 1959, с. 428). На самом деле, как установил Д. С. Бабкин, Гавриил в 1787 г. был жив, а Капнист за несколько лет до того потерял другого сына — Алексея (1783—1784). Это подтверждается и строкой оды: «Одну зарю лишь только живший» (см. Собр. соч., т. 1, с. 712). Следовательно, ода могла быть написана скорее всего в конце 1784 г. Не исключено, однако, что последующее обращение поэта к тексту стихотворения с целью его переработки было связано и с кончиной Гавриила, умершего в 1792 г. Из письма Капниста к жене от 10 декабря 1792 г. видно, что стихотворение его было положено на музыку ее братом — Г. А. Дьяковым (Собр. соч., т. 2, с. 358). *С любезным братом разлученье*. Подразумевается отъезд за границу брата поэта Петра Васильевича Капниста (ум. 1826), не пожелавшего стать фаворитом Екатерины II (см. также примеч. 19). *И друга верного лишенье*. 20 марта 1784 г., в Смирне, скончался И. И. Хемницер (р. 1745 г.), друг Капниста, известный баснописец. *Парка* (греч. миф.) — одна из трех сестер — богинь судьбы, прядущих нить человеческой жизни.

14. МЖ, 1792, № 12, с. 296, с посвящением «Родным, друзьям и ближним», без подписи; Соч., с. 89. Печ. по ЛС, с. 107, с учетом изменения ст. 29, 61, 87 в тетр. ПД. *Дедал* (греч. миф.) — здесь: ла-

биринт, по имени мифического строителя лабиринта Дедала. *Рало* — плуг. *А если б хоть на миг судьбину Несчастливых мог я усладить* — один из ведущих мотивов творчества Капниста, нашедший свое дальнейшее развитие в оде «К несчастному» (№ 246). Сын поэта Семен Капнист, между прочим, писал в стихотворении «Любезному родителю 1-го генваря 1814 года» (ПД):

Тут слабым быть подпорой тщишься,
Там слезы осушить стремишься,
Награда ж... в совести твоя.

Тема «благодарности» в понимании В. и С. Капнистов имела социальное звучание. Вряд ли случайно сохранились среди рукописей В. Капниста (в ПД) «Санктпетербургские ведомости», 1805, 31 января, где весьма выразителен раздел ответов многим беднякам-просителям, тщетно «утруждавшим» государя императора своими прошениями.

* 15. Соч., с. 103, другая пространная редакция в составе 25 строк. Печ. по ЛС, с. 121, с учетом изменения ст. 5, 47, 58 в тетр. ПД. *Пленира* — первая жена Г. Р. Державина — Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидон (1760—1794); ода может датироваться июлем-августом 1794 г., ибо Капнист, несомненно, откликнулся своей одой на смерть жены друга (15 июля) вскоре же после ее безвременной кончины.

16. Соч., с. 129, под загл. «Годовое воспоминание Пленериной кончины». Печ. по ЛС, с. 134. *Пленира* — см. примеч. 15.

17. Соч., с. 125 и «Аониды», 1796, кн. I, с. 8, под загл. «Уныние» и с вариантами. Печ. по ЛС, с. 157. Ю. Д. Иванов пишет, что «при печатании в «Аонидах» автор внес в нее (оду) некоторые исправления» и предполагает, что Капнист исправлял оду уже после того, как она была отпечатана в Соч. (изд. 1959, с. 432). Но разночтение «Аонид» сводится лишь к загл. и ст. «На пещерах с бурей выл» (Соч.) вместо — «И в пещерах с бурей выл» («Аониды»).

18. Соч., с. 117, с более подробными авторскими примечаниями (к словам: Минин и Гермоген), с вариантами. Печ. по ЛС, с. 129, с учетом изменения ст. 59, 68 в тетр. ПД. *Собственность* — здесь: эгоизм. *Филарет* — Федор Никитич Романов-Юрьев (1555—1638) — патриарх, отец первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича; отказался подписать договор о союзности на русский трон королевича Владислава; Филарет пробыл в плену у поляков до 1619 г. *Ярем сарматский*. Имеется в виду польская интервенция 1605—1611 гг., осуществленная под предлогом возведения на московский престол «законного» царя (т. е. Лжедмитрия I и II). Сарматы — см. примеч. 3.

* 19. Соч., с. 133; другая редакция, в составе 22 строк, без посвящения. Печ. по ЛС, с. 139, с учетом изменения ст. 5, 17, 85 в тетр. ПД. Посвящено брату поэта Петру Васильевичу Капнисту, который в 1775 г. уехал в Голландию, затем жил во Франции и в Англии, не желая, как рассказывала С. В. Капнист-Скалон, стать фаворитом

Екатерины II («Воспоминания», с. 289—299). Вернулся в Россию в начале 1790-х годов с женой-англичанкой (см. В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. 8, Киев, 1910, с. 284). *Фарос* — остров возле Александрии; построенная на нем башня служила маяком для мореплавателей. *Дедал* — см. примеч. 14. *Куда, Оресты, вы сокрылись? Пиладов где теперь найти?* Орест и Пилад (греч. миф.) — два друга, имена их стали нарицательным обозначением верной и самоотверженной дружбы. *Пифий и Дамон*. У Капниста ошибка в транскрипции: надо Финтий и Дамон — двое верных друзей. Финтий, по легенде, был приговорен Дионисием II, тираном Сиракуз (367—357 и 346—344 до н. э.), к смертной казни. Для устройства своих семейных дел он упросил Дионисия отсрочить казнь, оставив за себя заложником Дамона. Финтий вернулся в тот момент, когда Дамон отведен был на место казни. Тогда растроганный Дионисий простил Финтия. *Отженут* — отгонят.

20. ЛС, с. 150. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 23, 29—32 в тетр. ПД. Автограф — БУАН. Написано на смерть Н. А. Львова, скончавшегося 22 декабря 1803 г. (о Львове см. вступит. статью, с. 9—11, 32—33).

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

21. «Собрание наилучших российских песен», изд. Ф. Мейером, ч. 5, СПб., 1781, с. 9 (с нотами), без загл. и подписи; «Новый российский песенник», ч. 1, СПб., 1790, с. 37; Соч., с. 49, под загл. «Неверность Лизеты», с вариантами и указанием, что стихотворение — подражание французской песне «O ma tendre musette...» («О, моя нежная волянка...»). Печ. по ЛС, с. 227, где указан автор песни — Ж.-Ф. Лагарп (1740—1803).

22. «Чтение», 1792, ч. 5, с. 12, под загл. «Песня», без подписи; Соч., с. 151, под загл. «На смерть дочери». Печ. по ЛС, с. 177. Дочь Капниста Юлия умерла в 1788 г., следовательно стихотворение могло быть написано после 1788 г. О его широкой известности говорится в примеч. в «Чтении». В «Карманной книге для любителей музыки на 1795 год» песня Капниста напечатана вместе с нотами. Строки из нее включены в «Стон при гробе М — а» Н. И. Гнедича (см.: А. Н. Егунов, «Плоды уединения» Н. И. Гнедича. — «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век». Сб. 7, М.—Л., 1966, с. 318).

* 23. Соч., с. 153. Печ. по ЛС, с. 202, с учетом изменения ст. 14 в тетр. ПД. *Тринадцать лет уже прошло*. На основании этой строки исследователи по-разному датируют стихотворение. Б. И. Коплан относил его к 1791 г., считая, что оно было посвящено супругам Державиным (Державин женился на Е. Я. Бастидон 18 апреля 1778 г.). Более резонным представляется мнение Ю. Д. Иванова, который полагает, что стихотворение обращено к Н. А. Львову и его жене Марии Алексеевне (урожденной Дьяковой), «ибо их женитьба для Капниста была более памятным событием» (изд. 1959, с. 431). Дей-

ствительно, к устройству женитьбы Львова Капнист имел самое непосредственное отношение. О дружеских чувствах Капниста к Львову свидетельствует его готовность идти на конфликт с родителями своей невесты Александры Алексеевны Дьяковой, которые, не желая выдавать за Н. А. Львова свою вторую дочь Марию, требовали от Капниста, чтобы он «отказался от дружества». Но поэт, как ни была ему «тягостна разлука» с А. Дьяковой, остался верен другу и «чувствам порядочности и чести», хотя ему вследствие этого были запрещены встречи с невестой (см. письмо Капниста к А. А. Дьяковой конца 1770-х годов. — Собр. соч., т. 2, с. 251 и 254). Позже Капнист помог Львову тайно обвенчаться с Марией Дьяковой; венчание состоялось около 1780 г., следовательно стихотворение можно датировать 1793 г.

24. Соч., с. 165, под загл. «На перевод Анакреонта, приписанный Марии Алексеевне Львовой». Печ. по ЛС, с. 235. М. А. Львова (1755—1807) писала стихи, что и создало предположение о ее авторстве, ибо книга «Стихотворение Анакреона Тийского», СПб., 1794, в переводе Н. А. Львова (см. вступит. статью, с. 35) была издана анонимно. Датировка основана на хранящемся в библиотеке ЦГАДА редком экземпляре «Стихотворения Анакреона Тийского» с вклеенным листком, на котором находится переписанное, очевидно, секретарем Львова В. Сумароковым стихотворение «Красавице» с характерной для Капниста подписью: «В. К.» и датой: 20 августа 1795. На этот экземпляр обратила внимание С. Р. Долгова. По поводу этого стихотворения Львов писал Капнисту 28 сентября 1795 г.: «ничто ее (Марию Львову) еще в словесном свете так не обрадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные» (Собр. соч., т. 1, с. 718—719).

25. Соч., с. 147. Печ. по ЛС, с. 183. «Чижик» является переделкой «Песни XVIII» из «Сада божественных песен» украинского философа и поэта Г. Сковороды (1722—1794). *Илем — вяз. Я же низменной стезею.* В ПД находится экземпляр Соч. с автографом Капниста — дарственной надписью: «Милой сестре Дашеньке», т. е. свояченице Капниста — Дарье Алексеевне Дьяковой, ставшей после смерти (15 июля 1794 г.) первой жены Державина второй женой поэта. В этом экземпляре над строкой «Я ж под горною стезею» написано — «же низменной». Эта правка из экземпляра, принадлежавшего Державину, была учтена Капнистом в публикации ЛС.

26. Соч., с. 156. Печ. по ЛС, с. 189, с учетом изменения ст. 6, 23 в тетр. ПД.

27. «Лониды», 1796, кн. 1, с. 60; Соч., с. 158. Печ. по ЛС, с. 225.

28. Соч., с. 154, под загл. «На разлуку». Печ. по ЛС, с. 240. Стихотворение могло быть написано в 1793 г., когда Капнист из-за тяжёбных дел с Гарновской особенно долго жил в Петербурге, но датировка эта проблематична, ибо и позднее поэт часто и надолго выезжал из Обуховки. *Сашенька* — жена Капниста Александра Алексеевна (ум. 1832).

29. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 378, под загл. «Утро в гроте графа Александра Сергеевича Строганова», подпись: В. К. Печ. по ЛС, с. 165, с учетом изменения ст. 4 в тетр. ПД. А. С. *Строганов* (1733—1811) — вельможа, ценитель искусств, коллекционер картин и эстампов; с 1800 г. был президентом Академии художеств; поддерживал талантливых живописцев; почти все видные писатели и художники бывали в его доме. Державин посвятил А. С. Строганову стихотворение «Любителю художеств» (1791). В *дедалах тесных*. Дедал — см. примеч. 14.

30. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 374, другая редакция. Печ. по ЛС, с. 231. Подготавливая стихотворение к публикации в ЛС, Капнист радикально переработал текст.

* 31. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 376, под загл. «Другу моему». Печ. по ЛС, с. 196, с учетом изменения ст. 5, 11—12 в тетр. ПД. Редакция ЛС показывает, как тщательно работал Капнист над этим стихотворением, посвященным его жене.

32. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 20, под загл. «Песня» и с вариантами. Печ. по ЛС, с. 242.

33. ЛС, с. 243. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 1 в тетр. ПД. Два автографа — БУАН.

34. ЛС, с. 237. Перевод песенки французского поэта Ш.-Ф. Панаара «Le guisseau de Champigny» («Ручей Шампиньи»). Эту же песню перевел Ю. А. Нелединский-Мелецкий («Ручей, текущий в сей долине...»).

35. ЛС, с. 172. *Давал совет он Левконое О будущем не воровить*. Этим мотивом стихотворение сближается с «Ворожкой» (см. № 56), где Капнист подражал оде XI из кн. I Горация.

36. ЛС, с. 235.

37. ЛС, с. 233.

38. ЛС, с. 229. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 3 в тетр. ПД.

39. ЛС, с. 210.

40. ЛС, с. 236.

41. ЛС, с. 208. В тетр. ПД Капнист записал: «Не лучше ли через стих сократить так:

В дубраве грозна буря воеет,
Крутится вихрем град;
С горы стремясь, долину роет
Ревущий водопад и т. д.»

Горацианские оды, как особая отрасль лирического творчества Капниста, были впервые представлены им в ЛС, в разделе «Оды горацианские и анакреонтические». Восемнадцать подражаний и один перевод, помещенные здесь, были соответствующим образом дифференцированы в оглавлении ЛС и сопровождаемы ссылками на латинские оригиналы. В дальнейшем переводы из Горация в творчестве Капниста совершенно вытеснили подражания. Стремление к точной передаче колорита и смысловых подробностей лирики Горация стало главной заботой поэта (см., например, примеч. к № 90). Посылая кому-то из друзей, возможно И. Муравьеву-Апостолу, помогавшему Капнисту в его переводах (им были составлены прозаические подстрочники), несколько переведенных од («Ничтожество богатств», «Против златолюбия», «Способ к дозольству», «К Мельпомене», сшитых в одну тетрадь), поэт писал: «Посылаю вам 4 перевода од Горациевых. Прошу 1-е: заметить, подчеркнуть все стихи, выражения, мысли, картины и даже слова, которые вам покажутся монми, а не Горациевыми». И далее Капнист замечал: «Я стараюсь, чтоб переводы мои были лучше подражаний, уже напечатанных и вообще одобренных» (ПД). Свои переводы, как и ранее осуществленные подражания, поэт собирался напечатать отдельным изданием. Согласно одному проекту, обнаруженному Б. И. Копланом в ПД, такая книга должна была объединить свыше сорока горацианских од, сгруппированных в четыре отдела (в этом порядке они и были напечатаны в Избр. соч., с. 168—244). В начале 1820-х годов был разработан другой, столь же детальный план издания. Капнист предполагал включить в него 45 переводов и подражаний, последовательность расположения которых во многом напоминала предыдущий проект. Книга должна была называться «Опыт перевода и подражания Горациевых од» и состоять из двух частей (эти планы хранятся в БУАН). Капнист написал специальное предисловие к этому изданию — первое в России обстоятельное обоснование принципов поэтического перевода, а также стихотворное посвящение Александру I. Судя по всему, Капнист желал превратить это издание в своеобразное пособие для молодых поэтов. Латинские оригиналы и их прозаические (точные) переводы, по замыслу его, должны были сопровождать стихотворные переводы, чтобы снабдить читателя всем необходимым материалом для критического сопоставления с подлинником. В настоящем издании эта чисто практическая сторона замысла поэта не воспроизводится. Печатаются только стихотворные переводы и подражания, представленные здесь почти с исчерпывающей полнотой. О порядке публикации примечаний см. на с. 534. Разделение горацианских од на переводы и подражания почти всюду принадлежит Капнисту. Так как издания од Горация имеют общепринятую традиционную нумерацию и распределение по книгам, в примечаниях названия латинских оригиналов не приводятся. Сокращенные ссылки (номер книги и номер оды) унифицированы и даны непосредственно под заглавиями стихотворений. Несколько авторских подзаголовков типа «Подражание Горацию», «Перевод оды Горациевой» и т. п. перенесено в примечания. По традиции в этом же разделе помещены и переводы двух эподов Горация.

Предисловие. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1910, т. 15, кн. 1, с. 197 (публикация А. А. Веселовского, в сокращенном виде). Печ. по Собр. соч., т. 2, с. 38—48. *Певцов Водопада и Волги*. Подразумеваются Державин, автор стихотворения «Водопад» (1794), и И. И. Дмитриев, автор стихотворения «К Волге» (1794). *Делиль Ж.* (1738—1813) — французский поэт и переводчик, приверженец классицизма; в 1769 г. издал доставивший ему известность перевод поэмы Вергилия «Георгики». *Дасье А.* (1651—1722) — французский филолог; с 1713 г. — непреходящий секретарь Французской академии, ему принадлежит перевод стихотворений Горация, который был издан им в сопровождении критического комментария.

Подражания

42. ЛС, с. 200. Автограф ранней редакции — ГПБ (арх. Г. Р. Державина), под загл. «Гаврилу Романовичу Державину. Подражание Горациевой оде: „Musis amicis“» (этот текст был напечатан в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год», СПб., 1895, приложения, с. 21). Написано в ответ на послание Державина «Капнисту» (1797). Капнист подробно разобрал его и послал 13 августа 1797 г. Державину свои замечания и поправки вместе со стихотворением «Певцу Фелицы». В письме, между прочим, сказано: «Прошу взамену и мою к вам адресованную пиесу поправить как заблагорассудится, а потом отдать напечатать. Я прибавил к ней третий куплет» (ГПБ, арх. Державина). *Тревоги все, заботы, горе За ветрами пуцу я в море*. Как бы ответ на ст. 1—9 державинского послания, восхваляющие покой. *Пусть галл Европой потрясает*. Галл — француз; здесь: Наполсон. В 1796—1797 гг. Наполеон совершил знаменитый Итальянский поход, высоко поднявший его престиж выдающегося полководца, заключил выгодный для Франции Кампоформийский мирный договор с Австрией и, по возвращении в Париж, осуществил переворот, отдавший в его руки Директорию. *Британец всех на море бьет*. В конце XVIII в. британский флот превосходил по своей боевой мощи военно-морские силы Франции, Австрии, Испании и других европейских государств. *От рая Пий ключи теряет*. Римский папа считался наместником апостола Петра на земле — хранителя ключей от врат рая. В 1796—1797 гг. при вступлении наполеоновских войск в Италию Пий VI (1775—1799) должен был уступить французам Болонью и Феррару; во время революционного движения в Риме Папская область была объявлена республикой; Пий VI умер во Франции, в крепости. *Кастальский ток* — см. конец примеч. 1. *Сестрам твоим*, т. е. другим музам.

43. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 17, под загл. «Подражание Горациевой IV оде». Печ. по ЛС, с. 167, с учетом изменения ст. 11, 20 в тетр. ПД. *Ладо и Лель* — божества любви у древних славян. *Под плясовый напев*. К. Н. Батюшков в стихотворении «Подруги милые» буквально повторил это выражение. *Даша* — вторая жена Г. Р. Державина, Дарья Алексеевна, урожденная Дьякова (1767—1842), сестра жены Капниста и жены Львова.

44. ЛС, с. 175. *Рифейски* — уральские. *Старец, век тройной проживший*. «Знаменитый Нестор... *Антилох*, сын его; под Троею был он убит, защищая отца своего» (примеч. Капниста — ПД). *Троил* (греч. миф.) — сын царя Приама, был убит Ахиллом. *Троянские девы* — сестры Тронла: Креуза, Лаодика, Поликсена и Кассандра. *Росс* — А. В. Суворов. *Новой славы гром*. Подразумеваются победы Суворова в Италии и Швейцарии над французскими войсками в 1799 г. *Пад* — древнее название реки По в Северной Италии. *Хребет Альпийский преклонился*. О геронческом переходе русской армии во главе с Суворовым через Сен-Готард. *Галл* — француз.

45. Избр. соч., с. 206. Печ. по автографу ПД. Капнист работал над этим стихотворением, очевидно, с перерывами, о чем свидетельствуют и наброски концовки оды (ПД) и зачеркнутые последние две строфы в автографе, замененные потом другим текстом. Автограф на бумаге 1803 г. Державин в послании «Капнисту» (1797) подражал этой же оде Горация. *Мамелюки* — гвардия египетских султанов, формировавшаяся из воинов тюркского происхождения; в данном случае — турки. *Тавр* — южные прибрежные горы в Малой Азии. *Чей штык сквозь Альпы проникает*. См. примеч. 5 и 44.

46. ЛС, с. 185. Г. А. Гуковский указал, что ст. «Закутя пиры и балы» отразился в «Пире во время чумы» Пушкина («И заварив пиры и балы») (см.: «Русская литература XVIII века», Л., 1937, с. 711). *Ельник лишь... постылый*. Подразумевается обычай разбрасывать еловые ветки во время похоронной процессии. *Капское* — вино с острова Капри, славившегося ценными сортами винограда. *Тороватый* — щедрый.

47. ЛС, с. 187. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 7, 29 в тетр. ПД. *Галльский исполин* — Наполеон. *Ков британца*. Намек на дипломатический ход английского правительства: в 1802 г. в Амьене был заключен мир между Англией, Францией, Испанией и Батавской республикой, который был необходим Англии для передышки, чтобы затем продолжать войну против Наполеона. Этим откликом на современные политические события может быть определена приближительная датировка «Беззаботности» (между 1802 и 1806 г.). *Кострица* — жесткая кора льна, удаляемая во время его трепанья и чесания.

48. ЛС, с. 212. *Пафос* и *Книд* — «два города на острове Кипре, Венере посвященном, в которых имела она храмы. Утверждали, что на первый никогда не падал дождь, в окружности пролива льющийся» (примеч. Капниста. — ПД).

49. ЛС, с. 205. Это довольно близкое к подлиннику переложение оды Горация и одно из лучших произведений Капниста привлекло внимание Пушкина, как отметил Н. О. Лернер в «Пушкиниологических этюдах» («Звенья», вып. 5, М.—Л., 1935, с. 117). Строфика оды Капниста и ее содержание близки к пушкинскому «Зимнему утру». Со строфой 1 Капниста, рисующей зимнюю природу, переключается строфа 3 «Зимнего утра», а строфа 2 Капниста — со строфой

4 пушкинского стихотворения («У обоих поэтов, — по словам Лернера, — одно и то же *far niente* (безделье) у камина»). Кроме того, Лернер отмечает, что 2 ноября 1829 г., накануне дня, когда Пушкин создал «Зимнее утро», он написал стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне? . . .», где зимний день поэта кончается встречей с красавицей, и здесь тоже возникла переключка с последними строфами «Другу моему». Исследователь отмечает воздействие «Другу моему» Капниста и на стихотворение П. А. Вяземского «Первый снег» (там же, с. 117—118).

50. ЛС, с. 198. Этой же оде Горация подражал Державин в стихотворении «На умеренность» (1792).

51. ЛС, с. 173.

52. ЛС, с. 181. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 20 в тетр. ПД. Автограф — БУАН. *Капское вино* — см. примеч. 46. *Укруг* — ломоть.

53. ЛС, с. 215. О преклонении Капниста перед гением Ломоносова говорят не только эта ода и «Различность дарований» (№ 245), но и предисловие поэта к своим переводам од Горация (см. с. 137—139 наст. изд.). Стихи, взятые в кавычки (строфы 3—7), — близкий к тексту пересказ либо цитаты строк из ломоносовских произведений. В строфах 3—4 — перефразировка ст. 7—8, 30—32 из «Оды, выбранной из Иова»; в строфах 5—6 — цитата из «Оды на день брачного сочетания их имп. высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года»; в строфе 7 — перефразировка стихов 55—60 из «Оды блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года». *Астрейя* (римск. миф.) — богиня справедливости.

54. ЛС, с. 222. Этой же оде Горация написал подражание и Державин под названием «Ко второму соседу» (1791). *Каррара* — город в Северной Италии; славился добычей ценнейшей породы мрамора. *Стень* — призрак, тень человека.

55. ЛС, с. 203.

56. ЛС, с. 170.

57. ЛС, с. 191. *Смирна* и *ливан* — названия благовоиных смол, употреблявшихся при богослужении.

58. ЛС, с. 179. «*Парки* — древние присваивали часто сим прядилицам жизни человеческой право судьбы» (примеч. Капниста. — ПД).

59. ЛС, с. 193. Печ. по ЛС, с учетом изменения ст. 19, 31 в тетр. ПД. *Гиркански дебри*. Гирканней римляне называли азиатскую страну, расположенную у южного побережья Каспийского моря. *И ссылочной Сибири холод* — см. вступит. статью, с. 27. *Кафры* — темно-

кожие африканские племена. *На бреге Псола*. На берегу реки Псёл (в Миргородском повете Полтавской губ.) находилось имение Капниста — село Обуховка. *Владымиром сражен Перун*. По преданию, киевский князь Владимир Святославич крестился на юге Крыма в г. Корсуне. Сражен Перун — т. е. уничтожено язычество. *Прах милого тебе певца* — И. И. Хемницера (см. примеч. 13).

60. ЧБЛРС, 1815, № 7, с. 7, под загл. «Подражание Горацию». Печ. по изд. 1959, с. 310, где опубликовано по автографу ПД 1818 г. Последние два стиха в тексте ЧБЛРС гласили: «Корону с буйного срывает, И мнимый исполин падет». Эти строки, намекавшие на падение Наполеона, предложены были поэту Державиным. *Стикс* (греч. миф.) — см. примеч. 4. *Атланские хребты*. «Атлант — гора сия полагается близ западных берегов Африки и Марокской области» (примеч. Капниста. — ПД). *Тенар* — «в Пелопонезе, на Лаконийском мысе скала, в которой находилась весьма глубокая пещера, ведущая, по мнению суверов, ко вратам ада» (примеч. Капниста. — ПД).

Переводы

* 61. ЛС, с. 245. В ГПБ (ф. Державина) сохранилась другая редакция капнистовского перевода. Впервые в России стихотворный перевод знаменитой оды Горация был осуществлен в 1745 г. Ломоносовым; в 1796 г. появился «Памятник» Державина, также подражавшего Горацию. *Аквилон* — название северного (и северо-восточного) ветра у римлян. *Капитол* — Капитолий, цитадель Древнего Рима, центр общественной жизни города. *Весталка* — жрица Весты (римск. миф.), богини домашнего очага; обязанностью весталок было поддержание вечного огня в храмах, посвященных Весте; «весталки обязаны были безмолвствовать при жертвоприношениях» (примеч. Капниста. — ПД). *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии, считавшаяся также и музой песнопения вообще. *Из лавра дельфского*. Дельфы — город в Древней Греции (Фокиде), славившийся своим храмом и оракулом Аполлона; лавр — символ победы и славы у античных народов.

62. Избр. соч., с. 187, по одному из четырех автографов ПД, текст которого имеет наиболее совершенный и законченный характер. По утверждению Ю. Д. Иванова, перевод, отмеченный в списке «Ненапечатанных сочинений» Капниста, осуществлен до апреля 1814 г. (см. изд. 1959, с. 414). При всем том очевидно, что работа над переводом велась и позднее: один черновой автограф «Безопасности» написан на бумаге, которая, согласно данным Клепикова, появилась лишь с 1816 г. *В копьях мавритийских*. «Мавры были весьма искусные копиеметатели и стрелки» (примеч. Капниста. — ПД). *Ядовитых стрел*. «Мавры... паполяли ядом стрелы свои. Удивительно, как гишпанцы не принесли и сего яда из Америки в Эвропу» (примеч. Капниста. — ПД). *Кавказа не гостинный*. Как поясняет поэт в примеч. к прозаическому переводу, кавказский хребет именовался «в древности негостеприимным». *Чудесный где Гидасп*. Называя Гидасп

«баснословным», Капнист поясняет далее: «сия река течет в Индии и называется ныне Лобхан. — Слово латинское *fabulosus*, по мнению г-на Дасье, не значит здесь баснословный, но именитый, славный, ибо-де и Плиний таким же образом назвал Атлас *fabulosissimum* *Atgiseae montem* — славнейшая гора Африки. Но, может быть, благорассудительный Плиний назвал гору Атлас баснословною, подозревая, что туда она перенесена баснею». В *сабинской рощице*. Горацій был владельцем небольшого имения в Сабинских горах. *Давния*. «Страна сия есть часть Апулии, выдавшейся в Адриатическое море, где находится Сипонт и гора Гаргаи, ныне монте ди С. Анжелло, вся Апулия от Самнитов до Калабрии и даже вся Италия называлась Давниною» (примеч. Капниста. — ПД). *Юб*. «Мавритания, часть Нумидии, находилась тогда под державою царя Юбы; в ней находилось великое множество львов и тигров» (примеч. Капниста. — ПД).

63. Избр. соч., с. 174. Четыре автографа — ПД, все на бумаге 1814 г. Примечания, которыми Капнист сопровождал прозаический перевод этой оды, таковы: «*Лукрина* — сне озеро находится близ Бейи в Кампании. Август соединил оное с Авернским и обратил оное в пристань, называвшуюся Июлианскою. *Одиноким* явором. Горажий, противуположно вязу, называет явор одиноким, холостым, поелику никогда не сочетается он с виноградною лозою. *Ромул* — первый царь и законодатель римлян. *Катон* (Старший, III в. до н. э.). Он называет Катона-цензора небритым, потому что в его время еще не стригли волос. *Новым камнем*. Горацій *словами* *сими* означает без сомнения *мрамор*, хотя существенное название оно в других местах сочинений его встречается. См. кн. I, ода XIX». *Беспроки* — бесполезные, ненужные. *Скрижаль* — каменная доска с письменами у древних евреев; здесь — нетленная запись. *Земляных домов* — т. е. глинобитных.

* 64. «Труды КОЛОС», 1815, кн. 1, с. 88. Три автографа — ПД. Примечания Капниста, сделанные им в данном случае специально к его стихотворному переводу, а не к прозаическому подстрочнику, печ. здесь вместе с текстом оды по авторизованной копии ПД. Они были написаны Капнистом явно позже, чем стихотворный перевод, почему и не попали в «Труды КОЛОС». Один из автографов стихотворения в другой редакции озаглавлен «Любезному и почтенному другу» и обращен к Василию Степановичу Томаре (род. 1802), другу Капниста, Львова и Державина, служившему в коллегии иностранных дел, затем сенатору. *Ахеане* — здесь: греки. *Ганнибал* (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, успешно воевавший с римлянами, но в конце концов истощивший силы своей огромной армией и разбитый в 202 г. до н. э. *Пунии пожары*. Подразумеваются опустошительные Пунические войны, которые Карфаген вел с Римом в 264—146 гг. до н. э. (с перерывами) за господство в Средиземноморье. *Ромул* — см. примеч. 63. *Дий* (греч. миф.) — Зевс. *Кастор* и *Поллукс* (римск. миф.) — братья, прославившиеся своей нерушимой дружбой. «*Богорождение*» — поэма древнегреческого поэта Гесиода (VIII в. до н. э.) «Теогония» («Происхождение богов»).

65. «Труды КОЛОС», 1815, кн. 1, с. 208. Печ. по этому изд., с уточнением ст. 22 по одному из двух автографов ПД. *Парнасских*...

богинь — муз. *Мание* — жест, означающий приказание. *Задь* — поза-
ди. *Багряница* — пурпурная мантия, одежда царей, богатых и знат-
ных лиц.

66. ЧБЛРС, 1815, № 18, с. 42, под загл. «Перевод оды Горацие-
вой „К Меценату“». Авторизованная копия с подзаг. «Первая ода»¹
Горациева „К Меценату“ — ПД. Печ. с загл. «Способ к довольству»,
которое закреплено было Капнистом за одой в предисловии к пере-
водам Горация (см. наст. изд., с. 142). На рукописи ПД Державин
карандашом написал: «Эта ода для меня лучше, потому что она
ближе всех идет к тебе». *Ахриз* (греч. миф.) — Акрис. «Ахриз, ар-
госский царь, быв извещен оракулом, что будет умерщвлен внуком
своим, старался, чтоб дочь его Даная не имела детей, и для того
заклучил ее в медную неприступную башню. Юпитер сошел в оную
золотым дождем, и царица родила от него Персея» (примеч. Кап-
ниста. — ПД). *Дий* — Зевс. *Род Амфиарея*. «Амфиарей (греч. миф.)
женат был на сестре Адраста, царя аргосского. Быв искусным про-
рицателем, знал он, что погибнет при осаде Фив, и для того не хотел
туда следовать с Адрастом и Полиником. Последний, подаря жене
Амфиарея золотое с дорогими камнями монисто, преклонил ее убе-
дить своего мужа к походу против Фив, под стенами коего был он
в первый день сражения поглощен землею, развергшеюся под его ко-
лесащею. Все племя его погибло, ибо Алкмеон убил мать свою
Ерифилу и был умерщвлен ее братьями. Амфилок 2-й, сын Амфиарея,
погиб под Фивами; итак, скудость одной женщины все семейство
сне истребила» (примеч. Капниста. — ПД). *Филипп* — македонский
царь (359—336 до н. э.), отец Александра Македонского, завоевав-
ший Грецию. *Стязующийся* — соперничающий. *Меценат* Гай Цильний
(между 74 и 64—8 до н. э.) — римский вельможа, приближенный им-
ператора Августа; был известен своими дружескими отношениями
с поэтами (Горацием, Вергилием, Проперцием и др.). Гораций, ав-
тор целого ряда стихотворений, обращенных к Меценату, был многим
ему обязан. Само имя Мецената стало нарицательным обозначением
знатного покровителя искусств. *Апулея* — Апулия, родина Горация;
«апулейцы, — писал в примеч. Капнист, — были весьма трудолюбивые
хлебопашцы» (ПД). *С полей калабрских пчелы*. «Мед таранский в
Калабрии почитался самым лучшим» (примеч. Капниста. — ПД).
Бахусов нектар — вино. *На галльских паствах*. «Гораций означает
здесь страну Галлию за рекою По, к северу простирающуюся» (при-
меч. Капниста. — ПД). *Волны* — здесь: шерсть. *Мигдония*. «Мигдо-
нийское царство составляло часть Фригии и державу славного в древ-
ности богатствами и длинными ушами царя Мидаса» (примеч. Кап-
ниста. — ПД). *Крез* — последний царь Лидии (560—546 до н. э.),
владевший несметными богатствами; имя его стало нарицательным
обозначением богача.

67. Избр. соч., с. 169. Семь автографов — ПД, из них один бело-
вой, в котором имеются замечания Державина и ответы на них Кап-
ниста. Капнист, между прочим, писал здесь: «Я исправил некоторые
места по вчерашним вашим замечаниям и, переведя точно латинский
подлинник, препровождаю вам, прошу, прочитав его со вниманием,
сделать подробные заметки: мне хочется эту оду как можно лучше

выгладить и представить ее примером таковых переводов, в сравнении с прозаическими французскими и немецкими древнеэпическими поэмами» (изд. 1959, с. 440). Затем следуют заметки по поводу некоторых поэтических образов, слов и выражений. Автографы поэта являют картину серьезной и неоднократной переделки текста. *Квириды* — невооруженные римские граждане. *Коснить* — медлить. *Гесперия* — здесь: Италия. *Пророчески жрецов прещенья отвергну.* «Римляне не начинали никогда сражений без наблюдения предзнаменований. Чаятельно, Гораций имеет здесь в виду разбитие римлян (в 53 г. до н. э.) под предводительством Красса, вступившего в сражение с парфянами несмотря на неблагоприятные предзнаменования» (примеч. Капниста. — ПД). «*Менез* был военачальник, *Пакор* — сын Орода, парфянского царя» (примеч. Капниста. — ПД). *И дак браннолюбивый.* Дакией называлась во времена Римской империи страна, находившаяся на месте современной Румынии; воинственное племя даков делало частые набеги на римские владения. *И с нильских эфюио брегов.* «Гораций... говорит здесь о войне триумвира Антония и Клеопатры, царицы египетской, противу Августа» (примеч. Капниста. — ПД). В 31 г. до н. э. египетский флот был разбит римлянами у мыса Акции. *Похабны пляски ионийски.* «Они были весьма любострастные и, может статься, походили на наши русские народные пляски» (примеч. Капниста. — ПД). *Карфагены* — см. примеч. 64. *Пирр* (319—273 до н. э.) — царь Эпира, видный полководец, много и успешно воевавший с римлянами; в 275 г. до н. э. армия Пирра была все же разбита римлянами при Беневенте. *Антиох III Великий* (242—187 до н. э.) — царь ближневосточного эллинистического государства Селевкидов; в 192—188 гг. до н. э. вел войну с римлянами, закончившуюся их победой. *Ганнибал* — см. примеч. 64. *Сабеяне* — сабиняне, древнеиталийское племя, ассимилировавшееся с римлянами.

68. Избр. соч., с. 188. Пять автографов — ПД. Печ. по автографу ПД, дающему наиболее законченный вариант текста. В автографе след. запись поэта: «В подлиннике число стихов — слов 27—261. В переводе число стихов 42, слов 330. Следовательно, в переводе только на 69 слов больше, что составит немного больше $\frac{1}{4}$. Заметить должно, что у меня два стиха прибавлено: правда, однако ж, распространено несколько мыслей». *Фракийский ветр.* «Фракия простиралась вдоль гор, от востока к проливу Константинопольскому продолжающимся. Аквилон был для греков и Италии северо-восточный весьма свирепый ветер» (примеч. Капниста. — ПД). *Слитое при Торквате.* «Гораций родился во время консульства Манлия Торквата, римляне имели обыкновенно означать вино свое именами консулов, управлявших республикою в тот год, когда оно выдавливаемо было» (примеч. Капниста. — ПД). *Дий* — Зевс. *Мастик Ахемена* — персидское благовоние; Ахменид — персидский царь (нач. VII в. до н. э.) — основатель династии Ахеменидов. *Струны Силленя* — лира, изобретенная богом Меркурием (римск. миф.), названная так потому, что он родился на горе Киллене (Циллене) в Аркадии. *Премудрый так кентавр.* Кентавры (греч. миф.) — полулошадь-полулюди, превосходившие разумом обычных людей; премудрый Кентавр — Хирон, воспитатель Ахилла (*Пелида*). Морская богиня *Фетида* (греч. миф.), желая даровать своему сыну Ахиллу бессмертие, погрузила тело

поворожденного в воды адской реки *Стикс*, держа младенца за пятку, которая и оказалась единственным уязвимым местом на его теле, ставшим впоследствии причиной смерти героя. *Ксанф* (или Скамаандр) — река в Ликии (одной из стран Малой Азии). *Понт Геллы* (Геллеспонт) — Дарданелльский пролив. *Парки* — см. примеч. 13.

69. Избр. соч., с. 172. Пять автографов (из них три черновых) — ПД. Печ. по словому автографу, дающему наиболее завершённый вариант текста. В предисловии к переводам од Горация Капнист приводит свой перевод этой оды в качестве одного из примеров применённой им «свободы распространения» (см. ст. 139 наст. изд.). *Богатства цельны* — «словами сими Гораций означает, что римляне еще не доходили войною до Аравии и сокровищ ее не расхищали» (примеч. Капниста. — ПД). *Апулейское* — Адриатическое море. *Коль рок необходимый, строгой*. «Строгая необходимость — названием сим... означали римляне Парку и даже Смерть. Гораций говорит, что она предшествует Фортуне с гвоздями, клиньями и прочая. — См. кн. I, ода XXXV» (примеч. Капниста. — ПД). «*Геты* — народ сей кочевал по берегам Дуная до Черного моря» (примеч. Капниста. — ПД). *За понтом* — за Черным морем. *Другому труд передает*. «Не понимаю, как Гораций мог сказать, что гетские хлебопашцы друг друга pogodно переменили: такой общенности кочующие народы иметь не могут; приличнее было бы сказать сие о нивах, чем о пахарях» (примеч. Капниста. — ПД). *Безвинно пасынков ласкать*. «Все почти переводчики, кроме г-на Фосса, заставляют здесь Горация говорить, что скифские мачехи не посягают на жизнь их пасынков. Стихи сии не суровость, но нежность изображают, а потому основательнее предположить можно, что Гораций хотел представить совсем другую мысль: разврат нравов его времени был чрезмерно велик и почти всеобщий: молодые девушки, из корыстолюбия, выходили за престарелых отцов семейства; мачеха не могла приласкать пасынка, не подвергая себя предсудительному заключению, что для удобности искала в своем семействе наместника дряхлому супругу; противоположно ему, Гораций чаятельно сказать хотел, что снисходительная к пасынкам скифская мачеха такому уничтожительному подозрению никогда не подвергалась» (примеч. Капниста. — ПД). *Вено* — плата жениха за невесту, а также приданое. *Отечества отец*. «Отец отчества» — почетный титул, который римский Сенат присваивал своим императорам. *Борей* — северный ветер. *Капитол* — Капитолий (см. примеч. 61). *Ахейский трох*. «Трох был железный обруч около сажени в поперечнике, с железными по внутренней стороне кольцами. Дети катали оный железным же прутом с деревянною рукояткою» (примеч. Капниста. — ПД). Ахейский — здесь: греческий.

70. ТОЛРС, 1824, ч. 4 (март — апрель), с. 233, под загл. «Ода Горация». Четыре автографа — ПД. Печ. по ТОЛРС, с уточнениями по одному из автографов. Текст посмертной публикации в ТОЛРС был подготовлен к печати самим поэтом. «Препровождаю к вам «Оду на убийство», «Пинта-лебедя», «Славолюбне» и «Закат солнца», — писал Капнист А. А. Прокоповичу-Антонскому 17 января 1823 г. (Собр. соч., т. 2, с. 544). Это письмо дает основание закрепить за стихотворением загл. «Пинт-лебедь». В подражании той же самой

оде Горация был написан и державинский «Лебедь» (1804). *Певец двувидный* — «то есть пинт-лебедь, в которого он себя преобразует» (примеч. Капниста. — ПД). *Меценат* — см. примеч. 66. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик, переправлявший на челноке души умерших через реки подземного царства мертвых. *Стикс* — см. примеч. 4. *Дедала сын* — Икар (греч. миф.). На крыльях, сделанных отцом из перьев и воска, вопреки настоянию отца, поднялся высоко к солнцу; воск расплавился, и Икар упал в море и погиб. *Пески сыпучи гетулян.* «Гетулия — часть Мавритании близ города Атласа, но поелику народы сии часто переходили с места на место и не имели постоянных жилищ, то вся Африка проименовалась Гетулиею» (примеч. Капниста. — ПД). *Стени гипербореан.* Гипербореи — люди, по поверьям древних греков, живущие на крайнем севере. Капнист очень интересовался этим преданием, полагая, что оно имеет отношение к истории славян. «Я старался доказать, что гиперборейцы были славянского поколения», — писал Капнист в примеч. (ПД). Этот вопрос он осветил в статье «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении», начатой в конце 1780-х годов и законченной в 1814 г. (см. Собр. соч., т. 2, с. 165—180). «*Колх* — Колхида; по золотому руку, Язоном похищенному, весьма известна: она лежит на восточном краю Черного моря и орошается рекою Фазом, в оное море проливающимся» (примеч. Капниста. — ПД). *Дак* — см. примеч. 67. *Марзы* — «соседственный народ с римлянами, из одного составлялась лучшая римская пехота» (примеч. Капниста. — ПД). *Гелон, столь удален от нас.* Гелоны — сарматское племя, жившее на берегах Днепра. *Иберы, мудрыми слывуши.* «Мудрый иберец — Гораций называет гишпанцев учеными, потому что во время Августа они весьма прилежали к словесным наукам». *Струи Родана* — «известная ныне река Рон(а) во Франции» (примеч. Капниста. — ПД). *Нения* (римск. миф.) — божество, олицетворявшее погребальное песнопение.

71. ТОЛРС, 1822, ч. 2, кн. 5, с. 206. Автограф ПД, по которому текст опубликован в Собр. соч., т. 2, с. 80, несомненно отражает более ранний этап работы поэта над переводом. *Мельпомена* — «одна из муз, наставница в трагедии и витийственном искусстве. Гораций принимает ее здесь в общем смысле богини стихотворства» (примеч. Капниста. — ПД). *Истмийский подвиг.* «Истмийских — так назывались славные греческие игры, которые Сизиф, царь Коринфский, учредил в честь Мелисерта на просторном мысе близ храма Нептунова. Они не отличались от Олимпийских игр, как только тем, что праздновались чрез каждые трилетия и что победители венчаемы были сосновыми ветвями» (примеч. Капниста. — ПД). *Капитол* — Капитолий (см. примеч. 61). *Фебовым венцом* — т. е. лавровым венком, посвященным Аполлону. *Тибурска водопада* — на реке Тевероне в городе Тиволи (ранее Тибур.) *Эолийские стихи.* «Гораций называет стихи свои эолийскими, поелику подражал в оных Алкю и Сафе, уроженцам Митилены, города эолийского и столицы острова Лесбоса» (примеч. Капниста. — ПД). См. также примеч. 72. *Глас нежный лебедей.* «В древности думали, что лебеди, наипаче перед смертью своей, весьма приятно пели» (примеч. Капниста. — ПД). *Что жив.* «Гораций спасение своей жизни на филиппийском сражении и по случаю упавшего дуба, чуть было его не убившего, равно как избавление при

кораблекрушении у Полиурского мыса, приписывает музам. См. кн. II, ода VII и кн. III, ода IV» (примеч. Капниста. — ПД).

72. ТОЛРС, 1824, ч. 4, с. 232, посмертная публикация, подготовленная самим Капнистом (см. примеч. 70). Три автографа — ПД. В Собр. соч., т. 1, с. 276 тексту ТОЛРС предпочтен текст авторизованной копии ПД, где вместо девушки Хлои — юноша Лика, о котором Капнист в примеч. пишет: «Может быть, так назывался любимец Алкея, в котором нравилось ему все, даже до малого пяташка на пальце» (ПД). «К лире» входит в список «Ненапечатанных сочинений» Капниста (1814). Однако до 1814 г. создан был, видимо, первый вариант текста. Автографы ПД ограждают длительный и сложный процесс работы над этим переводом. *Новый стих латинский. Герой и гражданин лезвийский.* «Гораций часто хвастает, что он первый ввел в латинские стихи размер лирического стихотворца Алкея (VII—VI в. до н. э.). Сей поэт обитал в городе Мигилене на острове Лезбе. . . Он был воин и великий ненавистник тиранов. . . Квинтиллиан. . . говорит о нем: «По справедливости в сей части сочинений Алкея, где он пишет против тиранов, дают ему золотой плектр — смычок — и наперсток, который надевали играющие на лире, для сильнейшего трогания». Его слог сжат, величественен и весьма чист. Часто уподобляется он Гомеру, но иногда снисходит к шуткам и к любовным предметам. Кажется, однако ж, что он рожден к выражению высоких мыслей» (примеч. Капниста. — ПД). *Дитя с палящими стрелами* — Амур. *Дий* — Зевс.

73. Избр. соч., с. 178. Печ. по беловому автографу ПД. В двух черновых автографах ПД — под загл.: «Перевод оды Горация к Меценату», с эпиграфом: «Turgrena regum progenies». В предисловии к своим переводам од Горация Капнист процитировал последнюю строфу этого стихотворения как пример «винтйственного распространения» мыслей оригинала (см. наст. изд., с. 140). Тот же перевод (ст. 60—64) дал ему возможность проиллюстрировать обратную тенденцию в работе переводчика — «сокращение» мыслей подлинника (см. наст. изд., с. 141). Как видно из цитат, перевод был подвергнут дополнительной правке, но поскольку полный текст последней редакции не известен, эта правка в наст. изд. не учтена. *Царей потомок тирренйских. Меценат* (см. примеч. 66) происходил из рода, восходившего к древним этрусским (тирренским) владельцам отдельных областей Этрурии. *В посудах хийских* — в амфорах, наполненных вином с острова Хиоса (в Эгейском море), который славился своим виноделием. *Балан.* «В Египте и в Эфиопии находится дерево, с которого собирали род желудя, называемого баланом, и выдавливали из оною весьма приятное душистое масло» (примеч. Капниста. — ПД). *Эфульски озирать вершины.* Эфула — небольшой город в Лациуме, расположенный на покате горы. *Тибур,* или Тиволи, в двенадцати милях от Рима. Ручей Анно, нынешний Теверон, орошал его. Городок сей построен был греком Тибурном, переселившимся из Аргоса в Италию с двумя братьями своими. Гораций имел там небольшой дом и дачу» (примеч. Капниста. — ПД). *Отцеубийца Телегон.* «Телегон — он был сын Улисса и Цирцеи; желая посетить отца своего, он прибыл в Ифаку ночью; когда стражи не пустили его в дом, то произошла драка; Улисс, прибежавши на помощь своим, был убит

Телегоном, не познавшим его. Убийца, спасаясь бегством, приплыл к Италии и там, близ Рима, на небольшой горе построил город Тускул» (примеч. Капниста. — ПД). *Багряница* — см. примеч. 65. *Кефей*. «Отец Андромеды — Кефей, эфиопский и финикийский царь, помещен в число созвездий. Оно находится у хвоста Меньшой Медведицы и восходит девятого июля» (примеч. Капниста. — ПД). *Предтеча Пса* — созвездие Прокцион; «имя сие по-гречески значит предтеча Пса. Созвездие сие восходит пред каникулоу в половине июля» (примеч. Капниста. — ПД). *Лев лютый*. «Гораций, по-видимому, хотел означить оным каникулу, начинающуюся при вступлении солнца в созвездие Льва» (примеч. Капниста. — ПД). *Сильван*. «Древние признавали трех Сильванов, одного — хранителя домов; другого — оберегателя садов; третьего — покровителя стад, который был то же, что Пан или Фавн. На Руси известны первые два под названием домовых и леших, а Панов знают только в Польше и Малороссии» (примеч. Капниста. — ПД). *Серрские... стрелы*. «Серы — народ скифский, обитавший между Индией и Восточным морем; предупредившая войну с римлянами, они прислали Августу послов с прошением мира» (примеч. Капниста. — ПД). *Парф* — парфянин, обитатель древней страны на территории современной южной Туркмении и Хорасана; при персидском царе Кире II Великом (553—530 до н. э.) Парфия была завоевана персами и включена в состав их государства; около 250 г. до н. э. возникло самостоятельное Парфянское царство; в I в. до н. э. римляне вели с ним неудачные войны. *Дий* — Зевс. *Вено* — см. примеч. 69. *Афр* — юго-западный ветер. *Богатства тирские*. «Кипрские и тирские — города, Кипр — на острове сего имени к востоку Средиземного моря, и Тир — столица Финикии. были весьма богатые торговые города» (примеч. Капниста. — ПД). *Поллукс* (греч. миф.); «*Леда*, жена Тиндарова, от Юпитера родила близнецов Кастора и Поллукса. Древние принимали их за воздушные огни, которые они почитали даже звездами. Суеверствуя, что ежель два таковые метеоры показывались вдруг, то предзнаменовали тихую погоду, а явление одного — приближение бури» (примеч. Капниста. — ПД).

74. «Журнал древней и новой словесности», 1818, № 1 (июль), с. 15, под загл. «Горациева ода „На смерть друга“» с датой: «9 июля 1818. Обуховка». Автограф и авторизованная копия с датой: «15 октября 1816 г. Обуховка» — ПД. Датируется по рукописи: перевод относится к группе стихотворений, навеянных смертью Державина (8 июля 1816 г.). Дата журнала — видимо, дата второй годовщины со дня смерти поэта; она может также означать и дату второго варианта перевода. *Мельпомена* — см. примеч. 61. *Богов отец державный* — Зевс; в слове «державный» намек на Державина. *Квинтилий Вар* (ум. 23) — друг Вергилия и Горация. *Орфей* (греч. миф.) — фракийский певец и музыкант, покорявший своим искусством всю живую и неживую природу. *Кадуцей* — жезл бога Меркурия (римск. миф.), который смыкал им глаза умирающих. *Плутон* (греч. миф.) — бог подземного царства.

75. ТОЛРС, 1819, ч. 15, кн. 24, с. 25, под загл. «Ода Горация „К Мекенату“». Автограф — ПД, под загл. «Предпочтение стихотворца». *Царей потомок тирренейских* — см. примеч. 73. *За жребий*

Аттала. Аттал — пергамский царь (138—133 до н. э.), завещавший свое царство и все свои богатства Риму. *Эгей* — здесь: Эгейское море. *Афр* — см. примеч. 73. *Икарская волной*, т. е. Эгейским морем; *Икар* — см. примеч. 70. *Покал* — бокал. *Мессийска гроздна сока* — вино из винограда с горы Массика в Кампанин; считалось одним из лучших у римлян. *Ловец* — охотник. *Эвтерпа* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии. *Полимния* (греч. миф.) — муза пантомимы. *Лесвийску ... лютию*. Намек на стихи Сафо и Алкея, родиной которых был остров Лесбос (у северо-западных берегов Малой Азии). Гораций подражал этим поэтам. См. еще примеч. 71 и 72.

76. ТОЛРС, 1819, ч. 15, кн. 24, с. 28, под загл. «Ода Горация „К Пирре“». Автограф — ПД, с датой: «4 октября 1818. Обуховка». Этой же оде Горация подражал и Державин в стихотворении «Пирре» (1804). *Сирениных речей* — обольстительных речей; сирены (греч. миф.) — полуженщины-полуптицы, очаровывавшие мореплавателей сладостным пением, из-за чего корабли разбивались о подводные скалы, а люди становились добычей сирен. *Вселенна в храм священный*, т. е. помещена в священный храм (в автографе «внесенна»).

77. Избр. соч., с. 216, по беловому датированному автографу ПД. *Ты клятву повторяла мне*. «У римлян было обыкновение произносить клятву, повторяя точно слова заставляющего чинить оную» (примеч. Капниста. — ПД). *Пактол* — лидийская река... впадает в Эгейское море, между городом Смирною и Фоцеею. Во времена Креза с струями Пактола мешался золотой песок, собиравшим которого обогатилась царь сей» (примеч. Капниста. — ПД). *Пифагор* (580—500 до н. э.) — древнегреческий философ и математик. *Двукратный век*. Пифагор прожил восемьдесят лет. *Нирей* (греч. миф.) — царь острова Накса, сын Харопса и Аглан, был прекраснее всех, кроме Ахиллеса» (примеч. Капниста. — ПД).

78. Избр. соч., с. 210, по одному из трех автографов ПД. Под этим загл. имеется стихотворение Державина (1798). *Приян* (греч. миф.) — бог плодородия, садов, полей и виноделия. *Сильван* (римск. миф.) — бог-покровитель лесов, деревьев, рощ и садов; «блудителем границ» считался не Сильван, а Термин — римское божество пограничных межевых знаков; праздник в честь Термина отмечался в последний месяц римского года (23 февраля). *Дий-громомет* — громовержец Зевс. *Тенета* — сети. *Сабинка*. Сабиняне — см. конец примеч. 67. Согласно легенде, при царе Ромуле римляне, нуждавшиеся в женах, похитили сабинских девушек. *Апулейка* — женщина из италийского племени апулейцев, населявшего Апулию, Южную Италию. *Устрицы лукрински* — из Лукринского озера (в Кампанин).

79. Избр. соч., с. 212, по автографу ПД (на бумаге 1814 г.), без примечаний. Печ. по Собр. соч., т. 2, с. 66. *Хариты* (римск. миф.) — грации. *И бог, что пламенные стрелы* — Амур. *Лефевр Т.* (1616—1672) — французский филолог; им был издан Гораций.

80. Избр. соч., с. 217, по датированному автографу ПД. *Ветрила* — паруса. *Несчастлива ласточка, по Итисе скорбяща*. Капнист так

язлагает в примеч. этот миф: «Пандион, царь афинский, имел двух дочерей: Прогнею и Филомелу. Старшую отдал он в замужество за Тереея, фракийского царя. Через несколько лет царь сей выпросил у Пандиона позволение Филомеле навесить сестру свою. Возвратясь с нею в Фракию, он ее изнасиловал, заключил в темницу и подрезал язык. Она сыскала средство известить Прогнею о несчастии своем, которая, освобождая тайно сестру свою и потом в ярости умертвив сына своего Итиса, представила в явство Тереею. Филомела, нечаянно явив, бросила ему на стол голову младенца. Когда злодей бросился на них с мечом, то боги превратили Прогнею в ласточку, а Филомелу в соловья, а Итиса в фазана. Вот басня. Должно заметить, что Пандион не был потомок Кекропа, первого царя афинского, но Гораций причисляет его к дому Кекропа потому единственно, что он царствовал в Афинах» (ПД). *Любящего их стадо бога* — Пана (греч. миф.), аркадского бога лесов и рощ. *Калесских сладких вин* — из Калеса, местечка «вблизи от Капуи, в Италии. Вино, оттуда получаемое, почиталось наилучшим» (примеч. Капниста. — ПД). *Лот* — старинная мера веса около 13 грамм. *В Сульпициевых погребях*. «По-видимому, в оных хранились самые лучшие вина. Не можно наверно утвердить, что это был погреб. Латинское слово «ноггеа» означает просто хранилище, амбар. Из многих мест Горациевых од видеть можно, что римляне хранили вино на чердаках» (примеч. Капниста. — ПД). *Стикс* — см. примеч. 4. *Что на костре нам должно тлеть*. По обычаю древних римлян, трупы покойников сжигались на кострах.

81. Избр. соч., с. 218, по датированному автографу ПД. *Яд колхов*. Колхи — жители древней страны Колхиды — на восточном побережье Черного моря. «Почитали, что страна сия изобиловала ядовитыми растениями. Медея, дочь Аэта, колхидского царя, славилась отравками своими» (примеч. Капниста. — ПД). *Пуниец* — «пунический купец. Пуниею называлась карфагенская весьма торговая страна» (примеч. Капниста. — ПД). *Парф* — см. примеч. 73. *Марз* — см. примеч. 70. *Прозерпина* (греч. миф.) — богиня, владычица преисподней. *Пред грозным не предстал судьей*. В данном случае — перед Эаком, одним из трех судей в подземном царстве мертвых. *Эолка* — древнегреческая поэтесса Сафо (конец VII — первая пол. VI в. до н. э.), уроженка острова Лесбос; эолийцы — древние греки, жившие на островах, в отличие от материковых. *Жертвы дев кичливых*. Стихи Сафо, воспевавшие женщин, в позднейшие времена без достаточных оснований интерпретировались как выражение извращенности эротических чувств поэтессы. *Алкей* — см. примеч. 72. *Тартар* (греч. миф.) — преисподняя, ад. *Стоглавый черный пес* — Цербер (греч. миф.), охраняющий выход из ада; по мифам, это трехглавый пес; Гораций называет его стоглавым, видимо, вслед за Пиндаром, имея в виду количество зменных голов в его гриве. *Эвмениды* (греч. миф.) — богини мщения, пребывающие в аду; изображались в виде безобразных старух со змеями в волосах. *Тантал* (греч. миф.) — сыноубийца, попытавшийся угостить богов приготовленным из тела юноши кушаньем; за это преступление был осужден Зевсом вечно испытывать в аду ненасытный голод и жажду. *Промефей* — Прометей (греч. миф.). *Орион* (греч. миф.) — могучий атлет и охотник, а также божество созвездия того же имени.

82. Избр. соч., с. 220, по датированному автографу ПД. Печ. по изд. 1959, с. 387, где более точно воспроизведен ст. 34. *Меценат* — см. примеч. 66. *Химера* (греч. миф.) — чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона; Химера — также олицетворение огнедышащей горы. *Гиг* — гигант (греч. миф.), сторукий великан; племя гигантов вело борьбу с Зевсом и олимпийскими богами и было побеждено ими. *Весы* — «созвездие месяца августа. Оные приписывают Астрес, дочери Юпитера и Фемиды, богини правосудия, с которою часто ее не различают. Она сошла с неба на землю в начале Золотого века, но при наступлении Железного возвратилась вояся» (примеч. Капниста. — ПД). «*Скорпион* — созвездие месяца октября. Баснословят, что Скорпион по велению Дианы ужалил в пята Орнона, хваставшегося, что он не страшится лютейших диких зверей, и желавшего учинить насилие Диане» (примеч. Капниста. — ПД). *Гесперская глубина* — моря, омывающие берега Италии. *Козерог* — созвездие зодиака; считалось, что его появление на небе предсказывает бурную погоду. *Удар Сатурна столь опасный*. Планета Сатурн считалась у римлян враждебной людям, а Юпитер, напротив, — благоприятной для них. *Питомцев Гермеса*. Гермес (греч. миф.) — бог скотоводства, вестник олимпийских богов — считался и покровителем поэтов. *Фавн* (римск. миф.) — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов; Фавн отождествлялся с греческим Паном (см. примеч. 80), сыном Гермеса.

83. Избр. соч., с. 221, с ошибкой в ст. 25, по автографу ПД. Печ. по Собр. соч., т. 2, с. 65. *Фаун* — Фавн (см. примеч. 82). «*Лукретил* — сабинская гора, в соседстве которой имел Гораций небольшую дачу» (примеч. Капниста. — ПД). *Ликей* — гора в Аркадии, местность, где обитал, по мифу, Пан (или Фавн). *Тиндариды* — имя неизвестной женщины. *Темпея* — Темпейская долина (в Фессалии), одно из живописнейших мест Древней Греции; здесь — райский уголок земли. *Сирий* — звезда, с появлением которой на небе древние греки связывали наступление сильной жары. *К Улиссу нежна страсть Цирцеи*. Как рассказывается в «Одиссее» Гомера, Улисс (т. е. Одиссей), попавший на остров Эя, был обворожен чарами прекрасной волшебницы Цирцеи. *Пенелопа* — верная супруга Одиссея. *С лесвийским соком* — вином с острова Лесбос. *Покал* — бокал. *Арей* (греч. миф.) — бог войны. *Кир* — здесь имя юноши.

84. ТОЛРС, 1821, кн. 30, с. 36, псд загл. «Из Горация». В перечне своих переводов, которые Капнист намеревался напечатать отдельным изданием, а также в прозаическом переводе ода имеет загл. «Мореплавание» (ПД). *Путь к тебе* — к острову Кипру, который был посвящен Венере (Киприде). «В мореплаваниях иногда и к ней молитвы воссылали, ибо вечерняя заря имя ее носила» (примеч. Капниста. — ПД). *Братья страстные Елены* — так называемые Диоскуры (греч. миф.), братья-близнецы Кастор и Поллукс (Полидевк), освободившие сестру Елену, похищенную Тесеем. По одному из мифов, Зевс в награду за братскую любовь превратил Диоскуров в Созвездие Близнецов. Появление сего на небе считалось благим предзнаменованием. *Афр* — см. конец примеч. 73. *Борей* — см. примеч. 69. *Гиადы* — «дочери царя Атласа. Они так неутешно оплакивали брата

их Гиа, растерзанного львицею, что от печали померли, и превращены в созвездие, которого появление предвещает дождливую погоду» (примеч. Капниста. — ПД). *Нот* — южный ветер. *Адриа* — Адриатическое море. *Керавнские вершины*. «Акрокеравнские — или просто Керавнские — высокие горы в Эпире, прилежащие к восточному берегу Адриатического моря, имя их значит: громовые, перуны. . .» (примеч. Капниста. — ПД). «*Дедал* (греч. миф.) — сын Эвлахама и внук Эрехта, царя афинского, был искуснейший художник. Минас, которому в Крите построил он лабиринт, заключил его в оный. Он улетел оттуда на составленных им из перьев крыльях» (примеч. Капниста. — ПД). *Иракий* — Геракл (греч. миф.). *Шагнул чрез Ахерон глубокой*. Имеется в виду последний — двенадцатый — подвиг Геракла, перешедшего адскую реку Ахерон и связавшего трехголового адского пса Цербера. *Хрона грозный сын* — Зевс, сын Крона (а не Хрона, как у Капниста).

ЭПИГРАММЫ

85. СПб, 1780, № 10, с. 290, под загл. «На богатого умом стихотворца». Печ. по Соч., с. 164. В Собр. соч. и изд. 1959 в качестве первой публикации ошибочно названы Соч. Текст СПб попал в рукописный сборник А. А. Никольского (ПД). Этой эпиграммой Капнист, возможно, откликнулся на анонимную эпиграмму «Жалоба древних стихотворцев» (СПб, 1780, № 9, с. 200):

Отец стихов Омир и Пиндар закричали:
«И мысли и стихи у нас разворовали
Учены хищники, новейших лет писцы,
И возмечтали,
Что славные они уж стали мудрецы,
А не с чужим умом ученые-глупцы!»

Насмешка Капниста над стремлением Герода наполнить оду лишь «своим. . . умом» является, видимо, ответом на критическое отношение автора приведенной эпиграммы к использованию «чужого ума». Тема «чужого ума» находится также в связи с полемикой вокруг «Сатиры первой», разгоревшейся на страницах СПб. В послесловии-ответе автору «Письма к господину К. . . .», сочинителю „Сатиры первой“ и басне «Медная статуя» редакция СПб настаивала на праве поэта подражать литературным образцам (СПб, 1780, № 9, с. 238—239).

86. Соч., с. 164. Эпиграмма, возможно, связана с полемикой вокруг «Сатиры первой» и, следовательно, относится к началу 1780-х годов.

87. СЛРС, 1784, ч. 12, с. 22, без загл. и подписи. Печ. по Соч., с. 164. *Стихобред* — поэт Д. П. Горчаков (1758—1824). Эпиграмма вызвана его сатирой «Святки» («В России лишь узнали. . .», см. ПС, с. 91), задевшей Капниста. *Что братом уж давно осла я почитал*. Д. П. Горчаков писал в «Святках»:

На визг осла святого
Капнист во хлев спешил,
За брата он родного
Осла давно уж чтил.

См. конец примеч. 1. Поскольку эпиграмма Капниста возникла, вероятно, как непосредственный отклик на «Святки», которые были написаны не ранее 1781 г. (о чем говорит упоминание в них трагедии В. П. Колычева «Сальвиний и Адельсон», напечатанной в 1781 г.), то эпиграмму Капниста можно датировать 1781 или началом 1782 г.

88. Соч., с. 163. «Склоненный» на русские нравы вольный перевод комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогопосец» (под названием «Сганарев, или Мнимая неверность»), как видно из автоэпиграммы, не имел успеха. Переделка Капниста (текст ее см. в Собр. соч., т. 1, с. 412—441), очевидно, была осуществлена в конце 1780-х годов. Данных о премьере не сохранилось. В хронике театра постановка комедии Капниста зафиксирована лишь под датой: 17 мая 1806 г.

89. Соч., с. 176. Эта автоэпиграмма — последнее стихотворение в Соч., набранное на последней странице сборника.

НАДПИСИ

90. Соч., с. 165. Кому посвящена эпитафия, не установлено.

91. Соч., с. 166. *Отец* — Василий Петрович Капнист (ум. 1757). См. о нем вступит. статью, с. 8.

92. «Зеркало», 1787, № 82, июль, с. 496, под загл. «Стихи на переложение Омировой Илиады» и с разночтениями; Соч., с. 165, без загл. Печ. по НЕС, 1787, № 11, с. 65. *Костров* Ермил Иванович (ок. 1750—1796) — поэт, его стихотворный перевод «Гомерова «Илиада» в шести песнях» был издан в 1787 г. *Седьм знатных городов... стязались*. Семь городов Древней Греции и Малой Азии (Аргос, Афины, Колофон, Саламин, Смирна, Родос, Хиос) претендовали на право считаться родиной Гомера. *Омир* — Гомер.

II

93. «Аопиды», 1797, кн. 2, с. 380. Посвящено воцарению Павла I. В письме к жене 30 ноября 1796 г. из Петербурга Капнист писал: «От государя все новые милости текут. Вообще много перемен к лучшему. Сам во все входит и скор на резолюции. Всяк доступ до него имеет» (Собр. соч., т. 2, с. 432).

94. Собр. соч., т. 1, с. 139. Автограф — ГПБ (арх. Г. Р. Державина). В начале 1799 г. состоялась свадьба поэта Федора Петро-

вича Львова, родственника Капниста и Державина, сочетавшегося браком с Н. И. Березиной. Это шутовское стихотворение написано как бы от имени Державина, избранного на свадьбе «старостой цеха поэтов». О Ф. П. Львове см. примеч. 119. *Лиры бог* — Аполлон.

95. «Аониды», 1796, кн. 1, с. 127, отрывок под загл. «Гимн к солнцу слепого старца Оссиана» (последние семь строф, ст. 616—671); ЧБЛРС, 1815, № 18, с. 40, второй отрывок (ст. 173—208), в статье Капниста «Краткое изыскание о гиперборейцах», посвященной, в частности, и вопросам метрики русского стиха. Полностью, но без предисловия — Избр. соч., с. 249, по авторизованному списку ПД (бумага 1812 г.); предисловие — в Собр. соч., т. 2, с. 7, по автографу ПД. Черновой автограф поэмы — БУАН. «Картон» — подражание одноименной поэме, вошедшей в сборник песен и поэм Оссиана, легендарного шотландского барда, жившего будто бы в III в. На самом деле автором сборника (изданного в 1760 г.) был английский поэт и филолог Дж. Макферсон (1736—1796), приписавший Оссиану произведения, сочиненные им по мотивам шотландских эпических сказаний. Книга Макферсона послужила источником переводов и подражаний для множества иностранных и русских поэтов XVIII — начала XIX в. В прозе перевел все поэмы Оссиана Е. И. Костров (см.: «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Галльские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым», М., 1792). До Кострова поэму «Картон», также в прозе, перевел Н. М. Карамзин (МЖ, 1791, ч. 2). Как видно из предисловия, Капнист начал переводить «Картона», очевидно, в начале 1790-х годов. В августе 1801 г. поэт читал в Москве своего «Картона» М. М. Хераскову и Н. М. Карамзину. «Они благосклонно приняли попытку мою, — писал он, — но я все же не отваживался передать плод оный книгопечатному тиснению, опасаясь, дабы лютые критики не взяли и меня в их мучительные тиски» («Письмо к С. С. Уварову о эксаметрах». — Собр. соч., т. 2, с. 192). В конце 1813 г. Капнист послал свой перевод Державину для прочтения в «Беседе любителей российской словесности». Державин отвечал: «Не знаю, что скажут о «Картоне», поелику многие подражания Оссиану нам представлены» (Державин, Соч., т. 6, 1871, с. 279). В рукописи поэмы ПД после загл. идет выписка на французском языке, касающаяся характера исполнения песен древними бардами и особенностей стиха, из чего можно сделать вывод, что Капнист, как и Костров, пользовался французским источником, вероятно популярным тогда переводом Летураера (1777). Во втором письме к С. С. Уварову «О эксаметрах» Капнист вспоминает своего друга Н. А. Львова, который сделал «первый шаг» к открытию свойств природного языка и «коренного народного стихосложения» «переводом песни Гарольда Храброго». Именно ему, писал Капнист, «обязан я первым знакомством с русским стихосложением». «Пользуясь советами его, — продолжает Капнист, — перевел я небольшую поэму Оссианову «Картона», поместя в одной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребительными ныне размерами сочиненные стихи» (Собр. соч., т. 2, с. 210). В черновом автографе поэмы БУАН Капнист назвал ряд русских народных песен, чью ритмику он использовал в «Картоне» («Как бывало у нас, братцы, через темной лес? . .», «Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая. . .», «Ах, почто

было, ах, к чему было по горам ходить...», «У соловушки, у голубчика одна песенка...», «Уж как вниз было по Волге, Волге матушке-реке...»). В. А. Западов отмечает употребление Капниста в «Картоне» малораспространенных правильных топических трехударников, «Первый опубликованный опыт трехударника «3-7-11» с дактилической клаузулой принадлежит, по-видимому, Львову (перевод «Песня Гарольда Храброго»). У Капниста в полиметрическом переводе поэмы «Картон» этим размером написаны ст. 104—140. В том же переводе Капниста есть образцы и других типов тоических стихов: трехударника «3-8-13» («Пламень мужества дысь в душе моей разгорается») и различных четырехударников» (см.: В. А. Западов, О русских размерах в поэзии XVIII — первой половины XIX в. — «XXII Герценовские чтения. Филологические науки», Л., 1969, с. 92). *Фингал* — владыка морвенский, легендарный вождь каледонян, обитавших в западной части Шотландии. *Морвенски знамена*. Морвен — цепь высоких гор, древнее название прибрежной северо-западной Шотландии и обитавшего там племени. *Сельма* — дворец Фингала. *Балклутским... стенам*. Балклута — город на реке Клайд, по преданию сожженный отцом Фингала — Комгалом. *Елень* — олень. *Зане* — ибо, потому что. *Скимн* — молодой лев. *Слякается* — сгибается, сжимается.

96. Собр. соч., т. 1, с. 164. Текст — в письме Капниста к протоперсю Киево-Софийского собора Иоанну Васильевичу Леванде от 24 сентября 1804 г. (см. Собр. соч., т. 2, с. 446—447). Желая проверить точность своих переводов, поэт в 1804 г. послал их Леванде с просьбой высказать критические замечания, но Леванда ограничился отзывом чисто комплиментарного свойства. Раздосадованный Капнист обвинил Леванду в лести (как в письме, так и стихотворении).

97. СВ, 1805, № 5, с. 190; тогда же было издано отдельной листовкой, которая сохранилась в ПД (ф. Капниста). Вошло в «Сочинения» В. А. Озерова, ч. 1, СПб., 1816, с. 75. Печ. по листовке. В. А. Озеров (1769—1816) — поэт-драматург. Нашумевшая премьера его трагедии «Эдип в Афинах» состоялась в Петербурге 23 ноября 1804 г. Капнист написал свое стихотворение, по-видимому, под свежим впечатлением от спектакля, о чем говорят стихи: «Трикраты солнца луч скрывала мрачна ночь, А я все живо зрю» и т. д. Следовательно, можно датировать это произведение предположительно ноябрем — декабрем 1804 г. Озеров ответил на него посланием «Благодарность автора «Эдипа» В. В. Капнисту за присланные стихи» (см. его в Собр. соч., т. 1, с. 728). *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии. *Яд зоилов злоязычный*. Зависть, по мнению современников, и была одной из причин помешательства (в 1810 г.), а затем и смерти Озерова. По аргументированному заключению современного исследователя, Озерова погубило недоброжелательство Александра I (см.: И. Н. Медведева, Владислав Озеров. — В. А. Озеров, Трагедии. Стихотворения, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, с. 52—53).

98. Б. И. Коплан, Из литературных изысканий конца XVIII — начала XIX века. А. М. Бакунин и В. В. Капнист, Тверь, 1928, с. 3. Стихотворение находится в письме поэта к его приятелю А. М. Бакунину (1768—1854) от 10 декабря 1810 г. и является заочным «портре-

том» Варвары Александровны Муравьевой (1792—1864), молодой жены адресата, с которой Капнист не был знаком (текст письма см. в Собр. соч., т. 2, с. 464—465).

99. Избр. соч., с. 147. Автограф — ПД. Петр I для Капниста и Н. А. Львова был образцом мудрого, просвещенного законодателя и государя. 27 июня 1811 г., к столетию Полтавской битвы, в Полтаве был открыт памятник Петру I. Когда было намечено его открытие, памятник не был готов. «Известный писатель того времени В. В. Капнист... служивший в полтавском генеральном суде и бывший затем губернским предводителем дворянства, прочел... стихотворение: „Красуйся, торжествуй, Полтава...“» (И. Ф. Павловский, Полтава в начале XIX века, Киев, 1902, с. 65). Возможно, что с этими торжественными событиями было связано и стихотворение «Петр Первый». *Коварные измены* — стрелецкие мятежи, 1682 г. (два) и 1692 г., произошли в годы отрочества и молодости Петра I. *Алкид* (греч. миф.) — Геракл; будучи младенцем, задушил в колыбели двух змей. *Реки в Белт из Каспа потекли* — Маринская водная система, связавшая Балтийское и Каспийское моря; проект ее был задуман Петром I. *Готф* — здесь: швед или Карл XII, шведский король, разбитый под Полтавой в 1709 г. армией Петра I. *Суд безмездный, правый*. Подразумеваются создание органов юстиции при Петре I, судебная реформа и др. мероприятия царя по упорядочению судопроизводства.

100. «Русский библиофил», СПб., 1912, № 5, с. 8 и «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1912, кн. 4, с. 98; Собр. соч., т. 1, с. 189. Печ. по авторизованному списку ПД с некоторыми уточнениями по черновым автографам. Написано между 28 октября и 18 декабря 1812 г., согласно датам черновых автографов. Ввиду обличительного характера произведения оно не было напечатано при жизни поэта, несмотря на его попытки найти поддержку у императрицы Елизаветы Алексеевны. «Я послал сие сочинение государыне императрице Елизавете Алексеевне, — писал Капнист 13 августа 1813 г. А. С. Шишкову, — и удостоился получить от лица ее, через господина Лонгинова, весьма благовольтельный отзыв» (Собр. соч., т. 2, с. 481). Сочувственно оценил «Видение» Державин (Капнист послал ему поэму вместе с письмом от 29 апреля 1813 г.). «Я с моей стороны нахожу, — писал Державин, — что сочинение сие гораздо пылчее и сильнее многих прежних ваших; картина, Гермогена изображающая, жива и величественна; упреки за беззаконие справедливы, и обетование милосердия, когда исправимся, утешительны; а за правду, кажется, по моему мнению, сердиться не за что; но видите вы из приложенного письма (А. Н. Оленина): находят ее сатирую, изречение хулы на бога непозволенным. В заключение скажу, что сие ваше произведение не пахнет еще старостию...» (Державин, Соч., т. 6, СПб., 1871, с. 267—268). *Берег Псла*. Имя Капниста — село Обуховка — располагалось на берегу реки Псел. *Жупель* — горящая сера; здесь нечто отвратительное. *Горны* — печные трубы. *Слякался* — согнулся. *Юдоль* — долина. *Хлябь* — водная бездна. *Поднялся призрак бледный, тощий* — Гермоген, второй патриарх всероссийский (1606—1612), один из вдохновителей народного восстания против польских интервентов (в период так назы-

ваемого «Смутного времени»), умер от голода в заточении в Чудовом монастыре. *Рамена* — плечи. *Два века к вечности уж протекли с тех дней*, т. е. со времени вступления в Москву в 1605 г. полчищ интервентов, возглавляемых Лжедмитрием I. *Сарматы* — здесь: польские захватчики. *Лихва* — корыстная, неправедная прибыль. *Сарданапал* — этим именем древние авторы называли последнего ассирийского царя, который будто бы проводил свою жизнь в пирах и разврате. По данным современной исторической науки, последним царем Ассирии был Ашшурбалит II (612—605 до н. э.); имя Сарданапала скорее всего восходит к имени ассирийского царя Ашшурбанипала (669 — ок. 633 до н. э.), деятельный образ жизни которого не согласуется, однако, с образом изнеженного сластолюбца на троне. *Пенязь* — деньга. *Талант* — самая большая весовая единица в древнегреческой системе мер, а также денежный знак. *Потомок Филарета* — Петр I. *Филарет* — см. примеч. 18. *Мски* — мулы. *Выи* — шеп. *Шишак* — воинский металлургический головной убор, заканчивающийся острием наверху. *Пристрашного* — испуганного. *Феникс* (египет. миф.) — чудесная птица, сжигавшая себя в пламени и возрождавшаяся из пепла столь же прекрасной.

101. Печ. впервые по автографу ПД. Д. С. Бабкин в числе стихотворений поэта, которые ему не удалось разыскать, называет послание «Старому другу Трохимовскому» (см. Собр. соч., т. 1, с. 10). Действительно, в списке «Ненапечатанных сочинений», составленном Капнистом (ПД), указано и стихотворение, обращенное к Трохимовскому. «Старому доброму другу моему», очевидно, и является этим не найденным до сих пор стихотворением, посвященным Михаилу Яковлевичу Трохимовскому, другу семьи и домашнему доктору Капнистов. Имя его упоминается в самом стихотворении, а в словах «век полезный» (в последней строфе) можно видеть намек на «полезную» профессию адресата. По-видимому, стихи написаны по случаю выздоровления Трохимовского от какой-то тяжелой болезни. Среди набросков других стихотворений Капниста в ПД есть, между прочим, один, который относится к той же теме болезни друга и, несомненно, подразумевает Трохимовского. В нем есть, например, такая строка: «Безмездие многим жизнь продлил он кратколетну». Водяной знак бумаги: «1812», на которой написан набросок стихотворения, подтверждает, что оно связано с публикуемым хронологически. Принадлежность стихотворения № 101 Капнисту, которое кто-то из архивистов приписал Семену Капнисту (сыну поэта), не вызывает сомнений — об этом говорят и все присущие В. В. Капнисту характерные особенности почерка. *Парки* — см. примеч. 13. *Движенья ножниц строгих*, т. е. ножниц, которыми паркеры перерезали нить человеческой жизни.

102. ЧБЛРС, 1815, № 17, с. 103. Автограф — ПД.

103. ЧБЛРС, 1815, № 17, с. 104. Автограф — ПД. На оборотной стороне листа автографа находится переписанный Капнистом текст французской песни «*Loin des beaux yeux de Silvie, insensible à mes malheurs*» («Вдали от прекрасных очей Сильвии, бесчувственной к моим горестям»), подражанием которой является «Горесть разлуки».

Автограф отражает процесс работы Капниста над стихом, его поиски большей легкости и выразительности.

104. Избр. соч., с. 246. Автограф — ПД (на бумаге 1812 г.).

105. ТОЛРС, 1821, ч. 19, с. 34; ТОЛРС, 1826, ч. 6, с. 226. Печ. по первой (прижизненной) публикации. *Парки нить спрядут... и ножниц спросят*. См. примеч. 13 и 101.

106—108. СО, 1814, № 40, с. 69—70. Премьера трагедии «Антигона» состоялась 21 сентября 1814 г. 1. *Антигону, которой прелестьми нас Озеров пленил*. Антигона — герсина трагедии В. А. Озерова «Эдин в Афинах» (см. примеч. 97). 3. *Известная эпиграмма* — автоэпиграмма Капниста «На перевод мой комедии Мольеровой „Сганарева, или Мнимого рогоносца“». Автоэпиграммы Капниста на «Антигону» не прошли незамеченными. Вскоре, очевидно один из его недоброжелателей (за подписью Н. Н.), напечатал «Эпиграмму» (СО, 1814, № 41, с. 113):

Арист, прежалкую скомпоновавши драму,
С досады на нее в свет выдал эпиграмму.
Друзья! поплачьте вы об нем:
Сам на себя, бедняжка, поднял руки.
Пустос! это штуки!
Он режется тупым ножом!

109. «Труды КОЛОС», 1815, кн. 1, с. 224. Под загл. «Сафо и пчелка» упомянута в перечне «Ненапечатанных сочинений» Капниста (ПД). *Сафо* — древнегреческая поэтесса (конец VII—VI в. до н. э.); по преданию, из-за неразделенной любви к юноше Фаону бросилась с Левкадской скалы в море и погибла. *Геркуланум* — город Древнего Рима, разрушенный и засыпанный пеплом в 79 г. во время извержения Везувия; раскопки его были начаты в 1738 г. *Тимьян* — кустарниковое растение, из которого добывают душистое эфирное масло. *Мирта* (мирт) — вечнозеленое кустарниковое растение с белыми цветами, символ любви.

110. Собр. соч., т. 1, с. 226, где ст. 1 приведен не полностью («При переводе с чужих языков должно»). Печ. по автографу ПД.

111. ЧБЛРС, 1815, № 17, с. 39, в первом «Письме к С. С. Уварову о экзаменах». Стихи предваряются здесь след. строками: «С достоверностью скажу, что можно составить множество русских мер, свойственных стихам эпопеи и другим повествовательным творениям. Для доказательства осмеливаюсь представить краткий отрывок в простонародном сказочном слоге» (там же, с. 38—39). Сохранился другой вариант переложения сказки с построчным анализом ее ритма (ПД). *Ласкались* — здесь: надеялись.

112. Собр. соч., т. 1, с. 209. Отрывок «Повести» входит во второе «Письмо к С. С. Уварову о экзаменах» (см. Собр. соч., т. 2, с. 214); Автограф — ПД.

113. ТОЛРС, 1826, ч. 6, с. 247, под загл. «Послание к прекрасной». Печ. по беловому датированному автографу ПД, где, как и в двух других, загл. отсутствует. Один из автографов начинается обращением: «Милостивая государыня моя Варвара Петровна!» — и заканчивается: «Ваш покорнейший слуга Василий Капнист». На другом автографе надпись: «Иван Антонович Пукалов. Его высокородие». Видимо, послание адресовано жене И. А. Пукалова (или Пуколова), обер-секретаря Синода, — Варваре Петровне (р. 1784).

114. СО, 1816, № 39, с. 27, датировано. Державин умер 8 июля 1816 г.

115. СО, 1817, № 4, с. 157, датировано. Два автографа (один черновой) — ПД. Печ. по беловому автографу. Ст. 1—8 — последнее стихотворение Державина, не имеющее загл. Он написал его в Званке за несколько дней до смерти, под впечатлением висевшей в его кабинете картины «Река времен». *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт; в литературе классицизма считался авторитетнейшим представителем одической и вообще торжественной лирики.

116. Альм. «Уrania на 1826 год», М., 1826, с. 206. Печ. по Собр. соч., т. 1, с. 241, где опубликовано по датированному автографу из частного собрания (автограф вклеен в экземпляр ЛС). Список с пометой цензора о разрешении к печати, с подзаг. «При посылке ей своих стихотворений», — БУАН. *Паша* — дочь Н. А. Львова Пракковья Николаевна (по мужу Бороздина).

117. СО, 1817, № 39, с. 23, датировано. *Персть* — прах.

118. СО, 1817, № 43, с. 182, датировано. С поэтом К. Н. Батюшковым (1787—1855) Капнист сблизился в кружке А. Н. Оленина. *Зачем нелестливый и полезный Ты пренебрег ее совет?* По совету Капниста Батюшков стал переводить поэму Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», но перевел лишь отрывки из I и XVIII песен, которые были опубликованы в «Драматическом вестнике», 1808, ч. 6 и в «Цветнике», 1809, июнь. В ПД сохранилось несколько отрывков перевода из «Освобожденного Иерусалима», осуществленного самим Капнистом. Но он перевел еще менее, чем Батюшков. *Лишь кипарис изобразил?* Кипарис — символ смерти. Подразумевается знаменитая элегия Батюшкова «Умиряющий Тасс» (1817). *Соррентские цветы* — из г. Сорренто в Италии; здесь обобщенно: итальянские, южные.

119. Альм. «Памятник отечественных муз на 1827 год», СПб., 1827, с. 25; затем в кн.: Ф. Львов, Часы свободы в молодости, ч. 1, СПб., 1831, с. 176, под загл. «Ответ В. В. Капниста», вслед за стихотворением Ф. П. Львова (от 20 ноября 1817) «В. В. Капнисту, при посылке стихов моих». Печ. по «Часам». Ф. П. Львов (1766—1836) — родственник Державина, писатель, близкий к кружку Н. А. Львова. *Так зачем, мой друг, хлопочешь Легку песнь давать на суд?* Эти строки являются ответом Капниста на обращение к нему Ф. П. Львова:

О муз любимец, друг всегдашний!
Ты был наставником моим!
Кинь взор на памятник домашний,
Коснись его резцом твоим, —
И усмехнись на труд нескромный. . .

120. СО, 1818, № 33, с. 31. Печ. по ТОЛРС, 1820, ч. 18, с. 33, датировано. Стихотворение тематически и идейно связано с гораццианской одой «Богатому соседу» (№ 54). *Обуховка* — именно Капниста в Миргородском повете Полтавской губернии, где он подолгу проживал. *Приютный дом мой под соломой*. С. В. Капнист-Скалон засвидетельствовала верность описания местности вокруг дома отца в Обуховке: «Когда река войдет в свои берега, то луга покрываются высокой, усеянной цветами травой, деревья и рощи зеленеют, колеса мельниц зашумят своим водопадным шумом и каждый раз напоминают стихи отца моего, где он говорит:

Там двадцать вдруг колес вертятся. . .»

и т. д.

С. В. Капнист-Скалон цитирует строфу 11 «Обуховки» («Воспоминания», с. 302). *Помона* (римск. миф.) — богиня плодов. *Вакхов вертоград* — виноградник. *Намет* — шатер. *Всхожу на холм — луна золотая* и т. д. Строфа, начинающаяся этой строкой, как отметил Б. В. Нейман, отозвалась в «Кавказском пленнике» юного Лермонтова:

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.

(Б. Нейман, К вопросу об источниках поэзии Лермонтова. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1915, т. 6, с. 282).

121. СО, 1819, № 16, с. 177, датировано. *Коснит* — медлит.

* 122. Избр. соч., с. 244, по автографу ПД от 5 октября 1818 г. В других семи автографах ПД от 4 октября 1818 г. размер стихов дактило-хореический. Отдельные строфы и отдельные строки стихотворения имеют много вариантов.

123. ЖДНС, 1819, № 8 (апрель), с. 146, под загл. «Гимн благотворению», с вариантами. Печ. по СО, 1819, № 30 (август), с. 178, где опубликовано вместе со стихотворением Капниста «Хоры, петье при открытии в Полтаве Института для благородных девиц 12 декабря 1818». Повод написания — открытие названного института, созданного «иждивением дворянства», о чем подробно информировал читателей СО (№ 30, с. 145—168). В учреждении института, преследовавшего цель дать образование дочерям бедных дворян, важная роль принадлежала знакомому Капниста — военному генерал-губернатору Малороссии князю Н. Г. Репнину (1778—1845). Он позднее приобрел репутацию вольнодумца благодаря своим тесным связям

с декабристами. Попечительницей института была избрана жена губернатора В. А. Репнина, внучка последнего гетмана Малороссии графа К. Разумовского. Интерес, проявленный Капнистом к институту, вполне понятен, ибо еще при А. Б. Куракине, бывшем полтавским генерал-губернатором (1802—1808), Капнист безвозмездно исполнял некоторое время обязанности директора училищ Полтавской губернии и представил Куракину интереснейший проект организации школы типа интерната для 200 дворянских детей, из которых 50, самых бедных, должны были быть полными стипендиатами. В школе могли учиться и приходящие воспитанники, причем, согласно уставу, составленному Капнистом, в числе учеников могли быть и разночинцы (см.: И. Ф. Павловский, Полтава в начале XIX века, Киев, 1902, с. 76—79). Д. И. Хвостов в оглавлении к 18-му тому своего архива написал: «В. В. Капниста «Гимн благотворенно» посвящен мне» (ПД). Действительно, в письме от 27 марта 1819 г. Капнист просил Хвостова помочь его младшему сыну устроиться на должность адъютанта у князя Горчакова, командовавшего корпусом, который находился на Украине. Капнист писал при этом: «...Посылаю вам «Гимн на благотворенне», хотя я знаю, что не нужно слабыми стихами побуждать вас к этому» (Собр. соч., т. 2, с. 518). Тем не менее в печати это посвящение не появилось.

124. СО, 1819, № 38, с. 215, в статье Капниста «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях», которую и заканчивает стихотворение. *От Исмара* — от города (и горы) в древней Фракии. *Отуза* — местечко в восточном Крыму.

125. ТОЛРС, 1819, кн. 24, с. 42.

126. СО, 1819, № 18, с. 323. Семь автографов — ПД. В. С. *Томара* (ум. в апреле 1819) — сенатор, друг Капниста, Державина и Н. А. Львова.

127. Собр. соч., т. 1, с. 229. Печ. по автографу ПД.

128. Избр. соч., с. 243, по автографу ПД. В автографе на верху листа начертана метрическая схема этих трехстопных стихов (дактиль — хорей — дактиль).

129. Собр. соч., т. 1, с. 135, по автографу ГПБ (арх. Державина). Это стихотворение, как и №№ 236—237, по характеру своему тяготеющие к циклу «Встречные мысли» и «Случайные мысли» (№№ 130—234), приблизительно можно датировать 1810-ми годами.

130—191. №№ 3, 25, 33 — ТОЛРС, 1820, ч. 18, с. 96; №№ 25, 35, 47, 62 — Избр. соч., с. 276—277. Весь цикл — Собр. соч., т. 1, с. 209—219, с пропуском № 4, рядом неточностей в воспроизведении текста и опечатками. Печ. по автографу ПД, за исключением №№ 3, 25, 33, обнаруженных при жизни поэта. В автографе № 3 имеет загл. «Смесь». 1. *Мотовило* — мотательное орудие, стержень, на который наматывалась пряжа. 18. *Вено* — см. примеч. 69. 19. *Хоть*

Анной назовись. Имя Анна на древнегреческом языке означает: благодать. 37. *Врач Мольеров Сганарел* — персонаж комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый роконосец» (1660), Капнисту принадлежит переделка этой комедии (см. примеч. 88). 39. *Дама* — подразумевается легендарная папесса Иоанна, будто бы занимавшая под именем Иоанна VIII папский престол после смерти Льва IV (с 855 по 858 г.); разрешилась от бремени во время торжественной церковной процессии. *Феникс* — см. примеч. 100. *Тут президентом нареклася.* Речь идет о Е. Р. Дашковой (1744—1810), в 1783—1796 гг. занимавшей должность директора петербургской Академии наук и возглавлявшей одновременно учрежденную по ее проекту Российскую академию по изучению отечественного языка. *Жан д'Арк фельдмаршалом была И на престол царя взвела.* Победы, одержанные французскими войсками, руководимыми Жанной д'Арк (1412—1431), над англичанами в 1429 г., способствовали укреплению власти наследника французского престола. В 1429 г. он был коронован в Реймсе. Во время обряда коронации Жанна д'Арк, уже прославившая в народе как спасительница Франции, стояла рядом с королем Карлом VII. *Амазонки* (греч. миф.) — племя женщин-воительниц, не терпевших в своем кругу мужчин. 40. *Эгрет* — пучок декоративных перьев, украшавших прическу. 46. *Когда звездами не блещут,* т. е. орденами в форме звезды. 49. *Анна* — имеется в виду орден «Святой Анны», один из высших в царской России; начал жаловаться с 1743 г. в честь императрицы Анны Иоанновны; прикреплялся к ленте, носимой на шее. 52. *Магогов ополчение.* Магог — легендарный народ, упоминаемый в Библии, отличавшийся жестокостью.

192—234. № 22 — ТОЛРС, 1820, ч. 18, с. 95. №№ 15, 29 и 38 — Избр. соч., с. 276—277. Полностью весь цикл — Собр. соч., т. 1, с. 219—226, с печатками и погрешностями в воспроизведении текста. Печ. по автографу ПД. 8. *Осегить* — здесь: навредить, уличить. 25. *Нерон* Клавдий Цезарь — римский император (54—68), прославивший самовлюбленным сластолюбцем и жестоким тираном. *Сократов неизменен лик.* Сократ (470 или 469—339 до н. э.) — древнегреческий философ. Капнист говорит о его несокрушимой репутации мудрого и праведного человека в противовес Нерону, порочность и преступления которого были изобличены уже античными историками.

235. Избр. соч., с. 242. Печ. по автографу ПД.

236. Избр. соч., с. 274. Автограф — ПД.

237. Печ. впервые по автографу ПД.

238. Избр. соч., с. 271. Автограф — ПД. А. Н. Оленин (1763—1843) — художник, археолог, директор Публичной библиотеки (с 1811 г.), президент петербургской Академии художеств (с 1817 г.); возглавлял кружок писателей и художников. Приятельные отношения с Олениным Капнист поддерживал, видимо, с конца 1800-х годов. Послание, как установил Д. С. Бабкин, является ответом на письмо Оленина к поэту от 26 мая 1821 г., чем и определяется датировка стихотворения (см. Собр. соч., т. 1, с. 742). *Торовата* — щедра.

239. ТОЛРС, 1822, ч. 1, с. 126; ВЕ, 1823, № 21, с. 34, с примеч. от редакции: «Одна из песней лебедьных незабвенного поэта», и в «Новостях литературы», 1823, № 52, с. 201, с тем же примеч. и разночтением в одном стихе. Автограф — ПД. Печ. по ТОЛРС, с уточненным ст. 17 по автографу (в печатных текстах «мой покров»). *Флакк* — Квинт Гораций Флакк, над переводом стихотворений которого Капнист много работал в Обуховке. *Сляченна* — сгорбленна. *Псёл* — см. примеч. 59. *Истнить* — истребить. *Покроюся твоей доской*. Дочь поэта С. В. Капнист-Скалон вспоминает: «Отец мой до того любил это дерево, что тайно от нас велел вытащить его из реки после его падения, распилить на доски и сохранить их для своего гроба, что и было исполнено» («Воспоминания», с. 347—348).

240. ТОЛРС, 1824, ч. 4, с. 237, посмертно. Печ. по ТОЛРС, так как текст был подготовлен для печати Капнистом и послан вместе с письмом от 17 января 1823 г. А. А. Прокоповичу-Антонскому, как и стихотворения «Убийство», «Пнит-лебедь», «Славолюбие» (см. Собр. соч., т. 2, с. 544). Датированный автограф — ПД.

241. ТОЛРС, 1824, ч. 4, с. 235. Четыре датированных автографа (черновые) и наброски — ПД. Один из вариантов — под загл. «Честолюбие». Печ. по ТОЛРС — тексту, подготовленному для печати самим Капнистом (см. примеч. 240). *Слепца-пишта* — Гомера, который, по легенде, был слеп. *Пермесский... поток* — река, стекающая с горы Геликон (греч. миф.), символ поэзии и поэтического вдохновения.

242. «Частная переписка И. Р. Мартоса», Киев, 1898, с. 28. Капнист писал родственнику скульптора И. П. Мартоса Ивану Романовичу Мартосу 7 января 1823 г.: «Благодарю вас искренне за напоминание обо мне Ивану Ивановичу Дмитриеву. Было время, что он был ко мне весьма приятельски расположен... Если вам можно, то спросите у него:

Зачем не только в то лишь время...»

(Собр. соч., т. 2, с. 543). *Бремя Фемидиных несносных уз* и т. д. В 1810—1814 гг. поэт И. И. Дмитриев (1760—1837) состоял в должности министра юстиции, вследствие чего его поэтическая деятельность тогда почти совсем прекратилась; Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия. *Сестер парнасских*, т. е. муз.

ПОЗДНИЕ ОДЫ

243. Отдельной брошюрой, СПб., 1816. Это издание сохранилось в бумагах Капниста (ПД). Цензурное разрешение на издание оды — от 14 октября 1816 г.; этим определяется и датировка между июлем и октябрём 1816 г. *Ты мыслить здесь дерзал о боге*. Подразумевается знаменитая ода Державина «Бог» (1784).

244. «Труды КОЛОС», 1815, кн. 1, с. 308 (фактически кн. 1 формировалась для печати в 1815—1816 гг. и вышла в свет в 1817 г.).

Во всех предыдущих изданиях Капниста в качестве первой публикации № 244 ошибочно указан СО, 1816, № 39. Авторизованная датированная копия, а также ряд черновиков — ПД. Державин умер 8 июля 1816 г. *Флакк* — см. примеч. 239. *Геликон* (греч. миф.) — гора, на которой обитали Аполлон и музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения. *Плутонова чертога*. Плутон — см. примеч. 74. *Аполлонов лес зеленый* — лавровый лес, так как лавр считался деревом, посвященным Аполлону. *Или, подобно водопаду, Что с гор высоких в дол стремит* и т. д. Эта и след. строфа имеют в виду стихотворение Державина «Водопад» (1791), посвященное смерти Г. А. Потемкина. *Воспел величество творца* — об оде Державина «Бог» (1784). *Победы росса знамениты*. Имеются в виду стихотворения Державина, прославляющие отечественных полководцев и победы русских войск («Осень во время осады Очакова», «На взятие Измаила», «На победы в Италии» и др.). *Харита* (греч. миф.) — грация. *Блеск Фелицына венца*. О стихотворениях Державина, посвященных Екатерине II: «Ода к Фелице», «Изображение Фелицы». *Поборник правды*. С такой оценкой Державин-поэт вошел в сознание декабристов (см. думу Рылеева «Державин»). *Хрон* (греч. миф.) — одно из начал мира, олицетворение времени. *Истнить* — истребить. *Пергам* — древний город в Малой Азии, возникший на месте разрушенной Трои; название Пергам впоследствии было распространено на Трою. *Омир* — Гомер.

245. СО, 1818, № 51, с. 272, датировано. *Икар* — см. примеч. 70.

246. ТОЛРС, 1819, ч. 15, кн. 24, с. 10. Здесь же, на с. 14—24, напечатан восторженный отзыв поэта и критика А. Ф. Мерзлякова об оде Капниста и о самом авторе: «Приятно... в сем прекрасном сочинении, — писал Мерзляков, — встретить и узнать того песнопевца, которого творениями мы пленялись столько времени. Почтенный автор наш цветет и теперь между лучшими поэтами российскими как знаток и страстный любитель своего искусства, умеющий свободно управлять им в зиму лет своих так, как управлял он им в лета юношеские. Предлагаемая мною ода имеет еще другое достоинство, которое заключается в самом ее содержании — она обращена к несчастному... Положение, определенное поэтом, прекрасно. Я слышу голос, меня утешающий, где бы я ни был и кто бы я ни был...» (там же, с. 14—15). По мнению Мерзлякова, «в целой песне замечается мужественная и ясная зрелость мыслей и то внутреннее убеждение, которое всемогущею своею силою восхищает за собой сердца читающих» (там же, с. 15). *Колумб* — Христофор Колумб (1446—1506). *Харибда* и *Скилла* (Сцилла) (греч. миф.) — чудовища, о которых повествуется в «Одиссее» Гомера; они пожирали мореплавателей у пролива между Италией и Сицилией; мимо них удалось благополучно проехать Одиссею и Энею.

247. Избр. соч., с. 155, по автографу ПД (на бумаге 1815 г.), без авторских примечаний. Печ. по автографу. Рукопись содержит большое количество важных поправок. Например, Капнист заострил обличительный смысл ст. 28 (было: «Владыки злобны! трепещите»). *Царь-шиш* — Давид, полупоэтический царь израильско-иудейского

государства (конец XI в. — ок. 950 до н. э.); Библия приписывает ему сочинение псалмов — религиозных гимнов. Строфы 2 и 3 «Оды на пинтическую лесть» являются переложением псалма 81, от которого отправлялся и Державин в стихотворении «Властиелям и судиям». Образ «царя-пинта», «царя-пророка», созданный Капнистом, предвосхищал декабристскую трактовку этого библейского героя. В произведениях Катенина, Кюхельбекера, а также Грибоедова Давид — идеальный образ народного вождя, всителя и поэта. *Омир* — Гомер. *Гезиод* — см. примеч. 64; ему принадлежит также поэма «Труды и дни», содержащая обличение неправедных судей, которых Гезиод именовал «царями». *Алкей* — см. примеч. 72. *Скрыжали* — каменные доски с высеченными на них письменами. *Синклит* — см. примеч. 4. *Октавова льстеца*. Подразумевается Гай Цезарь Октавиан — первый римский император (27 до н. э. — 14 н. э.), вошедший в историю под именем Августа. *Отвергнуи прелесть дядимы*. Осуществляя верховную власть на русской земле в период изгнания интервентов, Д. М. Пожарский (1578—1641) не стремился сохранить ее за собой. По некоторым данным, он сам не считал возможным претендовать на русский престол. После избрания царем Михаила Романова оставался в тени, занимая второстепенные государственные должности. Дядима — диадема, старинный головной убор царей в виде драгоценной повязки. *Достойны ль петь они владыку* — Петра I. *Белт* — Балтийское море.

248. ТОЛРС, 1820, ч. 18, с. 64. В письме от 5 апреля 1820 г. к А. А. Прокоповичу-Антонскому Капнист сообщал: «В конце «Зависти пинта» говорю я о моем уединенном приюте; извините пристрастие, заставляющее меня препроводить особенно для вас картину оного. Каждому мил уголок свой, и каждый желает заставить других пленяться тем, что ему приятно. Сочинение сие напечатано третьего года в «Сыне отечества»; я исправил его в некоторых местах» (Собр. соч., с. 529). Однако в СО это стихотворение отсутствует. Строфы 1—2, 4 «Зависти пинта» несомненно отразились в произведении «Ахилл и Омир» поэта декабристской ориентации П. А. Катенина. *Хрон* — см. примеч. 244. *Омир* — Гомер. *Фивы* — столица Древнего Египта в период среднего и частично нового царства; славилась своей архитектурой и множеством храмовых пилонов, ввиду чего возникло выражение «стовратные Фивы», употребленное в «Илиаде» Гомера. *Эней* (греч. и римск. миф.) — троянский герой, много странствовавший по морям после падения Трои и в конце концов поселившийся в Италии; главный герой поэмы Вергилия «Энеида». *Вечный памятник Октаву На почве лести утвердил*. Октавиан Август (см. примеч. 247) считался потомком Энея, о подвигах которого рассказывал в своей поэме Вергилий, тем самым возвеличивая и Августа. Кроме того, Вергилий посвятил ему две хвалесные эклоги. *Икар* — см. примеч. 70. *Псла брегах*. Псёл — см. примеч. 59.

249. Изд. 1959, с. 409. Печ. по списку ГПБ. Принадлежность оды Капнисту доказывается неопубликованными строками «Воспоминаний» его дочери (ГПБ). Ода возникла как отклик на греческое восстание, начавшееся в апреле 1821 г. *Дручащий* — удручающий. *Три века кровь пиющий*. С 1453 г. Греция находилась под властью

турок. *Спиры* — воинские отряды. *Студ* — стыд. *Веси* — деревни. *Жупел* — см. примеч. 100. *Ксеркс* — персидский царь (485—465 до н. э.), хотел завоевать Грецию, но в 480 г. до н. э. был разбит на море при Саламине. *Термопилы* — Фермопильское ущелье, где 300 спартанцев летом 480 г. до н. э. стояли насмерть, преградив движение огромной персидской армии. *И чтил царицу тьмы Луну*, т. е. покорился Турции. *Магомет* — здесь: турки, поклонники Магомета. *Срацин* — здесь: турок. *Ахеи* — здесь: греки. *Прийти, увидеть, победить*. После молниеносной победы в 47 г. до н. э. над армией понтийского царя Фарнака II Кай Юлий Цезарь отправил донесение римскому Сенату, состоящее из трех слов: «Пришел, увидел, победил».

250. ТОЛРС, 1822, ч. 2, кн. 5, с. 200. Написанная в начале 1822 г., ода была послана А. А. Прокоповичу-Антонскому 19 мая 1822 г. *Там прах Наполеона*. Наполеон умер 5 мая 1821 г. на острове Святой Елены. *Порфира* — царская мантия. *Пря* — распря. *Манье* — повелительный жест рукой. *Вретище* — убогая одежда.

251. ТОЛРС, 1823, ч. 3, с. 185. Автограф ПД датирован 1822 г., а черновой автограф ПД — 7 декабря 1822 г. В ПД хранится интереснейшая переписка Капниста по поводу оды с сыном С. В. Капнистом и еще с каким-то лицом. В процессе этой переписки Капнист правил текст оды. Огромная работа над ней показывает, какое большое значение придавал он «Убивству» с его философской проблемой зла, стоявшей в центре идейных споров того времени. Декабристы видели в обществе борьбу различных страстей и идей, борьбу добра со злом, борьбу народов с тиранами. Ода «Убивство» своим протестом против царящего в мире зла и защиты добра сближается с воззрениями декабристов (ср., например, статью А. А. Бестужева «Критика» в СО, 1819, № 19, отчасти трактующую проблему добра и зла). Не случайно одой был так заинтересован сын поэта Семен, член Союза благоденствия. На вопрос сына о происхождении зла Капнист отвечал: «Я пишу для верующих в Моисея и пророков, пишу для христиан. Трудно весьма по-философски доказать, откуда зло произошло. Многие философы утверждали даже, что никакого зла на свете нет. Моисеево предание, чтимое христианами, дало мне средство назначить причину явления зла и первого убийства. Без чего я стал бы в тупик и оды не мог сочинить» (Собр. соч., т. 1, с. 743). И далее Капнист пишет: «Знаю, впрочем, что от моей оды, как бы она хороша и убедительна ни была, убийство не прекратится. Для того-то и молю в конце о втором пришествии... А там опять-таки ералаш затеется» (там же, с. 744). Это примеч. говорит и о том, что Капнист расстался со многими просветительскими иллюзиями, а иронический «ералаш» ставит под сомнение и ортодоксальность его религиозности. Любопытен и ответ Капниста на замечание оппонента, который писал ему по поводу строфы 12: «В первых четырех стихах заключается моление о прекращении убийства и средства к нему — мщение и убийство же. Кажется, это несходно с евангельским учением...» (ПД). Капнист ответил на это довольно категорично: «А как же прекратить убийство, как не истреблением закоренелых в оном?» (Собр. соч., т. 1, с. 744).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Я беда». Отд. изд.: «Ябеда. Комедия в пяти действиях. Печатано в Императорской типографии, иждивением г. Крутицкого», СПб., 1798, по копии, представленной Капнистом в столичную цензуру в 1797 г. Копия с визой цензора М. Туманского от 19 февраля 1798 г. — ГПБ. К ней приложены посвящение Павлу I и письмо статс-секретаря Ю. А. Нелединского-Мелецкого Капнисту от 29 июня 1798 г. с извещением о согласии императора напечатать «Комедию» с указанным посвящением. Издание вышло в свет с многочисленными цензурными купюрами. В таком сокращенном виде «Ябеда» перепечатывалась много раз вплоть до изд. 1959.

В наст. издании комедия печ. по авторизованной копии ПД (впервые опубликована в Собр. соч., т. 1, с. 287—402). Текст ее открывается посвящением Павлу I. Рукопись, судя по богатому оформлению переплета, по-видимому, была поднесена царю через его статс-секретаря Ю. А. Нелединского-Мелецкого, которому Капнист писал 30 апреля 1798 г.: «Досады, которые мне и многим другим наделала ябеда, причиною, что я решился осмеять ее в комедии; а неусыпное старание правдолюбивого монарха нашего искоренить ее в судах внушает мне смелость посвятить сочинение мое его императорскому величеству. Препровождая оное вашему превосходительству, аки любителю российского слова, покорнейше прошу узнать высочайшую волю, угодно ли будет усердие мое его императорскому величеству и благоволит ли он удостоить меня всемилоштивейшим позволением украсить в печати сочинение мое, одобренное уже цензурою, священным его именем» (Собр. соч., т. 2, с. 440). Из письма следует, что изготовление авторизованной копии может быть отнесено к марту — апрелю 1798 г. Этот текст был подготовлен Капнистом уже после разрешения цензурой комедии к печати. В нем, за некоторыми исключениями, восстановлены все те купюры, которые были сделаны в цензурованном экземпляре. Цензором изъяты были ст. 165—173, 265—277, 283—286, 294—310, 601—604, 899—902, 929—939, 967—991, 1326—1357, 1364—1392, 1502—1513, 1618—1641, 1674—1681. Зачеркнутый М. Туманским рассказ Прямыкова о первых встречах с Софьей в Смольном монастыре (Институте благородных девиц) и у ее тетки в Москве Капнист заменил в авторизованной копии другим текстом (ст. 241—244); в цензурной же копии было:

Прекрасною она глазам моим казалась;
Влюбился страстно я в нее там, а потом,
Как вышла уж она оттоле к тетке в дом,
То там, видаясь с ней, и пуще заразился.
Признаться, счастлив был, и я ей полюбился.

Не были восстановлены поэтом след. места комедии, выпущенные цензором:

После ст. 556:

Фекла

Давно молебен уж я приказала петь.

К р и в о с у д о в
У Чудотворной, что ль?

Ф е к л а

Туда нельзя попеть:
Там барынь тьма, старух, и дорого платящих.
Велела Фильке я отпеть у Всескорбящих.

К р и в о с у д о в

Да как, то весть господь, и там успеть ему:
Я челомбитчиков всегда видал там тьму.

Уходят.

После ст. 1207:

К р и в о с у д о в

(осматривая)

Ба, ба! Неужли то стоит Зерцало тут?
Но нет.

Б у л ь б у л ь к и н

И хорошо, что спрятали под спуд.

А т у е в

Смотреться некому.

Х в а т а й к о

На нас весь век смотрело.

А н н а

Знать, больше и в Москве не захотело.

Далее был вычеркнут гимн Екатерине II, который поет Софья:

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы:
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

Музыка повторяет ригурнель.

Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

От драгой своей десницы
Всем она блаженство шлет;
Вкруг непышной колесницы
Добродетельми ведет.

Воспоем...

Мы все, как сиротки-птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасли от непогод.

Воспоем. . .

И под кровом багряницы
Воспитала нас, сирот.
Как лучом она денницы,
Просвещает русский род.

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы:
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

Гимн Екатерине в авторизованной копии был заменен другой песнью (см. ст. 1208—1235). Последнее действие комедии должно было завершиться немой сценой, содержащей аллегорическое изображение ябеды. После слов служанки Софьи: «Жить ябедой и тем: что взято, то и свято» — приложено следующее описание масок, участвующих в заключительной сцене: «Сатир или Талия срывает с ябеды личину правосудия правою рукою, а левою уставляет щит с вензелем Екатерины Второй противу ябеды, стремящейся поразить его в глаза стрелкою весов, на коих кошелек с деньгами перевешивает Зерцало истины (и противу причастников ея: Взятковидца, хотящего захватить его крючком, у рукоятки скипетра провидения находящимся; Растлисудова, старающегося ударить его Зерцалом истины, превращенным в безмен; Кохтина, желающего кохтями длиннейшими рук ободрать его; Законоподборова, одетого в арлекинское из указов и разных законов шитое платье, желающего уколоть его большим пером, и протчих, которые все при взгляде на щит каменеют)». От этого эпизода Капнист также отказался. Авторизованная копия, несомненно, отражает завершающую стадию работы поэта над «Ябедой». В отличие от цензурной копии, здесь довольно много новых строк, улучшающих текст. Значительно ярче здесь обрисованы характеры Кривосудова и его жены, полнее представлена линия взаимоотношений Прямякова и Софьи. Все это дает основание положить текст этой рукописи в основу настоящего издания комедии.

Время написания «Ябеды» может быть отнесено к 1791—1798 гг. В БУАН хранится план комедии на 8 листах, составленный в 1791—1792 гг. Имена действующих лиц, названные в этом плане, как то Честон и Судяга, отражают самый первоначальный замысел пьесы (в дальнейшем эти имена были заменены другими). Работа над комедией продолжалась в 1792 г. В начале 1793 г. об этом стало известно небольшому кругу друзей Капниста. «Но где же ваша «Ябеда»? — спрашивал поэта приятель его, полтавский врач М. Трохимовский в письме от 26 июня 1793 года. — Для чего она скрывается и на свет не показывается? Разве для нее особливых театров не надобно, неужели она, хотя с небольшими оттенками, играется в правосудных приказах? С какою жадностью я ее прочитать хотел! Вы меня лишили сего удовольствия» (БУАН). Сохранилась первоначальная редакция комедии (БУАН), написанная на бумаге, имеющей водяные знаки 1790—1791 гг. (впервые опубликована в 1960 г. в Собр. соч., т. 1, с. 511—616). Судя по авторским пометам на полях рукописи, работа протекала быстро. Первое действие комедии было написано

за четыре-пять дней. На одном из листов имеется помета о том, что за один день поэт написал 244 стиха. Содержание комедии в общих чертах было намечено в названном выше плане, но в нем не было еще ни одного стиха. План можно было реализовать и в прозе, что было бы значительно легче, но Капнист не пошел по этому облегченному пути. Он искал такую форму стиха, в которой могла бы свободно звучать обыденная разговорная речь. Такую форму подсказала ему комедия Княжнина «Хвостун» (1784—1785). «Признательно скажу, — писал Капнист в предисловии к трагедии «Антигона» в 1814 или 1815 г., — что если бы почтенный г-н Княжнин в прекрасном «Хвостуне» своим не доказал на опыте возможность писать комедию в стихах простым разговорным наречием, то я бы не осмелился приняться за „Ябеду“» (Собр. соч., т. 1, с. 447). В первоначальной редакции пьеса называлась «Ябедник». Действие комедии было акцентировано главным образом на одном персонаже, помещике Судяге. При дальнейшей работе над комедией замысел ее претерпел значительные изменения. В частности, на обороте титульного листа Капнист написал новое название: «Ябеда». Это означало, что предмет обличения в комедии будет не одиночный, частный случай, а вся система неправосудия царской России. Здесь же Капнист уточнил имена и фамилии действующих лиц. Судягу переименовал он в Ябедина, затем в Праволова. Председатель Гражданской палаты первоначально назывался Судейкиным, жена и дочь его совсем не имели имен. Не имели фамилий и члены Гражданской палаты, секретарь палаты и губернский прокурор. Вопрос об именах и фамилиях Капнист решил не сразу. Дело в том, что фамилии, в соответствии с существовавшей тогда классицистической традицией в литературе комедийного жанра, должны были иметь знаменательное значение. Они определяли главное, существенное качество в характере человека (Честон — честный, порядочный человек; Вральман — враль и т. п.). Капнист подобрал фамилии для персонажей в соответствии с их нравственными качествами и поведением в пьесе. На следующем этапе работы он переименовал Судейкина в Растлисудова, но и эта фамилия не удовлетворила его. Для судьи, жившего кривдой, он выбрал наиболее употребительное в быту слово — Кривосудов. Честона переименовал в Правикова, затем в Прямикова. Советникам Гражданской палаты дал фамилии: Бульбулькин и Атуев; первому ассессору — Хотьрадбын (от выражения: «Рад бы, но...»), а затем Радбын; второму ассессору — Паролькин (от карточного термина «пароль»). Для губернского прокурора, который, по выражению повыходки Доброва, за все «берет», «щечит за пропуск дел, за голос, предложения, за нерешение решимого сомненья», наметил три возможных фамилии: Взятковидцев, Тяпкин, Хватайков; затем Хватайкова переделал в более краткое — Хватайко. Секретаря палаты назвал Кохтиным; жену Кривосудова — Феклой, дочь его — Елизаветой, затем — Софией; служанку назвал Анной. Дальнейшая работа над комедией была сосредоточена на конкретном раскрытии характеров ее персонажей.

Замысел комедии, ее резкий обличительный тон был связан с «досадами», о которых Капнист упоминает в приведенном выше письме к Нелединскому-Мелецкому. В литературе в общих чертах упоминалось о том, что Капнисты имели судебный процесс с помещицей

Ф. Т. Тарновской. Теперь, после опубликования писем Капниста к Тарновской и прошений его Павлу I и Александру I (Собр. соч., т. 2, с. 433—436, 438—441, 443—444), становится более понятным значение этого процесса для творческой истории «Ябеды».

Судебный процесс первоначально возник из-за имени, купленного братом Капниста Николаем Васильевичем у мужа Тарновской. После смерти Тарновского вдова заявила, что якобы Николай Капнист не уплатил всей суммы за имение. Дело это до крайности было осложнено еще тем, что племянник Капниста Иван Данилович, пьяница и картежник, дважды продал в 1777 г. Тарновской земли, которые принадлежали братьям Капнистам, и совершил без их ведома купчую крепость. В первых судебных инстанциях судьи признали его сделку законной. По этой сделке деревня Обуховка, в которой жил поэт Капнист, и ряд других деревень, принадлежащих его братьям, должны были отойти к Тарновской. Возникла острая ситуация, очень близкая к той, которую Капнист затем положил в основу комедии «Ябеда». Присутствуя при разбирательстве дела в екатерининской Гражданской палате и в ряде других судебных инстанциях, Капнист хорошо присмотрелся к преступным действиям членов суда и на основе многих частных примеров составил мнение о порочности всей тогдашней судебной системы. Не случайно современники узнавали в персонажах его комедии знакомые им портреты судейских чиновников. Биограф Капниста Д. Н. Бантыш-Каменский рассказывает следующий случай, свидетелем которого явился он сам. В театре одного губернского города во время представления «Ябеды», после исполнения прокурором Хватайко куплета «Бери, большой тут нет науки», зрители стали аплодировать. «И многие из них, обратясь к чиновнику, занимавшему соответственное место Хватайке, произнесли в один голос, называя его: «Это вы! это вы!» Вот лучшая похвала Капнисту, — заключает биограф, — который как искусный живописец срисовал с натуры переданные нам портреты» (Д. Н. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей Русской земли, ч. 2, М., 1836, с. 67).

Первоначальная редакция «Ябеды» была закончена в 1792 г. Она имеет целый ряд существенных отличий. Язык ее содержит в себе значительное число украинизмов. В тексте этой редакции несколько раз упоминается Екатерина II. Для этого текста было заготовлено следующее посвящение императрице:

Что древле бог в своем обете
Российским Пиндаром предрек
Возлюбленной Елизавете,
То совершил в златый твой век.
Тобой поставил суд правдивый,
Тобой [стер] сотрет сердца кичливы,
Тобой с пощадой злость казнит,
Тобой заслугам мзду дарит.
Господствуй, утверждена богом,
Став счастья нашего залогом.

После смерти Екатерины II все стихи о ней были исключены из комедии. Отчасти потому, что Павел I не терпел упоминания имени своей матери, а главное потому, что Капнист, как и многие другие

его современники, возлагал на Павла большие надежды в деле искоренения в стране социального зла. Дальнейшие переделки пьесы обусловлены были как стремлением к художественному усовершенствованию ее текста, так и изменением общественно-политической ситуации в стране. В частности, в новом посвящении пьесы Капнист открыто выразил основной политический лозунг тогдашней прогрессивной русской интеллигенции о равенстве всех сословий перед законом (см. ст. 1—5 этого посвящения). И в песне Софьи (заменившей гимн Екатерине) поэт выразил свое гражданское кредо, заявив, что, пока существуют в стране цепи рабства, свободолюбивые люди не могут быть спокойны:

Хоть весь мир кто завоеует,
Счастливых не сыщет дней:
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.

Поставив перед собой задачу обличения «мздоинства, ябеды», Капнист в дальнейшей работе над пьесой значительно расширил круг ее проблематики, обратившись и к тому, о чем он уже писал в ранних своих произведениях, в частности в «Оде на рабство» и «Оде на истребление в России звания раба». Совсем исключена была из пьесы заключительная сцена масок. Капнист, по-видимому, заметил, что такой конец противоречит духу комедии. В «Ябед» достаточно ярко показано, как судейские чиновники могли обходить всякие законы. Щит императрицы им не был помехой. Когда наивный Прямыков сказал понытчику Доброву: «Закон подпора мне и щит», то последний сокрушенно ему ответил: «Ах, добрый господин! Ей-ей, законы святы, Но исполнители — лихие супостаты». Наблюдения над творческой историей комедии свидетельствуют о том, что поэт, внося в текст ее многочисленные изменения, шел в направлении реалистического искусства.

В 1793—1794 гг. Капнист и его друзья усиленно хлопотали об издании комедии «Ябеда» отдельной книгой. Переговоры о напечатании комедии велись с известным тогда типографом И. Шнором, у которого А. Н. Радищев купил шрифты и печатный станок для своей типографии. Однако цензура, напуганная французской и польской революциями, не разрешила напечатать комедию. О препятствиях, не позволивших тогда издать «Ябеду», рассказал брат жены Капниста — Г. А. Дьяков. В письме к Капнисту в Обуховку от 13 мая 1794 г. он писал: «Федор (Петрович Львов, писатель, друг Капниста) остался в Петербурге для отпечатания твоей комедии с Шнором, который весьма корячится. Не знаю, как он кончит, потому что разрешение твое о виньетах получил я только при отъезде своем. Комедию никак высвободить Гаврила Романович (Державин) не мог, а мне и поготово... Теперь же в Польше началась комедь, так о нашей не хотят и слышать» (БУАН). Сохранились экземпляры пьесы, на титуле которых обозначен 1798 г., но техника набора которых отличается от первого издания. Выказалось предположение о том, что комедия была издана в 1798 г. дважды. По мнению А. И. Мацай, «Ябеда» была напечатана второй раз в названном году нелегально (А. И. Мацай, Подпольное издание комедии В. В. Капниста «Ябеда». — «Филологический сборник Киевского государственного уни-

верситета им. Т. Г. Шевченко», т. 12, № 5, 1953, с. 127—136). В. Н. Всеволодский-Гернгросс предполагает, что в 1798 г. комедия «Ябеда» выдержала два издания, но оба они были легальными. Первое из них было, по его мнению, сокращенным (В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Первые издания комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1798). — «Ежегодник Института истории искусства», изд. АН СССР, М., 1955, с. 425). Поскольку текст комедии в обоих вариантах издания совпадает, то можно предположить, что это были два «завода» одного и того же издания. В типографской практике XVIII в. существовал обычай печатать тираж книги в два приема, или в два «завода». Опечатки и технические погрешности, оказавшиеся в первом «заводе», обычно исправлялись при печатании второго «завода». Спустя несколько лет Капнист, по-видимому, хотел вновь издать «Ябеду». Об этом свидетельствует следующее его предисловие: «Вновь вынося мою комедию «Ябеда» на суд читателей, я почитаю своим долгом ответить на один из упреков, обращенных ко мне весьма достойными лицами и просвещенными любителями русской литературы. Они полагали, что в последнем действии моей комедии, изображая на сцене, хотя и в частном доме, заседание Гражданской палаты, я тем самым лишил уважения судебную власть, которая должна быть уважаема всеми. Послушавшись этой критики, я теперь изобразил членов Гражданской палаты, собравшихся самовольно в доме председателя и решающих там гражданский процесс в порядке незаконной процедуры. Если бы это даже никогда не могло случиться, надо было бы все же, мне кажется, простить автору, который хотел изобразить бесчестные действия некоторых судей, допуская даже возможность поведения, столь достойного порицания, для того, чтобы возбудить у зрителей еще больше отвращения к ябеде. Кроме того, я почитаю необходимым заметить для полноты своего оправдания, что в своей комедии я вывел членов старой Гражданской палаты, состав и полномочия которой ввиду различных недостатков были изменены уже давно верховной властью. Гражданские палаты состояли из председателя, двух советников и равного числа заседателей. Все эти лица назначались правительством и имели право приводить в исполнение свои постановления. Позже эти суды были преобразованы в судебные и исполнительные палаты, в которых лишь председатель и два советника назначаются правительством, и было позволено дворянству и купечеству ввести туда двух выбранных ими депутатов. Таким образом, пожалование сословиям подсудных лиц права назначать из своей среды судей, достойных их доверия, придало равновесие, необходимое для хорошего управления судопроизводством. Кроме того, с целью лучше обеспечить собственность и права каждого, этому суду не предоставили привилегии приводить в исполнение свои приговоры. Таким образом, для каждого открыта возможность добиться справедливости путем обращения в Правительствующий сенат, не будучи заранее лишенным своего имущества. Я надеюсь, что беспристрастные читатели, учтя объяснения, которые я только что привел, теперь уже не осудят меня за то, что я выставил на общественное осмеяние преступные действия членов суда, более не существующего, и что они поддержат своим собственным неодобрением против ябеды мою попытку изобразить ее отвратительное обличье. Я заканчиваю уверением, что, отлично зная весь труд

все беспокойство и великие жертвы, совершенно неотделимые от добросовестного исполнения обязанностей хорошего судьи, я больше чем кто бы то ни был чувствую уважение, должное в отношении столь достойного слуги государя и отечества. Автор».

Предисловие это долгое время не было известно в России. Оно было опубликовано на французском языке А. Легрелем в книге: *Le Chicane (Jabîéda), comédie en cinq actes et en vers par V. V. Karpniste, Traduit par A. Legrelle. Gand, 1886.* На русском языке (в переводе Н. П. Корыталовой) впервые было опубликовано в Собр. соч., т. 1, с. 286—287. А. Легрель имел в своих руках подлинную рукопись Капниста, писанную на русском языке. В примечаниях к своему переводу предисловия он сообщил о ней следующие сведения: «Мы переводим это предисловие в том виде, в каком оно нашлось в бумагах автора, но мы не знаем изменения, на которое он намекает. Оно писано на голубоватой бумаге и содержит довольно многочисленные поправки». Приведенное предисловие не датировано, но, судя по упоминаемым в нем упрекам критиков в адрес автора комедии, можно полагать, что оно было написано после 1805—1808 гг., когда появились в печати рецензии на «Ябеду». Первая такая рецензия была напечатана в СВ (1805, ч. 6). Неизвестный критик упоминает в этой рецензии об устных отзывах о «Ябед», распространенных в обществе. «Сожалеют некоторые, — пишет он, — что в ней так очерчены судьи и секретарь, что если бы это было на самом деле, надлежало бы все гражданские палаты уничтожить» (с. 374). Следующая рецензия была напечатана в «Русском вестнике» в 1808 г. Рецензент посетил театр и видел, каким огромным успехом пользовалась «Ябеда» у зрителей. «Без сомнения, зрители стекаются не только для забавы, но и для пользы, — пишет он. — Всякое слово, изъясняющее гнусность неправоты, ябеды и пронырства приказного, сопровождалось рукоплесканием». Чтоб несколько смягчить политическую остроту постановки комедии в театре, рецензент добавил: «Некоторые из зрителей говорили: „Так точно было в старину“» («Русский вестник», 1808. № 1, с. 115—116).

Нам неизвестно, по какому тексту Капнист готовил новое издание комедии, но из приведенного здесь предисловия видно, что он сделал весьма незначительную уступку своим критикам. Допуская, что члены Гражданской палаты «самовольно» собрались в доме ее председателя на гражданский процесс, он нисколько не поступился основным содержанием комедии. Он сохранил за собой право «возбуждать у зрителей еще большее отвращение к ябед». Капнист рассчитывал свою комедию главным образом на театрального зрителя, а не на читателя, полагая, что только театр, артисты обладают наибольшей возможностью довести авторскую идею произведения до сознания широкой публики. Такая ориентация нашла свое выражение еще до написания комедии. За два месяца до издания «Ябеда» была играна четыре раза на сцене Каменного театра в Петербурге. Отличался ли сценический текст от печатного, нам неизвестно. Известно только то, что в постановке комедии на сцене Капнист полностью полагался на вкус и опыт талантливого артиста А. М. Крутицкого (1754—1803), первого исполнителя роли Кривосудова. Талант его был сатирический. Мастерство этого актера так понравилось Капнисту, что он передал ему право на издание своей комедии. «Пре-

проводящая вам при сем комедию мою «Ябеда», — писал он Крутицкому в письме от 30 сентября 1798 г., — прошу покорно принять от меня право к печатанию оной в пользу вашу. Верьте, милостивый государь мой! что к сему побуждаюсь я единственно желанием доказать пред всеми уважение, которое к дарованиям вашим ощущаю, и надеждою, что сочинение мое так же благосклонно принято будет от вас читателями, как зрителями принято было» (Собр. соч., т. 2, с. 441). Творческий контакт Капниста с артистами, исполнявшими роли персонажей его комедии «Ябеда», продолжался и в последующие годы. Такой контакт способствовал некоторому стилистическому усовершенствованию текста комедии. Об этом можно судить на основании текстовых изменений, которые Капнист внес в печатный экземпляр комедии, принадлежавший артисту Щеникову. Самый экземпляр комедии с правкой Капниста пока не обнаружен, но сведения о нем были сообщены С. И. Турбиным в журнале «Русская старина» (1873, т. 7, с. 715—717). Турбин писал: «Мы имеем экземпляр этого издания (1798 г.), сделавшегося библиографической редкостью. Наш экземпляр принадлежал одному из лучших русских актеров начала нынешнего столетия, Щеникову, в бенефис которого «Ябеда» шла 2-го сентября 1814 года, с поправками, сделанными автором. Все изменения внесены в книгу Щениковым. Вот они». Далее приводятся перечеркнутые Капнистом стихи 225—232, в которых сказано, что после сожжения в губернском городе присутственных мест Кривокуров поместил в своем доме Гражданскую палату. Мотив, по которому был сделан этот вычерк, нам теперь известен по приведенному здесь предисловию Капниста к несостоявшемуся при его жизни второму изданию «Ябеды». Это был тактический ход, предпринятый для преодоления цензурных препон и для отвода возможных нареканий со стороны властей. Текстовые изменения, перенесенные Щениковым в принадлежавший ему экземпляр комедии, относятся к следующим стихам (в скобках указаны страницы книги издания 1798 г.):

«Между стихами:

Так и явился чист; а с ним весь бился день.
Теперь остался мне один лишь наш хозяин

вставлен следующий:

Как занкнется, ну, так тут и станет в пень (с. 37).

Два стиха:

А те свидетели, которых налицо
Нет, уж подставлены ль?

поправлены:

А те свидетели, которых неравно
Суд спросит, наняты ль? (с. 38)

Стихи:

На именнный пир изволит навалить,
Я всех их наповал хочу перепоить

поправлены:

Изволит навалить на именинный бал,
Я всех перепоить хочу их паповал (с. 41).

Стихи:

Вы шутите, сударь! извольте лишь войтить,
Вы ясно в деле сем изволите найтить,
Что не наследник он

поправлено:

Вы шутите, сударь! извольте лишь взглянуть,
Вы ясно в деле сем найдете, что отнюдь
И не наследник он (с. 50).

Стихи:

Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать
И обстоятельно вам отрепортовать

поправлены:

Я б заглянул в нее и, осмотревши сам,
Подробно, в точности о всем донес бы вам.

Стихи:

Мне дела на словах нельзя так изъяснить,
Но на бумаге всё изволите пайтить

поправлены:

Мне дела изъяснить нельзя вам на словах,
Но все изволите увидеть из бумаг (с. 54).

Стих:

Сколь ни желал, того не предупел узнать

поправлен:

Сколь ни желал, о том никак не мог узнать (с. 71)».

Острый обличительный пафос «Ябеды» являлся залогом ее большого успеха на сцене в течение еще нескольких десятилетий. После Крутицкого и Щеникова своему сценическому воплощению комедия обязана М. С. Щепкину и ряду других талантливых русских актеров. Лишь с появлением в тридцатых годах на театре «Горе от ума» и «Ревизора» «Ябеда» уже реже стала появляться на театральных афишах (см.: П. Арапов, Драматический альбом, М., 1850, с. LVII). Но еще в 1846 г. Н. Горчаков писал о ней: «На Московском театре ежегодно дают эту остроумную пиесу, и даровитый артист Щепкин оригинально своею игрою в роли Председателя (Кривосудова) всегда доставляет случай зрителям вспомнить в комедии многие выражения, сделавшиеся народными, особливо же песню, которую поют

на вечеринке у судьи „Бери! большой тут нет науки“» (Н. Горчаков, Воспоминания о Капнисте. — «Москвитянин», 1846, № 7, с. 29). Лишь в 1850-х годах «Ябеда» сошла со сцены. В 1898 г. Александринский театр в Петербурге отметил столетие ее существования, однако зрители уже не проявили к ней должного внимания. Рецензент жаловался на то, что «театр оказался наполовину пуст» («Нива», 1898, № 39, с. 778). В советский период «Ябеда» была поставлена в 1970 г. Красноярским театром имени Ленинского комсомола. Эту постановку театр впервые сопроводил музыкой (композитор Ю. Шибанов). Сценический текст комедии, подготовленный главным режиссером театра Ю. А. Мочаловым, существенно отличался от авторского. Был сокращен длинный диалог Прямикова с повытчиком Добровым. Режиссер нашел возможным урезать и ряд других мест, которые затягивали действие. Взамен этих купюр были введены музыкальные номера на тексты других произведений Капниста. Однако все эти отступления от авторского текста комедии не исказили ее основного содержания. «Старинная комедия», как значилась она на афише спектакля, оказалась вполне доходчивой для советских зрителей. Спектакли, показанные на гастролях театра в Ленинграде, получились яркие, красочные, интересные. Они проходили в переполненных залах.

Посвящение. *Перун* — здесь: молния. *Талия* (греч. миф.) — муза комедии.

Действующие лица. *Ассессор* — коллежский ассессор, гражданский чин, который соответствовал военному — капитану. *Председатель Гражданской палаты.* Гражданские палаты были организованы в губернских городах согласно «Учреждению для управления губерний» (см. кн.: «Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», М., 1775, § 8). Этим постановлением был определен штат Гражданской палаты: председатель один, два советника и два ассессора (§ 9). Этим же постановлением были определены и функции палаты: «Палата Гражданского суда не что иное есть, как соединенный департамент Юстиц и Вотчинной коллегий, которому поручается апелляция для ревизии гражданских дел на Верхний земский суд, губернский магистрат и Верхнюю расправу той губернии» (§ 115). *Прокурор.* При Гражданской и Уголовной палатах назначались прокуроры, на которых возлагалась обязанность следить за соблюдением законов. *Повытчик* — в данном случае чиновник, подготовлявший дела к слушанию в суде.

Действие I. Явл. 1. *И так уездный уж и верхний земский суд.* По «Учреждению для управления губерний» 1775 г. были «нижние земские суды» и «верхние земские суды»; только после их разбирательства дело могло поступить на апелляцию в Гражданскую палату. *Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают, а ведь в Гражданской вдруг решат и исполняют.* Согласно «Учреждению для управления губерний» (§ 133), решение гражданских палат подлежало исполнению. *Здесь выморочных сел наследничек воскрес.* Выморочные села, т. е. те, которые остались после владельца, умершего без наследников, поступали в доход казны. *А пожилых с того и за умерших просит.* Пожилые — плата за дворовых людей, отданных в услужение другому помещику. Те из крепостных, кто умирал после

ревизию, числились в списках живыми до следующей ревизии. *Там люди пойманы его на воровстве.* Помещики иногда посылали своих крестьян на грабеж. Подобный факт описан А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» (гл. «Зайцево»). *Стряпчий* — адвокат, которому подсудимый поручал вести свое дело в суде. *Регламент* — «Генеральный регламент» (1720 г.), устав государственных коллегий. *Как все подьячески он ведает пролазы.* Подьячий — приказной служитель, писец в судах; пролазы — крючкотворство, взяточничество. *Что с кривды пошლიной карманы начинил.* Кривда — обман, ложь; пошлина — налог, взимаемый за что-нибудь; здесь имеются в виду взятки. *И без наличного довода дел не судит.* Наличный довод — подарки. *Даянье всяко благо* — выражение из Библии, ставшее идиоматическим. *Салтык* — образец, обычай. *В суде по черному с ним фараон гуляет.* Черный — красный, здесь: красное сукно на судейском столе; «фараон» — название карточной игры. *И у журналов он углы лишь загибает,* т. е. бегло, формально перелистывает записи суда в журналах, не вникая в их существо. *Зетить* — высматривать. *Щечить* — обирать, драть. *Экстрактец сочинить.* Экстракт — краткое извлечение из дела, пересказ его. *Шелег* — неходячая монета или бляшка для счета в играх. *Фортеция* — крепость. *То я наместнику на них подам прошение.* Наместники были введены Екатериной II в 1775 г. В «Учреждении для управления губерний» о них сказано: «Государев наместник не есть судья, но оберегатель императорского величества изданного узаконения» (§ 82). Наместник назначался один на две-три губернии. *Что исполняется палатской приговор.* В «Учреждении для управления губерний» сказано: «Решение палат в гражданских делах исполняется несмотря на перенос дела в Сенат» (§ 133). *А с апелляцией уж голый дуй в столицу.* Имеется в виду прошение в Сенат об отмене неправого постановления суда. *Но мы хотя и все из одного ребра.* Имеется в виду библейская легенда о сотворении Евы из ребра Адама. *В Зерцале взглянь судов: Петра черты священны.* Зерцало — документ, состоящий из трех указов Петра I, в которых перечислялись основные правила делопроизводства в государственных учреждениях. Зерцало оформлено было в виде трехгранной призмы и должно было стоять на столе каждого учреждения. В этих указах содержалось требование оперативного рассмотрения всяких дел и решительно запрещались взятки. *Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза* — переделка украинской поговорки: «доки сонце зійде, роса очі виїст». *Судейской красный стол.* Красным сукном покрывались столы в присутственных местах. *Она мне показалась.* Показаться — понравиться. *Я на войну спешить был чеством принужден.* Подразумевается война России с Турцией (1787—1791). Это подтверждается словами Феклы (в действии IV, явл. 4) о Пряникове: «Земель, господь весть где, у турков добивался». Я в л. 5. *Седмица* — неделя. Я в л. 6. *Да вот у этого последнюю земель Грabitельски его соседи завладели.* В XVIII в., в связи с отсутствием регулярных четких писцовых описаний и межеваний, земельное хозяйство пришло в хаотическое состояние. Хаос земельного хозяйства усугублялся еще помещичьим самоуправством. Помещики захватывали земли друг у друга. На этой почве возникали бесконечные тяжбы. Я в л. 8. *«Эрмитаж»* — старое французское вино. *Роб-рон* — широкое женское платье на каркасе из китового уса. *Хабар*

(укр.) — подарок, взятка. *Флер* — прозрачная шелковая ткань. *Фуро* — платье из легкой ткани. *Двор гостинной* — Гостинный двор (от слова «гость» — купец) — торговые ряды, построенные в XVIII в. в Петербурге и в ряде губернских городов. Я в л. 9. *Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться*. Добиться — в значении: нажать, добраться. *Тут надобен указ, иль право, иль закон*. В XVIII в. в России не было единых законов, которые регулировали бы судебные решения. «Законы во всех государствах, — писал Радищев, — как то история повествует, издаваемые были повременно и по случившимся нуждам и обстоятельствам. Издатели оных были к тому понуждаемы разными причинами или страстями. Оттого во всех, и особливо в единовластных правлениях, часто бывали они противоречущи. С течением времени столь становились они обширны, что редко находились люди, коим бы они все были известны; малое число понимало их прямой смысл, а большая часть людей обращали их произвольными толкованиями в свою пользу» (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 3, М.—Л., 1952, с. 7). В дополнение к законам издавались различные указы, «права», которые выводились уже на основании разных законов или указов. Поэтому не случайно жена Кривосудова Фекла восклицает: «Законов столько! Указов миллион! Прав целая громада!» *Правда присносущна* — вечная, неизменная правда.

Действие II. Я в л. 1. *Уж подпустил стихка*, т. е. исподтишка, тайно. *Вейновых чернил большую флягу*. Вейновые чернила изготовлялись на слабом растворе вина и легко стирались с бумаги. *В Банковой тисненых документов*. Банковые документы — беспроцентные кредитные билеты (банкноты). *На Давыдовых лишь гусях повирает* — играет на арфе. Я в л. 2. *И в Уголовной был; там в нижнюю расправу*. Имеется в виду уголовная палата, в которой судили за уголовные преступления; нижняя расправа — суд, ведавший делами однодворцев и свободных крестьян. *На миг к колодничью я забегал приставу*. Пристав — низший полицейский чин, ведавший надзором за колодниками, арестантами. *Оттоль к межевцику, оттуда в магистрат*. Межевщик — землемер, ведавший делами по землеустройству; согласно указу императрицы Елизаветы Петровны 1754 г. межевщикам было предоставлено право отдавать под суд нарушителей закона о землеустройстве. Магистрат — городское самоуправление. *В смирительный*, т. е. в смиренный дом для буйных арестантов. *Синяя ассигнация* — пятирублевый денежный знак. *Богдан* — это имя идентично греческому имени Федот (Феодотес означает: богом данный). *Духовная* — завещание, по которому завещатель передавал свое имущество наследникам. Я в л. 3. «*Уложенье*» — свод законов Московского государства, составленный при царе Алексее Михайловиче в 1649 г. *Лавержет* (вержет) — модная прическа, взбитая прядь волос. Я в л. 5. *По купчей*. Купчая крепость — документ на куплю-продажу земли или крепостных крестьян. *С осьмью поставами плотина*. Поставы — мукомольные жернова на водяной мельнице. Я в л. 6. *Венгерский антал* — венгерское вино (токайское), называвшееся также «антал» (или «андал»). *Прекрасно репетуют* — часы, отзванивавшие время. *Слышно, что Правдолюб*. Высказывалось предположение, что в лице губернатора Правдолюба Капнист изобразил своего друга Г. Р. Державина, который во время своего губернаторства в Олонской губернии (1784—1785 гг.) и в Тамбове

(1786—1788 гг.) отличался необыкновенной в екатерининское время бескорыстностью и строгой законностью (П. Н. Берков, Русская комедия и комическая опера XVIII века, М.—Л., 1950, с. 750). *Пусть губернатор он, что ж? нам он не судья: Не дюю в ус ему, сидя в Гражданской я.* Такое независимое положение членов Гражданской палаты от власти губернатора объяснялось тем, что, согласно «Учреждению для управления губерний» 1775 г. (§ 60), председатели и члены палат назначались не губернатором, а Сенатом и утверждались императрицей. *Так по кормежной вмиг герольдия паспорт.* Когда преступник лишался дворянского звания, департамент герольдии Сената выдавал ему «покормежный вид» — род паспорта, уравнивавшего его владельца с лицами податных сословий.

Действие III. Я в л. 5. *Праволов (указывая на карты).* Описанная здесь партия азартной игры в ломбер и его разновидности была широко распространена в XVIII в. Законом эта игра была запрещена. Еще в «Уложении», изданном царем Алексеем Михайловичем в 1649 г., предписывалось с игроками поступать «как писано о татех», т. е. бить их кнутом и рубить им руки и пальцы. Страсть к этой игре при Екатерине II достигла апогея, что нашло свое отражение в литературе. В. И. Майков сочинил в 1763 г. поэму «Игрок ломбера», в которой показал пагубные последствия этой игры. С осуждением о карточных игроках говорилось в известном «Отрывке путешествия в*** И*** Т***». Этот очерк, напечатанный в 1772 г. (см. «Русская проза XVIII века», М.—Л., 1950, с. 446), приписывается одними исследователями А. Н. Радищеву, другими — Н. И. Новикову. *Рокамболь* — часть выигрыша, служащая ставкой для следующей партии; здесь — название карточной игры. *В заповедную*, т. е. в запрещенную азартную игру в банк. *Пикет* — вид карточной умеренной игры. *В три пули.* В азартных играх пуля — кон, ставка, казна. *Не горячись: а то и впрямь как раз бобыль*, т. е. скоро останешься ни с чем, все проиграешь. *Когда пожалуй шпадиль*, т. е. хорошая карта. Шпадиль в ломбере — пиковый туз, всегда имевший значение первого козыря. *Канapé* — диван. *Меледа* — название игрушки с кольцами на проволоке, которые можно передвигать. *Талия* — комплект игральных карт из двух колод; круг карточной игры до окончания колоды у банкрета. *Вельми* — весьма. *Познь* — ставка. *Рефет* — особый расчет в некоторых карточных играх (игра с рефетом, без рефетов). *Атан-дэ* — термин карточной игры, означающий объявление ставки. *Сольник* — в игре в банк — сразу, с первого разу, выигрыш или проигрыш по первой вскрытой карте. *Собор* — здесь: общество, собрание. *Лишний уголок.* Загнуть угол — тайно подсмотреть карту. Я в л. 6. *Совестный. . . суд* был установлен в 1775 г. «Учреждением для управления губерний» (§ 40); в ведении его находились некоторые уголовные дела (о преступлениях безумных и малолетних, дела о «колдовстве»); ему были также подсудны отдельные категории гражданских дел, при рассмотрении которых он ставил задачу добиться примирения сторон. *Содом* — здесь: шум, беспорядок. Я в л. 7. *Бет* — в карточных играх значит неустойка, недобор; бетить — «сажать», вынудить недоборать взятки; за каждую недобранную взятку ставился бет (или ремиз) до общего расчета. *Грандиссимо* — грандиозно, величественно. *Сикурс* — помощь, подмога, поддержка. *Комплот* — заговор. *В Уложении*, т. е. в своде законов, изданном при

царе Алексее Михайловиче. В *Учреждениях*, т. с. в «Учреждении для управления губерний» 1775 г. *Наказ* — «Наказ» Екатерины II, данный в 1766 г. Комиссии по составлению проекта Нового уложения; однако этот «Наказ» не представлял собою свод законов; ссылка на него судейскими чиновниками носила сугубо формальный характер. *Пароли* — ход в карточной игре, заключающийся в удвоении ставки. *Регламент* — «Генеральный регламент» (1720 г.), устав государственных коллегий. Я в л. 8. *Крез* — см. примеч. 66. Я в л. 9. *Хлап* (холоп) — то же, что валет. *Транспорт* — перенос ставки на другую карту.

Действие IV. Я в л. 3. *Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур, Стучать на кляузах иль гарпой утешаться*. Филе — всякая вязанная сеткою работа; тамбур — род вышивания в пальцах, петля в петлю; кляузы — вязальные инструменты; гарпа, гарпилы — обшивка. *Шаль* — шальной, т. е. вздорный, безрассудный человек. Я в л. 4. *У нас и заячьи уши Рогами назовут, то пойдут уши тпруши*. Здесь дан пересказ басни Н. А. Львова «Львиный указ» (1775), где лисица, встречая удирающего зайца, спрашивает, куда он бежит. Заяц отвечает, что видел тень своих ушей и боится, что их могут признать рогами, так как лев издал указ против рогатых животных: «Рогами назовут, пойдут и уши тпруши!», т. е. за рога сочтут и уши лошади (тпруши). *Русак* — заяц. Я в л. 6. *Когда десница вест, что шуица хватает*, т. е. когда правая рука знает, что хватает левая рука (шуица). *Хоть человек всяк ложь, никто не без греха*. В этой фразе две идиомы, восходящие к Библии — Евангелию от Иоанна (VIII, 7) и псалму 115. Вторая была использована в «Оде к Фелице» Державиным («Но всякий человек есть ложь»). Я в л. 7. *Гданская... водочка* — данцигская, или золотая, водка особого приготовления.

Действие V. Я в л. 1. *Ранжир* — строй. *И чадом вейновым так сильно зарядились*. Вейновым — винным. *Бахусов кагал* — шумная, крикливая толпа пьяниц. *Иордан* — река в Палестине, в которой, по библейской легенде, крестился Иисус; в церковном обряде — купель, сосуд для крещения новорожденных. Я в л. 2. *Однак уездный суд и также верхний земский*. Суды, созданные реформами Екатерины II, отличались четкой сословностью. Уездный и верхний земский суды были организованы для дворян; для горожан — городской и губернский магистрат; для однодворцев и свободных крестьян — нижние и верхние расправы. Я в л. 4. *Еже писах, писах* — древнерусская идиома, означающая: что написал, то написал. Я в л. 6. *От «приказали»*. В постановлениях Сената существовала канцелярская формула: «Приказали», которая ставилась после вступительной части документа. *Репорты* — рапорты. Я в л. 10. *Под милостивый вас подвинут манифест*. Существовал обычай в случае какого-либо важного государственного события (заклечения мира, восшествия на престол нового царя) издавать манифесты, согласно которым определенная категория преступников получала прощение.

Металог трагедии «Гиневра». Собр. соч., т. I, с. 442, по рукописи БУАН (первая ее часть — автограф, вторая — список с авторскими поправками). Два автографа ранней редакции (без начала, со ст. 61) — ПД.

Трагедия Капниста «Гиневра» на сюжет IV—VI песен поэмы Л. Арноста (1474—1533) «Неистовый Роланд» не сохранилась. Не ставилась она и на сцене. О ее существовании известно из писем поэта к А. Н. Оленину и А. Л. Нарышкину (возглавлявшему театральную дирекцию), оба от 15 декабря 1809 г. «Чтобы облегчить твой труд, — писал Капнист Оленину, — и предупредить тебя в пользу трагедии моей, я прилагаю при сем краткую выписку содержания оной. Прошу собрать обыкновенный мой ареопаг, а именно: господ Оленина, Озерова, Энкеля, Шаховского, Марина, Крылова, Языкова, Гнедича с товарищи как мужеского, так и женского пола и, прочитав мою трагедию, с должным подобострастием похерить как угодно, и тогда при письме моем, при сем прилагаемом, представить Александру Львовичу (Нарышкину) и постараться, чтоб она сыграна была лучшими актерами» (Собр. соч., т. 2, с. 457). Отзыв Оленина был неблагоприятным, о чем свидетельствует письмо к нему Капниста от начала декабря 1810 г. (см. Собр. соч., т. 2, с. 464). «Металог» был написан, видимо, в том же 1810 или 1811 г. *Металог* — здесь: пересказ. *Семенова Е. С.* (1786—1849) — даровитая трагическая актриса, игравшая на петербургской сцене в 1803—1826 гг. *Селадон* — герой романа французского писателя О. Юрфе (1568—1625) «Астрея», здесь в нарицательном значении: сентиментальный вздыхатель. *Шост* — вероятно, шест. *Пря* — распря.

«Антигона». Изд. 1849, с. 199—269, с цензурной купюрой ст. 122—128 в д. I; Собр. соч., т. 1, с. 617, в разделе «Другие редакции», с восполнением этих строк. В основном тексте Собр. соч. (т. 1, с. 448) напечатана первая редакция трагедии. Печ. по авторизованной копии ЛГТБ с восстановлением всех строк, замененных и вычеркнутых либо самим автором, либо кем-то другим (с д. IV почерк не Капниста). Анализ изъятий и поправок убеждает в том, что они преследовали цель смягчить характеристику царя Креона как жестокого тирана. Вот некоторые выразительные примеры из монолога Креона в д. III:

	Первоначальный текст	Исправлено
ст. 796	Для своевольств царя величье душ забудем?	И свойственное нам величье душ забудем?
ст. 801—802	Орудия неправд, что царь свершает лют, Казнь терпят первые за сей свой подлый труд.	Ты мыслишь, может быть, оружие подъять, Но в силах я тебя за дерзость наказать.

В монологе Антигоны (д. IV):

ст. 1094	Тиранства дух в царе конца сего творец.	Гонитель мой один конца сего творец.
ст. 1100	Как власть они дают тиранам править нами.	Когда отвсюду мы окружены бедами.
ст. 1145	Что власть над ней приял увенчанный злодей.	Что враг ее приял владычество над ней.

В д. IV ст. 859—862 (в монологе Креона) были вычеркнуты. В смягченном виде вторая редакция «Антигоны» была напечатана не только в изд. 1849, но и в Собр. соч., т. I. Автограф первой редакции — БУАН. До нас дошло свидетельство современника о том, что Капнист в 1815 г. издал свою трагедию (см. Н. Горчаков, Воспоминание о Капнисте. — «Москвитянин», 1846, № 7, с. 28—29). Однако ни одного экземпляра такого издания не обнаружено. Возможно, это ошибка мемуариста, но следует учесть, что это был человек осведомленный и связанный с семьей автора «Антигоны». В своем очерке он сообщает, например, о том, что сын покойного поэта Иван Капнист готовит к печати сочинения своего отца, которые и вышли в 1849 г. Следовательно, указание Горчакова заслуживает внимания.

Вскоре после завершения не дошедшей до нас трагедии «Гиневра» (см. примеч. к «Металогу трагедии», с. 595) Капнист приступил к написанию «Антигоны». Видимо имея в виду оба эти замысла, он писал Н. И. Гнедичу 29 сентября 1809 г. о том, что «сделался из комедиюписателей плачевным трагиком» (Собр. соч., т. 2, с. 455). В январе 1812 г. Капнист послал план пьесы вместе с обширными выписками из нее В. А. Озерову (см. примеч. 106). Этот план см. в Собр. соч., т. 1, с. 702—706. Озеров направил Капнисту свои замечания, которые не сохранились, но о характере которых позволяет судить ответное письмо Капниста от марта 1812 г. Озеров сожалел, что Капнист «не придерживался Софоклова подлинника» (т. е. одноименной трагедии Софокла), и советовал ему переделать пьесу, в частности изменить конец как малоправдоподобный и противоречащий античным первоисточникам. На это Капнист ответил, что «старался изобразить мою Антигону по отлепку ее в „Эдипе“», т. е. по трагедии самого Озерова «Эдип в Афинах» (Собр. соч., т. 2, с. 470). Что касается финала, то «я рассудил за благо, — писал Капнист, — убить Креона для того, дабы в трагедии моей не одна невинность страдала, но и зло наказано было. Признаюсь вам, что не могу извинить Софокла и Расина за оставление жизни сему извергу. Мы лучше с вами сделали, что убили тирана; и счастье для многих царств было бы, если б мы сыскали многих подражателей. Ни один покаянный монолог тирана никого не тронул» (Собр. соч., т. 2, с. 474). В пьесе Озерова Креон был осужден на казнь. «Я верю вам, — продолжал далее Капнист, — что «Антигона» моя несовершенна; и несмотря на все мои оправдания, не оправдятся в своих погрешностях; но переработка оной вовсе мне невозможна. Я написал ее, равно как и «Гиневру», по некоторому несчастному наитию, как говорит Шишков, и одним духом. Не могу работать медленно поспешая, но просто взял да и написал. Поправлять люблю, переделывать для меня неспасно» (Собр. соч., т. 2, с. 475). Из этого же письма видно, что Капнист посылал Озерову и свое предисловие к трагедии (напечатано в Собр. соч., т. 1, с. 447—448 по автографу ПД). В предисловии Капнист откровенно сообщал, что «в трагедии моей много почерпнуто из сочинений г-на Озерова; в сем явном похищении я отнюдь не извиняюсь, ибо принужден к тому был невольным наизусть вытвержением прекрасных его стихов, которые неприметно втеснились между моих и делали меня воров». Публиковать «Антигону» Капнист намерен был в задуманном им восьмиптомном собрании сочинений. Поэт посылал свою пьесу А. С. Шишкову и Державину, отзывы которых

неизвестны. Премьера «Антигоны» состоялась 21 сентября 1814 г. на сцене Петербургского Малого театра. Афиша этого спектакля (оригинал в Гос. центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина) воспроизведена в Собр. соч., т. 1, с. 451. Главную роль исполняла Е. С. Семенова, которая, по словам Капниста, «выпросила у меня «Антигону» в бенефис» (письмо к жене от 8 мая 1814 г. — Собр. соч., т. 2, с. 487). О заинтересованности Семеновой этой ролью Капнист писал еще раньше — в апреле — мае 1814 г. Н. И. Гнедичу (см.: Собр. соч., т. 2, с. 486). Спектакль, как явствует из автоэпиграмм поэта (см. №№ 106—108 и примеч. к ним), не имел успеха. В СО появилась двусмысленная и в целом недоброжелательная рецензия. Анонимный критик, между прочим, упрекал автора пьесы в том, что его Антигона — «нестественное лицо, неестественное потому, что перенести так легко смерть братьев и смерть матери, как Антигона в I действии обязана переносить, — не в естестве человека» (СО, 1814, № 39, с. 43). В ноябре 1814 г., когда Державин гостил у Капниста в Обуховке, было принято решение посвятить трагедию вдовствующей императрице Марии Федоровне (жене Павла I). Вследствие этого в Петербург были направлены письма императрице и ее статс-секретарю В. И. Вилламову (см. Соч., т. 2, с. 488). Однако никаких последствий этот ход не имел. В то время или чуть позже — вопреки своему первоначальному нежеланию переделывать пьесу — Капнист настолько основательно переработал «Антигону» (учтя во многом и замечания Озерова), что создал по сути дела новую трагедию. «Антигона» и во второй своей редакции осталась тираноборческой пьесой, причем эпизод с мотивом отцеубийства в начале второго акта (диалог аргивского посла и Эмона) даже усилил ее политическую остроту. Вторая редакция «Антигоны» представляется более зрелой в художественном отношении. В первой редакции классицистический схематизм и однолинейность образов были доведены до предела. Это в равной мере относится к главным образам пьесы — Антигоне и Креону. Правка в упоминавшемся выше экземпляре ЛГТБ — была ли она сделана с согласия Капниста или без его ведома — означает, что пьеса во второй редакции намечалась к постановке. Д. С. Бабкин уже обратил внимание на необычный вид этой рукописи. К тексту второй редакции подклеен титульный лист, на котором перечислены действующие лица и исполнители ролей, взятые из первой редакции, которая шла единственный раз в бенефис Е. С. Семеновой. Это говорит о том, что в библиотеке придворного театра находились оба варианта «Антигоны». Обращает на себя внимание и то, что на титульном листе рукописи дата премьеры «Антигоны» выглядит так: «181*». В изд. 1849 премьера отнесена к 1815 г. Эта дата перешла и в статью Г. А. Лапкиной «О театральных связях В. В. Капниста» («XVIII век». Сб. 4, М.—Л., 1959, с. 307). Возникает вопрос — была ли это ошибка или же в 1815 г. состоялась постановка второй редакции «Антигоны», не удержавшейся на сцене, как и первая. Вопрос этот остается открытым. Сюжет второй редакции «Антигоны» у Капниста приблизился к древнегреческим мифам и их интерпретации в трагедии Софокла. Озеров так излагал «предысторию» своей пьесы «Эдип в Афинах»:

Эдип, оставя скиптр, вручил его сынам
И, в Фивах испросив согласие народно,

Велел над той страной им царствовать погодно.
Но вскоре Полиник, по жребию прияв
Годичну первый власть, явил развратный нрав...
... Изгнал из Фив отца, чтоб бурны непогоды
И солнца летний зной могли бы наконец
К земле склонить главу, носившую венец.
... Он брату своему готовил заточенье,
Но тем народное свершил ожесточенье,
Лишь только царствия несчастный минул год,
То Этеокла весь царем признал народ.

Разгоревшаяся вследствие этого борьба сыновей Эдипа за престол и послужила завязкой для трагедии Капниста.

Действие I. Явл. 3. *Что грех отеческий и в чадах наказуешь.* Эдип по неведению убил отца, а затем женился на собственной матери, как ему и предсказывал Дельфийский оракул.

Действие II. Явл. 1. *Ков* — коварный заговор. Явл. 3. *Стикс* — см. примеч. 4. Явл. 5. *Часть* — участь. *Область* — здесь: великая власть.

Действие IV. Явл. 3. *Извол* — воля, желание.

Действие V. Явл. 1. *Презорственный* — постыдный. Явл. последнее. *Поносно* — позорно.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* В. В. Капнист. Гравюра А. Осипова. 1800-е годы. Гос. Русский музей.

2. *С. 64.* Одна из страниц тетради Капниста, содержащей свод поправок к его стихотворениям. ПД.

3. *С. 166.* Автограф вольного перевода Капниста из Горация под загл. «Судьба». ПД.

4. *Между с. 192 и 193.* В. В. Капнист. Цветная миниатюра В. Л. Боровиковского (на медальоне). 1790-е годы. Гос. Русский музей.

5. *Между с. 224 и 225.* Титульный лист «Сочинений Василя Капниста», СПб., 1796.

6. *С. 305.* Автограф «Оды на смерть Державина» Капниста. ПД.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- (Автоэпиграммы) (1—3) 250
Алексею Николаевичу Оленину («Не тот счастлив, кто кучи злата...») 294
Антигона. *Трагедия в пяти действиях* 469
«Ах! пойду рассею скуку...» (Скромное признание в любви) 267
Батюшкову («Скажи мне, Батюшков любезный!...») 258
Беззаботность («На что нам галльская исполина...») 151
Безопасность («Кто злобы чужд, обманов низких...») 169
«Бесчувственны сердца чувствительность возносят...» (Встречные мысли, 13) 272
«Блажен, в совет кто нечестивых...» (Награда праведного) 77
«Блажен, градским не сжатый кругом...» (Похвала сельской жизни) 197
Богатому соседу («Парчи и резьбы позлащенны...») 160
Богатство убогого («Кто счастья ищет в свете...») 124
Болящему другу («Почто ты жалобой твоею...») 204
Бренность красоты («Увы! что в мире красота?...») 257
«Британец — царь-купец, и царь он самовластный...» (Встречные мысли, 60) 283
«В дубраве грозна буря воеет...» (Осень) 132
«В любви разлука...» (Встречные мысли, 35) 277
«В миру с соседями, с родными...» (Обуховка) 261
«В младенческих летах коварные измены...» (Петру Первому) 236
«В напастях горести старайся...» (Совет) 164
В память береста («Здесь берест древний, величавый...») 296
«В полнощи, в темноте ненастной...» (Ода на дружество) 110
«В прохладный летний вечер темный...» (Неосторожный мотылек) 129
«В странах полношных Ломоносов...» (Различность дарований) 309
«В тучу солнце закатилось...» (Приближение грозы) 265
Вездесущность и промысл божий («Творец миров и человека!...») 81
«Велик в позднейши преидет роды...» (Ода на пиитическую лесь) 313
«Вельможа! ведай, что не тот...» (Встречные мысли, 10) 272
Весна («Уж юный май в весенней неге...») 146
«Весна коснит — и дни бегут...» (Старик, ожидающий весны) 248
«Весна приятна возвратилась...» (Ода на счастье) 92
«Взгляни, как, снегом покровенны...» (Другу моему) 153

- Вздых («С Миленой поздною порою. . .») 125
- Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня («Как грохот грома удаленна. . .») 237
- Владиславу Александровичу Озерову («„Эдипа“ видел я, — и чувство сострадания. . .») 234
- «Влас умер с голода. Карп с роскоши скончался. . .» (Случайные мысли, 12) 286
- «Вода была где, там и будет. . .» (Встречные мысли, 15) 273
- Воззвание на помощь Греции («Какие громы раздаются. . .») 318
- «Возможно ли средь шума круга. . .» 254
- Возношение души к богу («С каким в полдневный зной стремленьем. . .») 79
- «Войдешь ли в дом чужой, ласкай ребят, старух. . .» (Детям. Встречные мысли, 6) 271
- Ворожба («Хлоя! не желай бесплодно. . .») 162
- «Вот, дети! вам отец в наследье оставляет. . .» (Встречные мысли, 23) 274
- «Вот трудный оборот! — ты скажешь мне. — Не чудно. . .» (Встречные мысли, 59) 283
- Время («Неприметно утекают. . .») 150
- «Все в виде колеса. . .» (Встречные мысли, 2) 270
- «Все подати теперь уравнивать хотят. . .» (Встречные мысли, 55) 281
- «Все хвалят искренность, всяк говорит: „Будь прям“. . .» (Встречные мысли, 25) 275
- «Все хвалят просвещение. . .» (Случайные мысли, 40) 292
- «Всё золото и серебро повывели бумажки. . .» (Встречные мысли, 58) 282
- Встречные мысли (1—62) 270
- «Вчера я в тереме Эльвиры. . .» (Камелек) 127
- «Высокомерный дух, смирился! . .» (На смерть Наполеона) 322
- «Где меньше нужно службы. . .» (Случайные мысли, 37) 292
- «Где от горести унылой. . .» (Ода на смерть Пленеры) 99
- «Где ты, муж, богом вдохновенный. . .» (Горсть земли на могилу Благотворителя) 301
- Гореть («Сокрой, о солнце! луч постылый. . .») 246
- Гореть разлуки («Удален от Лизы милой. . .») 247
- Горсть земли на могилу Благотворителя («Где ты, муж, богом вдохновенный. . .») 301
- Графу Александру Сергеевичу Строганову («Приятно утро расцветает. . .») 123
- «Да будет ко всему, о дети. . .» (Встречные мысли, 24) 274
- «Да путь к тебе благословенный. . .» (Мореплавание) 207
- «Дай другу, а взаймы когда его ссужаешь. . .» (Встречные мысли, 29) 275
- «Державин умер! . . слух идет. . .» (На кончину Гавриила Романовича Державина) 255
- «Детей своих отец. . .» (Встречные мысли, 31) 276
- Детям («Войдешь ли в дом чужой, ласкай ребят, старух. . .»). Встречные мысли, 6) 271
- «Дни отрадны! где сокрылись. . .» (Ода на уныние) 105
- «Добром. . .» (Случайные мысли, 1) 284

- «Доколе музами любим. . .» (Певцу Фелицы) 145
 «Доколе рок свирепый станет. . .» (Ода на смерть сына) 87
 «Досадно, у меня по сию пору Анна. . .» (Встречные мысли, 49) 280
 Другу моему («Взгляни, как, снегом покровенны. . .») 153
 Другу сердца («Я знаю, друг мой, что за мною. . .») 165
 Дружеский совет («Тщетно ты трудишься, Хлоя. . .») 266
 Друзьям моим («Тринадцать лет уже прошло. . .») 119
- «Если утром ежедневно. . .» (Набожность) 163
 «Есть недоверчивых премного. . .» (Случайные мысли, 34) 291
 «Еще до сей поры пленяешь. . .» (Красота) 161
 «Еще удар! Еще разлука! . .» (На смерть Василия Степановича То-
 мары) 268
- Желания стихотворца («Чего пнит от неба просит. . .») 156
 «Жил царь, и прижил он с царицей три сына и три дочери. . .» (Жил
 царь. . .) 252
- «За правду с сильными сражаться. . .» (Случайные мысли, 24) 289
 Зависть пнита при взгляде на изображение окрестностей и развалин
 дома Горациева («Что пальма, что венец лавровый. . .») 316
 Закат солнца («Уж солнышко садится. . .») 298
 «Зачем в России нет судей. . .» (Встречные мысли, 50) 280
 «Зачем для лютов, наглцов. . .» (Встречные мысли, 47) 280
 «Зачем же нету в ней. . .» (Встречные мысли, 51) 280
 «Зачем, как доблестям, порокам по заслуге. . .» (Встречные мыс-
 ли, 46) 279
 «Зачем, как мотылек. . .» (Красавице) 119
 «Зачем мы в старости встречаемся с заботой. . .» 294
 «Зачем, не только в то лишь время. . .» 300
 «Зачем собака эта лает. . .» (Случайные мысли, 17) 287
 «Здесь берест древний, величавый. . .» (В память береста) 296
 Зима («Лютая зима! доколе. . .») 130
- (И. В. Леванде) («О мир, разврата полный мир! . .») 234
 «Из бед всех роскошь нам лютейшая беда. . .» (Встречные мысли, 11)
 272
- «Иной как дело закутит. . .» (Случайные мысли, 26) 289
 «И слабый враг. . .» (Случайные мысли, 10) 286
- К лире («О лира, милая подруга! . .») 189
 К Мельпомене («О Мельпомена! кто приятный. . .») 188
 К Меценату («О Меценат, царей потомок тирренийских. . .») 194
 К несчастному («О ты, кто б ни был ты, несчастный! . .») 310
 К Пирре («Какой прелестник ловкий, статный. . .») 195
 «К свободе Русь не подросла. . .» (Встречные мысли, 53) 281
 «Как в устье пристани глубокой. . .» (Ода на твердость духа) 107
 «Как грохот грома удаленна. . .» (Видение плачущего над Москвою
 россиянина 1812 года октября 28 дня) 237
 «Как дождевая капля в море. . .» (На новый 1797 год) 215
 «Какне грома раздаются. . .» (Воззвание на помощь Греции) 318
 «Каких-то двух секретарей. . .» (Случайные мысли, 28) 290
 «Какой прелестник ловкий, статный. . .» (К Пирре) 195
 Камелек («Вчера я в тереме Эльвиры. . .») 127

- «Капниста я прочел и сердцем сокрушился. . .» 210
 Картон. Поэма, творение древнего каледонского барда *Оссияна, сына царя Фингала* («События веков протекших! . . .») 216
 «Кверху жаворонок вьется. . .» (Мотылек) 121
 «Квирит! за предков злодеянья. . .» (На разврат нравов) 180
 «Когда б хоть раз ты казнь, Баріна. . .» (Любовная клятва) 200
 «Когда, боясь невинной дщери. . .» (Способ к довольству) 177
 «Когда добро взаімы даешь. . .» (Встречные мысли, 9) 272
 «Когда кто нравственность желает. . .» (Встречные мысли, 45) 279
 «Когда лишь не блажна. . .» (Встречные мысли, 17) 273
 «Когда на розу взглянешь. . .» (Напрасные слезы) 128
 «Когда ни загляну в мирской я маскарад. . .» (Случайные мысли, 15) 287
 «Когда рабом не хочешь быть. . .» (Случайные мысли, 39) 292
 «Коль глупость сделаешь, советую признаться. . .» (Случайные мысли, 6) 285
 «Коль любишь ты детей-сирот, живи вдовцом. . .» (Встречные мысли, 30) 276
 «Коль сделаешь добро, не смей желать признаться. . .» (Случайные мысли, 4) 285
 «Коль хочешь век прожить счастливо. . .» (Умеренность) 154
 «Коль хочешь ты насмешкой. . .» 294
 «Коль шутит умный — улыбнися. . .» (Случайные мысли, 16) 287
 Красавице («Зачем, как мотылек. . .») 119
 Красота («Еще до сей поры пленяешь. . .») 161
 «Красуйся, счастлива Россия! . . .» (Ода на истребление в России званія раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года) 63
 «Кто ест для сытости, недолго будет сыт. . .» (Встречные мысли, 8) 271
 «Кто злобы чужд, обманов низких. . .» (Безопасность) 169
 «Кто росску Пиндару желает. . .» (Ода «Ломоносов») 157
 «Кто сколько ни сердись, а я начну браниться. . .» (Сатира первая и последняя) 51
 «Кто счастья ищет в свете. . .» (Богатство убогого) 124
 «Купец для своего лишь барыша живет. . .» (Встречные мысли, 56) 282
 Леванде И. В. — см.: (И. В. Леванде)
 «Лей в лейку — проливает. . .» (Встречные мысли, 28) 275
 «Леса, влекущие к покою! . . .» (Ода на надежду) 84
 «Любви вкушал кто услажденья. . .» (Встречные мысли, 34) 276
 «Любви ты страстной берегись. . .» (Встречные мысли, 14) 272
 «Любезну Антигону. . .» (На представление трагедии «Антигона». (Автоэпиграммы, 1)) 250
 «Любились Федька с Феклой. . .» (Встречные мысли, 38) 277
 Любовная клятва («Когда б хоть раз ты казнь, Баріна. . .») 200
 «Людей я видел много. . .» (Случайные мысли, 5) 285
 «Лютая зима! доколе. . .» (Зима) 130
 Металог трагедии «Гиневра» 463
 Мечта («Мечта, последний луч отрад! . . .») 293
 Милой Паше («Напрасно, Паша! ты желаешь. . .») 256
 «Милый чирик желтобокой! . . .» (Чирик) 120

- «Миряся с ябедою, ты. . .» (Случайные мысли, 38) 292
- «Мне кажется, ее лицо. . .» 235
- «Мне не дали креста — его не заслужил. . .» (Встречные мысли, 48) 280
- «Мне сказали: жизни радость. . .» 247
- Мореплавание («Да путь к тебе благословенный. . .») 207
- Мотылек («Кверху жаворонок вьется. . .») 121
- Мщение любовника («Ночь длилась, и луна золотая. . .») 196
- «Мы чем богаты, рады тем вам. . .» 269
- «На друга полагайся. . .» (Встречные мысли, 4) 271
- На кончину Гавриила Романовича Державина («Державин умер!.. слух идет. . .») 255
- «На крыльях дивных и могучих. . .» (Пиит-лсбедь) 186
- На новый 1797 год («Как дождевая капля в море. . .») 215
- На перевод мой комедии Молиеровой «Сганарева, или Мнимого рогоносца» («Никто не мог узнать из целого партера. . .») 210
- На представление той же трагедии, в которой сочинитель слишком часто упоминает о привратных псах и вранах («Сколь горька участь Антигоны! . .»). (Автоэпиграммы, 2)) 250
- На представление трагедии «Антигона» («Любезну Антигону. . .». (Автоэпиграммы, 1)) 250
- На разврат нравов («Квирип! за предков злодеянья. . .») 180
- На роскошные обиталища («Уж пышны зданья властелина. . .») 170
- На смерть Василия Степановича Томары («Еще удар! Еще разлука! . .») 268
- На смерть друга («Оплакивать, увы! главу, нам толь любезну. . .») 192
- На смерть друга моего («Томны отголоски! песнь мою печальну. . .») 114
- На смерть Наполеона («Высокомерный дух, смирися! . .») 322
- На смерть Юлии («Уже со тьмою ночи. . .») 118
- На тленность («Река времен в своем теченье. . .») 255
- «На что нам галльска исполина. . .» (Беззаботность) 151
- Набожность («Если утром ежедневно. . .») 163
- Награда праведного («Блажен, в совет кто нечестивых. . .») 77
- Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему («Язычник здесь лежит. Языком сотворил. . .») 270
- «Напрасно, Паша! ты желаешь. . .» (Милой Паше) 256
- «Напрасно *Стихобред* сказал. . .» 209
- Напрасные слезы («Когда на розу взглянешь. . .») 128
- «Насмейся остро над собой. . .» (Случайные мысли, 21) 288
- «Наука — хороша. . .» (Встречные мысли, 44) 279
- «Не вечно ливнем дождь стремится. . .» (Утешение в горести) 147
- «Не грубостью твоей меня ты огорчаешь. . .» (Сказавшему обо мне: «В семье не без урода») 209
- «Не должно ль показаться чудно. . .» (Встречные мысли, 1) 270
- «Не много надо, чтоб прожить. . .» (Случайные мысли, 11) 280
- «Не нужны сильному похвалки. . .» (Случайные мысли, 9) 286
- «Не обличи меня ты яростью твоею. . .» (Призывание помощи) 79
- «Не тот богат. . .» (Случайные мысли, 14) 287
- «Не тот счастлив, кто кучи злата. . .» (Алексею Николаевичу Оленину) 294

- Певверность («Поля, леса густые!..») 117
 Невольная разлука («Что вы, милые цветки!..») 128
 «Недавно вздумалось Героду...» (Ода на отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского, 1799-го года) 72
 Неосторожный мотылек («В прохладный летний вечер темный...») 129
 «Неприметно утекают...» (Время) 150
 «Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю...» (Ничтожество богатств) 174
 «*Нерона* юного портрет...» (Случайные мысли, 25) 289
 «Несносней гордеца творенья в свете нет...» (Встречные мысли, 40) 278
 «Никто не мог узнать из целого партера...» (На перевод мой комедии Мольеровой «Сганарева, или Мнимого роконосца») 210
 Ничтожество богатств («Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю...») 174
 «Ночь длилась, и луна золотая...» (Мщение любовника) 196
 «Нужнее ничего нет золота на свете...» (Случайные мысли, 13) 287
 О достоинстве стихотворства («Охотно б чаши, бронзы редки...») 171
 «О лира, милая подруга!..» (К Лире) 189
 «О Мельпомена! кто приятный...» (К Мельпомене) 188
 «О Меценат, царей потомок тирренейских...» (К Меценату) 194
 «О мир, разврата полный мир!..» ((И. В. Леванде)) 234
 «О многословии в молитве не пекися...» (Случайные мысли, 43) 293
 «О славолюбие! какими...» (Славолюбие) 299
 «О ты, кто б ни был ты, несчастный!..» (К несчастному) 310
 Обуховка («В миру с соседями, с родными...») 261
 Ода на воспоминание Пленниной кончины («Уже золотыми полосами...») 103
 Ода на дружество («В полнощи, в темноте ненастной...») 110
 Ода на истребление в России званья раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года («Красуйся, счастлива Россия!..») 63
 Ода «Ломоносов» («Кто росску Пиндару желает...») 157
 Ода на надежду («Леса, влекущие к покою!..») 84
 Ода на отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского, 1799-го года («Неизмеримую вселенну...») 72
 Ода на пиитическую лесть («Велик в позднейши прейдет роды...») 313
 Ода на рабство («Приемлю лиру, мной забвенну...») 59
 Ода на смерть Державина («Уж нет его! — в унылом стоне...») 304
 Ода на смерть Пленеры («Где от горести унылой...») 99
 Ода на смерть сына («Доколе рок свирепый станет...») 87
 Ода на счастье («Весна приятна возвратилась...») 92
 Ода на твердость духа («Как в устье пристани глубокой...») 107
 Ода на уныние («Дни отрадны! где сокрылись...») 105
 Ода «Память ноября 6-го дня 1796-го года» («Се день плачевный возвратился...») 73
 «Одним языком нас владыка...» (Случайные мысли, 7) 285
 «Одно — грабеж и воровство...» (Случайные мысли, 27) 289
 «Одно лишь поприще осталось...» (Старому доброму другу моему 1812 года ноябрь в 8-й день) 245

- «Опасны шайки меж людей. . .» (Случайные мысли, 35) 291
 «Оплакивать, увя! главу, нам толь любезну. . .» (На смерть друга) 192
 «Орел. . .» (Встречные мысли, 33) 276
 Осень («В дубраве грозна буря воет. . .») 132
 «От женщин, как на свете жить. . .» (Случайные мысли, 22) 288
 От старосты Парнаска цеха («Сей час. . .») 215
 Ответ Рафаэла певцу Фелицы («Рафаэл Санкцио Урбинской. . .») 67
 Ответ Федору Петровичу Львову («Хорошо тому о счастье. . .») 259
 «Отец мой здесь лежит, пришлец! остановися. . .» 211
 Отырок повести об уходе из плена одного славянского вонна («Уж сдет он дней несколько трудною дорогой. . .») 253
 «Охотно б чаши, бронзы редки. . .» (О достоинстве стихотворства) 171
 «Охотно Фаун оставляет. . .» (Переманка) 206
 «Памятник» Горация («Я памятник себе воздвигнул долговечный. . .») 168
 «Парчи и резьбы позлащенны. . .» (Богатому соседу) 160
 Певцу Фелицы («Доколе музамн любим. . .») 145
 Переманка («Охотно Фаун оставляет. . .») 206
 Петру Первому («В младенческих летах коварные измены. . .») 236
 Пинт-лебедь («На крыльях дивных и могучих. . .») 186
 «Пловец морской спокойства просит. . .» (Подражанне Горациевой оде) 148
 Подражанне Горациевой оде («Пловец морской спокойства просит. . .») 148
 «Пока вслед буйного ученья. . .» (Судьба) 167
 «Покажется иному чудно. . .» (Случайные мысли, 31) 291
 «Поля, леса густые! . .» (Неверность) 117
 «Помажь колеса — не скрипят. . .» (Встречные мысли, 27) 275
 «По малому судить. . .» (Случайные мысли, 30) 290
 «Порокам лучшая узда. . .» (Встречные мысли, 43) 279
 «Пороки нравственность лишь может уменьшйт. . .» (Встречные мысли, 42) 278
 «Пороков строгою ты казнью не исправишь. . .» (Встречные мысли, 41) 278
 Потеря дня («Солнце за горою село. . .») 123
 Похвала сельской жизни («Блажен, градским не сжатый кругом. . .») 197
 «Почто смущаются языки. . .» (Тщета крамолы противу помазанника божия) 78
 «Почто ты жалобой твоею. . .» (Болящему другу) 204
 «Пред большими не унижайся. . .» (Встречные мысли, 5) 271
 «Пред дверью гробовой зачем дрожишь, пришлец? . .» (Встречные мысли, 22) 274
 «При переводе слов с чужих языков должно. . .» 251
 Приближение грозы («В тучу солнце закатилось. . .») 265
 «Приемлю лиру, мной забвенну. . .» (Ода на рабство) 59
 Призывание Венеры («Царица Пафоса и Книда, о Венера! . .») 152
 Призывание помощи («Не обличи меня ты яростью твоею. . .») 79
 Применение к трагедии «Антигоне» известной эпиграммы на перевод Молнеровой комедии «Сганарева» («Хотя б никто не знал из целого партера. . .») (Автоэпиграммы, 3) 250

- Приют сердца («Тяжко сердцу без приюту...») 125
 «Приятно утро расцветает...» (Графу Александру Сергеевичу Строганову) 123
- Проклятие дереву («Тот в день несчастный и печальный...») 203
 «Проси, где можешь приказать...» (Случайные мысли, 19) 288
 Против корыстолюбия («Хотя б с ливийскими, индейски...») 184
- «Работа чтоб твоя во всех частях успела...» (Встречные мысли, 32) 276
 «Разбойника, что жизнь свою...» (Встречные мысли, 62) 283
 Различность дарований («В странах полношных Ломоносов...») 309
 Разлука («Ясна ночь: небес светила...») 122
 «Разлука с ближними, с семьей...» (Встречные мысли, 36) 277
 «Растаял снег, земля открылась...» (Суетность жизни) 155
 Расчетливое угощение («Уж спутники весны, зефиры, вылетают...») 202
- «Рафаэл Санкцио Урбинской...» (Ответ Рафаэла певцу Фелицы) 67
 «Ревнивая любовь — болезнь неизлечима...» (Встречные мысли, 16) 273
 «Река времен в своем теченье...» (На тленность) 255
 Ручей («Ручей, что по долине вьешься!...») 126
- «С богатой вступишь в брак женой...» (Встречные мысли, 18) 273
 «С добрейшею женой...» (Встречные мысли, 20) 273
 «С каким в полдневный зной стремленьем...» (Возношение души к богу) 79
 «С Миленой поздною порою...» (Вздых) 125
 «С розы собранный, с тимьяна...» (Стихи на изображение Сафы на антике в перстне, найденном в Геркулане, на котором художник вырезал внизу лиру и пчелку, в уподобление сладости пения Сафы на лире с сладостью меда, собираемого пчелою) 251
- Сатира первая и последняя («Кто сколько ни сердись, а я начну браниться...») 51
 «Свободным всяк...» (Встречные мысли, 54) 281
 «Святоше кто поверит...» (Случайные мысли, 29) 290
 «Святой восторг благотворенья!...» 266
 «Се день плачевный возвратился...» (Ода «Память ноября 6-го дня 1796-го года») 73
 «Седьм знатных городов Европы и Ассирии...» (Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым) 212
 «Сей час...» (От старосты Парнаска цеха) 215
 «Семейства добра мать...» (Встречные мысли, 19) 273
 «Сенные двери на Руси...» (Встречные мысли, 61) 283
 Силуэт («Твой образ в сердце врезан ясно...») 131
 «Скажи мне, Батюшков любезный!...» (Батюшкову) 258
 Сказавшему обо мне: «В семье не без уроды» («Не грубостью твоей меня ты огорчаешь...») 209
 «Сказавши глупость, бойся речь...» (Случайные мысли, 8) 286
 «Сколь горька участь Антигоны!...» (На представление той же трагедии, в которой сочинитель слишком часто упоминает о привратных псах и вранах. (Автозпиграммы, 2)) 250
- Скромная беспечность («Царей потомок тирреннейских...») 189

- Скромное признание в любви («Ах! пойду рассею скуку. . .») 267
 «Скупец — прямой домашний вор. . .» (Встречные мысли, 7) 271
 Славолюбие («О славолюбие! какими. . .») 299
 «Слепые люди называют. . .» (Случайные мысли, 2) 284
 Случайные мысли (1—43) 284
 «Сноси друзей, какие есть. . .» (Случайные мысли, 36) 292
 «События веков протекших! . . .» (Картон. *Поэма, творение древнего каледонского барда Оссияна, сына царя Фингала*) 216
 Совет («В напастях горести старайся. . .») 164
 «Сокрой, о солнце! луч постылый. . .» (Горесть) 246
 «Солнце за горою село. . .» (Потеря дня) 123
 «Союз сердец, в любви до иступленья страстный. . .» (Встречные мысли, 26) 275
 Способ к довольству («Когда, боясь невинной дочери. . .») 177
 Способ утешения («Ужасна буря мрак наводит. . .») 182
 «Стань позади. . .» (Случайные мысли, 18) 288
 Старик, ожидающий весны («Весна коснит — и дни бегут. . .») 248
 Старому доброму другу моему 1812 года ноябрь в 8-й день («Одно лишь поприще осталось. . .») 245
 Старость и младость («Хвалят старое вино. . .») 120
 Стихи на изображение Сафы на антике в перстне, найденном в Геркулане, на котором художник вырезал внизу лиру и пчелку, в уподобление сладости пения Сафы на лире с сладостью меда, собираемого пчелою («С розы собранный, с тимьяна. . .») 251
 Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым («Седьм знатных городов Европы и Асси. . .») 212
 Судьба («Пока вслед буйного ученья. . .») 167
 Суетность жизни («Растаял снег, земля открылась. . .») 155
 «Твой образ в сердце врезан ясно. . .» (Силуэт) 131
 «Творец миров и человека! . . .» (Вездесущность и промысл божий) 81
 «Творец, создавши свет. . .» (Философ. Случайные мысли, 3) 284
 «Терпеж зовут ослиным свойством. . .» (Случайные мысли, 23) 288
 «Титовой прах лежит в могиле хладной сей. . .») 211
 «Томны отголоски! песнь мою печальну. . .» (На смерть друга моего) 114
 «Тот в день несчастный и печальный. . .» (Проклятие дереву) 203
 «Тот, кто подслушивать привык. . .» (Случайные мысли, 33) 291
 «Тринадцать лет уже прошло. . .» (Друзьям моим) 119
 Тщета крамолы противу помазанника божия («Почто смущаются языки. . .») 78
 «Тщетно ты трудишься, Хлоя. . .» (Дружеский совет) 266
 «Ты под ручной заклад. . .» (Встречные мысли, 21) 274
 «Ты стар, чахоткою хвораешь. . .» (Случайные мысли, 40) 292
 «Тяжко сердцу без приюту. . .» (Приют сердца) 125
 Убивство («Убивство! кто твой первый чтитель? . . .») 325
 «Увы! Несчастлив вовсе ты. . .» (Случайные мысли, 42) 293
 «Увы! что в мире красота? . . .» (Бренность красоты) 257
 «Удален от Лизы милой. . .» (Горесть разлуки) 247
 «Уж едет он дней несколько трудною дорогой. . .» (Отрывок повести об уходе из плена одного славянского воина) 253
 «Уж нет сго! — в унылом стоне. . .» (Ода на смерть Державина) 304

- «Уж пышны зданья властелина. . .» (На роскошные обиталища) 170
 «Уж солнышко садится. . .» (Закат солнца) 298
 «Уж спутники весны, зефиры, вылетают. . .» (Расчетливое угощение) 202
 «Уж юный май в весенней неге. . .» (Весна) 146
 «Ужасна буря мрак наводит. . .» (Способ утешения) 182
 «Уже золотыми полосами. . .» (Ода на воспоминание Пленнириной кончины) 103
 «Уже со тьмою ночи. . .» (На смерть Юлии) 118
 Умеренность («Коль хочешь век прожить счастливо. . .») 154
 Утешение в горести («Не вечно ливнем дождь стремится. . .») 147
- Философ («Творец, создавши свет. . .». (Случайные мысли, 3)) 284
- «Хвалят старое вино. . .» (Старость и младость) 120
 «Хлоя! не желай бесплодно. . .» (Ворожба) 162
 «Хорошо тому о счастье. . .» (Ответ Федору Петровичу Львову) 259
 «Хотя б никто не знал из целого партера. . .» (Применение к трагедии «Анtigоне» известной эпитафии на перевод Молиеровой комедии «Сганарева» (Автоэпитафии, 3)) 250
 «Хотя б с ливийскими индейски. . .» (Против корыстолюбия) 184
 «Хотя злословят часто власть. . .» (Встречные мысли, 52) 281
- «Царей потомок тирренийских. . .» (Скромная беспечность) 189
 «Царица Пафоса и Книда, о Венере! . .» (Призывание Венеры) 152
- «Чего пнит от неба просит. . .» (Желания стихотворца) 156
 «Чего Улисс не претерпел! . .» 267
 «Чем больше податей у нас казна собирает. . .» (Встречные мысли, 57) 282
 «Чем черт не шутит? Дама там. . .» (Встречные мысли, 39) 277
 «Черпай, да не перечерпай. . .» (Случайные мысли, 20) 288
 Чижик («Милый чижик желтобокой! . .») 120
 «Что вы, милые цветки! . .» (Невольная разлука) 128
 «Что ни начнет, во всем. . .» (Случайные мысли, 32) 291
 «Что пальма, что венец лавровый. . .» (Зависть пинта при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева) 316
 «Чтоб быть ученым, пропотел. . .» (Встречные мысли, 37) 277
 «Чтоб всех на мысль твою привлечь. . .» (Встречные мысли, 12) 272
- «„Эдипа“ видел я, — и чувство состраданья. . .» (Владиславу Александровичу Озерову) 234
- «Я благодетелей на свете знал довольно. . .» (Встречные мысли, 3) 270
 «Я жду тебя, но если здесь напрасной. . .» 269
 «Я знаю, друг мой, что за мною. . .» (Другу сердца) 165
 «Я памятник себе воздвигнул долговечный. . .» («Памятник» Горация) 168
- Ябеда. *Комедия в пяти действиях* 331
 «Язычник здесь лежит. Языком сотворил. . .» (Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему) 270
 «Ясна ночь: небес светила. . .» (Разлука) 122

СОДЕРЖАНИЕ

- В. В. Капнист. *Вступительная статья Г. В. Ермаковой-Битнер* . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

САТИРА

1. Сатира первая и последняя . . . 51

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ОДЫ

2. Ода на рабство 59
3. Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года 63
4. Ответ Рафаэла певцу Фелицы 67
5. Ода на отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского 1799 года 72
6. Ода «Память ноября 6-го дня 1796-го года» 73

ДУХОВНЫЕ ОДЫ

7. Награда праведного. *Псалом 1* 77
8. Тщета крамолы противу помазанника божия. *Псалом 2* 78
9. Призывание помощи. *Псалом 6* 79
10. Возношение души к богу. *Псалом 41* 79
11. Вездесущность и промысл божий. *Псалом 138* 81

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ И ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ОДЫ

12. Ода на надежду	84
13. Ода на смерть сына	87
14. Ода на счастье	92
15. Ода на смерть Пленеры	99
16. Ода на воспоминание Пленеринной кончины .	103
17. Ода на уныние	105
18. Ода на твердость духа .	107
19. Ода на дружество	110
20. На смерть друга моего .	114

АНАКРЕОТИЧЕСКИЕ ОДЫ

21. Неверность	117
22. На смерть Юлии	118
23. Другам моим	119
24. Красавице	119
25. Чижик	120
26. Старость и младость	120
27. Мотылек	121
28. Разлука	122
29. Графу Александру Сергеевичу Строганову .	123
30. Потеря дня	123
31. Богатство убогого	124
32. Вздох	125
33. Приют сердца	125
34. Ручей (<i>Из Панара</i>)	126
35. Камелек	127
36. Напрасные слезы	128
37. Невольная разлука	128
38. Неосторожный мотылек	129
39. Зима	130
40. Силуэт	131
41. Осень	132

ГОРАЦИАНСКИЕ ОДЫ

Подражания

(Предисловие)	133
42. Певцу Фелицы. <i>Кн. I, ода XXVI</i>	145
43. Весна. <i>Кн. I, ода IV</i>	146
44. Утешение в горести. <i>Кн. II, ода IX</i>	147
45. Подражание Горациевой оде. <i>Кн. II, ода XVI</i> .	148
46. Время. <i>Кн. II, ода XIV</i>	150
47. Беззаботность. <i>Кн. II, ода XI</i>	151
48. Призывание Венеры. <i>Кн. I, ода XXX</i>	152
49. Другу моему. <i>Кн. I, ода IX</i>	153
50. Умеренность. <i>Кн. II, ода X</i>	154
51. Суетность жизни. <i>Кн. IV, ода VII</i>	155
52. Желания стихотворца. <i>Кн. I, ода XXXI</i>	156
53. Ода «Ломоносов». <i>Кн. IV, ода II</i>	157

54. Богатому соседу. <i>Кн. II, ода XVIII</i>	. 160
55. Красота. <i>Кн. IV, ода X</i>	. 161
56. Ворожба. <i>Кн. I, ода XI</i>	. 162
57. Набожность. <i>Кн. III, ода XXIII</i>	. 163
58. Совет. <i>Кн. II, ода III</i>	. 164
59. Другу сердца. <i>Кн. II, ода VI</i>	. 165
60. Судьба. <i>Кн. I, ода XXXIV</i>	. 167

Переводы

61. «Памятник» Горация. <i>Кн. III, ода XXX</i>	. 168
62. Безопасность. <i>Кн. I, ода XXII</i>	. 169
63. На роскошные обиталища. <i>Кн. II, ода XV</i>	. 170
64. О достоинстве стихотворства. <i>Кн. IV, ода VIII</i>	. 171
65. Ничтожество богатств. <i>Кн. III, ода I</i>	. 174
66. Способ к довольству. <i>Кн. III, ода XVI</i>	. 177
67. На разврат нравов. <i>Кн. III, ода VI</i>	. 180
68. Способ утешения. <i>Эпод XIII</i>	. 182
69. Против корыстолюбия. <i>Кн. III, ода XXIV</i>	. 184
70. Пиит-лебедь. <i>Кн. II, ода XX</i>	. 186
71. К Мельпомене. <i>Кн. IV, ода III</i>	. 188
72. К лире. <i>Кн. I, ода XXXII</i>	. 189
73. Скромная беспечность. <i>Кн. III, ода XXIX</i>	. 189
74. На смерть друга. <i>Кн. I, ода XXIV</i>	. 192
75. К Мещенату. <i>Кн. I, ода I</i>	. 194
76. К Пирре. <i>Кн. I, ода V</i>	. 195
77. Мщение любовника. <i>Эпод XV</i>	. 196
78. Похвала сельской жизни. <i>Эпод II</i>	. 197
79. Любовная клятва. <i>Кн. II, ода VIII</i>	. 200
80. Расчетливое угощение. <i>Кн. IV, ода XII</i>	. 202
81. Проклятие дереву. <i>Кн. II, ода XIII</i>	. 203
82. Болящему другу. <i>Кн. II, ода XVII</i>	. 204
83. Переманка. <i>Кн. I, ода XVII</i>	. 206
84. Мореплавание. <i>Кн. I, ода III</i>	. 207

ЭПИГРАММЫ

85. «Недавно вздумалось Героду...»	. 209
86. Сказавшему обо мне: «В семье не без урода»	. 209
87. «Напрасно <i>Стихобред</i> сказал...»	. 209
88. На перевод мой комедии Мольеровой «Сганарева, или Многого рогоносца»	. 210
89. «Капниста я прочел и сердцем сокрушился...»	. 210

НАДПИСИ

90. «Титовой прах лежит в могиле холодной сей...»	. 211
91. «Отец мой здесь лежит, пришлец! остановися...»	. 211
92. Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым	. 212

93. На новый 1797 год	215
94. От старосты Парнаска цсха	215
95. Картон. <i>Поэма, творение древнего каледонского барда Оссияна, сына царя Фингала</i>	216
96. (И. В. Леванде)	234
97. Владиславу Александровичу Озерову	234
98. «Мне кажется, ее лицо...»	235
99. Петру Первому	236
100. Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня	237
101. Старому доброму другу моему 1812 года ноябрь в 8-й день	245
102. Горесть	246
103. Горесть разлуки	247
104. «Мне сказали: жизни радость...»	247
105. Старик, ожидающий весны	248
106—108. (Автоэпиграммы):	
1. На представление трагедии «Антигона»	250
2. На представление той же трагедии, в которой сочинитель слишком часто упоминает о привратных псах и вранах	250
3. Применение к трагедии «Антигоне» известной эпиграммы на перевод Мольеровой комедии «Сганарева»	250
109. Стихи на изображение Сафы на антике в перстне, найденном в Геркулане, на котором художник вырезал внизу лиру и пчелку, в уподобление сладости пения Сафы на лире с сладостью меда, собираемого пчелою	251
110. «При переводе слов с чужих языков должно...»	251
111. Жил царь... <i>Отрывок русской народной сказки, переложенной стихами</i>	252
112. Отрывок повести об уходе из плена одного славянского воина	253
113. «Возможно ли? средь шумна круга...»	254
114. На кончину Гавриила Романовича Державина	255
115. На тленность	255
116. Милой Паше	256
117. Бренность красоты	257
118. Батюшкову	258
119. Ответ Федору Петровичу Львову	259
120. Обуховка	261
121. Приближение грозы	265
122. Дружеский совет	266
123. «Святый восторг благотворенья!...»	266
124. «Чего Улисс не претерпел!...»	267
125. Скромное признание в любви	267
126. На смерть Василия Степановича Томары	268
127. «Я жду тебя, но если здесь напрасной...»	269
128. «Мы чем богаты, рады тем вам...»	269
129. Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему	270
130—191. Встречные мысли	

1.	«Не должно ль показаться чудно...»	270
2.	«Все в виде колеса...»	270
3.	«Я благодетелей на свете знал довольно...»	270
4.	«На друга полагайся...»	271
5.	«Пред большими не унижайся...»	271
6.	Детям	271
7.	«Скупец — прямой домашний вор...»	271
8.	«Кто ест для сытости, недолго будет сыт...»	271
9.	«Когда добро займы даешь...»	272
10.	«Вельможа! ведай, что не тот...»	272
11.	«Из бед всех роскошь нам лютейшая беда...»	272
12.	«Чтоб всех на мысль твою привлечь...»	272
13.	«Бесчувственны сердца чувствительность возносят...»	272
14.	«Любви ты страстной берегись...»	272
15.	«Вода была где, там и будет...»	273
16.	«Ревнивая любовь — болезнь неизлечима...»	273
17.	«Когда лишь не блажна...»	273
18.	«С богатой вступишь в брак женой...»	273
19.	«Семейства добра мать...»	273
20.	«С добрейшею женой...»	273
21.	«Ты под ручной заклад...»	274
22.	«Пред дверью гробовой зачем дрожишь, пришлец? . . .»	274
23.	«Вот, дети! вам отец в наследье оставляет...»	274
24.	«Да будет ко всему, о дети...»	274
25.	«Все хвалят искренность; всяк говорит: „Будь прям...“»	275
26.	«Союз сердец, в любви до испугленья страстный...»	275
27.	«Помажь колеса — не скрипят...»	275
28.	«Лей в лейку — проливает...»	275
29.	«Дай другу, — а займы когда его ссужаешь...»	275
30.	«Коль любишь ты детей-сирот, живи вдовцом...»	276
31.	«Детей своих отец...»	276
32.	«Работа чтоб твоя во всех частях успела...»	276
33.	«Орел, Презрев долину...»	276
34.	«Любви вкушал кто услажденья...»	276
35.	«В любви разлука...»	277
36.	«Разлука с ближними, с семьей...»	277
37.	«Чтоб быть ученым, пропотел...»	277
38.	«Любились Федька с Феклой...»	277
39.	«Чем черт не шутит? Дама там...»	277
40.	«Несносней гордеца творенья в свете нет...»	278
41.	«Пороков строгою ты казнью не исправил...»	278
42.	«Пороки нравственность лишь может уменьшить...»	278
43.	«Порокам лучшая узда...»	279
44.	«Наука — хороша...»	279
45.	«Когда кто нравственность желает...»	279
46.	«Зачем, как доблестям, порокам по заслуге...»	279
47.	«Зачем для лютов, наглецов...»	280
48.	«Мне не дали креста — его не заслужил...»	280
49.	«Досадно, у меня по сию пору Анна...»	280
50.	«Зачем в России нет судей...»	280
51.	«Зачем же нету в ней...»	280

52.	«Хотя злословят часто власть...»	281
53.	«К свободе Русь не подросла...»	281
54.	«Свободным всяк Быть хочет...»	281
55.	«Все подати теперь уравнивать хотят...»	281
56.	«Купец для своего лишь барыша живет...»	282
57.	«Чем больше податей у нас казна собирает...»	282
58.	«Всё золото и серебро повывели бумажки...»	282
59.	«Вот трудный оборот! — ты скажешь мне. — Не чудно...»	283
60.	«Британец — царь-купец, и царь он самовластный...»	283
61.	«Сенные двери на Руси...»	283
62.	«Разбойника, что жизнь свою...»	283
192—234.	С л у ч а й н ы е м ы с л и (Из опыта жизни)	
1.	«Добром Или умом...»	284
2.	«Слепые люди называют...»	284
3.	Филосо́ф	284
4.	«Коль сделаешь добро, не смей желать признаться...»	285
5.	«Людей я видел много...»	285
6.	«Коль глупость сделаешь, советую признаться...»	285
7.	«Одним языком нас владыка...»	285
8.	«Сказавши глупость, бойся речь...»	286
9.	«Не нужны сильному похвалки...»	286
10.	«И слабый враг...»	286
11.	«Не много надо, чтоб прожить...»	286
12.	«Влас умер с голода. Карп с роскоши скончался...»	286
13.	«Нужнее ничего нет золота на свете...»	287
14.	«Не тот богат...»	287
15.	«Когда ни взгляну в мирской я маскерад...»	287
16.	«Коль шутит умный — улыбнися...»	287
17.	«Зачем собака эта лает...»	287
18.	«Стань позади...»	288
19.	«Проси, где можешь приказать...»	288
20.	«Черпай, да не перечерпай...»	288
21.	«Насмейся остро над собой...»	288
22.	«От женщин, как на свете жить...»	288
23.	«Терпеж зовут ослиным свойством...»	288
24.	«За правду с сильными сражаться...»	289
25.	« <i>Нерона</i> юного портрет...»	289
26.	«Иной как дело закутит...»	289
27.	«Одно — грабеж и воровство...»	289
28.	«Каких-то двух секретарей...»	290
29.	«Святоше кто поверит...»	290
30.	«По малому судить...»	290
31.	«Покажется иному чудно...»	291
32.	«Что ни начнет, во всем...»	291
33.	«Тот, кто подслушивать привык...»	291
34.	«Есть недоверчивых премного...»	291
35.	«Опасны шайки меж людей...»	291
36.	«Сноси друзей, какне есть...»	292
37.	«Где меньше пужно службы...»	292
38.	«Миряся с ябедою, ты...»	292
39.	«Когда рабом не хочешь быть...»	292

40. «Ты стар, чахоткою хвораешь...»	. 292
41. «Все хвалят просвещение...»	. 292
42. «Увы! Несчастлив вовсе ты...»	. 293
43. «О многословии в молитве не пекися...»	. 293
235. Мечта	. 293
236. «Коль хочешь ты насмешкой...»	. 294
237. «Зачем мы в старости встречаемся с заботой...»	. 294
238. Алексею Николаевичу Оленину	. 294
239. В память береста	. 296
240. Закат солнца	. 298
241. Славолюбие	. 299
242. «Зачем, не только в то лишь время...»	. 300

ПОЗДНИЕ ОДЫ

243. Горсть земли на могилу благотворителя	. 301
244. Ода на смерть Державина	. 304
245. Различность дарований	. 309
246. К несчастному	. 310
247. Ода на пиитическую лесть	. 313
248. Зависть пиита при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева	. 316
249. Воззвание на помощь Греции	. 318
250. На смерть Наполеона	. 322
251. Убивство	. 325

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

<i>Ябеда. Комедия в пяти действиях . . . . .</i>	. 331
<i>Металог трагедии «Гиневра» . . . . .</i>	. 463
<i>Антигона. Трагедия в пяти действиях . . . . .</i>	. 469
Другие редакции	. 517
Примечания	. 531
К иллюстрациям	. 598
Алфавитный указатель произведений	. 599

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	5 св.	отличном	отличному
106	15 св.	Подмывая мол	Подмываемой
173	11 св.	he-	heu-
173	12 св.	etes ass ez	êtes assez
182	8 св.	Завес	Зевес
234	11 св.	1970-е годы	1790-е годы

Капнист Василий Васильевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1973, 616 стр. План выпуска 1973. № 351. Редактор *В. С. Киселев*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректор *Ф. С. Флейтман*. Сдано в набор 25/V 1973 г. Подписано в печать 15/VIII 1973 г. М 56397. Бумага 84×103ⁱ/₃₂. Типогр. № 1. Печ. л. 19¼+3 вкл. (32,66). Уч.-изд. л. 29,48. Тираж 25 000 экз. Заказ № 677. Цена 1 р. 26 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.